

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО "ВГУ им. П.М. Машерова"

ТОМ 13

Витебск 2012

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Ученые записки

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2012 • Том 13

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бел-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 2 от 28.05.2012 г.

Редакционная коллегия:

А.П. Солодков (*главный редактор*),
И.М. Прищепа (*зам. главного редактора*),
Л.М. Вардомацкий, С.В. Голубев, Е.В. Давлятова, А.П. Косов,
О.В. Лапатинская, И.В. Мандрик, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, С.А. Моторов,
А.А. Нестеренко, В.И. Нестерович, В.Н. Поклонская, Э.И. Рудковский,
А.В. Русецкий, М.А. Слемнев, В.М. Шорец

Редакционный совет:

София Абрамович (*Польша*), Зина Гимпелевич (*Канада*), И.А. Королева (*Россия*),
А.А. Михайлов (*Россия*), В.Н. Никитин (*Россия*), Эрик Екабсонс (*Латвия*), Т.А. Яценко (*Украина*)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим
и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов. – Витебск :
В54 УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2012. – Т. 13. – 234 с.

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бел-4Вит)6я54

© УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2012

Оглавление

История	
<i>Мандрик И.В.</i> Важнейшие сла- гаемые Победы советского народа в Великой Отечественной войне	5
<i>Сліж Н.У.</i> Перадшлюбная дамова як крыніца па сямейна- шлюбных дачыненнях шляхты ВКЛ XVI–XVII стст.	17
<i>Лякишева С.И.</i> Женское чтение в России в конце XVIII – начале XIX века	26
<i>Назарова Е.Л.</i> Латыши в Витеб- ском отделении Московского архео- логического института	34
<i>Егорейченко А.А.</i> О финале эпохи бронзы и начале железного века в лесной полосе Восточной Европы ...	45
<i>Уваров И.Ю.</i> Влияние католическо- го Запада на организацию религиоз- ной жизни в Великом княжестве Литов- ском во второй половине XV – XVI в.	50
<i>Самонова М.Н.</i> Белорусские зем- ли на путях «из варяг в греки» и «из варяг в арабы»	60
<i>Шевкун П.В.</i> Политико-правовые ас- пекты присоединения униатов к Русской православной церкви в 1772–1840 гг.	69
<i>Кривчиков В.М.</i> Мобилизационная готовность гражданских организаций по материальному обеспечению войск Белорусского военного округа (1924– 1941 гг.)	77
<i>Бездель В.Я.</i> Удзел дзяцей у ба- рацьбе супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944)	87

Contents

History	
<i>Mandrik I.V.</i> Predominant components of the Soviet people's victory in the Great Patriotic War	5
<i>Slizh N.U.</i> The marriage contract as a source of family and marriage relations of gentry of GDL in the XVI– XVII centuries	17
<i>Lyakisheva S.I.</i> Women's reading in Russia in the late 18 th – early 19 th centuries	26
<i>Nazarova E.L.</i> Ethnic Latvians in Vitebsk branch of the Moscow archaeological institute	34
<i>Yegoreichenko A.A.</i> Concerning the late Bronze – early Iron Age in the forest zone of Eastern Europe	45
<i>Uvarov I.Y.</i> The influence of the Catholic West on the religious life in the Grand Duchy of Lithuania in the late XV–XVI centuries	50
<i>Samonova M.N.</i> The Belarusian lands on ways «from the Varangians to the Greeks» and «from the Varangians to the Arabs»	60
<i>Shevkun P.V.</i> Political and legal aspects of Uniate joining the Russian Orthodox Church in 1772–1840	69
<i>Krivchikov V.M.</i> Mobilization readiness of civic institutions concerning material support for the Belarusian Military District (1924–1941)	77
<i>Bezdel V.Y.</i> Participation of children in the struggle against Nazi invaders on the occupied territory of Belarus (1941–1944)	87

Философия

<i>Старжинский В.П., Спектор А.А.</i> Фундаментальная наука в социо- культурном измерении	95
<i>Голубев С.В.</i> Роль социальной ие- рархии в развитии общества	103
<i>Слемнев М.А.</i> Эвристические воз- можности принципа простоты в на- учном познании	108

Philosophy

<i>Starzhinski V.P., Spector A.A.</i> Fundamental science in social and cultural dimension	95
<i>Golubev S.V.</i> Role of social hie- rarchy in the development of the society	103
<i>Slemnev M.A.</i> Euristic possibilities of the principle of simplicity in scientific cognition	108

Филология

<i>Бароўка В.Ю.</i> Іншанацыянальная рэчаіснасць у творчасці сучасных беларускіх празаікаў	119
<i>Игнатович Т.В.</i> Лингво-психоло- гические основы конструктивного общения (содержание обучения)	126
<i>Горнак В.В.</i> Каэтан Андреевич Коссович (1815–1883) в мемуарной литературе современников	136
<i>Харошка Г.П.</i> Драматычная паэма ў творчасці М. Танка	141
<i>Аляксеева Т.У.</i> Мастацкае асэнсаванне падзей Вялікай Айчыннай вайны ў драматургіі Віцебшчыны	152
<i>Никитина Ю.Л.</i> Отапеллятивная урбанонимия славян и националь- но-культурные различия социумов	161
<i>Галковская Ю.М.</i> Динамические процессы в антропонимии перифе- рийного города в условиях функцио- нального дуализма границы	170
<i>Трошинская-Степушина Т.Е.</i> Поэ- тика имени в прозе В. Казакевича	177
<i>Белова К.А.</i> Кодовое переключе- ние в интернет-дискурсе	185

Philology

<i>Barouka V.Yu.</i> The validity of for- eign nationalities reality in the works of modern Belarusian writers	119
<i>Ignatovich T.V.</i> Linguistic and psychological bases of constructive communication (content of teaching) ..	126
<i>Gornak V.V.</i> Kaetan Andreyevich Kossovich (1815–1883) in the memoir literature of contemporaries	136
<i>Kharoshka G.P.</i> Dramatic poem in the creativity of M. Tank	141
<i>Alekseeva T.V.</i> Artistic compre- hension of the events of the Great Patriotic War in dramatic works of Vitebsk region	152
<i>Nikitina Y.L.</i> Common Slavonic urbanonimy and national and cultur- al social group differences	161
<i>Galkovskaya Y.M.</i> Dynamic processes in the anthroponimy of the provincial town in the functional dualism of the border	170
<i>Troschinskaya-Stepushina T.E.</i> Poetics of the name in V. Kazakhevich's prose	177
<i>Belova K.A.</i> Code switching in Belarusian Internet discourse	185

Беларуси			
<i>Ляшенко Е.С.</i> Предложения с глаголами изменения качества в естественнонаучном тексте	197	<i>Lyashenko Y.S.</i> Sentences with predicate verbs of quality change in the text on natural sciences	197
.....			
<i>Басавец І.М.</i> Канструкцыі дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам у англа- і беларускамоўных публіцыстычных тэкстах	203	<i>Basavets I.M.</i> Deauthorization structures with expressed subject in English and Belarusian newspaper texts	203
.....			
<i>Васильева Т.Ю.</i> Реализация персонажного кода культуры в ойконимии Белорусского Поозерья	216	<i>Vasilieva T.Y.</i> Implementation of character's code of culture in oiconymy of Belarusian Poozerye	216
.....			
Памяти друга и учителя	227	Memory of a friend and teacher ...	227

ИСТОРИЯ

УДК 94(470)«1941/1945»(045)

Важнейшие слагаемые Победы советского народа в Великой Отечественной войне

Мандрик И.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова», Витебск

В статье подвергаются критическому анализу книги, монографии зарубежных авторов, в которых содержатся явно конъюнктурные суждения о результатах военных действий союзников (США, Англии, Китая) и роли СССР в разгроме фашизма. Анализируются публикации отечественных авторов, где делается попытка реабилитации коллаборационизма как некоего патриотического движения в защиту свободной России, Украины, Беларуси. Рассматриваются источники Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Приоритет при этом отдается человеческому фактору, показу высокого морально-политического духа советских людей, присущему в годы войны такому феномену, как массовый героизм на фронте и в тылу.

Подтверждается правильность тезиса предшествующей историографии об одном из важнейших слагаемых Победы – роли правящей партии.

Ключевые слова: *человеческий фактор в историческом процессе, величие и незыблемость Победы, героизм и патриотизм, нацизм, коллаборационизм.*

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 5–16)

Predominant components of the Soviet people's victory in the Great Patriotic War

Mandrik I.V.

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov", Vitebsk

The article critically analyzes books and theses by foreign authors which contain vividly biased ideas of the results of military operations by union forces (the USA, England, and China) as well as the role of the USSR in defeating fascism. Edited works by home authors are considered, which make an attempt to rehabilitate collaborationism as a patriotic movement to protect free Russia, Ukraine and Belarus. Sources of the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War are considered. Priority is given to human factor, to high moral and political spirit of the Soviet people, to the phenomenon of mass heroism at the front line as well as in the rear, which was typical of the war years.

The idea of the previous history studies of the significant component of the victory – the role of the ruling party, is reaffirmed.

Key words: *human factor in the historical process, grandeur and stability of the victory, heroism and patriotism, Nazism, collaborationism.*

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 5–16)

О событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в контексте Второй мировой войны написано немало, многопланово с объективным и субъективным подходом авторов. На разных этапах истории, как и публицисты, стремились к расширению тематики, новому, правдивому осмыслению боевых и ратных дел советского народа в ходе войны.

Не всегда им удавалось игнорировать и отходить от политических и идеологических установок правящих режимов, показывать имевшиеся в это время противоречия и полную правду о войне.

При жизни Сталина в СССР, в том числе и в нашей республике, борьба советского народа против фашистских захватчиков имела оптимистически-героическое описание, присутствовал схематизм, славословие, преувеличение роли «мудрого» вождя в итогах войны. В период «оттепели» выпады против интеллигенции, изложенные в постановлениях 1940-х годов о журналах «Звезда», «Ленинград» и др. в 1958 г., признаны ошибочными. Историки освободились от идолопоклонства и заданности на однозначные оценки событий, итогов и уроков войны. Взгляд на Великую Отечественную войну стал более глубоким и последовательным. Ученые и писатели получили возможность и стремились к объективному ее отражению. Ход военных действий, поведение людей в экстремальных военных условиях стали преимущественно рассматриваться через призму совокупности фактов, что дало возможность отойти от концепции упрощенного сплошного героического поведения бойцов и командиров на фронтах, населения на оккупированных территориях, увидеть «белые пятна» в проблеме слабой подготовленности СССР к войне на ее начальном этапе, а также глубинные причины советского патриотизма, самоотверженности людей в эти годы. Рассматривалась на этом этапе и неудобная, имеющая место в годы войны проблема сотрудничества части обывателей и предателей с оккупантами, но реабилитации коллаборационизма не допускалось.

С 1985 года ведется активный и гипертрофированный показ негативных сторон советского прошлого, что считалось достижением перестройки. Такой подход привел к пересмотру сделанных ранее справедливых позитивных выводов о преобладающем вкладе советского народа в борьбу с нацизмом, о роли правящей партии в годы войны. Отдельные

историки (вместе с публицистами) для того, чтобы отойти, как они заявляют, от историко-партийной проблематики и показать свое критическое отношение к предшествующей историографии, перешли не только к упрощенному, но, более того, к тенденциозному описанию истории военного времени. Все меньше и меньше становилось исследований, где бы раскрывались глубинные источники победы советского народа над фашизмом. Все больше стало распространяться книг и статей зарубежных авторов, освещающих события, в которых преувеличиваются результаты военных действий союзников в Северной Африке, Италии и Франции.

Цель представленной статьи состоит в том, чтобы на основе анализа рассматриваемых источников сформулировать и доказать несостоятельность выводов отдельных зарубежных и отечественных авторов о второстепенной роли Советского Союза в победе над фашистской Германией, Италией и милитаристской Японией. Подтвердить правомерность поставленной Президентом страны А.Г. Лукашенко задачи о необходимости прочного закрепления в сознании белорусского общества понимания величия и незыблемости Победы народа СССР в Великой Отечественной войне.

Материал и методы. В статье использованы сборники документов партийных и государственных органов, крупные издания, подготовленные в различные годы зарубежными и отечественными историками, исследования социологов о важнейших слагаемых победы советского народа в Великой Отечественной войне. Для рассмотрения поставленной в статье цели и решения задач применялся историко-системный метод, методы сравнительного анализа, синтеза и др.

Результаты и их обсуждение. Фальсификация итогов Великой Отечественной войны, приписывание решающей роли в разгроме фашистских войск Вооруженным силам США со стороны зарубежных авторов понятна. Здесь реализуются идеологические и политические установки. Имеется заказ принизить

роль Восточного фронта, выпятить решающую роль вооруженных сил союзников в разгроме агрессора. Трудно понять отечественных историков и публицистов, которые вслед за ангажированными американскими, английскими, немецкими авторами видят в поражении вермахта сплошные случайности: низкая температура воздуха в России зимой, плохие дороги, другие надуманные причины. Более того, отдельные из них сглаживают преступное поведение нацистов на оккупированной территории, открыто ведут реабилитацию коллаборационизма как некоего патриотического движения в защиту «свободной» России, Украины, Беларуси, Литвы, Латвии и т.д. Людей, участвующих в войне на стороне Германии, стали причислять к великим патриотам, а оккупантов считали, по сравнению с партизанами, гуманными, спокойными, воспитанными людьми.

Приведем в этом контексте только два совсем свежих примера. Кандидат исторических наук В. Гуленко в рубрике «Мнения» АиФ в статье «В нашем сознании жив придуманный миф о бандеровцах» говорит о том, что бандеровцы сражались с немцами наравне с советскими партизанами и обвинять их в коллаборационизме нет оснований. Они являются, согласно объяснению Гуленко, патриотами, потому что хотели утвердить самостоятельную Соборную Украину и помочь в этом белорусам [1, с. 3]. Но Гуленко почему-то умалчивает о том, что в годы войны бандеровцы опозорили себя борьбой с собственным народом. Они объединились с нацистами, вошли вместе с ними в 1941 г. на украинскую землю, сделали свою власть страшной, замучили более 40 тыс. украинцев, стреляли в спину солдатам и офицерам Красной Армии. Смертельно ранили командующего 1 Украинским фронтом Н.Ф. Ватутину, убили легендарного разведчика Н.И. Кузнецова.

Таким же видится материал журнальной статьи Т. Уласенко «Крыж распятой губы», где она делает собственный вывод о

высоком уровне коллаборационизма в белорусских селах и о том, что партизаны наносили вред белорусскому населению [2, с. 5]. Реакция на эти публикации была адекватной и резкой: возмущение живых участников партизанского и подпольного движения, их письменное обращение в Администрацию Президента Республики Беларусь, критические отзывы на субъективные и поспешные выводы В. Гуленко при обсуждении его мнения на кафедрах вузов; возмущение автора книг «Жаворонки над Хатынью» и «Распятая Губа» Е. Кобец-Филимоновой. Она называет журналистские домыслы, сделанные Уласенко на основании ее книг, кощунством по отношению к памяти безвинно погибших людей [3, с. 5].

В среде политиков, историков и самих участников войны, где обсуждаются такие публикации, выявляется непродуманность наспех сделанных в них выводов, указывается на их некомпетентность и безответственность авторов перед обществом.

Современные научные данные, имеющиеся в распоряжении историков, позволяют аргументированно показать, что главную роль в решении военно-экономических задач Второй мировой войны сыграл СССР. Героизм советского солдата, партизана, подпольщика, рабочего, крестьянина в годы Великой Отечественной войны остается важнейшим составляющим Победы.

Но суждения В. Гуленко, Т. Уласенко и подобных им авторов способны дезориентировать простых людей, особенно тех, которые во временном периоде находятся в третьем–четвертом поколении от участников трагических событий 1941–1945 гг. Односторонняя информация в дополнение с трудностями современного периода жизни переключает историю войны у части населения на ложные выводы: делается неверная оценка нравственных критериев, идеалов и мотивов советского человека при защите своего Отечества.

Социологическое исследование «Что и как помнят о войне россияне», проведен-

ное в 2005 году в 18 субъектах России к 60-летию Победы, выявило достаточную устойчивость мифа, сотворенного еще гебелевскими идеологами, что СССР спасли не патриотизм и героизм советского народа, а некоторые другие геополитические факторы: четверть респондентов назвало в их числе огромную территорию СССР, суровый климат и бездорожье [4, с. 11–12]. Возможно, в нашей республике ответы респондентов на данные вопросы имели бы более позитивный смысл. В республике на протяжении нескольких лет в школах и вузах страны изучается курс «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)». Самой главной задачей при изучении курса является показ гражданина и патриота нашей многонациональной страны в период войны, который может стать примером для современной молодежи. Однако здесь мы также встречаемся с временной составляющей.

Лилия Ивченко в материале «Герои на все времена или что общего у Марата Казея и деда Мазая» приводит такие данные: анкетирование по 15 часто упоминаемым в истории личностям, в том числе молодым участникам Великой Отечественной войны показало: только небольшой процент учащихся школ города Витебска знает Александра Матросова как героя, патриота страны, который закрыл собой амбразуру дзота. Не лучше обстоят дела, как пишет автор, и с Маратом Казеем. Отдельные школьники (возраст от 6-го до выпускных классов) признали в нем не юного партизана, который боролся с захватчиками на оккупированной территории и геройски погиб, а дедушку Мазая [5, с. 4]. Как видно, этот, а также другие, имеющиеся у самого автора примеры показывают, что пробелы в исторических знаниях этого периода у молодежи наблюдаются. Такая казусная путаница с героями не может быть мелочью. Это такая «мелочь», которая имеет решающее значение в воспитании патриотических чувств молодежи.

Поэтому тем, кто работает с молодым поколением в учебных заведениях, нужно продуманно подходить к решению актуальной на данном этапе задачи, поставленной Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, о прочном закреплении в сознании общества и, прежде всего, молодого поколения, величия и незыблемости Победы народов СССР над фашизмом, что является важнейшим фундаментом для построения новой Беларуси и ее движения вперед [6, с. 9]. Несомненно, что временная составляющая усложняет решение задачи. С каждым годом все меньше остается непосредственных участников войны, носителей правды о ней. Тем более появляется необходимость в глубоком изучении и правдивом отображении ее сути, аргументированных выводах и что наиболее важно – в пределах канонического и патриотического содержания. Люди, которые берутся за тему Великой Отечественной войны, должны быть гуманистами, руководствоваться нормами общечеловеческой морали, иметь способность отличать добро от зла и быть патриотами своей страны.

В раскрытии темы Великой Отечественной войны ведущее место, на взгляд автора, следует отводить человеческому фактору, показу высокого морально-политического духа советских людей, присущему тогда такому феномену, как массовый героизм на фронте и в тылу.

Отметим, что в ходе Великой Отечественной войны воюющими сторонами были задействованы самые различные факторы: социально-политические, экономические, военно-технические, геополитические и другие. Но главным среди них, который имеет решающую роль в достижении полной победы, является человеческий фактор.

Человеческий фактор – понятие емкое, содержательное. Исключительно, особым образом, данный фактор проявляется в экстремальных условиях.

Предлагается рассмотреть наличие этого фактора у воюющих сторон. Начиная агрессию против СССР, гитлеров-

ская Германия была сильна не только экономикой и военным потенциалом, но и сформировавшимся милитаризованным общественным сознанием немцев. Ученые, изучающие идеологию нацизма, сделали вывод (и не без оснований), что в 30–40-е годы XX ст. в Германии была создана своеобразная «внечеловеческая цивилизация», которая порвала всякие моральные, духовные и культурные связи со всем окружающим миром. Сегодня во всем мире и в самой Федеративной Республике Германии, признали, что опорой фашистского режима, воплощением официальной фашистской идеологии был сам немецкий народ. Произошла мифологизация самосознания большинства немцев. В их сознание была прочно внедрена теория нацизма. Немцы при безвольном, некритичном, безропотном восприятии идей фашизма поверили, что они принадлежат к особой расе и им отведена особая роль на Земле. Другие нации – русские, чехи, поляки и т.д. должны быть постоянными рабами для Германии. Стремление нести повсюду смерть стало мощным психологическим оружием немецкого общества того времени.

С приходом к власти Гитлера Германия подчинила абсолютно все интересам будущей войны, все настраивалось на победу в этой войне, все делалось для этого и только для этого. Оккупация Германией ряда стран Европы была лишь предварительным этапом в осуществлении гитлеровских замыслов. Главной целью Гитлера и его окружения была ликвидация советского государства. Гитлер заявил, что Германия обращает свой взор, в первую очередь, к России. В войне с Россией речь идет о борьбе на уничтожение [7, с. 179–180]. Германское руководство убеждало свое население, что Красная Армия слаба, морально-политическое состояние советского народа разбалансировано.

Немецкая нация, сбита с толку нацистской пропагандой, верила в успех восточного похода. Начиная войну, немцы рассчитывали на скорую и легкую победу. Они хотели в течение 3–4 месяцев уничтожить советское государство. В

Беларуси планировалось оставить и сделать рабами лишь 25% населения, оставшееся – уничтожить или переселить.

Дикое варварство и бесчеловечность, ненависть к людям других национальностей, их традициям, культуре – это не просто случайность, а сложившаяся в Германии в 1933–1941 гг. человеконенавистническая идеология мракобесия. Против такого мракобесия нужно было выстоять.

В СССР до 1941 г. (за более чем 2 десятилетия советской власти) произошли фундаментальные преобразования в экономике, коренные сдвиги в социальной структуре, изменения в духовной жизни. Государство сосредоточило в своих руках все средства производства и природные ресурсы, объявив их общенародным достоянием. Впервые в истории рабочие и крестьяне пытались с помощью власти воплотить в жизнь свои извечные идеалы и чаяния: быть хозяевами страны, не эксплуатируя других людей, обустроить страну, вывести ее на уровень передовых государств, иметь достаток в доме. К концу 1930-х годов СССР встал в ряд ведущих стран мира. Даже слабые в экономическом отношении национальные республики Средней Азии, Кавказа, Поволжья сделали большой шаг к цивилизации.

В результате предельного напряжения внутренних сил, трудящиеся БССР ликвидировали отставание в индустриальном развитии. Расширился доступ людей к знаниям и культуре. Сама действительность, конечно же, идеологическая составляющая, сложили и закрепили представления у большинства белорусского населения о том, что они являются хозяевами страны и участниками великих событий.

Но СССР на этом этапе уступал Германии, другим крупным буржуазным странам в экономическом развитии, а также в чисто военном аспекте. Призывы властей преодолеть отсталость в кратчайший срок, догнать развитые страны импонировали народным массам, пользовались их поддержкой. Конечно же, как и накануне, так и в период войны было и безжалостное отноше-

ние к людям. Но и тогда нравственные критерии, общечеловеческие ценности, мотивы к труду и защите отечества были очень высокими. Недостаточную степень демократизации, бытовую неустроенность, невысокий уровень жизни, другие негативные проявления большинство советских людей считали временными и преодолимыми издержками. Миллионы людей своим добросовестным трудом преумножали общественное богатство. Советскому обществу нужны были мирные условия. У них не было ни малейшего желания воевать с другими народами (об этом автор уже писал) [8, с. 75–82].

В то же время сложное международное положение, формирование блока агрессивных стран приносило осознание неизбежности войны. Самым распространенным критикуемым понятием советской пропаганды в советские годы был термин «фашизм». Несмотря на то, что в середине августа 1939 года в СССР произошло полное прекращение публичной антифашистской пропаганды, это не ослабило антифашистских чувств советских людей. Сформированная в предшествующие годы ненависть к фашизму была необратима.

То, чего не замечают или игнорируют в событиях войны отдельные историки, увидели, вступив на чужую для них землю, наши недруги. Выступая перед доверенными лицами, генеральный комиссар Гауляйтер Беларуси В. Кубе говорил: «Еще когда мы появились тут в августе 1941 г., мы должны были понять, что все то, что говорилось о Беларуси, не соответствует действительности... Фактом является то, что этот народ за 25 лет, с 1917 по 1941 г., сделал все же чрезвычайный шаг вперед» [9, с. 2]. Как политик и идеолог германского нацизма, В. Кубе был в данном случае в выражениях сдержан, но, как покажут дальнейшие события, он хорошо понимал, что подавляющее большинство жителей республики ненавидят фашизм, с большей или меньшей степенью, но верят существующему режиму, как и подобает патриотам, будут защищать свою страну.

В войне с СССР нацисты ставили задачу истребить население страны. В первую очередь предполагалось расправиться с функционерами советского общества: партийными, советскими работниками, активистами этих институтов власти, комиссарами, политработниками. Однако выполнить ее Германии оказалось не по силам. Как правильно отмечают отечественные и зарубежные историки, советская система выдержала суровое испытание благодаря своей способности сконцентрировать имеющиеся людские и материальные ресурсы страны на разгром врага.

В этой связи не лишним будет подробнее рассказать об одном из важнейших слагаемых Победы СССР в Великой Отечественной войне. Ранее, в исторической литературе, этим слагаемым называлась ведущая роль КПСС. В последние годы отдельные авторы перестали считаться с этим фактором. Есть и такие, кто приписывает КПСС только негативную роль, обвиняет ее во всех просчетах [10, с. 4].

В данной статье мы определенно, как и ранее, находимся на стороне тех политиков, ученых, профессиональных военных, которые считают, что одним из решающих факторов победы советского народа в Великой Отечественной войне является героизм, патриотизм населения многонациональной страны, вставшего на защиту своего Дома (в широком значении этого слова). Советские люди, по выражению

Н. Доризо, защищали: «не ресторан, не стойку бара, не магазин и не лобаз. Шестая часть земного шара была у каждого из нас».

Но названные факторы не могут рассматриваться в отрыве от политической составляющей. Они напрямую связаны с позитивным влиянием партии на конечный результат в Великой Отечественной войне. «Цементирующим» ядром общества являлись коммунисты. Смее утверждать: люди, ранее состоящие и вступившие в ее ряды в годы войны, находились в центре ратной и трудовой жизни,

они объединяли вокруг себя всех патриотов страны.

Не следует бояться вывода о том, что партийные комитеты, члены КПСС, сыграли исключительную роль в мобилизации советских людей на разгром врага.

В годы, предшествующие началу Великой Отечественной войны, в партии происходили сложные, болезненные процессы. Нельзя не признать, что с 30-х гг. КПСС строилось на предельном централизме. Создание в партийных комитетах отраслевых отделов и отделов партийного контроля хозяйственной деятельности сделало КПСС частью государственной системы. Она интегрировалась в хозяйственно-административную власть. Выполняя несвойственные для политической организации функции, партийные комитеты подменяли собой Советы, хозяйственные органы. Смешивание функций партийных комитетов, государственных и хозяйственных органов в верхних эшелонах отражалось на деятельности первичных организаций и активности коммунистов. Чрезмерно много было формализма и авторитаризма. От накапливающихся дисбалансов во внутрипартийной жизни, когда под лозунгом борьбы с чужеродностью и несоциалистичностью творилось беззаконие, пострадали в это время больше всего коммунисты, выступавшие за объективный анализ процессов общественного развития. Но и после репрессий в многомиллионной партии оставалось немало высоко нравственных, преданных своей стране людей. Поэтому с начала войны шанс для доказательств своих лидирующих позиций у КПСС как у политической организации сохранялся. «Верхушка» партии также пришла к выводу, что противостоять могущественному внешнему врагу возможно лишь аккумулировав все силы. Не терпящий инакомыслия «сталинизм» отступил. Все составляющие КПСС, от первичной организации до ЦК, провели перестройку своей деятельности.

Руководящим структурам удалось преодолеть привычку к запоздалым дей-

ствиям, отказаться от формализма и заорганизованности. В это время централизованная, дисциплинированная, призывающая все общество, КПСС являлась ядром политической системы. Организационно-практическая функция партийных комитетов проявлялась в своевременной и четкой постановке политических задач в сфере военного строительства, эвакуации населения и имущества, развитии экономики в тылу. На второй день войны ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О задачах партийных и советских органов в условиях военного времени». На крупных предприятиях промышленности, строительства и транспорта был учрежден институт парторгов ВКП(б), а также парторгов местных партийных комитетов. К важнейшим программным, партийным и правительственным документам на первоначальном этапе войны следует отнести директиву СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. В ней изложена программа превращения страны в единый боевой лагерь, первоочередные меры по мобилизации всех сил народа и ресурсов страны на отпор врагу. В этом судьбоносном документе указывались пути решения главных военно-политических задач в борьбе с нацизмом, были определены справедливые, освободительные цели войны, ее всенародный характер. «Задача большевиков подчеркивалась в директиве – сплотить народ... для самоотверженной поддержки Красной Армии, для Победы» [11, с. 356].

Несмотря на то, что на Германию работала экономика почти всей оккупированной Европы, СССР смог в сжатые сроки провести перестройку хозяйственного комплекса и превзойти агрессора по производству военной техники, дать своей армии современное вооружение. Сложные проблемы, которые встали перед страной, и в крайне неблагоприятной обстановке разрешались при высокой организации управления и подчинения всего имеющегося потенциала общества потребностям обороны.

КПСС в 1941–1945 гг. была сражающейся партией. Члены партии были

примером организованности и стойкости в боях с фашистами. В самой тяжелой и значимой битве сурового первого периода войны в обороне Москвы погибло 936,6 тыс. воинов Красной Армии, из них на московском поле боя пало более 400 тыс. коммунистов [12, с. 3].

Политработники, комиссары не отсиживались в тылу, блиндажах, как смеют утверждать отдельные историки и политики. Писатель И. Стаднюк, сам прошедший дорогами войны, свидетельствует: «Из училища нас выпустили в конце мая 1941 года полторы тысячи человек (3 батальона политработников). А после войны, по картотеке партучета Политуправления сухопутных войск, я выяснил, что из них уцелело около двух десятков...» [13, с. 183]. Любой человек, знающий арифметику, найдет ответ на вопрос, как вели себя во время боя коммунисты.

Фашисты, как уже вышесказано, намеревались, в первую очередь, истребить комиссаров, политруков, коммунистов. В то же время приток в ряды КПСС с каждым днем возрастал. Основное пополнение шло через армейские и флотские организации, подпольные райкомы и горкомы, парткомы тыловых предприятий. Зная, что «красная книжечка» не дает привилегий, кроме одной: «быть впереди других на фронте, на решающих участках, ни на шаг не отступать, первым подниматься в атаку», тысячи бойцов и командиров в самое тяжелое ответственное время писали заявление с неизменными словами: «хочу в бой идти коммунистом». В 1942–1944 гг. в партию ежемесячно вступали в среднем 125 тыс. человек [14, с. 72].

В сложных условиях пришлось вести свою деятельность партийным организациям Беларуси. Коммунисты не могли принять и не приняли «новый немецкий порядок». Члены ЦК, обкомов, горкомов ушли в действующую армию, налаживали работу эвакуированных предприятий в тыловых районах страны. На территории, занятой врагом, уже в первые дни войны четко прослеживалось специфическое со-

циально-политическое содержание партийной деятельности: переход партийных комитетов на нелегальное положение с целью сплочения своих членов, населения страны на борьбу с захватчиками. Создание широкого патриотического движения стало первейшим делом Компартии Беларуси. 30 июня и 1 июля 1941 г. ЦК КП(б) Беларуси принял директивы «О переходе на подпольную работу партийных организаций районов, занятых врагом» и «По развертыванию партизанской войны в тылу врага» [15, с. 55]. Реализуя их, партийные организации создавали антифашистское подполье, в первую очередь оно формировалось за счет коммунистов и комсомольцев.

Верховное командование Германии признало, что «...с самого начала военной кампании против советской России в оккупированных... областях возникло коммунистическое повстанческое движение» [16, с. 89].

В БССР в годы войны функционировало около 200 подпольных структур КП(б) Беларуси (обкомов, горкомов, межрайпартцентров, межрайкомов, райкомов). В партизанских отрядах насчитывалось 1200 первичных партийных организаций. В нынешних границах Витебской области действовало 20 райкомов партии, обком, горком партии. Располагаясь в деревнях Бор, Есиновец Усвяцкого, Беляево Велижского районов, Витебский обком КП(б)Б был центром народного сопротивления. В рамках нынешнего административно-территориального деления области обком координировал деятельность 59 партизанских бригад [17, с. 31].

За партийными организациями была решающая роль в повышении организованности и боеспособности в отрядах и соединениях. Во многих партизанских отрядах партийная прослойка доходила до 20% [18, с. 492]. Казалось бы, сохранить себя, своих близких в условиях оккупации надежнее было бы оставаясь беспартийным. Но зрелость и ответственность за судьбу страны, что наблюдалось в партийной среде, побуждали людей к вступлению в ряды политической

организации. В то время, когда приходилось отбивать атаки отборных соединений гитлеровцев, блокировавших партизанскую бригаду «дяди Кости», ее командир К. Заслонов написал заявление о приеме в ВКП(б). В заявлении он указывал: «обещаю устав нашей партии выполнять честно и полностью, выполнять любые партийные поручения и государственные задания не щадя ни собственных сил, ни жизни». 14 сентября 1942 г. на заседании Богушевского подпольного райкома партии К. Заслонов был принят в ряды ВКП(б). Коммунист К. Заслонов с честью выполнил свой долг перед родиной [19,

с. 157–158]. К началу 1944 г. партийные организации Беларуси приняли в партию более 10 тыс. человек. За все годы войны в партию вступили 12,5 тыс. партизан [18, с. 496]. Командование возлагало на коммунистов самые трудные задачи. В разведке, в бою – всюду, где была наибольшая опасность, коммунисты своим примером поднимали боевой дух, увлекали бойцов на героические поступки.

Подпольные партийные структуры наладили среди населения оккупированных территорий широкую политическую работу. Устная агитация сочеталась с печатной, создавалась полиграфическая база. Уже в 1942 г. подпольщики и партизаны Беларуси получили несколько десятков портативных типографий, это позволило выпускать не только листовки, но и газеты. 7 июня 1942 г. возобновилось издание газеты Витебского подпольного обкома партии «Віцебскі рабочы» [17, с. 30]. В 1943 г. в Беларуси выпускалось 162 газеты – больше, чем накануне войны [18, с. 488].

Партийно-политическая работа в тылу врага имела огромное значение в мобилизации населения на вооруженную борьбу с оккупантами, на срыв их планов экономического использования занятых территорий, на предотвращение угона советских людей в гитлеровскую Германию.

Всю сущность гитлеровского «нового порядка» испытало на себе население

оккупированных территорий. Беларусь не была полным исключением деструктивного поведения отдельных лиц. В этих жутких условиях из-за карьеристских помыслов, надежды добиться национальной государственности, малодушия, а также желания физического выживания небольшая часть граждан участвовала в создании угодных для оккупантов формирований. Можно понять и сочувственно отнестись к людям, которые испытали особую жестокость фашистов, истязания, голод и холод. Но ни в коем случае нельзя оправдать тех, кто выступил на стороне злейшего врага гуманизма и справедливости – фашизма.

Поведение коллаборационистов никакой реабилитации не подлежит. Среди белорусского населения оккупанты нашли мало своих сторонников. Там, где можно насчитать десятки предателей родины, хорошо просматриваются сотни тысяч людей, которые честно и самоотверженно защищали свое Отечество. Борьба против фашистов на территории Беларуси была поистине всенародной, она изумила весь мир своим размахом: 374 тыс. человек вступили в борьбу с захватчиками в составе партизанских вооруженных сил, 70 тыс. – в подпольных организациях, сотни тысяч патриотов насчитывалось в массовом движении. Фактически резервом партизан и подпольщиков были все советские люди, стремившиеся к борьбе с врагом. В конце 1943 г. 60% территории Беларуси находилось в партизанских зонах, где партийные комитеты выступали как территориальные руководящие органы [20, с. 528].

За годы оккупации патриоты Беларуси уничтожили полмиллиона гитлеровских захватчиков [21, с. 275].

Население уклонялось от работы на оккупантов, саботировало их распоряжения. За все годы войны гитлеровцам под дулом автоматов удалось привлечь на временные работы на предприятиях республики менее 1% трудоспособного населения [22, с. 92]. Такие сведения нельзя оставлять без внимания. Народ непокорившейся Беларуси заслужил

всеобщее признание и благодарность на века, его подвиг бессмертен.

В этой связи, хотелось бы пожелать всем, кто обращается к истории Великой Отечественной войны, вести исследование с учетом многосложности этого периода, давать оценку событиям и людям, участвующим в них, лишь после многократной проверки, обращаясь к первоисточникам, не забываясь о нравственности и общечеловеческой морали.

Заключение. Таким образом, отделяя позитивное от негативного, необходимое от случайного, следует однозначно признать, что именно СССР оказался той страной, которая способна была не только противостоять немецкой агрессии, но и нанести сокрушительное поражение основным и наиболее боеспособным силам гитлеровской Германии и ее европейским союзникам.

Катастрофа фашистов на Восточном фронте предопределена уже в самом начале Великой Отечественной войны. Территория СССР в это время была протяженной, зима суровой, осуществлялась помощь по ленд-лизу отдельными странами (за что советские люди благодарны этим странам и их народам). Все это было. Но эти факторы следует отнести к второстепенным. Протяженность территории, климатические условия не требуют особых комментариев. «Генерал» Мороз одинаково воздействует на людей независимо от их национальности. Расстояние немцам могло покоряться во времени быстрее, чем русским: их армия была значительно лучше механизирована. Но продвижение фашистских войск по территории СССР замедлялось, а затем совсем остановилось в силу невиданной стойкости и упорства бойцов Красной Армии, постоянным и поступательным ростом партизанского движения, массовым сопротивлением населения на оккупированной территории.

Поставки по ленд-лизу (по ним в исторической литературе нет расхождений) составили около 4% собственного советского производства промышленной продукции и около 1% продовольствия [23, с. 74]. То есть помощь по ленд-лизу была весьма

ограниченной, несопоставимо малой по сравнению с тем, что производилось на собственных предприятиях и полях.

Пунктуально рассчитанные по дням и часам оперативные планы и графики главного командования вермахта были перечеркнуты в первые же часы войны. То, чего не видел Гитлер в Берлине, сразу стало ясно тем, кто возглавлял армейские соединения, ворвавшиеся на территорию СССР. По оценке немецкого командования с первых дней войны (скорее всего уже в г. Бресте) солдаты вермахта впервые после успешных завоеваний узнали, что значит драться согласно русскому образцу. Агрессоры признали, что война с Россией – это такая война, где знаешь, как начать, но не знаешь, чем она окончится.

Не являясь приверженцем категорических утверждений, здесь, однако, выскажусь однозначно: Победа в Великой Отечественной войне обеспечена не действием страха, духа, безысходности, жертвенности и насилия со стороны режима, как пишут некоторые авторы, она обеспечена сплоченностью людей, наличием у наших соотечественников богатого духовного мира, мужества, стойкости и трудолюбия. Эти черты, проявляющиеся в массовом порядке, нередко выливались в фанатизм, несвойственный западному гражданскому обществу (природа этого процесса требует специального изучения).

Исторический аспект этой проблемы в обобщенном виде, на наш взгляд, состоит в том, что такие чувства и действия во время войны, скорее всего – свойство славянского характера, когда в решающий момент происходит концентрация энергии.

Период Великой Отечественной войны – наиболее яркая страница в истории правящей партии. Миллионы ее членов честно и самоотверженно выполняли свой долг перед народом, находились в центре ратной и трудовой жизни. Летом 1943 г. в Советских Вооруженных силах было

6,4 млн чел. В их числе – 40% коммунистов [24, с. 152–153]. В разведке, в бою –

всюду, где была наибольшая опасность, коммунисты своим примером поднимали боевой дух, увлекали бойцов на героические поступки. Почти три четверти всех Героев Советского Союза – коммунисты. Из трехсот воинов, занесенных за беспримерные подвиги в списки личного состава частей, кораблей, военно-учебных заведений, – 134 коммуниста [18, с. 643].

Несмотря ни на какие издержки, члены партии в годы войны сумели донести до народа главную и неоспоримую идею о смертельной опасности, нависшей над страной, о жизни и смерти страны и государства. Они оказывали сильное влияние на формирование в обществе морально-политического единства и сплоченность народа, что являлось одним из важнейших слагаемых нашей Победы.

Литература

1. Гуленко, В. В нашем сознании жив придуманный миф о бандеровцах / В. Гуленко // Аргументы и факты. – 2011. – 5 окт.
2. Уласенко, Т. Крыж распятай губы / Т. Уласенко // Новы час. – 2011. – 3 июня.
3. Кобец-Филимонова, А. Чем больше чернухи, тем лучше / А. Кобец-Филимонова // Новы час. – 2011. – 1 июля.
4. Афанасьева, А.И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян / А.И. Афанасьева, В.И. Меркушев // СоцИС. – № 5. – 2005.
5. Ивченко, Л. Герои на все времена или что общего у М. Казея и деда Мазая / Л. Ивченко // Віцебскі рабочы. – 2011. – 19 июня.
6. Выступление Президента Республики Беларусь на торжественном собрании, посвященном 65-й годовщине освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков и Дню независимости Республики Беларусь (Дню Республики) А.Г. Лукашенко // Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь. – № 8 (159).
7. Совершенно секретно! Только для командования // Документы и материалы. – М., 1967.
8. Мандрик, И.В. Проблемы войны. Обращение к прошлому и настоящему / И.В. Мандрик, Н.Н. Пархимович // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2010. – Т. 10.
9. Советская Белоруссия. – 1988. – 19 окт.
10. Крапивин, С. Исход номенклатуры и народная трагедия / С. Крапивин // Народная воля. – 2010. – 29 июня.
11. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза // Сборник документов, 1917–1958 гг. – М.: Госкомиздат, 1958.
12. Кожемяко, С. Сражающаяся партия / С. Кожемяко // Правда. – 2010. – 27–28 апр.
13. Стаднюк, И. Исповедь сталиниста / И. Стаднюк. – М.: Патриот, 1964.
14. История Второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. – М.: Воен. изд-во, 1982. – Т. 12.
15. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 г.) // Документы и материалы. – Минск, 1967. – Т. 1.
16. Признание начальника верховного командования вермахта Кейтеля // Преступные цели, – преступные средства. – 3-е изд. – М., 1985.
17. Дорофеенко, Н.В. Витебская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.) / Н.В. Дорофеенко // Тезисы докладов науч.-теор. конф. «История Витебской областной партийной организации: традиции и преемственность». – Витебск, 1987.
18. История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. – Кн. 1 (1938–1945 гг.). – М.: Политиздат, 1970. – Т. 5.
19. Мандрик, И.В. Отпор врагу. Мужество и самоотверженность железнодорожников Беларуси в годы Великой Отечественной войны / И.В. Мандрик // Материалы Междунар. науч. конф. «Вторая мировая война и послевоенное устройство мира» (27–28.09.2010 г.). – Брест: БрГТУ, 2010.
20. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / А. Вабішэвіч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг.
21. Гісторыя Беларусі: вучэб. дапам.: у 2 ч. / Я.К. Новік, Г.С. Марцуль, Э.А. Забродскі [і інш.]; пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск: Універсітэцкае, 2000. – Ч. 2: Люты, 1917–2000 гг.
22. Дубовик, А.К. Профсоюзы Беларуси в период Великой Отечественной войны /

- А.К. Дубовик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2005. – № 2.
23. Вознесенский, Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны /
- Н. Вознесенский. – М.: Госполитиздат, 1948.

Поступила в редакцию 12.03.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.

УДК 94(476)“15–16”:347.6:930

Перадшлюбная дамова як крыніца па сямейна-шлюбных дачыненнях шляхты ВКЛ XVI–XVII стст.

Сліж Н.У.

“БІП – Інстытут правазнаўства”, Гродзенскі філіял, Гродна

Артыкул прысвечаны перадшлюбнай дамове, якая заключалася ў шляхецкім асяроддзі ВКЛ, умовам складання дакумента і яго выканання. З яе пачыналася дакументальнае афармленне шлюбу. Пазней складаліся вяноўны запіс, рэестр пасагавых рэчаў, квіт пра атрыманне пасагу. У дакументах агаворваліся вена, пасаг, дата і месца вяселля, веравызнанне сужэнцаў і іх дзяцей, зарука пры невыкананні дамовы. Але прадстаўленыя перадшлюбныя кантракты паказваюць, што агульнага фармуляру дакументу не было. І не ўсе ўзгаданыя пункты кантракту маглі прысутнічаць. Перадшлюбная дамова мела прававую моц. Для яе скасавання без прававых наступстваў неабходна была воля абодвух бакоў. Калі гэта здзяйснялася наўмысна, без папярэджання, то гэта з'яўлялася правапарушэннем. Пасля заключэння перадшлюбнай дамовы пачыналася падрыхтоўка да вяселля.

Ключавыя словы: перадшлюбная дамова, сямейна-шлюбныя дачыненні, шлюб, шляхта.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 17–25)

The marriage contract as a source of family and marriage relations of gentry of GDL in the XVI–XVII centuries

Slizh N.U.

BIL Institute of Law, Grodno Branch, Grodno

The article is devoted to the marriage contract, which was signed between representatives of noble society of the GDL, its conditions and implementation. It started documentary drawing up the marriage. After that a dower list, a register of dowry, and a list about receiving a dowry were drawn up. The document stipulated for a dowry, a dowry, a date and a place of wedding, religion of the wife, the husband and their children, a fine (in the case of abrogating the contract). However, all presented in the article contracts illustrate that there was no certain model for making up this type of document. Not all mentioned points were in contracts. The marriage contract was a legal document. Agreement of the two sides was necessary for annulling the contract. An intentional canceling the contract was considered as an infringing activity. Preparation for the wedding began after signing the marriage contract.

Key words: marriage contract, family and marriage relations, marriage, gentry.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 17–25)

Перадшлюбная дамова (змоўны, шляхты ВКЛ мелі кантрактны характар. заручальны ліст) адносіцца ў іх важную ролю адыгрывала да асобнай групы прыватна-прававых перадшлюбная дамова, у якой крыніц. Яна не была прадметам агаворваліся ўмовы шлюбу. З яе па даследавання айчыннай і замеж- сутнасці і пачыналася дакументальнае най гістарыяграфіі. Шлюбныя афармленне шлюбу. дачыненні

Пазней складаліся вяноўны запіс, рээстр пасагавых рэчаў, квіт пра атрыманне пасагу.

Мэта працы – даследаванне перадшлюбнай дамовы як крыніцы па сямейна-шлюбных дачыненнях, прадстаўленне яе зместу, умоў выканання.

Матэрыял і метады. Даследаванне праведзена на падставе 14 перадшлюбных дамоў за XVI–XVII стст., якія мелі месца ў шляхецкім асяроддзі. З іх надрукаваных 6, а ненадрукаваных – 8. Апошнія захоўваюцца ў калекцыях у Беларусі, Літве, Польшчы. Згаданыя дакументы сталі асновай для правядзення крыніцазнаўчага аналізу. Былі прааналізаваны пункты перадшлюбнай дамовы (вена, пасаг, дата і месца вяселля, веравызнанне сужэнцаў і іх дзяцей, зарука пры невыкананні дамовы).

Вынікі і іх абмеркаванне. Шлюб для шляхецкага грамадства быў важнейшым інстытутам. Ён рэгуляваўся заканадаўствам, кананічным правам, традыцыямі і звычаямі. Шлюб выконваў шэраг функцый для грамадства, сям’і і асобы: легітымізацыя новай сям’і перад асяроддзем пры ўмове, што заключаны ў адпаведнасці з прынятымі нормаў; захаванне, перадача, трансляцыя шлюбных традыцый, звычаяў і абрадаў; выхаванне асобы праз прамовы і павучэнні аб манагамным шлюбе; усталяванне і захаванне ўзораў паводзінаў для мужчыны і жанчыны ў шлюбе; спрыянне да набліжэння да ідэальнага вобразу мужчыны і жанчыны; прадстаўленне, знаёмства, камунікацыя сем’яў і родаў; пашырэнне сферы ўплыву для сям’і і роду. Хоць шлюб, у першую чаргу, меў дачыненне прыватна да мужчыны і жанчыны, але тут іх асабістыя адносіны набывалі сацыяльны характар.

Для шляхты шлюб быў сродкам вырашэння разнастайных праблем: эканамічных, сацыяльных, рэлігійных, біялагічных і інш. Таму да выбару сужэнца падыходзілі сур’ёзна. Прыняцце рашэння пра шлюб мела калегіяльны характар, дзе сям’я, род, асяроддзе адыгрывалі важную ролю.

Для шлюбу жаніх і нявеста павінны былі мець адпаведны ўзрост. Але звычайнае права дапускала заручыны непаўналетніх. Такія выпадкі мелі месца прыкладна да канца XVI ст. Дворны канюшы Марцін Багданавіч Храптовіч заручыў свайго сына з малой дачкой

С. Алізаровіча з дазволу яго ўдавы (1506). Вялікі князь літоўскі Аляксандр перадаў яму апеку над дзяўчынай. Пазней, калі ўдава падала скаргу на М. Храптовіча, то Жыгімонт Стары пацвердзіў папярэдняе рашэнне [1, с. 5–6]. Валынскі ваявода Богуш Карэцкі і віленскі кашталян Ян Хадкевіч заручылі сваіх непаўналетніх дзяцей Якіма і Ганну, а тэрмін вяселля прызначылі праз 6 год, якое пасля і адбылося. У змоўным ліце Б. Карэцкі абяцаў, што яго сын вылучыць вена за пасаг у памеры 4 000 коп літоўскіх грошаў і 2 000 у рухомах рэчах (1576) [1, с. 290–294].

Папярэднія дамовы паміж бацькамі (сваякамі, сябрамі) жаніха і нявесты маглі адбывацца ў вуснай ці пісьмовай форме. Аб іх наяўнасці сведчаць тэстаменты, у якіх згадваюцца ўжо абраныя сужэнцы для дзяцей. Так, шляхціц Ваўкавыскага павету Андрэй Фёдаравіч Адамовіч абраў для дачок наступных мужоў: Кацярыне – Францыска Снарскага, Марысі – Марціна Пацкевіча, Еве – Андрэя Яцкевіча (1651) [2, ф. 1664, воп. 1, спр. 310, арк. 4]. Яшчэ да дасягнення шлюбнага ўзросту дачкі Ганны Ян Дамаслаўскі дамовіўся пра яе шлюб з Паўлам Звяртоўскім і прасіў жонку выканаць яго распараджэнне (1675). Яго воля была выканана [2, ф. 1663, воп. 1, спр. 661, 662]. Падобная ўскосная інфармацыя часцей адлюстроўвалася ў дакументах XVII ст. Вусная перадшлюбная дамова таксама мела месца і ў XVI ст., асабліва сярод сярэдняй і дробнай шляхты.

Калі дасягалася папярэдняя згода паміж бацькамі, то прыходзіў час на змовіны ці заручыны. Яны афармляліся дакументальна як шлюбны кантракт і

актыкаваліся ў гродскім ці земскім судах. Звычайна ў дамове галоўнымі дзеячамі выступалі не тыя, хто ўступалі у шлюб, а асобы, якія адказвалі за іх. Гэта маглі быць бацькі, апекуны, браты ці іншыя сваякі, нават сябры.

У фіксаванні кантракту ў пісьмовай форме былі больш зацікаўлены найбольш заможныя прадстаўнікі шляхецтва, калі гаворка ішла пра вялікія сумы пасагу і вена. Але пры гэтым мы не можам адзначыць, што складанне перадшлюбнай дамовы мела масавы характар. Дакументы не падлягалі абавязковай актыкацыі, не былі нармаваны заканадаўствам ВКЛ. Таму яны рэдка сустракаюцца ў судовых кнігах, у большасці паходзяць з сямейных архіваў. Ніжэй прыведзены шэраг шлюбных дамоваў, якія адносяцца да розных гадоў XVI–XVII стст.

Гетман ВКЛ Канстанцін Іванавіч Астрожскі заключыў дамову з троекім ваяводам Юрыем Мікалаевічам Радзівілам і яго жонкай Барбарай аб шлюбе іх дачкі Ганны з яго сынам Іллёй. У дакуменце агаворвалася пытанне веравызнання: Ілля заставаўся праваслаўным, а Ганна – каталічкай, але дзеці незалежна ад полу хрысціліся па праваслаўным абрадзе пад зарукаю¹ 10 000 коп гаспадару і 10 000 – К. Астрожскаму (13 чэрвеня 1524 г.) [5, dz. V, sygn. 18, k. 5–6]. Пазней гэтыя заручыны былі скасаваны, і І. Астрожскі ажаніўся з Беатай Касцельскай [11, s. 24–25].

У судовай справе з-за нявыдачы пасагу Цімафею Сакалінскаму ад братоў яго жонкі Аўдоціі Івана, Багдана, Міска і Яска Іванавічаў Баратынскіх прыведзены ліст іх бацькі Івана Баратынскага, дзе ён абяцае даць у якасці пасагу дварэц у Маішаголе (Віленскае ваяводства), 50 коп літоўскіх грошаў, 13 чалавек нявольнай чэлядзі і рухомыя рэчы (перлавыя брамкі, футра,

плашч, сярэбраныя лыжкі і інш.). Дакумент быў замацаваны пячаткамі двух сведак – гаспадарскім дваранінам Іванам Сялявай і пісарам троцкага ваяводы Фёдарам Уладыкам (1542) [8, р. 47–49]. Гэты ліст можна разглядаць як частку перадшлюбнай дамовы з боку нявесты, у якой дзеючымі асобамі выступаюць бацька і жаніх, а яе прадметам з’яўляецца пасаг.

У змоўным лісце Глеб Янавіч Сапега (гл. дадатак) абавязваўся ажаніцца з дачкой віленскага цівуна і гараднічага Шымка Мацкавіча – Кацярынай (1538). У сваю чаргу бацька нявесты прызначыў пасаг 300 коп літоўскіх грошаў (200 – у грошах і 100 – у рухомах рэчах). Акрамя таго, ён быў абавязаны даць частку мацярыстага маёнтка ў Жамойці. У змовінах Глеб выступае самастойна, толькі адзначае, што сватаецца з Божай волі і парады сяброў, іх імёны не называюцца. Ад імя нявесты выступае бацька. Але адзначана акалічнасць на выпадак яго смерці: дамова застаецца ў моцы і яе павінны выканаць сыны. У дакуменце адсутнічаюць запіс вена, дата і месца правядзення вяселля [5, dz. X, sygn. 49].

Пётр Багданавіч Загароўскі сам дамаўляўся з маці нявесты, удавой валынскага маршалка Фёдара Андрэевіча Сангушкавіча, – Ганнай Дэспатаўнай і яе братам Дзмітрыем Фёдаравічам Сангушкавічам аб шлюбе з Фядорай (1549). Сума пасагу не ўзгадвалася, адзначана, што яна акрэслена ў тэстаменце бацькі Фядоры. Вяселле прызначалася на Раство ў замку Несухоежскім. Прызначалася зарука ў памеры 1 000 коп літоўскіх грошаў, калі П. Загароўскі не прыедзе на вяселле і не ажэніцца з Фядорай [6, s. 2–3]. У дадзеным дакуменце агаворваецца пасаг, дата і месца шлюбу, але не вызначана вена.

У Метрыку ВКЛ было занатавана вуснае сведчанне Беаты Касцельскай аб змовінах яе дачкі Галышкі з Лукашам Гуркам. У ім маці абавязалася не выдаваць яе замуж за іншую асобу пад зарукай 100 000 коп літоўскіх грошаў. Пры гэтым у дзяўчыны афіцыйна запыталі пра

¹ Зарука – грашовае спагнанне, якое прызначалася за парушэнне любога віду дамовы.

згodu на гэты шлюб. Аднак агаворвалася, што Гальшку пазбавяць спадчыны, і маёмасць пяройдзе да вялікага князя літоўскага і караля ў выпадку яе самавольнага шлюбу з іншай асобай (1555) [9, р. 21–22].

Дасягнулі згоды аб шлюбе жытомірскага старосты Рамана Сангушкі (кл. 1537–1571) і Аляксандры Хадкевічаўны ў 1558 г. віленскі ваявода Мікалай Радзівіл Чорны (1515–1565) і віцебскі ваявода Грыгорый Аляксандравіч Хадкевіч (?–1572). Вяселле планавалася на 1559 г. у маёнтку на Падляшшы. За Аляксандрай бацька прызначыў 2 000 коп літоўскіх грошаў і 2 000 у золаце і рухомах рэчах. Раман Сангушка абавязаны быў запісаць вена жонцы. Г. Хадкевіч напісаў ліст, дзе абавязаўся даць пасаг і справіць вяселле пад зарукай 6 000 коп літоўскіх грошаў каралю і 6 000 – Р. Сангушцы. Вена было запісана ў памеры 4 000 (1559) [7, с. 32–35, 53].

Шлюб Януша Кузьміча Заслаўскага ладзілі яго сябры Іван Фёдаравіч Чартарыйскі і Раман Фёдаравіч Сангушка (1561). За другой дачкой Зафеей Грыгорый Аляксандравіч Хадкевіч даў пасаг у памеры 2 000 коп літоўскіх грошаў і 2 000 у рухомах рэчах. Вяселле павінна было адбыцца ў 1562 г., а жаніх абавязаны быў запісаць вена. У выпадку скасавання заручынаў прызначалася 4 000 коп літоўскіх грошаў бацьку нявесты і 4 000 – каралю [7, с. 64–65]. Дадзеныя дамовы складзены даволі падобна, бо тычыліся сяцёр. У іх прысутнічаюць усе неабходныя элементы: пасаг, абавязак запісаць вена, дата вяселля, зарука.

Васіль Пятровіч Загароўскі даў адмысловы ліст, дзе адзначалася пра яго дамову з Мікалаем Андрэевічам Збаражскім, крэмянецкім старостам, пра шлюб з яго дачкой Марынай. Вяселле прызначалася на 1565 г. За пасаг В. Загароўскі абяцаў запісаць вена з прывенкам. Пры невыкананні ўмоваў зарука была ў памеры 1 000 коп літоўскіх грошаў (1564). Вяселле

адбылося ў 1566 г. Марыне было запісана вена. Але праз год яны развяліся [1, с. 76–80, 147–168, 205–210].

Гарадзенскі землянін Станіслаў Былчыч засведчыў адмысловым лістом пра змовіны свайго сына Марціна і Дароты Лукашоўны, пляменніцы Яна Мікалаевіча, котрынскага і азерніцкага падстаросты. У ім адзначалася, што іх павянчалі, але верагодна гэта быў абрад заручынаў, які таксама праводзіцца ў царкве. Дамовіліся згуляць вяселле праз год, у 1568 г., на працягу двух тыдняў пасля Вялікадня. Калі сын не возьме яе ў жонкі, то прызначалася зарука вялікаму князю літоўскаму 200 коп літоўскіх грошаў, а Яну ці яго жонцы Ганне Міхайлаўне – 100 і кампенсацыя ўсіх накладаў. Пасля шлюбу абавязаўся запісаць вена на маёнтку Пыра ў памеры 240 коп (1567). Вяселле адбылося праз год і Марцін Былчыч за 240 коп прызначыў вена ў той жа суме (1568) [2, ф. 1755, воп. 1, спр. 6, арк. 5–9].

У заручальным лісце было адзначана, што Есіф Іванавіч Нямерыч і яго жонка змовілі сваю дачку Настассю за Лазара Лаўрэнц'евіча Іваніцкага (1565). Заручыны адбыліся свецкія і царкоўныя. Е. Нямерыч абавязаўся выдаць дачку замуж у сваім маёнтку Олеўскім, які знаходзіўся каля Гарадка¹, праз год, пасля Вялікадня, і даць пасаг у памеры 500 коп літоўскіх грошаў і 500 коп у рэчах. А жаніх павінен будзе за гэта запісаць вена, а пры невыкананні ўмоў – заплаціць 1 000 коп літоўскіх грошаў гаспадару і столькі ж Л. Іваніцкаму. Але вяселле не адбылося. Е. Нямерыч засведчыў у Мазыры, што дачка хворая. А калі жаніх прыехаў у прызначаны дзень – 26 мая 1566 г., то гаспадары з'ехалі разам з дачкой. Л. Іваніцкі падаў скаргу з патрабаваннем кампенсацыі за выдаткі на вяселле (1566) [1, с. 93–96]. У склад

¹ У дакуменце мясцоваць называецца Гарадок, але па ўскосных звестках можна меркаваць, што тут згаданы Гарадок Давыдаў.

скаргі ўваходзіла перадшлюбная дамова. Дзякуючы гэтаму вядома, што на заручынах дамаўляліся пра дату і месца вяселля, пасаг, вена, прызначалася сума зарукі.

Януш Іванавіч Чартарыйскі (?–1581) абавязаўся ажаніцца з Евай Баркулабаўнай Корсакаўнай (25 жніўня 1577 г.). Пра шлюб дамаўляўся з яе маці, удавой дзісенскага старосты Баркулаба Корсака, княгіняй Паланеяй Васілеўнай Крошынскай у яе маёнтку Шупені (Аршанскі павет). Шлюб павінен быў адбыцца ў маёнтку Корсакаў 2 лютага 1578 г.¹ У “Баркулабаўскім летапісе” напісана, што вяселле было 2 студзеня на Грамніцы, якія адзначаюцца 2 лютага. Так што тут відавочна памылка летапісца [4, с. 174–192]. Жаніх павінен быў прыехаць у маёнтка ў вызначаны час. Прычынамі, якія маглі выбачаць яго адсутнасць, былі вайсковая служба і хвароба. Ён быў абавязаны запісаць вена з прывенкам. Асобна адзначана, што шлюб адбудзецца па хрысціянскім звычаі, без удакладнення па каталіцкім ці праваслаўным. У выпадку невыканання ўзятых на сябе абавязкаў (не прыехаў на вяселле, не запісаў вена ці не ажаніўся) выплачвалася зарука ў памеры 20 000 коп літоўскіх грошаў. Дакумент замацаваны падпісамі і пячаткамі сведак, сярод іх – пячатка і подпіс Я. Чартарыйскага [10, f. 16–45, l. 42–43]. Дадзены дакумент утрымлівае звесткі пра месца і дату вяселля, абавязак запісаць вена, але ў ім нічога не пішацца пра памеры вена і пасагу.

У пазыковым запісе Давыда Дзмітрыевіча Адзінцэвіча сваёй нявесце Дароце Углоўскай на суму 1 200 коп літоўскіх грошаў пад заставу маёнтка Складыве (Аршанскі павет) было ўзгадана пра шлюбную дамову (11 чэрвеня 1599 г.). Яна была заключана з бацькамі нявесты аршанскім земскім падсудкам (1585) Паўлам Іванавічам

Углоўскім Парасуковым і яго жонкай Людмілай. Яны абмяняліся лістамі і прызначылі дату вяселля на 20 верасня 1599 г. [10, f. 16–59, l. 18–19].

У Вільні 1 мая 1614 г. адбыліся змовіны Яна Альбрэхта Радзівіла (1591–1626) з Лавініяй Карэцкай. Гетман ВКЛ Ян Караль Хадкевіч (1561–1621) выступаў пасярэднікам у гэтай справе. Інтэрэсы нявесты прадстаўляла ўдава Яхіма Карэцкага – Ганна Хадкевічаўна² і яе сыны Самуэль і Караль. За Лавініяй даваўся пасаг 50 000 злотых і 20 000 у рухомах рэчах. Вяселле прызначалася на дзень Св. Варфаламея ў мястэчку Корцы. Для канчатковай дамовы на Валынь павінны былі выехаць ад Я. Радзівіла менскі падкаморы Енох Кавячынскі, ад Я. Хадкевіча – навагарадскі войскі Якуб Прошыцкі. Ліст быў замацаваны пячаткай і подпісам Я. Хадкевіча [2, ф. 694, воп. 1, спр. 199, арк. 31–31 адв.]. Вяселле адбылося 9 лістапада [12, s. 199].

У якасці змоўнага ліста маглі выступаць сведчанні вознага. Слоні́мскі возны Станіслаў Мрочка ў кнізе слонімскага гродскага суда зрабіў запіс аб змовінах (4 мая 1569 г.). Дваранін ЯКМ Багуматка прыехаў да князя Гаўрылы Казбулатавіча Пяцігорскага 1 мая, каб сасватаць за сябе яго дачку. Вяселле павінна было адбыцца ў Зукачэвічах у гэтым жа годзе. Адзначалася, што дачка выказала згоду на шлюб [2, ф. 1781, воп. 1, спр. 1, арк. 245 адв.]. Луцкі возны Андрэй Жыкрыцкі засведчыў заручыны Станіслава Кавезскага і Настасі Васілеўны Храбтовічаўны (1585) [1, с. 430–431]. Гэтыя запісы ў судовай кнізе цікавыя па сваім змесце. Яны не так часта сустракаюцца. У адрозненне ад перадшлюбнай дамовы, дзе прадстаўлены два бакі, тут запіс ідзе ад імя вознага, у прысутнасці якога адбыліся змовіны. На іх былі агавораны прыкладная дата шлюбу, месца і

¹ Дакумент захаваўся ў пашкоджаным стане. Там, дзе павінна была быць напісана назва маёнтка, ліст парваны.

² Ганна была роднай сястрой Яна Караля Хадкевіча.

выказана згода дзяўчыны. Аб заруцы нічога не адзначана.

Аднак наяўнасць перадшлюбнай дамовы не азначала, што пытанне шлюбу вырашана канчаткова і адбудзецца вяселле. Яе дзеянне маглі спыніць афіцыйна, што дазваляла мірным шляхам вырашыць справу і пазбегнуць судовага пераследу. Прывілей Жыгімонта Старога ад 20 кастрычніка 1536 г. скасаваў папярэднія змовіны і пацвердзіў новыя на шлюб паміж дзецьмі віленскага ваяводы Альбрэхта Марцінавіча Гапшольда і гетмана ВКЛ Юрыя Мікалаевіча Радзівіла – Станіславам Гапшольдам і Барбарай Радзівілаўнай адпаведна. Спачатку было дамоўлена аб шлюбе старэйшай дачкі Ганны са Станіславам. Але атрымалася так, што яна была змоўлена раней за Іллю Астрожскага. Папярэднія змоўныя лісты на шлюб Станіслава і Ганны былі прызнаны як несапраўдныя. У выніку Ганна павінна была выйсці замуж за Іллю Астрожскага, а Барбара – за Станіслава Гапшольда [5, dz. XI, sygn. 18, k. 27–28]. У дадзеным выпадку гаспадар скасаваў папярэднія змоўныя лісты і пацвердзіў новыя.

Яраслаў Фёдаравіч Сангушка дамовіўся з Андрэем Сангушкавічам Кашэрскім і яго жонкай Багданай Міхайлаўнай Мсціслаўскай пра шлюб з іх дачкой Ганнай у 1563 г. Але на той час А. Кашэрскі ўжо памёр і Я. Сангушка і Б. Мсціслаўская скасавалі згоду і вызвалілі адзін аднаго ад зарукі (10 верасня 1563 г.) [6, s. 228].

Перадшлюбная дамова прызнавалася неадпаведнай, калі яе заключалі асобы, якія не мелі на гэта паўнамоцтваў. Так было скасавана пагадненне паміж мельніцкім старостам Грыгорыем Валовічам і уладзімірскім падкаморыем Аляксандрам Сямашкам (1566). Паводле яго праз пяць год прызначалася вяселле Грыгорыя, сына Г. Валовіча, і Багданы Васілеўны Сямашкаўны, стрыечнай сястры А. Сямашкі. Пасля шлюбу апошні абавязаўся перадаць маёмасць

сястры, якую на той час трымаў у апецы. Зарука прызначалася ў 1 000 коп літоўскіх грошаў гаспадару і 1 000 коп – Валовічу. Але на судзе выявілася, што А. Сямашка не меў права заручаць яе з Г. Валовічам, бо не быў апекуном. Маці Галена Карпаўна і апекуны планавалі выдаць дзяўчыну за Януша Чацвярцінскага. Багдана сама была супраць шлюбу з Валовічам, бо ні разу не бачыла будучага мужа. Багдана стала жонкай

Я. Чацвярцінскага, але пасля яго смерці выйшла другі раз замуж за Г. Валовіча і за добрае да сябе стаўленне падаравала яму вена ад першага мужа (1571) [1, с. 123–133, 229–231].

У духоўным судзе разглядалася скарга Багдана Цімафеевіча Пузыні на ўдаву Мікалая Юрагі. Яна не выканала перадшлюбную дамову і не выдала замуж за яго сваю дачку Федзю. Працэс працягваўся некалькі год. Кіеўскі мітрапаліт Макарый прысудзіў шляхціцы выплаціць Б. Пузыні 2 000 коп літоўскіх грошаў зарукі, а шляхціч вызваляўся ад перадшлюбнай дамовы (1536) [1, с. 8–11].

Шэраг выпадкаў быў зафіксаваны ў свецкіх судах у XVI–XVII стст. Шчасны Сіруцевіч падаў скаргу на Барбару Саламярэцкую за зрыў заручынаў, якія адбыліся паміж ім і яе дачкой Марынай Ратомскай. Барбара была выклікана ў суд да віленскага ваяводы ў 1552 г., але не з’явілася. А ў 1553 г. яе інтарэсы прадстаўляў Іван Солтанавіч, але справу адклалі на два тыдні [2, КМФ-18, спр. 243, арк. 98].

Шляхціч Кобрынскага павета Шчасны Сцяцкевіч Верашчака па просьбе свайго бацькі Рамана падаў скаргу ў луцкі гродскі суд на шляхціча Луцкага павета Багдана Іванавіча Дроздзенскага за невыкананне перадшлюбнай дамовы (1569). Апошні абавязаўся ажаніцца з яго сястрой Ганнай, якая аўдавала пасля смерці мужа Грыгорыя Папкевіча Ельца. Б. Дроздзенскі апошні раз быў у доме Рамана пасля вяртання з гарадзенскага

сойму ў 1568 г. і больш не падаваў пра сябе звестак [1, с. 190–191].

У судовай скарге Яна Станіслававіча Талочкі на жонку Багдана Годкінскага Аксінню Сіргучеўну і на сыноў яе Андрэя, Юрыя, Гаўрыілу і Мікалая Багданавічаў Годкінскіх адзначалася, што яна змовіла за яго дачку Паланею праз “духовную і людзей зацных”. Пры гэтым атрымала ад яго падарункі і жыта. У выніку Паланею выдалі замуж за Юзафа Рымонда, жыта выкарысталі. Праз суд Я. Талочка патрабаваў кампенсацыі выдаткаў (1599) [2, ф. 1755, воп. 1, спр. 16, арк. 376 адв.–377 адв.].

Адам Жыжэмскі дамовіўся пра шлюб з Ядвігай, дачкой Яна Цымінскага і Гальшкі. Вяселле было прызначана на 31 студзеня 1616 г. Калі ён прыехаў да нявесты са сваімі сябрамі, то Ядвіга была ўжо замужам за іншым. Гэта стала прычынай для скаргі ва ўладзімірскі гродскі суд (1616) [1, с. 535–536].

Скасоўвалі перадшлюбную дамову па ўзаемным пагадненні і праз суд. Зрыў змовінаў з’яўляўся слушнай прычынай для звароту ў суд і патрабавання кампенсацыі.

Заклучэнне. Вынікам заручынаў з’яўлялася перадшлюбная дамова. Гэта быў не адзін дакумент, а два, бо кожны бок пісаў свае абавязкі адносна другога боку. Але выявіць два лісты не заўсёды падаецца магчымым, часцей гэта толькі адзін ліст. Калі жаніх мог сам прадстаўляць свае інтарэсы, то нявеста ўвогуле не выступала ў такой ролі ў дакументах. Гэта было звязана з тым, што да шлюб у яна знаходзілася пад наглядом бацькоў або апекуноў і не магла самастойна заключыць шлюбны кантракт. У дакументах агаворваліся вена, пасаг, дата і месца вяселля, веравызнанне сужэнцаў і іх дзяцей, зарука пры невыкананні дамовы. Але прадстаўленыя дакументы паказваюць, што агульнага фармуляру дакументу не было. І не ўсе ўзгаданыя пункты маглі прысутнічаць.

Перадшлюбная дамова мела прававую моц. Для яе скасавання без

прававых наступстваў неабходна была воля абодвух бакоў. Калі гэта здзяйснялася наўмысна, без папярэджання, то гэта з’яўлялася правапарушэннем. Так як падрыхтоўка да вяселля патрабавала матэрыяльных выдаткаў, то асноўным патрабаваннем з’яўлялася кампенсацыя выдаткаў і вяртанне падарункаў.

У ланцугу дакументаў перадшлюбная дамова была першым дакументам, з якога пачыналася прававое афармленне шлюбных дачыненняў. Наступныя дзеянні прадстаўнікоў жаніха і нявесты павінны былі адбывацца па пэўным сцэнары: вяселле ў вызначаныя дату і месца, адпаведныя памеры пасагу і вена.

Дадатак. Перадшлюбная дамова Глеба Сапегі, 1538

Дакумент захоўваецца ў Галоўным Архіве Старажытных Актаў (AR. X, sygn. 49). Ён напісаны на старабеларускай мове. Замацаваны 4 пячаткамі: пячатка Глеба Сапегі з выявай герба “Ліс” з лацінскімі літарамі ўверсе “H[leb]” “S[opegal]”, пячатка Паўла Сапегі з выявай герба “Ліс” з лацінскімі літарамі ўверсе “P[avel]” “S[opegal]”, пячатка Багдана Дзмітрыевіча Агінскага з выявай уласнага герба (страла з перакладзінай пасярэдзіне на “П”-падобнай падставе) і пячатка Сямёна Канстанцінавіча Жабы з выявай герба “Кастеша”.

Я Глебъ Яновичъ Сопега обяваю тымъ листом нинешнимъ и не потомъ будучимъ кому будетъ потребъ того ведати або чту чи его слышати што ж по Божей воли и по своей доброй мысли а порою и з волею приятелей моихъ кровныхъ змовилъ есми с паномъ Шымкомъ Мацковичомъ тивуномъ и городничомъ вилежскимъ державцею ушполжскимъ и радунскимъ дочку его м(ило)сти пайну Катерину паняти и за вечыстую малженку мети. А пан Шымко маєт мне по дочке своей пайне Катерине посагу дати готовыми грошми двесте копъ а у выправе сто копъ грошей а к тому часть имения в Жомоити которая на ней по матце ее пани Шымковой Зофеи придет и той умовы н(а)шей ни которы ми причинами не маю отступати и дочки

его м(ило)сти паны Катерины опустити. Если ж бых той умовы н(а)шей и того листу своего припомнить а дочки пана Шымковы паны Катерины понятия не хотел тогды маю заплатити г(о)с(по)д(а)рю королю его м(ило)сти тысячу кол грошей а пану Шымку тысячу копъ грошей и чого Б(о)же уховаи естли Богъ на пана Шымка допустил смерть тогды я предеса тым же обычаем зъ сынами его м(ило)сти тую умову маю держати и панну Катерины не маю опустити. А сынове его м(ило)сти теж тот посаг двесте кол грошей готовых а вы правы за сто кол дати з ыменеи своих отчизных и часть имени материстого в Жомойти мают ей поступити той части што на неи приидет. При том были и то-го добре звездали пан Павел Иванович Сопега староста браславский маршалокъ г(о)с(по)д(а)ра короля его м(ило)сти¹ а кн(я)зь Богдан Дмитриевич² а пан Семен Кастянтинович Жаба хоружий керновский³ и на то дал есми пану Шымку Мацковичу сии мои листъ под моею печатю и теж просил есми тых вышеи мененых панов о печати их листъ на мою прозбу учинили печати свои къ сему листу прилажили. П(и)сан в Вилни м(есе)ца апрел 14 ден индикт 11 [1538].

Літаратура

1. Архив Юго-западной России, издаваемый временною комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском Военном, Подольском

- и Волынском Генерал-губернаторе. – Киев, 1909. – Ч. 8, т. 3.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далее – НГАБ). – Фонд 694. – Воп. 1. – Спр. 199; Фонд 1755. – Воп. 1. – Спр. 6, 16; Фонд 1781. – Воп. 1. – Спр. 1; КМФ-18. – Спр. 243.
3. НГАБ у Гродне. – Фонд 1663. – Воп. 1. – Спр. 661, 662; Фонд 1664. – Воп. 1. – Спр. 310.
4. Полное собрание русских летописей. – М., 1975. – Т. 32.
5. Archiwum Główny Aktów Dawnych. Archiwum Radziwiłłów. – Dz. V. – Sygn. 18; Dz. X. – Sygn. 49; – Dz. XI. – Sygn. 18.
6. Archiwum XX. Sanguszków w Sławucie. – Lwów, 1910. – Т. 6: 1549–1577.
7. Archiwum XX. Sanguszków w Sławucie. – Lwów, 1910. – Т. 7: 1554–1572.
8. Lietuvos Metrika (1542). – 11-ji Teismų bylų knyga / Parengė I. Valikonitė, S. Viskantaitė. – Vilnius, 2001.
9. Lietuvos Metrika (1555–1558). – 37-oji Teismų bylų knyga / Parengė I. Valikonitė, L. Steponavičienė. – Vilnius, 2010.
10. Lietuvos mosklų akademijos Bibliotekas rankraščių skyrius. – F. 16–45; f. 16–59.
11. Kempa, T. Konstanty Wasil Ostrogski (ok. 1524/1525–1608) Wojewoda Kijowski i marszałek ziemi Wołyńskiej / T. Kempa. – Toruń, 1997.
12. Pamiętniki Samuela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczow (wiek XVII) / Oprac. A. Sajkowski. – Wrocław, 1961.

¹ Павел Іванавіч Сапега (?–1579), браслаўскі староства (1517), гаспадарскі маршалак (1519–1557), падляшскі ваявода (кл. 1559), навагарадскі ваявода (1558). Lulewicz, H. Sapieha Paweł // Polski Słownik Biograficzny. – Т. 35/1. Zesz. 144. – Warszawa; Wrocław; Kraków, 1993. – S. 128–131.

² Багдан Дзмітрыевіч Агінскі быў жанаты з сястрой жонкі Ш. Мацкавіча Барумілай Паўлаўнай. Wolff, J. Książowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku / J. Wolff. – Warszawa, 1895. – S. 289. Таму ён мог тут прысутнічаць у якасці сведкі.

³ Кернаўскі староства Сямён Канстанцінавіч Жаба часта фігураваў у судовых справах Метрыкі ВКЛ. У якасці суддзі не прысутнічаў Ш. Мацкавіч. Таму можна казаць пра іх знаёмства. Lietuvos Metrika (1528–1547), 6-oji Teismų knyga / Parengė S. Lazutka, I. Valikonitė. – Vilnius, 1995. – P. 31, 37, 45, 59.

Паступіў у рэдакцыю 27.04.2012 г.

Прыняты ў друк 25.06.2012 г.

УДК 027.1(47+57)

Женское чтение в России в конце XVIII – начале XIX века

Лякишева С.И.

Федеральное государственное учреждение культуры государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», Россия, Тульская обл.

В статье выявлены предпосылки возникновения женского интереса к созданию личных библиотек в конце XVIII – начале XIX века, рассмотрен процесс формирования книжного фонда, исследованы особенности организации женских библиотечных комнат, воссозданы способы формирования книжной культуры. Книга представлена как первоисточник усадебной культуры, составным компонентом которой являлась женская читательская культура. Определен функциональный характер женских библиотек для удовлетворения интеллектуальных, эстетических и витальных потребностей. Установлено, что для пользовательниц усадебных библиотек чтение было важным средством подключения к социуму, так как воспитывало отсутствие стремления к приватизации духовной жизни. Теоретическая значимость работы состоит в обогащении исторической науки и библиотековедения фактическим материалом о женской книжной культуре и в переосмыслении их читательского опыта.

Ключевые слова: женская библиотека, усадебная библиотека, книжная культура, книжный фонд, библиотечная мебель, семейное чтение.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 26–33)

Women's reading in Russia in the late 18th – early 19th centuries

Lyakisheva S.I.

Leo Tolstoy Museum-estate “Yasnaya Polyana”, Tula region, Russia

In the article, the preconditions for the emergence of women's interest in creating personal libraries in the late 18th – early 19th centuries, are revealed. The process of the formation of book collections is examined, the distinctive features of the organization of women's library rooms are analyzed, and the ways of book culture development are recreated. The book is shown as a primary source of the study of the country estate culture, the component of which was women's reading culture. The functional character of women's libraries, that served to meet intellectual, aesthetic and vital needs, is defined. It is determined that for women – users of country estates libraries reading was an important means of establishing connections with the social environment, as it taught them to avoid privatization of their spiritual life. Theoretical significance of the article consists in contributing to history and library science by adding more facts about women's book culture and new understanding of their reading experience.

Key words: women's library, country estate library, book culture, book collection, library furniture, family reading.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 26–33)

Россия, имеющая исторический опыт высокой читательской культуры, по результатам исследования PISA, занимает теперь 34-е место из 40 среди читающих

стран. Кризис чтения – не специфически российская проблема. С ней сталкиваются библиотековеды всех развитых государств. Вернуть интерес к книге, преобла-

дающий над тягой к компьютерным играм, – национальная задача стратегической важности, для ее решения важен любой положительный опыт. Тем важнее обратиться к уникальному по масштабу интереса к чтению времени, когда женщины-матери основным критерием воспитания детей считали овладение уверенными навыками книжной культуры, – периоду расцвета усадеб. Духовная жизнь дворянской семьи и, в частности, женский быт в русской усадьбе, изучается сейчас специалистами разного профиля: историками, архитекторами, культурологами, филологами. Книга и читательская культура в повседневной жизни представительниц аристократического круга – неизученный сегмент, входящий в сферу исследовательских интересов библиотековедения в синтезе со смежной исторической наукой.

У.Г. Иваск в своей работе «Частные библиотеки в России» дал сведения о 1346 библиотеках, среди которых упоминаются женские. Работы Ф.К. Эксгольца, М.Я. Параделова, Е.А. Шуманского, И.В. Аничкова частично содержат сведения о женских книжных собраниях, однако в целом их труды носят не обобщающий, а статистически-антикварный характер.

Наиболее значительным обращением к теме женского чтения можно считать работу Ю.М. Лотмана «Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX в.». Однако, полноценные исследования отсутствуют. Малое количество работ, посвященных женским усадебным библиотекам, вполне обосновано, так как длительное время эта тема, являвшаяся частью дворянской культуры, не рассматривалась как заслуживающая достаточного внимания.

Цель статьи – определение особенностей формирования женских библиотек с экономической, хозяйственной и культурной точки зрения.

Материал и методы. В основу работы положено изучение опубликованных каталогов усадебных библиотек; архивных материалов, касающихся темы

женского чтения; документов из фонда яснополянской научной библиотеки; литературных источников по теме русской усадебной культуры. Особое значение придавалось детальному выявлению материала в мемуарах дворян, а также в сборниках «Русская усадьба» и исторических очерках «Дворянская и купеческая усадьба в России XVI–XX вв.».

Использованы общелогические методы (сравнение, анализ, обобщение), метод теоретического исследования (междисциплинарный анализ), метод историко-теоретической реконструкции книжной культуры. Последний метод авторский, заключающийся в выявлении специфических особенностей чтения в русской усадьбе и их интерпретации (с точки зрения библиотековедения, музееведения и истории). Объект исследования – женское чтение.

Результаты и их обсуждение. Научная новизна заключается в восстановлении картины женского чтения в конце XVIII – начале XIX века, выявлении значения домашних библиотек для российских читательниц, в обосновании предпосылок и развития женской книжной культуры.

Установлено, что фонды женских библиотек указанного времени были энциклопедичны и универсальны. Книги развлекали российских читательниц, помогали им практически, образовывали, отвечали разноплановым информационным потребностям. В XIX веке домашнее чтение, ставшее символом эпохи, занимало в структуре свободного времени женщины приоритетное место. Матери-дворянки признавали благотворную роль книги в воспитании детей.

Основные вопросы исследования освещены в публикациях российских журналов и сборников и успешно апробированы в Орловском государственном институте культуры и искусств.

Преобразования в области политики, культуры и просвещения в России XVIII века способствовали повсеместному возникновению усадебных биб-

лиотек и формированию устойчивого интереса к книге. Петр I требовал энциклопедических знаний, серьезного изучения окружающего мира. На организацию народного образования, книжного дела, развитие журналистики, литературы и различных областей науки особое внимание обратила Екатерина II, которая целью своего правления ставила просвещение России, доступное поначалу преимущественно купеческим слоям и дворянству. Для того времени характерно, помимо распространения моды на организацию библиотечной комнаты в усадьбах, появление малой гостиной, принадлежавшей хозяйке усадебного дома, называемой «будуар», от французского *boudoir*, *bouder* – дуться, капризничать. Это роскошно убранная комната, предназначенная для отдыха, приема близких гостей и уединенных занятий, – территория изысканной женщины, обеспечивающая личный комфорт. В конце XVIII – начале XIX века на основе будуаров, постепенно теряющих характер легкомыслия и модных капризов, устраивался кабинет для чтения, или «женская библиотека», – явление для русской культуры феноменальное, к настоящему времени недостаточно изученное.

Попытаемся представить себе библиотеку хозяйки усадьбы: стены в ней, как правило, были оклеены вошедшими в моду в конце XVIII века бумажными обоями. Несмотря на существующий в России до 1836 года высокий налог на обои, дворяне могли себе позволить прогрессивные отделочные материалы с цветочными композициями, арабесками, изображением персонажей античной мифологии, меандровыми узорами, геометрическими орнаментами, которые поставляли не только из Парижа, – очень скоро такой материал стали производить в России. Если в мужском кабинете неизменно стильными атрибутами являлись охотничьи трофеи, представленные в виде хорошо выделанных чучел животных или оружие из металла и дерева, слу-

жившие модным украшением библиотечного интерьера, то в женской библиотечной комнате находились мягкая, с зооморфными (имитирующими звериные лапы, клювы птиц) формами мебель, сентиментальные картины, изящные вышивки, китайские чайные столики. Для благовоний в библиотеке женщины использовали ароматницы из смальтового стекла и золоченой бронзы; тепло и уют в библиотечной комнате создавали шерстяные ковры или шкуры животных.

Мебель для женской библиотеки приобретали ту же, что и для мужского кабинета, например, неоготические книжные шкафы с медной и черепаховой инкрустацией. Большим спросом пользовалась мебель из палисандра, граба или дуба, создававшая дух респектабельности и благородства. При выборе письменных столов, разновидностей которых было множество, женщины отдавали предпочтение не массивным столам, какие в своих кабинетах ставили мужчины и у стены библиотеки, и по центру, поскольку такие столы украшали со всех четырех сторон не только функциональными, но и эффектными ложными, имитирующими выдвижные, ящиками. В женской библиотеке появлялись миниатюрные разновидности письменного стола – даavenporty с уравновешенной поднимающейся крышкой для канцелярских принадлежностей и доской для письма, которая выдвигалась в сторону; бюро с выдвижными подставками для свечей и многочисленными потайными ящиками для бумаг; столики-герионы из красного дерева, служащие подставкой для осветительных приборов – канделябров и, конечно, картоньерки – маленькие шкафы для хранения бумаг, марок, писем. В ящиках письменных столов непременно хранились альбомы хозяек, куда записывали стихотворения, элегии, мадригалы, романсы, пожелания, изречения, помещали собственные рисунки, вклеивали вырезанные из книг офорты и гравюры; между страницами обычно лежали пряди во-

лос, засушенные цветы, красивые птичьи перья, надушенные тонкие платки.

Такие альбомы были всего лишь декоративным украшением, «бижутерией» женского ума. Его глубину женщина проявляла, задавая тон светской жизни, начиная формировать свой вкус в литературных спорах, но, прежде всего, становясь законодательницей в области мод, этикета. Все это требовало особых знаний, которые читательницы черпали из книг. Именно поэтому большую распространенность в женских библиотеках получил раздел домоводства, где было много книг по рукоделию и дамских журналов с практичными приложениями. Выходя в свет, дамы демонстрировали шали, веера, шарфы, вставки на платьях, кайму на вуали – зачастую собственного исполнения. В изданиях, ставших доступными и многообразными в рассматриваемый период времени, читательницы находили образцы узоров со всеми оттенками цветов и растений, узнавали о модных тканях, о выпуске изобретенных машинок для изготовления многочисленных складок – гофре и плиссе, о ножницах с зубчатым колесом, способных обрезать плотные ткани в виде фестонов, без обсыпания краев и т.д.

Фонды женских библиотек отражали разнообразности досуга. Там же, в разделе домоводства, имелись руководства по изготовлению гербария. Дворянки учились понимать природу в детстве, и соби́рание растений, интересных перышек, раковин, насекомых приятно занимало часами. На основе книжного руководства узнавали, в какое время дня нужно собирать растения, чтобы они не были покрыты росой и впоследствии не почернели, как расправлять согнутые листья и цветы, складывать их в ботанические коробки, обкладывая влажным мхом, как укладывать для просушки в многослойную бумагу или помещать растения под пресс.

Книги о карточных пасьянсах, гадальные книги также находили место в библиотеке, благодаря чему можно было научиться гадать «на курице», со-

бачьей шерсти, луковицах и другом подручном материале.

Женщина в усадебном доме могла оказать посильную медицинскую помощь, поскольку в ее домашнем книжном собрании непременно находились домашние травники и лечебники, которые помогали лечить ангину сельдереем, гипертонию – свеклой, ипохондрию – пижмой. Дворянки увлекались гомеопатией и старались приобрести популярную книгу «Начальные основания естественной истории, содержащие царства животных, растений и ископаемых» (СПб.: Импер. тип., 1794), в которой находился раздел, посвященный травам и их свойствам.

Хозяйки усадеб, как правило, воспитывались в любви к музыке, пению, домашним театрам – усилить интерес помогали либретто опер, трагедии, комедии. С последнего десятилетия XVIII века стал популярен сборник «Российский Феатр, или Полное собрание российских феатральных сочинений» в 39 томах, и для женщин он становился удачной покупкой. Музыкально-театральный раздел собственной библиотеки они пополняли и собственноручно переписанными нотами.

Однако интересы женщин в то время не ограничивались легкой или практической литературой – круг женского чтения был чрезвычайно широк. Путешествовавший по России к середине XIX столетия Теофиль Готье отмечал, что женщины очень развиты, «...с легкостью они читают и говорят на разных языках. Многие читали в подлиннике Байрона, Гете, Гейне...». Удивление Готье оправданно. Если в допетровские времена книга в России была предметом роскоши, при Петре I, преимущественно, – учебным пособием, то с конца XVIII – начала XIX века она, благодаря безупречному полиграфическому исполнению, стала восприниматься как источник знания и удовольствия. Оценив по достоинству развивающую роль книги, женщина по моде того времени стала формировать основу своей библиотеки, которую составляли, прежде

всего, книги на французском языке. Возможности приобретения книг были разнообразны: книжные магазины, букинистические лавки, почта, оказывавшая услуги по подписке, книгоноши. Книги покупались индивидуально или целыми массивами, собраниями, в том числе на распродажах имущества должников и заграничных аукционах.

Русские дамы открывали для себя книги французских драматургов: Мишеля Седена, Эжена Огюстена; поэтов: Николя Буало, Жана Расина, Альфреда де Мюссе, Эвариста Дезире де Форжа Парни, Альфонса Ламартина; сатириков: Алена Рене Лесажа, Пьера Жана де Беранже; писателей: Поля Скаррона, Жан-Жака Руссо, Антуана Франсуа Прево, Пьера Бомарше, Вольтера (псевдоним; имя Вольтера – Мари Франсуа Аруэ), Виктора Гюго, Александра Дюма, Эжена Сю, Стендаля (псевдоним; имя – Мари-Анри Бейль), Франсуа Рене де Шатобриана, Оноре де Бальзака, Проспера Мериме; комедиографов: Пьера Мариво, Жана-Батиста Мольера; писательниц: Мадлены Скюдери, Анны-Луизы Жермены де Сталь (известной как мадам де Сталь), Жорж Санд (она же – Амандина Аврора Люсиль Дюпен). Французские издания в изящном оформлении становились гордостью хозяек библиотек и украшением книжных полок.

Значительно беднее в фондах женских библиотек была представлена литература других стран, например, английская. Основная масса ее произведений преобладала не в оригиналах, а в переводах на французский или русский язык. В разделе английской литературы: «Английские письма, или История кавалера Грандиссона» С. Ричардсона, «Английские письма, или Приключения госпожи Клевеландши» и т.д.

Вместе с зарубежными изданиями на полках дворянских книжных собраний «сосуществовали» В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, И.Ф. Богданович, В.А. Жуковский, М.Н. Загоскин, Ф.В. Булгарин, Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов.

Интересной особенностью отдела русской художественной литературы было наличие значительного количества переводов русских авторов на английский, немецкий и особенно французский языки, например, переводы исторических романов Загоскина, повестей Булгарина, басен Крылова.

К книгам привыкали, чтение становилось необходимой потребностью для развития, определяло судьбы женщин. У И.А. Гончарова в романе «Обыкновенная история» приводится распространенный для того времени случай влияния книг А.С. Пушкина на молодую читательницу: «Ум начинал засыпать, а сердце бить тревогу. Вот тут-то подвернулся услужливый кузен и кста-ти привез ей несколько глав «Онегина», «Кавказского пленника» и проч. И дева познала сладость русского стиха. «Онегин» был выучен наизусть и не покидал изголовья Юлии» [1]. Работая с книгой, читательницы окружали себя предметами, способствующими более удобному чтению, приобретая нож для разрезания страниц, щипцы для снятия нагара со свечи, вышивая книжные закладки с трогательными надписями: «Здесь я уснула», «Дочитаю завтра».

Являясь представительницами дворянского общества, женщины наравне с мужчинами оказались почитателями тайной масонской литературы, учившей размышлять, указывающей на не-расторжимость уз, связывающих дитя с матерью, отцом, братом, сестрой. Масонская литература способствовала возникновению широких общественных движений. Большая часть декабристов, включая П.И. Пестеля, А.Н. Муравьева, братьев Муравьевых-Апостолов, С.П. Трубецкого, М.А. Фонвизина, Н.И. Тургенева, К.Ф. Рылеева, С.Г. Волконского, находилась в масонских братствах, – в свое время они, вместе с женами, читающими те же книги, оказали свое влияние на распространение культуры в русской провинции.

Книги служили дворянкам не только для чтения, но и для записи любых, са-

мых незначительных жизненных событий, при этом чаще всего использовался форзац. Например, в тургеневской библиотеке Спасское-Лутовиново во французском издании Географического атласа для детей 1772 г. – дневниковая запись на французском языке: «La première fois que nous avons été au jardin ce 25 avril. Pour la dernière fois le 15 d'août 1779. Ce livre appartient à Mademoiselle de Loutavinoff» (В первый раз мы были в саду 25 апреля. В последний раз – 15 августа 1779 г. Эта книга принадлежит мадемуазель Лутовиновой») [2]. Записи на книгах – распространенные и обыденные в то время, являются теперь для исследователей старинных книг богатейшим источниковедческим материалом.

Постепенно у женских библиотек определился свой характер, отличающийся формированием фондов в соответствии с разносторонними обязанностями женщины и ее жизненными интересами. Свое место в ее библиотеке находили книги по планировке усадьбы, путеводители по Европе (карты, планы европейских столиц и больших городов, проспекты курортов и вод, каталоги музеев), страноведческая литература, книги по этнографии, истории, искусству. Особое внимание при формировании домашнего библиотечного фонда читательницы-матери уделяли выбору детских книг, учебникам и педагогической литературе, и неслучайно: в то время стремительно развивалось образование. Устав Смольного института, основателями которого являлись еще Екатерина II и Бецкой, требовал «паче всего возбуждать в воспитываемых охоту к чтению книг, как для собственного увеселения, так и для происходящей от того пользы». Он вменял в обязанности «вперять в них (детей) охоту к чтению» [3].

Воспитанные в любви к чтению, выпускницы Смольного института и дворянки, получившие хорошее домашнее образование, для собственных детей дома становились прекрасными руководителями чтения. Образованность женщины

в дворянской семье прямым образом влияла на воспитание детей и их охотное приобщение к систематическому чтению. Детям становился понятен спектр занятий матери, способствующий повышению книжной культуры.

Среди множества таких занятий – копирование книг, или переписывание от руки. Эта работа требовала усидчивости, стимулировала мыслительные процессы, способствовала запоминанию текста и выработке красивого почерка. Копируя книги, женщины заботились об оформлении обложки, наличии рисунков, способе скрепления листов и т.д.

Функциональность работы женской домашней библиотеки обеспечивалась путем составления элементарного каталога. Благодаря реестрам становилась «прозрачной» общая усадебная библиотека. Так, например, зарождение библиотеки Брянчаниновых фиксируется в 1802 г. в начальном женском каталоге: «Catalogue des livres qui se triuvent dans la bibliotheque de Sophie Brintcheninoff» («Каталог книг, которые находятся в библиотеке Софии Брянчаниновой») –

50 французских и 5 русских книг. Со временем записи в их каталоге стали семейными, и появились систематические разделы: книги Священного писания, история, география, путешествия, поэзия, философия, медицина, научные книги, трагедии, драмы, оперы, комедии.

Чтение для женщин в конце XVIII – начале XIX в. не означало механическую работу с книгой. Прочитанное соотносили со знаниями из других областей, тексты учились критически осмысливать. По традиции того времени, женщины-читательницы развивали в себе книжную культуру, приобретая навыки к систематическому и литературному изложению собственных мыслей в дневниках чтения, которые отражали направленность чтения, успешность изучения иностранных языков на основе систематических коротких переводов из зарубежных книг, личные пе-

реживания по поводу прочитанного, составление рекомендательных списков литературы. При изучении многих дневниковых записей дворянок выявляются их основные условия в работе с книгой – цель, последовательность и система. Дневники дисциплинировали, позволяли видеть картину умственного роста и определяли собственные успехи. У женщин, благодаря такой методике развития книжной культуры, очень скоро появлялось желание переводить и издавать полюбившиеся книги из своей библиотеки, сделав их доступными для всех русских читателей, в том числе, для своих близких. Упомянутая уже

С. Брянчанинова настолько увлеклась сочинениями Л. Стерна, что занялась переводом его произведений на русский язык для того, чтобы мать, не знавшая английского языка, смогла насладиться изящным словом и глубоким содержанием произведений этого автора. Так на полках дворянских библиотек рядом с французскими и немецкими оригиналами появлялись переплетенные переводы в рукописях.

Заключение. Таким образом, в конце XVIII – начале XIX века появились определенные предпосылки для возникновения женского интереса к созданию личных библиотек, что способствовало процессу формирования книжного фонда и книжной культуры в исследуемый период времени.

При изучении дворянских дамских библиотек становится понятно, насколько глубоко происходило осмысление роли и места женщины в дворянской культуре. Книги вырабатывали сознание собственной силы и значимости. Дворянские дети, растущие рядом с постоянно пополняющейся домашней библиотекой и начинающие учиться читать, неслучайно становились объектом пристального внимания родителей в период развития любви к книге. Весьма ревностно матери относились к руководству чтением своих детей, часто не доверяя это занятие ни домашним учителям, ни гувернерам. В яснополян-

ской библиотеке хранится любопытный документ – «Журнал поведения Никольки» 1828 года – дневник матери писателя Л.Н. Толстого Марии Николаевны Толстой, когда она усиленно занималась воспитанием своего первенца Николая, помогающий понять, что для успешного обучения чтению детей были необходимы родительская любовь и уверенность в конечном результате. Выраставшие в книжной атмосфере, будучи взрослыми и не представлявшими своей жизни без ежедневного чтения, дворянки большое внимание уделяли и своим детям в воспитании любви к домашней библиотеке. Дети быстро вживались в роль пользователей, прежде всего, женской библиотеки, позже, вырастая, становились активными читателями общеуниверсальной библиотеки.

Знакомясь с российской и европейской культурой, получая универсальные знания благодаря домашним книгам, женщины России в конце XVIII – начале XIX в. очень скоро заняли достойную нишу в дворянском просвещенном обществе, поддерживая ценности, нормы и традиции российской науки и культуры и определяя его менталитет.

Традиция женского чтения нуждается в продолжении и развитии, и в разнообразии поисков путей приобщения к книге полезно использовать значительный опыт книжной культуры в дворянских семьях XIX века.

Литература

1. Гончаров, И.А. Обыкновенная история / И.А. Гончаров. – М.: Худож. лит., 1980. – С. 219.

2. Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева: каталог: книги на русском языке / сост. и автор вступ. ст. Л.А. Балыкова. – Орел: Изд-во Орловской гос. телерадиокомпаний, 1994. – С. 8.
3. Водовозова, Е.Н. На заре жизни / Е.Н. Водовозова; вступ. ст. Э.С. Виленской: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1987. – Т. 1. – С. 315–316.
4. Готье, Т. Путешествие в Россию / Т. Готье; пер. с фр. Н.В. Шпалина. – М.: Мысль, 1988. – 396 с.
5. Дворянская и купеческая усадьба в России XVI–XX вв.: исторические очерки. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 258.
6. Декабристы и русская культура / под ред. Д.Д. Благого, Т.Б. Князевской, Б.С. Мейлах. – Л.: Наука, 1976. – 356 с.
7. Домашняя библиотека / В.С. Крейденко, Г.Ф. Гордукалова, В.Я. Петрицкий и др.; под общ. науч. ред. А.Н. Ванеева. – СПб.: Профессия, 2002. – 320 с.
8. Каждан, Т.П. Художественный мир русской усадьбы / Т.П. Каждан. – М.: Традиция, 1977. – 319 с.
9. Лотман, Ю.М. Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX в. / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1994.
10. Тенишева, М.К. Впечатления моей жизни. – Париж: Издание Русского Историко-генеалогического общества во Франции, 1933. – 209 с.
11. Эксгольц, Ф.К. Частные библиотеки / Ф.К. Эксгольц // Русская библиография. – № 55(3). – СПб., 1880.

Поступила в редакцию 20.04.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.

УДК 378(476.5)«19»=174

Латыши в Витебском отделении Московского археологического института

Назарова Е.Л.

Институт Всеобщей истории Российской Академии наук, Москва

Автор статьи исследует социальный и профессиональный состав латышских слушателей Витебского отделения (1911–1922) Московского археологического института по документам из Центрального исторического архива Москвы. В Витебском отделении (одном из 5 работавших к 1918 г., кроме московской аудитории) училось 24 из 57 всех слушателей-латышей, в том числе 5 женщин. Среди абитуриентов были чиновники городских и губернских учреждений, военнослужащие, рабочие, учителя. Большинство из них – выходцы из крестьянского сословия, хотя в некоторых случаях – из мещан, служащих и даже из семьи потомственных почетных граждан. Некоторые имели гимназическое образование, но большая часть – неполное среднее или специальное профессиональное образование. Стремление латышей как к высшему образованию, так и в целом к повышению своего культурного уровня может характеризовать интеллектуальный потенциал латышского общества накануне революции.

Ключевые слова: Витебское отделение Московского археологического института, история высшего образования в России, национальный и социальный состав российского студенчества, латыши в России, латыши в российских вузах, социальное расслоение латышей в начале XX в., женское образование в России.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С.34–44)

Ethnic Latvians in Vitebsk branch of the Moscow archaeological institute

Nazarova E.L.

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The author of the paper studies the documents from the Central Historical Archive of Moscow, which characterize the social and professional structure of ethnic Latvian students of the Moscow Archaeological institute's Vitebsk branch (1911–1922). 24 of 57 ethnic Latvians of Moscow institute and its 5 branches studied in Vitebsk branch. There were officials of different city and province institutions, military men, workers and teachers among ethnic Latvian institute entrants, most of them were peasants by origin. Still, some of them were children of petty bourgeois, rail way officers and even of honorary citizens. Some students had secondary education (gymnasia, real and commercial school), others finished different professional or military schools. Ethnic Latvians' aspiration to get high education and to increase their level of culture can characterize the intellectual potential of the Latvian society before the revolution.

Key words: Vitebsk branch of the Moscow Archaeological institute, history of high education in the Russian Empire, social and national structure of Russian students, Latvians in Russia, Latvians in high schools of the Russian Empire, social stratification of Latvian society at the early 1900s, female education in Russia.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 34–44)

Во второй половине XIX в. в Российской империи ощущается нехватка квалифицированных специалистов не только инженерно-технических специальностей, медиков, экономистов, педагогов, но и работников архивов, музеев, библиотек, исследователей древностей.

Оказалось, что общество не может гармонично развиваться без сохранения памяти о своей культуре, истории, без изучения древних артефактов, произведений изобразительного искусства, памятников архитектуры и т.п.

Адрес для корреспонденции: e-mail: ezis08@gmail.com – Е.Л. Назарова

Образованные люди разных национальностей империи стали задумываться над тем, что есть Россия и их народ в срезе европейской цивилизации, в связи с чем рос интерес к изучению истории страны, своего города, своей семьи. Кроме того, лица, уже имевшие квалифицированные специальности, стремились повысить свой уровень культуры, расширить кругозор, что, кстати, помогало им производить более благоприятное впечатление в обществе, держаться более уверенно, более разносторонне воспитывать собственных детей, способствовало в общении с коллегами, деловыми партнерами, подчиненными и т.п.

Однако подготовка специалистов-гуманитариев тормозилась неразвитостью сети высшего образования в стране, а также социальными барьерами, ограничивавшими свободный доступ и к среднему классическому образованию, без которого нельзя было стать студентом университета. Поступить в гимназию, без аттестата («свидетельства зрелости») которой не было доступа в университеты, для представителей крестьянства и малоимущих городских слоев было очень сложно, особенно после появления циркуляра 1887 г. о «Кухаркиных детях». Доступ в училища среднего образования был ограничен и по национальному признаку (для евреев, для коренного населения народов Прибалтийских губерний, где кроме начальных школ, языком преподавания был до 1887 г. немецкий – а затем только русский).

Нехватка профессиональных кадров в стране в определенной мере компенсировалась появлением сети средних специальных учебных заведений – коммерческих, сельскохозяйственных, землемерных, ремесленных, железнодорожных юнкерских. Но переход из этих училищ к высшей ступени образования без дополнительных экзаменов за гимназический курс, был затруднен (за исключением военного образования). Существовавшая система свободного доступа к лекциям в качестве вольнослушателей позволяла получать знания и сдавать экзамены, но вольнослушатели не имели

всех прав студентов. К тому же большим недостатком российского образования было ущемление по гендерному признаку. Малое же число Высших женских курсов не удовлетворяло ни стремления женщин в высшую школу, ни реальной потребности общества в высокопрофессиональных женских кадрах разных специальностей.

Важным шагом к обеспечению общедоступного гуманитарного образования было открытие в 1877 г. Археологического института в С.-Петербурге с двухлетним сроком обучения [1]. А в сентябре 1907 г. аналогичное учебное заведение, но уже с трехлетним сроком обучения, открыли и в Москве. Институт считался частным, не имел государственного бюджета, финансирование осуществлялось за счет платы за обучение и спонсорских взносов.

Инициаторами создания Московского археологического института (далее – МАИ) были археолог В.Г. Глазов и приват-доцент Харьковского университета, историк церкви А.И. Успенский, ставший бессменным директором института вплоть до его закрытия в 1922 г. В институте изначально было два отделения – археологическое и археографическое. Позже открыли также отделение истории искусств. Первые два года обучения отводились на теоретические курсы – всего

24 общих предмета и иностранные языки (современные и древние) и специальные предметы для каждого отделения. Третий год – практика (работа в архивах, музеях, выезды на экскурсии в разные города и регионы страны и на археологические раскопки). Кроме экзаменов, выпускники могли защищать диссертацию по выбранной теме или теме, назначенной советом института. Преподавали в институте лучшие профессора Московского университета, а также учителя гимназий [2].

Несмотря на хорошую подготовку по русской и всеобщей истории, вспомогательным историческим дисциплинам, русской литературе, иностранным языкам, МАИ не был вузом в полном смысле

этого слова. Срок обучения в российских университетах был 4-летним, а не 3-летним. 4-летним срок обучения стал только по новому университетскому уставу 1918 г., когда МАИ вошел в реестр государственных вузов [3]. Учащиеся назывались не студентами, а слушателями. В действительные слушатели зачислялись лица, уже имевшие первое высшее образование. Разница между действительными слушателями и вольнослушателями состояла в том, что последние по их желанию освобождались от некоторых сложных курсов. Но вольнослушатели могли заниматься по полной программе, защищать диссертации, как и действительные слушатели, и так же, как и они, получать при выпуске звание ученого-археолога или ученого-архивиста с зачислением в действительные члены института.

Особенностью, делающей институт очень привлекательным, была равная доступность к обучению мужчин и женщин, а также обучение в вечернее время. Последнее позволяло посещать занятия работающим людям. Иначе говоря, МАИ был самым демократичным учебным заведением России начала XX в. К тому же помимо основного института в Москве до революции в разных городах страны были открыты филиалы (имевшие в разное время названия: аудитории, отделения, курсы) института: в Смоленске – в 1910 г., в Калуге, Нижнем Новгороде и Витебске – в 1911 г., в Ярославле – в 1912 г. Обучение в них шло по тем же программам и на тех же условиях, что и в Москве. Читали лекции и вели спецкурсы как местные преподаватели (учителя гимназий, других учебных заведений, сотрудники музеев и т.п.), так и приезжавшие из Москвы профессора. Для Калуги, Смоленска и Витебска отделения МАИ стали первыми высшими учебными заведениями. Для Нижнего Новгорода и Ярославля – первыми учебными заведениями такого профиля.

Высокий уровень преподавания и одновременно доступность института делала его привлекательным для многих лиц, стремившихся к знаниям. Среди

слушателей были представители самых разных народов империи. В сфере внимания настоящей статьи – абитуриенты-латыши, поступавшие в Витебское отделение (до 1918 г. – аудитория) МАИ в 1911–1920 гг.

Важность настоящего исследования в том, что научное изучение истории МАИ находится лишь на начальной стадии. Об этом институте и его особенностях упоминается в некоторых общих трудах о высших учебных заведениях Российской империи [4], а также в работах ряда архивистов (см. об этом в статье М.Ф. Шумейко [5]). Есть также отдельные статьи об отделениях МАИ, включая Витебский [6], но их явно недостаточно. Совсем не изучены такие важные аспекты, как социальный и национальный состав учащихся МАИ, что для этого вуза чрезвычайно важно. Относительно полно проанализированы только документы об учебе и работе в МАИ латышского археолога Ф. Балодиса [7]. Цель статьи – изучение деятельности этого учебного заведения, личного состава его учащихся и преподавателей, что является заметным вкладом в разработку проблемы истории высшего образования в Российской империи, а также истории национально-культурного развития народов империи накануне ее распада.

Материал и методы. Источниковая база исследования – документальный фонд МАИ из Центрального Исторического архива г. Москвы. Среди архивных материалов преобладают личные дела слушателей, которые, однако, чаще всего ограничиваются либо одним заявлением, либо дополнены еще требуемыми при поступлении документами – свидетельствами об окончании абитуриентом учебного заведения, иногда еще справками с места работы или с места жительства (в советское время); в 1919–1921 гг. встречаются также анкетные листы студента. Только в нескольких случаях сохранились зачетные книжки с перечнем сданных экзаменов и оценками. Кроме личных дел в распоряжении исследователя – отчеты о работе института за разные годы, о заседаниях ученого совета

института, письма из канцелярии института, документы о работе отдельных филиалов и переписка между филиалами и канцелярией института в Москве. В подавляющем большинстве архивные материалы впервые вводятся в научный оборот. Из опубликованных источников, важных для нашей темы, назовем справочные брошюры об условиях приема и обучения в институте, об учебных и научных задачах, а также публикации годовых отчетов о деятельности института с 1908 по 1914 г.

Результаты и их обсуждение. Всего сохранилось около 4800 личных дел. Абитуриентов-латышей из них – 57. Причем выделение из общей массы личных дел тех, которые принадлежат именно этническим латышам, часто сопряжено с отсутствием прямых этноопределяющих признаков. Непосредственно указания на национальность, как правило, отсутствуют. Чаще всего идентифицирующим признаком являются латышские фамилии поступавших в русифицированной форме. Показателем могут быть также латышский вариант христианских личных имен абитуриентов, имена их отцов (представленные в отчествах), их детей. В немецких фамилиях с окончаниями на *-сон, -берг, -ман*, также часто встречающихся у латышей, этническим показателем может быть корневая их часть, происходящая от личного имени в латышской форме или от какого-либо латышского слова. Хотя очень часто имя и фамилия практически неотличимы от немецких, или же христианские имена представлены в русском варианте. В таком случае, этноопределяющим признаком может быть указание на крестьянское происхождение, а также на место рождения или получения первоначального образования слушателя. Так, очевидно, что этническим латышом является человек с немецким именем, но крестьянин из Лифляндской или Курляндской губернии. Надо, кроме того, учитывать, что маловероятно было нахождение этнического немца в русской армии и в

прифронтовой полосе – в Витебской губернии в годы Первой мировой войны.

Вполне достоверным показателем может быть и профессиональное образование абитуриента: обучение в специальных сельскохозяйственных, землемерно-таксаторских, ремесленных, других училищах, куда можно было поступать после приходской или начальной городской школы, не имея среднего образования. Дипломы этих учебных заведений не давали права поступления в университеты, но приобретенные их выпускниками профессии позволяли выйти из крестьянского сословия. Для прибалтийских немцев такие профессиональные школы были менее привлекательны, ибо по социально-экономическому положению эта часть населения региона имела больше возможностей обучать детей в средних учебных заведениях (классических гимназиях, реальных и коммерческих училищах) и университетах. Хотя уже с конца XIX в. получение латышами и эстонцами гимназического или реального образования также уже не было редкостью. Таким образом, при выявлении лиц латышской национальности необходимо учитывать комплекс самых разных признаков. В сомнительных случаях за дополнительной информацией приходится обращаться к различным базам данных, публикациям и др. В нашей работе рассматриваются только те лица, в этническом происхождении которых нет сомнений.

Другая сложность, с которой сталкивается исследователь, – датировка личных дел, если в документах не проставлена дата. Здесь ориентирами могут быть изменения в орфографии русского языка в связи с реформой 1918 г., а кроме того, содержание заявления о приеме, что также относится к послереволюционному времени. Так, вместо «прошения» о приеме стали писать «заявление», вместо обращения «его Превосходительству господину директору» – просто «директору института» или «совету института». Правда, и в этих случаях возможна ошибка на год, так как абитуриенты нередко продолжали писать в традицион-

ной орфографии и по старым образцам заявления.

Филиалы (отделения, аудитории, курсы) МАИ открывались в губернских городах Российской империи, имевших многовековую историю, в которых сохранились средневековые памятники архитектуры, которые были связаны со значительными событиями русской истории, где работали краеведческие музеи и губернские архивные комиссии. Немаловажным фактором было присутствие известных краеведов или профессиональных историков. Так, Витебское отделение было связано с именем известного историка А.П. Сапунова. В Витебске и Смоленске Сапунов читал специальный курс «Древности Северо-Западного края» [8].

В Витебске обучались представители разных народов империи. Обращение в данной статье именно к латышам объясняется как тем, что они были административно и территориально связаны с Витебской губернией, а кроме того, в начале XX в. латыши были одним из наиболее образованных народов империи, не имея

при этом средней и даже неполной средней школы на национальном языке.

Из 57 слушателей латышей, данные о которых сохранились в архиве МАИ в Москве, в Витебское отделение поступало 24 человека или более 42% всех абитуриентов и слушателей латышской национальности.

К сожалению, по имеющимся документам мы не можем проследить, как проходила учеба поступивших в Витебское отделение слушателей и сколько из них сумело доучиться до конца. Можно лишь предположить, что те лица, в личных делах которых находилось только одно заявление, либо по каким-то причинам так и не начали учиться, либо забрали документы, бросив учебу. Хотя отсутствующие в архиве документы могли просто не сохраниться. Тем не менее, представляет интерес не только как учились латышские слушатели/студенты, но и кто именно стремился получить широкое гуманитарное образо-

вание в этом институте: лица какого возраста, социального происхождения, каких профессий посещали занятия на трех его отделениях (факультетах).

Первые два латыша появились среди слушателей Витебской аудитории уже в год открытия – в 1911 г. Это Карл Карлович Беркис, 1879 г.р. и Готфрид Ансович Ансаберг, 1871 г.р. Оба они были допущены к занятиям в качестве вольнослушателей по решению совета института по археологическому отделению [9]. Оба были крестьянами по происхождению, но сумели войти в число высших чиновников города и губернии. Первый в годы учения в институте был помощником витебского полицеймейстера, неоднократно замещал полицеймейстера в моменты отлучки того из города, второй был помощником правителя канцелярии Витебского губернатора. Оба не имели гимназического образования (хотя Беркис, возможно, сдал экзамены экстерном), оба дослужились до 12-го чина по Табели о рангах – губернского секретаря. Ансаберг имел орден св. Станислава 3-й степени (обычная награда для чиновников). У обоих слушателей жены происходили из состоятельных семей, владели недвижимостью. Жене Беркиса, дворянке и православной, принадлежал двухэтажный каменный дом в Невеле, а тесть Ансаберга, латыш, был землевладельцем [10].

Старше Ансаберга и Беркиса по возрасту был только Иоган-Каспер Янисович Вилькс, 1869 г.р., поступавший в институт в 1916 г. Он также относился к высшему витебскому чиновничеству – служил старшим ревизором Витебской контрольной палаты. Но, в отличие от двух первых, Вилькс уже имел диплом об окончании юридического факультета СПб-го университета, служил старшим ревизором Витебской контрольной палаты, дослужился до статского советника (6-й чин, последний чин личного дворянства), получил ордена Анны 2-й и 3-й степени,

св. Станислава 2-й и 3-й степени. Хотя из документов следует, что Вилькс поступал в слушатели института, его дело

включено в опись личных дел преподавателей и сотрудников. Это либо ошибка, либо Вилькс мог выполнять какие-то обязанности в штате института [11].

Еще один представитель чиновничества Витебской губернии, ставший в 1916 г. слушателем археологического отделения, был Алоиз Ричардович Брежго, 1882 г.р. Он происходил из семьи латгальских крестьян, окончил только городское училище, но позже сдал экзамен на звание частного поверенного, а после Февральской революции в марте 1917 г., был избран на должность Дрисского уездного комиссара Временного правительства и исполнял обязанности председателя съезда мировых судей Дрисского округа [12].

Чиновниками, но значительно более низкого ранга, были три землемера из Витебской губернской землеустроительной комиссии, поступавшие на археологическое отделение: в 1913 г. – уроженец Лифляндии Карл Рейнович Рубул, Петр Юрисович Берзин, родившийся в Суражском уезде Витебской губ. (оба 1886 г.р.), а в 1915 г. – Андрей Андреевич Бремзе, мещанин из Витебской губ., 1884 г.р., [13]. Рубул и Берзин имели специальное образование землемеров, а их старший товарищ Бремзе окончил двухгодичную учительскую школу, затем получил еще специальность техника-винокура в химико-технологическом училище.

Отметим, что латыши-землемеры были и среди слушателей других филиалов МАИ. Эта профессия вообще была популярна у латышей; кроме того, во время практических полевых работ землемеры могли случайно находить археологические памятники, что также способствовало желанию получить дополнительные знания в этой области.

В один год с ними, но на археографическое отделение, поступал и их сослуживец, выпускник землемерно-таксаторских классов Ян Янович Сутта. Откуда он родом и его возраст, в личном деле не указано. Но, очевидно, что он был моложе своих товарищей, так как работал еще помощником землемера. Не исключено, что именно он упомянут сре-

ди учредителей в 1909 г. «Просветительского общества» приходской школы в Эргли, в Лифляндии [14].

Стремились попасть в институт и военнослужащие – из расположенных в Витебске войск в годы Первой мировой войны и сразу после революции. В 1915 г. с просьбой выслать ему памятную книжку слушателя МАИ обратился брат А. Брежго – Станислав. В то время он служил в чине подпоручика старшим адъютантом управления Двинской сводной запасной инженерной бригады в Витебске. Правда, сам Станислав подал прошение о приеме в институт на археологическое отделение только в 1917 г. [15]. Но уже в 1915 г. в институт на археографическое отделение поступил их третий брат – впоследствии крупный латвийский историк Болеслав Брежго, в то время подпоручик 9-го Сибирского стрелкового полка [16].

Кроме братьев Брежго, абитуриентами-военнослужащими были штабс-капитан Яков Гуго Роберт Юрьевич Биезайс, 1892 г.р. и служивший в 17-м авиаотряде (кем – неизвестно) в Витебске Эрнст Карлович Шмидт, 1893 г.р. Первый – крестьянский сын, успевший до войны поучиться в коммерческом училище в Риге, поступил в институт в 1918 г. Второй, социальное происхождение которого не указано, до войны получил среднее образование в Риге, поработал педагогом и конторщиком и поступил в институт, уже служа в авиаотряде, в 1920 г. Был ли Э. Шмидт на войне неизвестно [17].

В 1914 г. слушательницей археологического отделения стала учительница приходского лютеранского училища в Витебске, Эдда Юрьевна Элкснит, 1883 г.р., дочь крестьянина, сдавшая экзамен за курс гимназии и на право работать учительницей уже в возрасте 25 лет. По семейным обстоятельствам ей пришлось пропустить семестр в 1916/17 г. Но затем она восстановилась в институте и закончила обучение в 1918 г. [18].

Больше половины латышей, поступавших в Витебское отделение МАИ, стали слушателями/студентами уже после революции после того, как МАИ был

преобразован в государственный вуз с бесплатным обучением. Более того, нуждавшиеся студенты могли получать социальную помощь. Вместе с тем, при царившем в стране хаосе было непонятно, что ждет российскую высшую школу в ближайшем будущем. Те, кто хотел получить образование, старались не упустить такую возможность. В одной из записок слушателей Ярославской аудитории к секретарю института В.И. Троицкому в июне 1918 г. содержалась настоятельная просьба способствовать приезду к ним с лекциями профессоров из Москвы, так как «жизнь стремительно несется к неизвестности и понятно желание их [слушателей. – Е.Н.] закончить институт теперь же» [19, лл. 1–2]. Вряд ли в Витебске были более оптимистические настроения.

В 1918 г. в Витебское отделение поступило 10 латышских студентов, двое – в 1919 г. и один (Э. Шмидт) – в 1920 г. Причем в 1918 г. возросла популярность факультета истории искусств. Его выбрали 5 человек. Кроме того, Алоиз и Болеслав Брежго начали заниматься на этом факультете, уже закончив два других.

Из новичков МАИ, кто в тяжелое и голодное время захотел изучать историю искусств, наверное, только один в полной мере понимал, что будет изучать: бывший рижанин Яков Яковлевич Легздын (г.р. неизвестен) после 6-классного городского училища посещал вольнослушателем Петербургскую Академию художеств.

К сожалению, никакой информации об абитуриенте не содержит заявление Александра Августовича Янсона. О его однофамильце – Гуго Яновиче известно лишь то, что в 1905 г. он закончил рижское реальное училище. Вольдемар Германович Эмзынь имел свидетельство об окончании Витебского реального училища. На факультет истории искусств в 1919 г. поступила также Ольга Викторовна Баллод, дочь потомственного почетного гражданина Витебска. Ольга получила в 1918 г. свидетельство об окончании гимназии и дополнительного

педкласса с золотой медалью; после гимназии не работала [20].

Из заявления Мартына Робертовича Матке известно только то, что он собирался изучать археологию. Больше сведений о поступавшем на археологический факультет, крестьянском сыне Петре-Альфреде Давовиче Преценеке, 1892 г., закончившем Ревельское техническое железнодорожное училище и 3 курса общеобразовательных курсов в Риге (приравнивалось к 6 классам среднего учебного заведения) нет. Как железнодорожный рабочий, он мог и не быть в действующей армии в годы войны. Студенткой археологического факультета стала и выпускница витебской гимназии с педагогическим классом Мария Мартиновна Крамп, 1899 или 1900 г.р. Отец ее был то ли арендатором, то ли управляющим имением в фольварке Малые Краповичи в Витебской губернии [21].

Не указали факультет при подаче заявления в 1918 г. Карл Петрович Баум, из крестьян Лифляндской губернии и Оттилия Христофоровна Скрытул. Она имела свидетельство об окончании витебской частной гимназии, куда поступила сразу в 5-й класс, сдав экзамены за младшие классы. Родом она, вероятно, была с территории Белоруссии (ст. Выдря) – судя по тому, где родился (в 1903 г.) Владимир Христофорович Скрытул, репрессированный и расстрелянный в 1938 г. – по всей вероятности, ее брат [22].

В 1919 г. студенткой института стала еще одна представительница семьи Брежго – Анатолия Григорьевна, дочь железнодорожных служащих. После витебской гимназии с педклассом она год или два работала учительницей [23]. Можно предположить, что археографический факультет она выбрала не без влияния своего родственника (дяди?) Б. Брежго, рассчитывая работать затем в Витебском губернском архиве. Но о дальнейшей ее судьбе сведений найти не удалось.

Неизвестна и судьба большинства из поступавших в Витебское отделение латышей. Очевидно, что те, кто начал

учиться после 1918 г., не успели закончить все 4 курса до закрытия филиала в 1922 г. Из более старших абитуриентов точно известно, что свидетельство об окончании полного курса получили К. Беркис и Э. Элксит. Все три отделения/факультета института закончили Алоиз и Болеслав Брежго.

О некоторых из упомянутых учащихся сохранились сведения в других источниках. К. Рубул был призван в армию в 1914 г. (это известно из личного дела), затем направлен в Виленское юнкерское училище, с 1915 г. воевал на фронте в составе 7 (Баусского) латышского стрелкового батальона, имел награды. С 1918 г. участвовал в создании армии Латвийской республики, воевал за ее независимость, в 1920 г. вышел в отставку, работал землемером и государственным земельным инспектором, одновременно был командиром одного из батальонов айзсаргов, имел правительственные награды. В июне 1941 года был арестован, отправлен в Кировскую область, там расстрелян в 1942 г. [24].

Его судьбу разделил Петр Берзин, который после революции жил в Витебске, работал техником. Его арестовали в 1937 г., как члена контрреволюционной организации расстреляли в январе 1938 г. [25].

В документах белорусского «Мемориала» есть сведения об аресте в 1937 г. и заключении на 10 лет в Вятлаг за антисоветскую деятельность Марии Мартыновны Крамп, работницы одного из совхозов Витебской обл. Скорее всего, речь идет о бывшей студентке Витебского отделения МАИ. Есть, правда, одно отличие – в справке «Мемориала» ее образование указано как неполное начальное. То есть, либо она скрывала сведения о себе, либо это ошибка в данных «Мемориала» [26].

Самым тесным образом судьба связала с Витебским отделением МАИ известного латышского (латгальского) историка Болеслава Брежго. В 1918 г., еще до окончания им третьего факультета (истории искусств), он был назначен заведующим Витебским отделением и оста-

вался в этой должности вплоть до его закрытия в 1922 г. В личном деле Б. Брежго сохранилась зачетная книжка, где указаны 36 сданных им на отлично экзаменов за два отделения, дополнительные экзамены за третье отделение (факультет) и диссертация на тему «Эстетические воззрения Винкельмана» [27, лл. 4–5, 13 об.–14].

На археологическое отделение института в конце 1917 г. Брежго поступал уже действительным слушателем. А с января 1918 г. он получал стипендию. То есть, из армии к этому времени он уже уволился. Экзамены за дополнительные предметы, преподававшиеся на археологическом отделении, он сдал уже летом 1918 г. и тогда же подал документы на 4-й курс отделения истории искусств [27, лл. 1, 3, 9].

Очевидно, уже к этому времени было решено о назначении его заведующим Витебским отделением МАИ. Но у него не было гимназического образования. Свидетельства об окончании городского училища и Тифлисского юнкерского училища, где не преподавали латынь, не давали права «свидетельства зрелости». Чтобы назначение на должность заведующего имело все законные основания, Брежго пришлось сдать экзамен по латыни за гимназический курс в объеме 8 классов мужской гимназии [27, лл. 21–21 об.].

Подпись Б. Брежго как заведующего Витебским отделением МАИ стоит на документах витебских студентов, начиная с 1918 г., в том числе на документах его брата и племянницы.

В ноябре–декабре 1918 г. Брежго ведет переписку как с дирекцией МАИ в Москве, так и с Витебскими губернскими властями о принятии в ведение Витебского отделения института губернского архива, оказавшегося после революции бесхозным. Передача архива институту предполагалась как временная мера, чтобы спасти это ценнейшее собрание документов от гибели. Впоследствии архив должен был стать или самостоятельным учреждением, или войти в состав какого-то другого учреждения, которое

сможет обеспечить ему нормальное существование. От имени института Брежго подписывал акт о приемке архива. Дирекция МАИ возложила на него обязанности заведующего архивом. В очень тяжелых условиях Гражданской войны и разрухи ему пришлось заниматься административными и хозяйственными делами (подбором сотрудников, расчетом бюджета архива, составлением сметы расходов и объяснительных записок с указанием необходимых затрат на ремонт, отопление, освещение, других документов). Пока продолжало работать Витебское отделение МАИ, архив считался учебным [28, лл. 29–37, 215 об.].

Параллельно Брежго руководил учебным процессом отделения. Поскольку в 1918–1919 гг. Витебская губерния входила в Западную область с центром в Смоленске, Брежго приходилось ездить в Смоленск на заседания Комиссии по управлению Смоленским и Витебским отделениями МАИ (председатель комиссии В.П. Лапчинский), отчитываться о том, как строится и выполняется учебный план, согласно ли расписанию ведутся занятия; приходилось договариваться о приезде тех лекторов, которые постоянно жили в Смоленске. Последнее было особенно сложно, поскольку на проезд требовалось в то время особое разрешение властей; не всегда регулярным было железнодорожное сообщение. Не на все заседания комиссии удавалось попасть и самому Брежго [29, лл. 26–31].

В 1922 г. Б. Брежго пришлось заниматься делами, связанными с закрытием отделения [5, с. 219–222]. В 1925 г. он навсегда уехал в Латвию. Полученное им в МАИ образование позволило ему занять одно из ведущих мест и среди историков, и среди архивистов Латвийской республики.

Заключение. Таким образом, материалы из фонда МАИ в Московском историческом архиве вносят важный вклад в представление о стремлении латышей к культуре и высшему образованию в первые два десятилетия XX в. Если абитуриенты 1918–1920 гг. намеревались получить именно диплом о высшем об-

разовании, то поступавшие в МАИ вольнослушателями до революции воспринимали его как некий «институт культуры», вряд ли планируя радикально менять уже имевшуюся профессию и образ жизни. При этом они осознанно шли и на затрату денежных средств, и на занятия в вечернее время (после основной работы) шесть дней в неделю, причем на занятия, требовавшие и большого внимания, и дополнительного приложения значительных усилий, чтобы освоить многочисленные сложные курсы.

Документы интересны и для изучения того, какие учебные заведения выбирали латыши, для которых и по социальным, и по языковым причинам гимназии были малодоступны. Наглядно отражена также нацеленность их на образование как выход из крестьянского сословия. Причем, путь к получению «свидетельства о зрелости» мог быть достаточно сложным и растягиваться на многие годы. Показателен и уровень женского школьного образования – все девушки, поступавшие в институт, имели свидетельство об окончании гимназии с дополнительным классом, уже дававшим им профессию педагога (не слишком доходную в финансовом отношении, но весьма уважаемую и позволявшую перейти в более высокую, по сравнению с крестьянством, социальную страту).

Знаменательно и то, что этническим латышом (точнее, латгальцем) был заведующий Витебским отделением, исполнявший эту обязанность в самые сложные годы существования института, когда обычный учебный процесс и научная деятельность сталкивались с ситуацией войны и разрухи. В сохранении ценного губернского архива, переданного в распоряжение института, также его большая заслуга.

В заключение подчеркнем, что настоящее исследование не может считаться завершенным без поисков и активизации материалов по истории Витебского отделения и из белорусских архивов.

Литература

1. Положение об Археологическом институте. – СПб., 1877.
2. Памятная книжка для слушателей Московского археологического института имени императора Николая II. – М.: Издание МАИ, 1916.
3. Центральный архив города Москвы. – Фонд 2398. – Д. 1 (Московский археологический институт. Проект положения о Российских университетах 1918 г.).
4. Иванов, А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. / А.Е. Иванов. – М., ИИССР, 1961. – С. 123–128, 173.
5. Шумейко, Н.Ф. Из истории Витебского отделения Московского археологического института / Н.Ф. Шумейко // Вестник архивиста. – 2011. – № 3. – С. 205–222.
6. Салова, Ю.Г. Деятельность Ярославского отделения Московского археологического института в 1907–1922 гг. / Ю.Г. Салова // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы. – Ярославль, 1994. – С. 175; Аграфонов, П.Г. Ростовское отделение Московского археологического института / П.Г. Аграфонов // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 2002 г. Ростов 2003 (<http://www.rostmuseum.ru/publication/historyCulture/2002/agrafonov01.html>).
7. Назарова, Е.Л. Францис Балодис в Москве. 1907–1917 (по материалам московских архивов) / Е.Л. Назарова // Arheologija un etnogrāfija. – Rīga, 2010 – 24. laid. – 28. – 36. lpp.
8. Отчет о состоянии Московского археологического института имени императора Николая II за 1912–1913 гг. – М.: Изд-во МАИ, 1914. – С. 35.
9. Отчет о состоянии Московского археологического института имени императора Николая II за 1911–1912 гг. – М.: Изд-во МАИ, 1913. – С. 37.
10. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 318 (Личное дело К.К. Беркиса). – Д. 123 (Личное дело Г.А. Ансаберга).
11. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 2. – Д. 30 (Личное дело И.-К. Я. Вилькс).
12. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 473 (Личное дело А.Р. Брежго).
13. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 3362 (Личное дело К.Р. Рубула). – Д. 317 (Личное дело П.Ю. Берзина). – Д. 478 (Личное дело А.А. Бремзе).
14. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 3878 (Личное дело Я.Я. Сутты); Ērgļu pagastskola // <http://www.home.lv/ticet/pagastsk.htm>.
15. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 476 (Личное дело С.Р. Брежго).
16. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 475 (Личное дело Б.Р. Брежго).
17. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 347 (Личное дело Я.Ю. Биезайса). – Д. 4534 (Личное дело Э.К. Шмидта).
18. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 4607 (Э.Ю. Элкснит).
19. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 3. – Д. 61 (Переписка за 1918 г.).
20. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 2219 (Я.Я. Легздын). – Д. 4682 (А.А. Янсон); Д. 4682 (Г.Я. Янсона). – Д. 4610 (В.Г. Эмзынь); Д. 215 (О.В. Баллод).
21. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 2474 (М.Р. Матке). – Д. 3155 (П.Д. Преценек). – Д. 1967 (М.М. Крамп).
22. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 247 (К.П. Баум). – Д. 3600 (О.Х. Скрытул), Жертвы политических репрессий/<http://lists.memo.ru/index18.htm>.
23. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 474 (А.Г. Брежго).
24. Nekropole Personu saraksts// <http://www.lkok.com/detail1.asp?ID=1350>.
25. Берзин Петр Юрьевич // <http://www.nekropole.lv/lv/person/list/char/RU?order=0&start=20>.
26. Белорусский «Мемориал»/<http://lists.memo.ru/d18/f136.htm>.
27. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 1. – Д. 475 (Личное дело Б.Р. Брежго).
28. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 3. – Д. 61 (Переписка канцелярии МАИ за 1918 г.).
29. ЦИАМ. – Фонд 376(МАИ). – Оп. 3. – Д. 23 (Отчеты о деятельности отделений института за 1913–1919 гг.).

Поступила в редакцию 09.04.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.

УДК 930.26(476)

О финале эпохи бронзы и начале железного века в лесной полосе Восточной Европы

Егорейченко А.А.

Белорусский государственный университет, Минск

В статье рассматривается проблема перехода от эпохи бронзы к железному веку в лесной полосе Восточной Европы. Ранее утверждалось, что железный век в лесной полосе Восточной Европы наступает в VII в. до н.э. Подобное утверждение справедливо лишь для археологических культур южной части этой зоны, милоградской, юхновской. Более северные культуры (культура ранней штрихованной керамики, днепро-двинская, дьяковская, городецкая и др.) на протяжении всего I тыс. до н.э. демонстрируют костяную и каменную индустрию, характерные для бронзового века. Финальная дата этих культур затруднена вследствие отсутствия хорошо датированных находок. Массовое распространение железных вещей в лесной полосе Восточной Европы начинается не ранее середины I в. до н.э. С этого момента и берет начало железный век в исследуемом регионе.

Ключевые слова: бронзовый век, железный век, поселения, хронология, культура ранней штрихованной керамики, культура поздней штрихованной керамики, днепро-двинская культура.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 45–49)

Concerning the late Bronze – early Iron Age in the forest zone of Eastern Europe

Yegoreichenko A.A.

Belarusian State University, Minsk

The problem of transition from Bronze Age to Iron Age in the forest zone of Eastern Europe has been reviewed in the article. It has been claimed previously that Iron Age started in the forest zone of Eastern Europe in VII BC. Such statement is correct only for archaeological cultures of southern part of this zone: Milograd culture, Juhnovo culture. Northern cultures (the culture of early hatched pottery, Dniepr-Dvina culture, Djakovo culture, Gorodets culture etc.) show us bone and stone industry typical for the Bronze Age of the whole first Millennium BC. The final date of these cultures is complicated because of the lack of well-dated finds. Mass distribution of iron things in the forest zone of Eastern Europe does not begin until mid-I c. BC. From this point the Iron Age in the study region begins.

Key words: Bronze Age, Iron Age, settlements, chronology, culture of early hatched pottery, culture of late hatched pottery, Dniepr-Dvina culture.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 45–49)

Н а начало железного века в лесной полосе Восточной Европы традиционно определяется VII в. до н.э. Подобное утверждение справедливо лишь в отношении археологических культур южной части этой зоны (милоградская, юхновская и др.), граничащих с лесостепью и имеющих непосредственный контакт со скифами, при посредничестве

которых здесь начинает распространяться черная металлургия и металлообработка. Что же касается культур, локализованных севернее, штрихованной керамики, днепро-двинской, дьяковской, городецкой и др., то в это время никаких признаков железоделательного производства у их носителей не наблюдается. Более того, они на протяжении длительного времени

демонстрируют костяную и каменную индустрии, характерные для бронзового века. Целью настоящей работы является определение времени перехода от эпохи бронзы к железному веку в лесной полосе Восточной Европы.

Материал и методы. Источниковедческую базу исследования составляют результаты археологических раскопок, проведенных автором на ряде ранних городищ Браславского Поозерья и Центральной Беларуси (Городище, Зазоны, Ивань, Кащеличи, Подваринка, Ратюнки, Тарилово), а также материалы полевых исследований укрепленных поселений Северо-Восточной Литвы, Юго-Восточной Латвии, Понеманья, Верхнего Поднепровья и Верхнего Поволжья, содержащиеся в публикациях археологов Беларуси, Литвы, Латвии и России.

Методологическую базу представленной работы составляют принципы историзма и научной объективности, позволяющие рассмотреть развитие этнокультурных сообществ на протяжении длительного времени. При написании статьи нами применены сравнительно-типологический, сравнительно-хронологический и системный методы, которые дали возможность более точно определить хронологию археологических культур и показать черты сходства и различий в их развитии.

Результаты и их обсуждение. Кардинальное отличие памятников I тыс. до н.э. и половины I тыс. н.э. в этих культурах позволяет говорить не об их эволюционном развитии, а о смене этнокультурных общностей, присущих разным археологическим периодам. Наиболее наглядно это было проиллюстрировано автором, выделившим культуру ранней штрихованной керамики, которая соотносится с эпохой поздней бронзы, и культуру поздней штрихованной керамики, характерной для железного века [1].

Культура ранней штрихованной керамики сформировалась в последней четверти II тыс. до н.э. [2, р. 237, 238; 3, р. 59; 4, с. 91; 2, с. 54]. Она занимала сравнительно небольшую территорию, в

которую входили Северо-Восточная Литва, Юго-Восточная Латвия и Северо-Западная Беларусь. Ее начальная дата определяется рядом находок, имеющих аналогии прежде всего в лужицкой культуре. Среди них бронзовая булавка с гвоздевидным навершием из Большого Наркунайского городища, типичная для фазы ВС/BD периода средней бронзы (1300–1200 гг. до н.э.) на территории Польши. На многих городищах (Зазоны, Мошкенай, Большой Наркунай, Няверришке, Ратюнки) обнаружены костяные подражания этим заколкам, датировка которых должна быть сопоставима с бронзовыми прототипами. Из Большого Наркунайского городища происходят и два бронзовых браслета. Один из них имел плоско-выпуклое сечение. Его лицевая поверхность декорирована елочным узором, полукружиями, косыми насечками и точками. Украшения с подобным сечением и сходным орнаментом были характерны для культур Центральной и Западной Европы в III периоде эпохи бронзы в соответствии с периодизацией Я. Домбровского (1370–1150 гг. до н.э.) [5, s. 65, рис. 46: а, рис. 53: b]. Типологически близка этому браслету и вторая находка, однако ее отличает меньшая ширина исходной бронзовой пластины и отсутствие на ней орнамента. Подобные изделия имеют более широкие хронологические и территориальные рамки. Они, в частности, известны не только в Центральной Европе, но и на Дону, Северном Кавказе и в других местах, где появляются уже во II периоде эпохи бронзы (1700–1370 гг. до н.э.) [6, табл. 109: 12; 7, taf. 5: а, b, taf. 13: с, c1, taf. 15: i; 241, tabl. XXVII: 5; и др.]. Среди бронзовых вещей на территории Беларуси отметим две, происходящие из городища Ратюнки. Одна из находок – игла, аналогии которой можно найти в лужицкой культуре, где близкие экземпляры датируются в пределах фаз ВВ2 – ВС эпохи бронзы (1500–1300 гг. до н.э.) [8, рис. 12, tabl. XIV: 6, XVIII: 2]. Еще одно изделие представлено массивным кольцом с заходящими друг за друга концами. На территории Польши подоб-

ные экземпляры имели длительное хождение от 1600 г. до н.э. до 600 г. до н.э., хотя большая часть находок также имеет максимум распространения в фазах BB2 – BD (1500–1200 гг. до н.э.) [8, tabl. XXX: 9, 10].

Помимо булавок еще две серии костяных находок представляют собой имитацию бронзовых вещей, известных в южноприбалтийском ареале. Среди них три втульчатых копья (Горани, Ратюнки, Сокишкяй). Их прототипами, бесспорно, послужили бронзовые копья предлужицкой и лужицкой культур, имевшие хождение в 1450–800 гг. до н.э. [9, tab. XIV: 6, 8]. Наконец, к III–IV периодам бронзы (1370–900 гг. до н.э.) следует относить сложнофигурные пуговицы из городищ Кярялай, Мошкенай, Большой Наркунай и Ратюнки, чьи параллели с восточнопрусскими бронзовыми аналогами не вызывают сомнений [7, taf. 14: g].

Остальные находки из камня (топоры, долота, подвески, терочники, зернотерки) и кости (проколки, кочедыки, долота, тупики, наконечники копий и стрел, рукояти, подвески и др.) не имеют узких хронологических реперов. По-видимому, хождения были распространены на протяжении всего этого периода.

Большинство исследователей полагает, что культура ранней штрихованной керамики (ранний этап культуры штрихованной керамики по их терминологии. – *А.Е.*) прекращает свое существование к рубежу н.э. [10, с. 102, 103; 4, с. 123, 128; 11, с. 45; 3; р. 84]. Подобная точка зрения может быть принята, но с определенной оговоркой. Учитывая отсутствие узко датированных вещей, которые бы определяли завершение культуры ранней штрихованной керамики, необходимо опираться на начальную дату культуры поздней штрихованной керамики, чей ареал был значительно больше территории распространения культуры поздней штрихованной керамики. Он охватывал всю Восточную Литву, юго-восток Латвии, Северо-Западную и Центральную Беларусь вплоть до верховьев левобережных притоков Припяти.

Наиболее показательными в этом плане являются городища белорусского ареала. Имеющиеся к настоящему времени данные позволяют отнести появление укрепленных поселений этой культуры на территории Беларуси не ранее середины I в. до н.э. Эта датировка, прежде всего, базируется на серии находок из нижних напластований городища Ивань. В них были найдены стеклянные золоченые бусины, время бытования которых, в основном, относится ко II в. до н.э. – I в. н.э. Там же обнаружены зарубинецкие кельты с прямоугольной втулкой, аналогии которым имеются в мужских захоронениях Чаплинского могильника фазы D1 (120–60 гг. до н.э.).

В конце I в. н.э. возникает городище в Мыслях. Среди ранних датированных находок этого поселения имеются две фибулы. Одна из них – подвижная верхнеднепровской серии. М.Б. Щукин относит подобные экземпляры к LtD2 (60–15 гг. до н.э.). По мнению В.Е. Еременко, такие застегивки были характерны для более позднего времени 15 г. до н.э. – 20–40-е гг. I в. н.э. Вторая, так называемая фибула «бойев» относится к фазе А позднего предримского периода (60 г. до н.э. – начало I в. н.э.).

По-видимому, со второй половиной – концом I в. до н.э. нужно связывать появление носителей КРШК на городищах Банцеровщина, Новоселки и Петровщина, на которых также обнаружены подвижные фибулы верхнеднепровской серии. В это же время возникает и городище Малышки, о чем можно судить по находке «воинской фибулы». По мнению М.Б. Щукина, подобная фибула поздне-латенской схемы ближе стоит к кельтским наухаймским, распространенным, преимущественно, в первой половине – середине I в. до н.э. Вместе с тем этот исследователь допускает возможность доживания их дериватов вплоть до рубежа н.э., возможно, даже до середины I в. н.э.

Заключение. Таким образом, переход от эпохи бронзы к железному веку в северо-западной части Беларуси можно отнести ко времени не ранее середины I в. до н.э. Однако и здесь необходимо сделать определенную поправку. В области распространения бывшей культуры ранней штрихованной керамики, характер-

ная для нее баночная и слабопрофилированная посуда, продолжает бытовать и в первых веках н.э. Это отмечают литовские исследователи. Так, в частности, Е. Григалавичене фиксировала, что на городищах Няверишке и Сокишкяй слабопрофилированная и баночная посуда была представлена во всех горизонтах культурного слоя, включая верхние, где отмечены ребристые горшки. Там же одновременно сочетались костяные и железные изделия. Такая же ситуация наблюдалась и на городище Зазоны. Посуда культуры ранней штрихованной керамики, здесь представлена во всех пластах. Ребристые горшки на этом поселении немногочисленны. Ребро у них – невыразительное, орнаментация отсутствует. Железных изделий, которые можно было бы увязать с культурой поздней штрихованной керамики, здесь нет. Конечную дату городища определяет бронзовый наконечник пояса, характерный для фазы B2/C1a (170–200 гг. н.э.). Именно этим временем (не позднее начала III в. н.э.) необходимо датировать не только прекращение функционирования самого поселения, но и время исчезновения остаточного населения культуры штрихованной керамики.

Близкая картина наблюдается и точнее, в бассейне Западной Двины, в Верхнем Поднепровье и Верхнем Поволжье. Там локализуются днепровская, родственная культурам штрихованной керамики, и дьяковская культуры. И в этих культурах кардинальные перемены наблюдаются только к рубежу н.э. В керамическом комплексе они не

так заметны, как в культуре поздней штрихованной керамики, однако достаточно показательны. Исследователи отмечают распространение на рубеже н.э. и в первых веках н.э. сильнопрофилированной керамики вместо баночной и слабопрофилированной, которая орнаментирована пальцевыми зацепами и ногтевыми насечками по краю венчика [12, с. 96]. Появляется лощеная посуда, в чем можно усмотреть постзарубинецкие традиции. Структурные изменения, как и в культуре поздней штрихованной керамики, наблюдаются в хозяйственной деятельности. Здесь также доминирующую роль начинает играть подсечное земледелие.

Что касается железных изделий, то в этих культурах они, возможно, появляются раньше, чем у носителей штрихованной керамики. По крайней мере, клиновидные проушные топоры, найденные на поселениях днепровско-двинской культуры, обычно сравнивают со скифскими

V–IV вв. до н.э. однако массовое распространение черной металлургии и металлообработки в дьяковской и днепровско-двинской культурах исследователи также относят к концу I тыс. до н.э. Этот революционный взрыв, повлекший за собой кардинальные изменения в различных сторонах жизни и деятельности племен лесной полосы, является реальной точкой отсчета начала железного века в бассейнах Западной Двины, верхних течений Днепра и Волги.

Литература

1. Егорейченко, А.А. Культуры штрихованной керамики / А.А. Егорейченко. – Минск: Университетское, 2006. – 207 с.
2. Grigalavičienė, E. Įalvario ir ankstyvasis geležinis amžius Lietuvoje / E. Grigalavičienė. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. – 280 p.
3. Luchtanas, A. Pytų Lietuva I tūkst. pr. m. e. / A. Luchtanas // Lietuvos archeologija / Lietuvos R Mokslo Akad., Istorijos inst. – Vilnius, 1992. – T. 8. – 280 p.
4. Васкс, А.В. Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии /
5. Dąbrowski, J. Epoka brązu w północno-wschodniej Polsce / J. Dąbrowski. – Białystok: Białostockie Towarzystwo Naukowe, 1997. – 185 s.
6. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: ранняя и средняя бронза Кавказа /

А.В. Васкс. – Рига: Зинатне, 1991. – 198 с.

- О.М. Джапаридзе [и др.]; Рос. АН, Ин-т археологии. – М.: Наука, 1994. – 382 с.
7. Šturms, E. Die ältere Bronzezeit im Ostbalticum / E. Šturms. – Berlin; Leipzig: W. de Gruyter & Co., 1936. – 155 s.
8. Dąbrowski, J. Powiazania ziem Polskich z terenami wschodnimi w epoce brązu / J. Dąbrowski. – Wrocław, 1972.
9. Gedl, M. Kultura przedłużycka / M. Gedl; Polska Akademia Nauk, Oddział w Krakowie. – Kraków: Zakład Narodowy im. Ossoliczkich, 1975. – 164 s.
10. Митрофанов, А.Г. Железный век Средней Белоруссии / А.Г. Митрофанов. – Минск: Наука и техника. – 1978. – 160 с.
11. Медведев, А.М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке / А.М. Медведев. – Минск: ИПП Минэкономки Респ. Беларусь, 1996. – 200 с.
12. Шмидт, Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства / Е.А. Шмидт. – М.: Прометей, 1992. – 208 с.

Поступила в редакцию 24.10.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.

УДК 281.9+947.032.4+947.04

Влияние католического Запада на организацию религиозной жизни в Великом княжестве Литовском во второй половине XV – XVI в.

Уваров И.Ю.

*Учреждение образования «Гомельский государственный технический
университет им. П.О. Сухого», Гомель*

В статье определены основные направления религиозной политики в Великом княжестве Литовском во второй половине XV – XVI в. Тема связана с началом гонений на православных и втягиванием населения страны в длительную религиозную борьбу между Востоком и Западом.

В работе приведены примеры имущественных пожалований различными особами в пользу церкви. Указаны причины и дана характеристика противоречий шляхты ВКЛ с духовенством и как этот вопрос был положительно решен в пользу представителей военно-служилого сословия.

В данном исследовании затронуты проблемные вопросы, связанные с Реформацией и началом контрреформационного движения в ВКЛ.

Ключевые слова: религиозная политика, православные, католичество, церковь, шляхта, духовенство.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 50–59)

The influence of the Catholic West on the religious life in the Grand Duchy of Lithuania in the late XV–XVI centuries

Uvarov I.Y.

Educational establishment “Gomel State Sukhoi Technical University”, Gomel

The article establishes main directions of the religious policy in the Grand Duchy of Lithuania in the late XV–XVI centuries. The subject deals with the beginning of the persecutions of Orthodox believers and with involving the population of the country in the long term religious struggle between the West and the East. The work shows the examples of the property donations of various persons for the benefit of the Church. The reasons are shown and characteristics are given of Grand Duchy of Lithuania gentry's contradictions with the clergy and how that problem was solved positively for the military-service representatives.

The present research touches upon the problem subjects devoted to the Reformation and with the beginning of the Counter-Reformation movement in GDL.

Key words: religious policy, Orthodox believers, Catholicism, the Church, gentry, clergy.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 50–59)

Адрес для корреспонденции: e-mail: rossol@gstu.gomel.by – И.Ю. Уваров

Унификация религиозных отношений в Великом княжестве Литовском во второй половине XV – первой половине XVI в. проходила сложный период своего развития. Специфику этого процесса определили различные факторы как социально-политического, так и культурного характера.

Возникшее противоречие между католицизмом и православием могло только пагубно повлиять на духовную жизнь общества, которое шло по пути развития от Средневековья к Новому времени. Кроме этого достаточно сложным оставался вопрос борьбы шляхты ВКЛ против духовенства, нежелавшего вместе с представителями военно-служилого сословия участвовать в организации обороны страны.

Это и многое другое благоприятствовало распространению идей реформационного движения, которым были охвачены многие государства Европы. В этот период сама историческая обстановка способствовала качественному обновлению христианского общества во второй половине XV – XVI в. Эти изменения духовной жизни западноевропейских и восточнославянских народов привели к значимым нововведениям религиозного содержания в среде духовенства и верующих.

Целью данной статьи является изучение религиозной политики, проводимой в ВКЛ во второй половине XV – XVI в. и обобщение имеющихся материалов по настоящей теме. Автор отмечает характер направленности влиятельной политики Запада на организацию религиозной жизни в ВКЛ, показывает важность восточнославянского православного бастиона на территории белорусских земель, созданного еще в XIV в.

Материал и методы. Исследование ориентировано на анализ имеющихся документов. Материалом к данной работе послужили главным образом опубликованные материалы документов Литовской Метрики и другие источники, изданные в разные периоды. Воплощением методологических принципов изучения поставленной проблемы явился общенаучный метод, основанный на объекти-

визме и историзме объекта и предмета исследования.

Результаты и их обсуждение. К середине XV в. представители высшей иерархии католической церкви Великого княжества Литовского придерживались курса церковной политики, предложенной Римскими прелатами. В тот период организацией духовно-религиозной жизни в ВКЛ и Русском государстве ведали православные митрополиты, назначаемые в Константинополе. Дипломатические отношения с константинопольским патриархом пытался установить еще великий князь Ольгерд в 1353 г. Он хотел видеть митрополитом Киевским и всея Руси своего родственника Романа [1, с. 421–422]. В 1436 г. московским митрополитом патриархия утвердила выходца из города Салоники Исидора, видного церковного православного деятеля. Это должностное назначение было осуществлено в связи с тем, что внешнеполитическое положение Византии было усугублено постоянной борьбой с Османской империей. В поисках военной помощи византийский император Иоанн Палеолог готов был вступить в переговоры с Римским папой, взамен на принятие предполагаемой унии о соединении восточной и западной церквей.

В это время папа Евгений IV отверг постановления вселенского Базельского собора, поскольку принятые на нем решения ставили своей целью положить предел распространению папской власти. Проведению реформ в религиозной жизни способствовало появление новых идей эпохи Гуманизма. В этих условиях Евгений IV принял предложения византийской стороны, так как это могло существенно упрочить позиции католицизма в европейском обществе.

В сложных условиях международной обстановки был созван особый собор, который заседал с 26 февраля по 5 июля 1439 г. во Флоренции. В ходе соборного заседания была заключена церковная уния между католицизмом и православием. Основной причиной, приведшей к данному соглашению, было стремление византийского правительства и духовен-

ства избежать военного и политического поражения от расширяющейся турецкой угрозы. Хотя впоследствии нашествию турок подверглись и европейские народы католического Запада.

Постановления, принятые на церковном соборе во Флоренции, стали распространяться среди христиан специальные папские послы. Было объявлено считать равными в правах представителей католической и православной конфессий, находящихся под властью Рима. Однако новая уния имела много противников, и на этом этапе основные ее положения не были претворены в жизнь. В привилее польского короля Владислава III 1443 г. указано: православные священники, которые примут унию, получают права и различные привилегии по образцу католического духовенства.

В этот период многие выходцы из ВКЛ с целью получения духовного образования ездили в Рим. Так например, двое братьев шляхетского звания Александр и Иван Солтаны в конце 60-х гг. XV в. посетили в Риме папу Павла II. Оба брата в торжественной обстановке были приняты в католичество, но без обряда крещения. Однако, после прибытия их на родину, виленское католическое духовенство не поверило им, требуя письменного подтверждения о принадлежности их к новой вере. Благодаря этому инциденту высшему православному духовенству ВКЛ вполне стали понятны отношения между политикой папских догматов и деятельностью местных католических епископов. Таким образом, обнажился факт идейного расхождения многих представлений об унии.

В данных условиях православное духовенство не пожелало принять решения Флорентийского собора о воссоединении церквей. Согласно унии 1439 г. все православное население должно было подчиниться верховной власти Римского папы и принять католическую точку зрения по вопросам вероучения. Представители духовных особ от православия категорически отвергали все идеи объединительной политики католических нововведений. Великий князь Казимир

Ягеллончик, как глава светской власти находился на стороне своих верноподданных, и всячески противился широкому наступлению католицизма. Причин на это было очень много: отсутствие идейного разнообразия в вопросах веры, воспитание матерью в духе уважения к православным ценностям и это при том, что Казимир жил в Кракове, находясь в католическом окружении. Однако у великого князя Казимира были и колебания, свидетельствующие о том, что у него не было четкого намерения по устройству и организации церкви в стране. Впрочем, это не означало отсутствие определенных взглядов верховной власти на церковную политику в государстве. В данный период единство религиозных взглядов было гарантом духовно-религиозного подчинения людей в обществе, но стабильности в среде представителей феодальной католической знати не было. Магнаты и шляхта руководствовались актом привилея от 14 августа 1385 г., данным еще Ягайлой, верили, что духовно-религиозное единство наступит только после соединения православия с католицизмом. Иными словами всеобщая христианизация по латинскому обряду. Следствием этого должно было стать политическое объединение ВКЛ и Польши, чтобы избежать опасности со стороны Тевтонского ордена. В сложившейся обстановке второй половины XV в. верховная власть ВКЛ должна была соблюдать ряд правил, исключая насилие в вопросах веры, поскольку большая часть шляхты исповедовала православие.

В 1469 г. 15 февраля великий князь Казимир Ягеллончик издал специальную грамоту, в которой указывалось на то, что представители католической церкви должны относиться с пониманием к интересам православных граждан. Этим постановлением власти ВКЛ рассчитывали призвать верующих обеих конфессий к духовному послушанию и смирению. Такая позиция верховной власти создала условия для будущей церковной унии [2, с. 115–116]. Вместе с тем внутрирелигиозные противоречия в

среде верующих осложнили внешнеполитическую ситуацию. В 1472 г. Римский папа Сикст IV запретил приезд виленского епископа в Рим, поскольку место, где он читает свои проповеди, находится в среде схизматов, отступников от единой церкви и истинной веры. Подобные заявления делали и духовные особы православной церкви. Полоцкий архиепископ Симеон обратился с посланием к рижскому городскому управлению, чтобы католическое духовенство не чинило никаких преград священнику православной церкви святого Николая в городе Риге. Из данного обращения видно, что духовно-религиозные взгляды Симеона характеризуют православие как «нашу веру» [3, с. 78].

Во второй половине 70-х гг. XV в. Казимир IV продолжал выступать против наставлений со стороны католических прелатов, и тем самым довел религиозную политику в своем государстве до крайне затруднительного положения. Поскольку вопрос об унии оставался в теоретических конструкциях, а разрыв с православием мог привести к борьбе с сильным восточным соседом Московским великим княжеством. В этих условиях правящая элита стремилась избежать противоречий в среде влиятельных православных магнатов ВКЛ. Представители светской и духовной знати открыто выражали свои симпатии к русскому государству, видя в нем главного защитника своих религиозных интересов. В вопросах осуществления внутренней политики в государстве Казимир IV стремился к стабильности, так как он имел опасение, что православная часть населения ВКЛ, а это подавляющее большинство людей, может в случае личного неприятия унии уйти под защиту сильной власти великого князя московского Ивана III. Это обстоятельство оказало влияние на формирование западного направления всей геополитики Ивана III. Непосредственную поддержку ему оказала русская православная церковь.

В рассматриваемый период отношения между католиками и православными в ВКЛ были недружелюбными. Като-

лическое духовенство и польские магнаты крайне враждебно относились даже к жене великого князя Александра Елене, православной христианке, дочери Ивана III

и Софьи Полеолог. Они называли ее безбожницей, недостойной брака с Александром. Елену Ивановну постоянно принуждали принять католицизм. Римский папа даже не хотел признавать законность династического брака между Вильно и Москвой. Хотя отношение к папству в самом католическом мире было неоднозначно. Одни складывали в их честь стихи и писали картины, другие пытались расшатать основы религиозного мировоззрения, подвергая критике учение о бессмертии души. Эти идеи получили распространение среди значительной части образованных и богатых граждан Рима и других стран Европы.

В действительности на белорусских землях, как и в пределах всего ВКЛ, царил напряженный религиозный обстановка. Всюду строились католические храмы, людей насильно заставляли принимать новую веру, «...нудити к римскому закону...» [4, с. 119–120]. Распространению и укреплению католицизма в ВКЛ способствовала проводимая правительством западных стран антиславянская и антиправославная политика. Так, например, 2 октября 1506 г. шведский магистр Ленарт отправил послание великому князю Александру Ягеллончику с выражением благодарности и готовностью оказать поддержку в борьбе за проведение политики в духе утверждения католического закона «...и ж ся працуєте о единецтве и помоченью всего люду христьянского напротивку безверных оных отщепенцов Руси...» [4, с. 61–62]. В Европе же во всю силу шла торговля папскими индульгенциями, которые раскупались теми, кто желал освободить свою душу от наказаний за совершенное преступление и грехи.

Имели свои сложности и отношения представителей военнослужилого сословия шляхты ВКЛ с духовенством. Церковные феодалы владели солидными

богатствами, являясь держателями обширных земельных латифундий с зависимым населением. Костелы и монастыри имели в своем подчинении пашенные земли, сенокосы, бортные угодия, озера, реки «и за данинами грошовыми и медовыми и куничными» [5, с. 17–19]. В этом наблюдался процесс формирования земельной собственности церкви. Священники составляли отдельное сословие богатых людей. Они не платили многих налогов, в том числе общегосударственных, необходимых для снаряжения войска на период боевых действий. Вместе с тем духовная знать – епископы, настоятели монастырей и прочие особы, состояли в деловых и родственных отношениях со светскими феодалами. Все они являлись опорой великокняжеской власти, делая ее более могущественной и сильной в управлении над подданными.

Земельная собственность многих учреждений церкви, бискупств, костелов и других быстро росла за счет особых пожалований представителей власти и вкладов отдельных лиц. Высшее духовенство, получая в держание земли, приобретало тем самым особую степень власти над крепостным населением. Высокопоставленные особы не скупились в своих обещаниях. Так, например, великий князь Александр в 1503 г. дал привилей Витебскому костелу св. Троицы, согласно которому все жители, находящиеся в подчинении этой феодальной организации, освобождались от повинностей в пользу господаря. В 1535 г. особую грамоту от верховной власти получают люди Виленской капитулы, в которой указано об освобождении церковных подданных от выполнения мостовых работ и т.д. [6, с. 260–262; 7, с. 85].

Некий пан Лев Тишкевич оформил 8 июня 1519 г. дарение своего имущества в пользу Пустынского монастыря. Из пожалованной грамоты князя М.И. Желславского из Мстиславля от 1 июля 1519 г. видно, что он отписал в пользу Спасской церкви, около Пустынского монастыря, село Никоновское. Были пожалования и от королевской семьи. В 1541 г. жена Сигизмунда I Бона издала специ-

альную грамоту на феодальные водчины в пользу Кобринского Спасского монастыря. Это были два земельных владения. А в августе 1554 г. Сигизмунд Август издал привилей на особое привилегированное положение священников Острицкой церкви св. Спасса [8, с. 123–135; 5, с. 25, 36–37, 51–53; 7, с. 59].

Духовенство и их подданные были освобождены от несения земской службы, отправлением которой для шляхты было связано с большими материальными расходами. Шляхта и бояре с завистью, а подчас и ненавистью смотрели на обширные земельные владения церкви и выражали крайнее недовольство его сословными привилегиями. Возникновение данной проблемы было связано с тем, что церковь являлась одним из оплотов верховной власти при феодализме, а священники по уровню своего экономического благосостояния достаточно часто были выше, чем светские феодалы. У представителей духовного сословия отсутствовало желание выставить со своих владений вооруженных работников в период нашествия врагов. Ситуация оказалась такова, что этот сословный институт общества стремился к самоизоляции и невмешательству в общегосударственные мероприятия, влекущие за собой материальные расходы. При таком поведении духовенства шляхту вполне могли охватить заблуждения в вопросах веры. Представителям благородного сословия шляхтичам приходилось кривить душой при обсуждении религиозных вопросов. Это, несомненно, могло привести только к противоречиям между прихожанами и служителями культа. Решать эти и другие вопросы можно было только с помощью реформ и преобразований в религиозной жизни.

В начале XVI века существенно изменилось положение религии в обществе, появились новые течения и различные движения. Представители их пытались донести до верующих содержание духовных писаний на понятном для них национальном языке. Наиболее характер-

ным движением эпохи Возрождения в XVI веке явилась Реформация. Экспорт реформационных идей из Германии и западноевропейских государств встретил немало сторонников этого движения в ВКЛ, в том числе и на белорусских землях.

Реформация как массовое религиозное и общественное движение возникло в результате кризиса в сфере духовных интересов людей. Эпоха Реформации – это прежде всего переход от Средневековья к раннему Новому времени. Если рассматривать основные вехи этого процесса в контексте развития европейской цивилизации, то это творческая деятельность таких известных богословов, как Я. Гус, М. Лютер, Ж. Кальвин и другие представители этого движения. Однако следует помнить, что идеологи Реформации не стремились выходить за рамки христианской парадигмы, это были люди церкви, которые хотели сделать веру и церковную организацию более гибкой и удобной для интересов прихожан. Такое поведение многих людей было объяснимо развитием в Европе буржуазно-капиталистических отношений и расширение прав состоятельных горожан, которые видели в Реформации перспективу своих материальных интересов.

В ВКЛ великий князь и правительство встретили это явление новизны очень враждебно, не желая перемен в политике конфессиональных отношений. Многие магнаты и придворные вельможи были на стороне своего монарха. Идеи Реформации получили распространение в среде городского населения, первыми ее сторонниками были мещане, купцы и торговцы, которые переселились из Германии или имели связи с другими европейскими странами. Православное население видело в этом движении исключительно дела католиков и не спешило вмешиваться во все происходящее.

Католическое духовенство заботилось о произнесении проповедей и совершении таинств на латинском языке, чтобы воспрепятствовать каким-либо еретическим идеям. Однако, несмотря на все

меры предусмотрительного препятствия этому движению, интеллектуальная оппозиция, которую представляли священники и монахи, осуществила своего рода переворот в жизни церкви. Уже с середины 20-х гг. XVI в. в столице ВКЛ, а затем в других городах зазвучали лютеранские проповеди. К концу 30-х гг. XVI в. антиреформаторские указы Сигизмунда I начинают терять свою силу. Скрытый период развития реформации завершился. Люди, возвращавшиеся из заграничных поездок, студенты, обучавшиеся в университетах Европы, торговцы и переселенцы привозили с собой идеи протестантизма, носителями которого стали представители интеллектуальной шляхетско-магнатской элиты.

При этом следует учитывать, что интересы духовенства стали ущемлять интересы самой шляхты. Выступая в защиту родной земли, представители военнослужилого сословия несли большие физические и материальные тяготы. Это привело к тому, что шляхта начинает выступать на вальных сеймах с требованиями к великому князю, чтобы тот ввел нормы отправления земской службы с имений, принадлежащих церкви. Впервые этот вопрос был поднят на сейме 1544 г. Шляхта просила великого князя, чтобы он обязал духовенство (как православное, так и католическое) принимать участие в обороне страны: снаряжать ратников со своих имений. Однако вразумительного ответа на этот вопрос шляхтичи не получили. Сигизмунд Август пытался еще проводить по отношению к церкви компромиссную политику. Но интересам шляхты нужен был результат в решении своих вопросов. На Виленском сейме 1551 г. в очередной раз шляхта выдвинула подобные требования. На этом же сейме было сказано: «А бы понове духовные бачути то ижъ ся рука поганьская на хрестияньство поднесло, тежь бы они ратунок речи посполитой чинили, а заровно с шляхтою войну служили» [9, с. 175–176; 10, с. 29]. На сей раз великий князь указал, что на этот вопрос будет дан дополнительный ответ. И только через три года на сейме в

Вильно 1554 г. была достигнута договоренность, чтобы духовные феодалы, как и светские будут платить серебцину по десять грошей от сохи [11, с. 29–30]. Очередной этап борьбы шляхты с духовенством начался в период обострения внешней политики и с началом Ливонской войны в конце 50-х гг. XVI в. Это заставило правительство ВКЛ все-таки начать привлекать духовенство к несению государственных повинностей. На сейме 1568 г. было принято решение, согласно которому католическое и православное духовенство со своих имений должно «заровно с каждым шляхтичем тот податок выдавати». Плата с каждой волоки должна была составлять по 48 грошей [12, с. 465]. Таким образом, одна из социальных проблем эпохи была решена. Но в это время в обществе уже начал витать дух контрреформации.

Церковные проблемы в ВКЛ во второй половине XVI в. и деятельность контрреформаторов следует рассматривать исключительно в религиозно-культурном контексте. В основе политики верховной власти был заложен принцип ограничения религиозных и гражданских прав православного населения страны.

С началом контрреформации в Европе Ватикан и польское католическое духовенство расширили сферу своего влияния на территорию белорусских земель с целью реализации давних замыслов духовного порабощения местного населения и ликвидации православной церкви.

Контрреформация характеризуется как католическая реакция, как наступление против Реформации. Организаторы контрреформации значительно усилили репрессивные средства католической церкви. В Риме был создан центральный инквизиционный трибунал, возглавлявший борьбу с ересями во всем католическом мире.

Однако следует учесть и тот факт, что контрреформация – это очень значимое явление в истории восточно-европейских стран. Контрреформация оказала большое влияние на изменения в духовной и религиозной жизни Речи Посполитой, и

в первую очередь на территории белорусских земель. И хотя в ВКЛ не были устроены публичные аутодафе, т.е. оглашение приговора инквизиции над еретиками, как это было в Испании, но католическое духовенство проявляло свою жестокость по отношению к верующим, и в первую очередь к православным. В этот период времени преследованиям подверглись деятели Реформации, протестанты и кальвинисты. Сочинения реформаторов были занесены в «индекс запрещенных книг», поскольку их идеология подрывала устои религиозного вероучения отцов церкви.

Вместе с тем организаторы контрреформации в Речи Посполитой хотели превратить это движение в «католическую реформацию». Это выражалось в церковно-организационной практике в культе веры, художественном и интеллектуальном творчестве. Контрреформационные идеи привели к обновлению католицизма по традиционному пути, без разрушения прежних культовых организационных структур. Контрреформация вдохнула жизнь в старые культы святых и создала ряд новых. Появились условия, чтобы по-новому были обращены взоры народа на понимание христианских ценностей. Были организованы регулярные проповеди, миссионерство, создана сеть учебных заведений. В Беларуси было открыто 11 коллегий, детей туда брали независимо от веры родителей, но после окончания коллегий выпускники становились католиками. Католические священники приспособились к новому духовному и эстетическому климату, который представлял культуру барокко. Новое духовенство всесторонне укрепляло свои позиции и достигло внушительного господства над своими прихожанами. Новыми признаками контрреформации были паломничество, дисциплинированность священников, богобоязнь верующих, смирение и послушание.

С 1545 по 1563 г. заседал с перерывами Тридентский собор. Основной задачей заседавшего духовенства было поднять авторитет католической церкви,

который пошатнулся в период Реформации. Согласно соборному постановлению были проведены незначительные реформы католической церкви.

Так, например, было запрещено сосредоточение в одних руках нескольких церковных бенефициев, получение доходов с церковных должностей лицами, не выполнявшими каких-либо должностных функций, существенно сократился аппарат папской курии. Вместе с тем во второй половине XVI в. в ВКЛ стали прибывать миссионеры-иезуиты – «слуги Христа». Они выступали против любых изменений в догматике и организации католической церкви. Однако вернуть полный контроль над светской властью католическое духовенство не смогло.

Согласно постановлению Тридентского собора католические, а позже униатские священники стали иметь определенный круг обязанностей. К ним относились следующие: постоянное пребывание в своем приходе, проведение богослужения при собрании всех прихожан, «объяснение народу Слова Божия», посещение больных и забота о спасении их душ, наблюдение за тем, чтобы все прихожане ежегодно исповедовались и причащались. От священников требовалась высокая степень ответственности за совершение правонарушений. Поскольку духовные особы предшественного периода запятнали свою репутацию проявлением различных низменных пороков и совершением преступлений. В документах XVI в. фигурирует много записей, свидетельствующих об упадке нравов среди высшей церковной иерархии.

Вместе с тем католическое духовенство не утратило своего пренебрежительного отношения к православию. Положение православного духовенства ухудшилось с усилением католической экспансии в Беларуси. С расширением контрреформации любой шляхтич-католик мог помыкать православным священником, принуждать его работать в своем хозяйстве, мог подвергнуть физическому унижению и наказанию. Даже в вопросах богослужения такой феодал, если пожелает, мог заставлять цер-

ковников подчиняться своей воле.

Против позиции католических иерархов выступали православные церковные братства, они вели борьбу за сохранение духовной культуры белорусского народа. Возникшие в Минске, Могилеве, Полоцке и других городах Беларуси братства выражали интересы средних и зажиточных слоев городского населения. Людей интересовали вопросы веры и отправление религиозных культов. Однако уже во второй половине XVI в. на территории белорусских земель активно укрепляли свои позиции иезуиты. Они стремились, создать целую сеть учебных заведений, широко используя письменную пропаганду и катехизацию населения. Слово «иезуит» со временем приобрело нарицательный смысл и ассоциировалось с коварством, предательством, неразборчивостью в средствах претворения в жизнь своих идей и целей. Иезуиты жили как обычные люди, они выступали в роли дипломатов и государственных деятелей, учителей, врачей и т.д. Ради «дела Христова» иезуиты, выполняя задания ордена, пускали в ход любые средства: клевету, интриги, лесть, организацию заговоров и пр. Эти люди действовали по принципу «цель оправдывает средства». В этом и многом другом заключалась общественно-политическая и социальная доктрина иезуитов.

Следует отметить, что католическая контрреформация сыграла в духовном обновлении Европы огромную роль. Произошло существенное обновление общества, это был своего рода ответ на религиозные потребности граждан. Контрреформация своим влиянием охватывала все категории верующих XVI в. и в первую очередь сельских жителей, которые нуждались в христианской вере. Для контрреформации были совершенно не чужды многие достижения культуры предшественного времени, но перестроенные в соответствии с новыми целями и задачами.

Заключение. В завершение следует отметить, что попытка объединения церковью Запада и Востока на деле не имела желаемого результата, значи-

тельная часть населения и духовенство отвергли положения Флорентийской унии. Но следует сказать, что реформация, а затем пришедшая ей на смену контрреформация сыграли в духовном обновлении европейских и восточнославянских народов огромную роль.

– Т. 27. – СПб., 1910. – 943 с.

Литература

1. Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви: в 9 т. / Макарий (Булгаков), митр. – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. – Т. 3: История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589) / А.А. Турилов (гл. ред.). – 704 с.
 2. Akta grodzkie i ziemskie czacow Rzeczypospolitej polskiej. – Т. VII NL VIII. – Lwow, 1878. – С. 3–116.
 3. Полоцкие грамоты XII – начала XVI в.: [Тексты] / АН СССР, Ин-т истории СССР / сост. д-р ист. наук А.Л. Хорошкевич. – М.: Ин-т истории СССР, 1978. – Т. II. – 219 с.
 4. Литовская метрика = Lietuvos metrika / Ин-т истории Литвы. – Вильнюс: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996. – Т. 8: Книга записей (1499–1514) / подгот.: А. Бальюлис [и др.]. – 708 с.
 5. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею для разбора древних актов: т. 1–39. – Вильна: Тип. Губ. права, 1908. – Т. 33: Акты, относящиеся к истории западнорусской церкви, 1443–1661 гг. – 528 с.
 6. Литовская метрика = Lietuvos metrika / Ин-т истории Литвы. – Вильнюс: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. – Т. 5: Книга записей (1427–1506) / подгот.: Э. Банионис [и др.]. – 402 с., 4 л. факс.
 7. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею: т. 1–15. – СПб., 1863–1892 / ред.: т. 1–9, Н.И. Костомаров. – СПб., 1863. – Т. 1: 1361–1598. – 301 с.
 8. Белоруссия в эпоху феодализма: сборник документов и материалов: в 3 т. / сост.: З.Ю. Копыцкий, М.Ф. Залога. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1959. – Т. 1: С древнейших времен до середины XVII века. – 516 с.
- Литовская Метрика. Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссиею. – Отд. 1–2. – Ч. 3.

10. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией: в 5 т. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния, 1848. – Т. 3: 1544–1587. – 356 с.
11. Литовская метрика = Lietuvos metrika / Ин-т истории Литвы. – Вильнюс: Mokslo ir enciklopediji leidykla, 1996. – Т. 7: Книга публичных дел (1533–1567) / подгот.: А. Балюлис [и др.]. – 205 с.
12. Документы Московского архива Министерства юстиции / предисл. М.В. Довнар-Запольского. – М., 1897. – Т. 1: Тексты актов Литовской Метрики. – 570 с.

Поступила в редакцию 18.11.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.

УДК 947.6

Белорусские земли на путях «из варяг в греки» и «из варяг в арабы»

Самонова М.Н.

Государственное учреждение образования «Республиканский институт высшей школы», Минск

В статье рассматриваются торговые пути и военно-политические коммуникации, включившие белорусские земли в систему международных связей Скандинавии и Руси в IX–X вв., и определяется роль скандинавов в их развитии. Анализ археологических, нумизматических и письменных источников выявил, что белорусские земли благодаря своей разветвленной сети водных артерий входили в систему международных коммуникаций Балтийско-Днепровского пути «из варяг в греки» и Балтийско-Волжского пути «из варяг в арабы». Большое значение имели не только контакты с Византией, но и более ранние связи с Арабским халифатом, которые осуществлялись через Хазарский каганат. Инфильтрация скандинавов на территорию Беларуси была вызвана освоением и использованием путей по Днепру, Березине, Западной Двине, Неману и их притокам, что было обусловлено их участием в торговле с Востоком, целью которой было арабское серебро.

Ключевые слова: история Беларуси, Русь, белорусские земли, скандинавы, международные коммуникации, «из варяг в греки», «из варяг в арабы», речные пути, торговля, дирхемы.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 60–68)

The Belarusian lands on ways “from the Varangians to the Greeks” and “from the Varangians to the Arabs”

Samonova M.N.

National Institute for Higher Education, Minsk

The article deals with the trade routes, military and political communications with the help of which the Belarusian lands were included into the system of international relations between Scandinavia and Rus' in the 9th – 10th centuries. It also defines the role of Scandinavians in the development of communications. Analysis of archaeological, numismatic and written sources revealed that the Belarusian lands due their extensive network of waterways were part of the system of international communications of the Baltic-Dnieper route “from the Varangians to the Greeks” and the Baltic-Volga route “from the Varangians to the Arabs”. Not only contacts with the Byzantine Empire but also earlier contacts with the Arab Caliphate carried through the Khazar Khanate were of great importance. Infiltration of the Scandinavians in the territory of Belarus was caused by the development and use of routes along the Dnieper, the Berezina, the Western Dvina, the Neman and their tributaries related to their involvement in trade with the East for getting Arab silver.

Key words: History of Belarus, Rus', Belarusian lands, Scandinavians, international communications, “from the Varangians to the Greeks”, “from the Varangians to the Arabs”, waterways, trade, dirhams.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 60–68)

Адрес для корреспонденции: e-mail: iceland1978@gmail.com – М.Н. Самонова

Фундаментом восточнославянской цивилизации явилась Древняя Русь. На протяжении истории этой культурно-исторической общности территория современной Беларуси была ее органичной частью. Катализатором процессов внутреннего развития древнерусского общества стал внешний фактор, выразившийся в торговой, военной и миграционной экспансии скандинавов на восток – в земли восточных славян, финно-угров и балтов, которая была проявлением эпохи викингов в Скандинавии. При активном участии скандинавов на территории Восточной Европы функционировали две важнейшие коммуникации – Балтийско-Волжский путь и Балтийско-Днепровский путь *«из варяг в греки»*, связывавшие Скандинавию, Прибалтику, Русь, Хазарский каганат, Волжскую Булгарию, Арабский халифат и Византию. В отношении Волжского пути И.В. Дубов применял понятие *«из варяг в арабы»* [1, с. 7]. В новейшей историографии теме роли путей в истории Древней Руси посвящена коллективная монография Т.Н. Джаксон, Т.М. Калининой, И.Г. Коноваловой и др. [2], а также отдельные работы Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина, Д. Шепарда и др., вошедшие в сборник «Древнейшие государства Восточной Европы» (2009 г.).

Целью работы является исследование торговых путей и военно-политических коммуникаций, включивших белорусские земли в систему международных связей Скандинавии и Руси в IX–X вв., и определение роли скандинавов в их развитии. Актуальность исследования международных путей и коммуникаций в период становления Древней Руси обусловлена той огромной ролью, которую они играли в экономическом, социально-политическом развитии восточнославянского общества и образовании государства.

Торговля наряду с военной деятельностью являются главными внешними факторами, стимулирующими процесс возникновения государства. Но какие именно международные торговые и военно-политические пути функциониро-

вали на белорусских землях в эпоху Древней Руси? В белорусской и зарубежной историографии территория Беларуси в основном относится к зонам пути «из варяг в греки» и Западно-Двинской магистрали. Также говорится о Неманско-Днепровском и Припятско-Бугском путях. Балтийско-Волжский путь с землями Беларуси не связывается [3, с. 14]. Традиционным подходом в интерпретации археологических следов присутствия скандинавов на белорусских землях, а также кладов дирхемов является их связь с освоением пути «из варяг в греки». В этом русле исследует проблематику историко-культурных контактов населения Беларуси и Скандинавии С.Д. Дернович [4]. При этом часто упускается из виду то обстоятельство, что у ученых нет единого мнения по вопросу о начале функционирования пути «из варяг в греки» как единого коммуникационного целого. Это заставляет нас обратиться к критическому разбору данного подхода.

Материал и методы. Исследование строится на комплексном анализе письменных, археологических и нумизматических источников. Среди письменных источников рассматриваются сведения древнерусских летописей, известия восточных авторов и древнескандинавские памятники. Широко применяются археологические данные, полученные в ходе раскопок белорусских городов и поселений, а также анализируются отдельные находки. В работе исследуются нумизматические источники, что включает интерпретацию топографии и состава кладов арабского серебра. Весь комплекс источников, содержащий информацию о маршрутах и значении коммуникаций, проходивших через территорию Беларуси в IX–X вв., рассматривается в широком контексте связей белорусских земель

с другими регионами Древней Руси, а также со Скандинавией, Прибалтикой, Византией, Хазарским каганатом и Арабским халифатом. В работе использовались общенаучные и специально-исторические методы исследования.

Результаты и их обсуждение. Первоначальные сведения о восточноевропейских коммуникациях нам известны из *Повести временных лет* (далее – ПВЛ), где описывается знаменитый путь «из варяг в греки» [5, с. 8–9]. Летописец придает ему особое значение в связи с тем, что в его видении по этому пути прошел святой апостол Андрей. Из его описания вырисовывается следующий маршрут, пересекавший Восточную Европу в меридиональном направлении, с Юга на Север: Черное море–Днепр–Западная Двина–Ловать–Ильмень–Волхов–Ладожское озеро–Нева–Финский залив–Балтийское море. Самым протяженным отрезком следования пути «из варяг в греки» исходя из его гидрографии является днепровский отрезок. Хотя сам составитель летописи подробно описывает только северный отрезок пути – от Верхнего Днепра до Балтийского моря. К территории современной Беларуси относится значительная часть ключевого участка перехода с Балтийской в Черноморскую речную систему по речкам Усвяче, Каспле, Лучесе в междуречье Днепра, Западной Двины и Ловати, а также отрезок вдоль Верхнего Днепра.

В летописном сообщении также есть отголоски информации и о существовании двух других восточноевропейских водных коммуникаций – Волжском и Западно-Двинском путях. О первом говорится следующее: «Ис того же лѣса [урочище на Валдайской возвышенности. – М.С.] потечет Волга на вѣстокъ и вѣтечет седьмьдесятъ жерель в море Хвалийское. Тѣмъ же из Руси можетъ ити по Волзи в Болгары и въ Хвалисы, и на вѣстокъ дойти въ жеребий Симовъ» [5, с. 9]. Мы видим, что одной из ключевых водных артерий Восточной Европы в видении летописца была Волга, ведущая на восток к Каспийскому морю. Волжский путь начинался с верховьев Волги на Валдайской возвышенности и вел через Волжскую Булгарию в Каспийское море и дальше в страны арабо-персидского Востока. Очевидно, что в представлении летописца Волга вела на восток к Кас-

пийскому морю. Западно-Двинский путь совершенно ясно связывался летописцем с Балтийским морем и Скандинавией: «а Двина изъ того же лѣса потечет, и идетъ на полуночье и внидет в море Варяское» [5, с. 9].

Не стоит забывать, что ПВЛ редактировалась в начале XII в. и поэтому у ее составителя были весьма смутные представления о системе восточноевропейских коммуникаций в IX–X вв. Летопись могла отразить лишь общую картину древнерусских водных магистралей, которая была более актуальной для XI в., нежели для раннего периода. В изучении проблематики дискуссионными являются вопросы о времени освоения всей протяженности Волжского пути и коммуникации «из варяг в греки» как единых систем. Также определение водных маршрутов, по которым осуществлялись связи с Арабским Халифатом и Византией в IX–X вв., вызывает разногласия. Для разрешения данных вопросов ученые прибегают к данным археологии и нумизматики, поскольку наиболее ярким маркером международных коммуникаций являются клады серебряных исламских монет – дирхемов. Нумизматы установили, что «серебряный путь» между Скандинавией и Исламским миром начал функционировать на рубеже VIII–IX вв. Его движение в IX в. осуществлялось через Хазарский каганат и Русь по следующему маршруту: Нижняя Волга–Дон–Северский Донец–Ока–Верхний Днепр/Верхняя Волга/Верхняя Западная Двина–Ловать–Волхов–Ладожское озеро–Нева–Финский залив [6, с. 570–571]. Дирхемы чеканились в Арабском халифате, ведущей цивилизации мира в тот период, и являлись наиболее ходовой валютой. Арабские монеты также представляли главную материальную ценность для скандинавов, в поисках путей доступа к которым они и устремились вглубь Восточной Европы.

Из древнескандинавских источников известно, что территории, простиравшиеся на восток от Скандинавии, от Восточной Прибалтики до Арабского халифата и Византии, назывались *Austrvegr*

– «Восточный путь» или *Austrlönd* – «Восточные земли». В картине мира скандинавов Древняя Русь, включая и территорию современной Беларуси, относилась к землям «Восточного пути». В древнескандинавских источниках зафиксировано девять восточноевропейских рек – Северная Двина (*Vina*), Западная Двина (*Dyna*), Днепр (*Nepr, Danpr*), Нева (*Nyia*), Сейм (*Seimgol*), Дон (*Dun, Tanais*), Волга (*Olkoga*), Кама (*Kuma*) и река в Полоцкой земле (*Dröfn*) [2, с. 290]. Три из перечисленных рек относятся к территории Беларуси: Западная Двина (*Dyna*), Днепр (*Nepr, Danpr*) и река в Полоцкой земле (*Dröfn*). Это говорит о хорошем знакомстве скандинавов с белорусскими землями, прилегавшими к водным магистралям. Западная Двина вообще является наиболее известной восточноевропейской рекой в древнескандинавской письменности. Она упоминается в рунической надписи (*Sö 121*), в скальдической песни «*Krakumal*», скальдической туле из «*Младшей Эдды*», географическом трактате «*Великие реки*», «*Саге о гутах*», «*Саге о крещении*», «*Саге о Хрольве Пешеходе*». Большое значение Западной Двины обусловлено тем, что она была одной из двух дорог из Балтийского моря вглубь восточноевропейской территории. Из Западной Двины скандинавы могли перейти в такие важнейшие водные системы Древней Руси, как Днепровскую, Волжскую и Ильменско-Ловатскую.

Наиболее раннее свидетельство о маршрутах торговых путей Восточной Европы, датируемое 40-ми гг. IX в., содержится в трактате арабского ученого Ибн Хордадбега «*Книга путей и стран*» [7, с. 30–31]. Из его текста следует, что уже в середине IX в. русы – выходцы со Скандинавии, закрепившиеся на восточнославянской территории, плавали в византийские владения, а также через Дон и хазарский Итиль в Каспийское море и Багдад. Представление Ибн Хордадбега о принадлежности русов к славянам возникло вследствие интенсивной деятельности русов в славянских землях. Как правило, арабские географы не ото-

ждествляли русов и славян. Ибн Русте – арабский ученый, живший в IX – первой трети X в., сообщает: «Что касается русов, то они – на острове, окруженном озером <...>. У них есть царь, называемый хакан-рус. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются и забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. У них нет пашен, а живут они лишь тем, что привозят из земли славян» [7, с. 47–48]. Похожий рассказ о русах, которые живут на острове и торгуют славянскими рабами и мехами в Итиле и Булгаре, имеется в сочинении персидского историка XI в. Гардизи «*Краса повествований*». В арабских источниках торговая активность русов связывается и с Византией, и с Хазарией, и с Волжской Булгарией.

Первые контакты между Скандинавией и Византией по пути «из варяг в греки», по мнению Г.С. Лебедева, могли осуществляться со второй четверти IX в. Однако другие ученые освоение этого пути относят к более позднему времени – началу или даже второй половине X в. [8, с. 129]. Ранние клады арабского серебра в Поднепровье свидетельствуют, что дирхемы поступали сюда через хазарские владения вдоль Северского Донца–Сейма–Десны – т.н. «*Хазарским путем*». Этот путь, по мнению Ф.А. Андрощука, играл важную роль в связях Среднего Поднепровья с Востоком и Византией. Исследователь также отмечает, что ранние клады в Киеве появляются только в начале X в., что может указывать на то, что до начала X в. Киев располагался на периферии продвижения восточного серебра в Среднее Поднепровье [8, с. 133].

Как известно, находки кладов и отдельных монет являются индикаторами функционирования торговых коммуникаций. На территории Древней Руси, в том числе и белорусских землях, обнаружено огромное число кладов арабских дирхемов с общим количеством более чем 207 тыс. экз. (в Скандинавии – около 88 тыс.) [6, с. 564]. По подсчетам белорусского нумизмата В.Н. Рябцевича на территории Беларуси известно более 180 депозитов арабских

дирхемов. Также отмечается, что их топография характеризуется концентрацией вдоль пути «из варяг в греки» и его ответвлений [3, с. 15]. Мы уже обратили внимание на то обстоятельство, что функционирование этой важнейшей магистрали на всей ее протяженности до начала X в. вызывает сомнения ряда исследователей. Это указывает на то, что белорусские земли благодаря своей разветвленной сети водных артерий входили в систему международных торговых коммуникаций не только Балтийско-Днепровского пути «из варяг в греки», но и Балтийско-Волжского пути «из варяг в арабы».

Свидетельством вовлеченности территории Беларуси в коммуникации пути «из варяг в арабы» являются ранние клады арабских дирхемов, относящиеся к IX – началу X в. Наиболее значительными депозитами являются клады:

1) Могилев (1300 дирхемов, младшая монета – 815 г.);

2) Антонисберг, Мядельский р-н Минской обл. (из 500 дирхемов известно 6, младшая монета – 824 г.);

3) Коселяцкий, Кормянский р-н Гомельской обл. (из 100 монет известно 43, младшая монета – 824 г.);

4) Добрино, Лиозненский р-н Витебской обл. (527 дирхемов, младшая монета – 842 г.);

5) Симоны, Мядельский р-н Минской обл. (125 дирхемов, младшая монета – 846 г.);

6) Ахремцы, Верхнедвинский р-н Витебской обл. (24 дирхема, младшая монета – 853 г.);

7) Поречье, Глубокский р-н Витебской обл. (45 дирхемов, младшая монета – 854 г.);

8) Баево, Дубровинский р-н Витебской обл. (ок. 2 тыс. дирхемов, младшая монета – 863 г.);

9) Брили, Борисовский р-н Минской обл. (290 дирхемов, младшая монета – 892 г.);

10) Погорельщина, Воложинский р-н Минской обл. (1904 дирхема, младшая монета – 904 г.).

Наличие в составе многих кладов североевропейских артефактов говорит об участии скандинавов в международной торговле, связанной с арабским серебром, в которую были также вовлечены и белорусские земли. К североевропейским вещам относятся скрученные в спираль и использовавшиеся как платежные средства серебряные гривны, входившие в состав кладов с Добрино, Поречья и Брилей. Особый интерес представляет Брилевский денежно-вещевой клад, обнаруженный в пойме Березины Днепровской. Помимо арабских дирхемов он содержал меч, весовые гирьки, скрученную в спираль серебряную гривну [3, с. 12]. Находка в Брилях является ярким свидетельством активного функционирования в конце IX в. белорусского отрезка пути «из варяг в арабы», соединявшего Верхнее Поднепровье с Верхним Подвиньем и (или) Верхним Понеманьем. Важную роль в этих связях играла Березина – правый приток Днепра, через который открывался выход как на Неман, так и на Западную Двину.

Топография кладов в Восточной Европе и сведения о развитии древнерусских торговых путей, ориентированных на выход к источникам арабского серебра, позволяет предположить маршруты их движения на территорию Беларуси. В Верхнее Поднепровье дирхемы могли проникать двумя путями – по «Хазарскому пути» – Северский Донец–Сейм–Днепр или через Оку–Сейм–Днепр. В бассейн Западной Двины арабское серебро двигалось с Верхней Волги и (или) Днепра. Важно подчеркнуть, что восточноевропейские клады арабского серебра являются показателем не только транзитной торговли между Востоком, Балтикой и Скандинавией, но и торговых контактов восточнославянских племен с Хазарским каганатом и другими восточными странами. Концентрация кладов на левобережье Днепра отражает участие местных племен в поставке мехов в обмен на дирхемы. К белорусским землям, а именно к территории радимичей, относится Коселяцкий клад. В ПВЛ под 885 г. упоминается, что радимичи до

подчинения Олегу платили дань хазарам именно монетами: «Посла Олегъ к радимичем, ркя: «Кому дань даете?» Они же рѣша: «Козаромъ». И рече имъ Олегъ: «Не давайте козаромъ, но мнѣ давайте». И вдаша Олгови по щелягу, якоже и козаромъ даяху» [5, с. 14].

Со второй трети IX в. происходит увеличение числа и размеров монетных находок на территории Беларуси, что говорит о ее полноценной включенности с этого периода в систему дальней международной торговли с Востоком. Судя по топографическому размещению кладов, они маркируют движение серебра по Днепру, Западной Двине и Неману на северо-запад, т.е. в балтийском направлении. К области Понеманья относится крупный денежно-вещевой клад начала X в. из д. Погорельщина, состоявший из 1904 дирхемов, серебряной шейной гривны и двух спиралевидных серебряных прутков [9, с. 75]. Он маркирует развитие Неманско-Днепровского пути, который играл важную роль в связях Скандинавии и Прибалтики с Поднепровьем. К этому пути также тяготеют два крупных клада середины X в. из д. Раковцы. По мнению В.А. Булкина и В.Н. Зоценко, Неманско-Березенско-Днепровский путь в связях Среднего Поднепровья с Балтикой и Скандинавией являлся более древним, чем путь «из варяг в греки», что прослеживается по археологическим находкам скандинавских типов вдоль этой коммуникации [10, с. 222]. Современные белорусские археологи также отмечают, что Березина играла значительную роль в контактах Полоцкого княжества с южными землями Руси с ранних этапов его истории [3, с. 17–18]. Неманско-Березенско-Днепровский путь также обеспечивал связи Балтики с Востоком через Сейм–Северский Донец–Дон–Оку–Волгу. Сейм был важнейшим коммуникационным отрезком «серебряного пути», соединявшим Среднее Поднепровье с центрами в Шестовицах и Киеве с Хазарским каганатом, Волжской Булгарией и Арабским халифатом. Вероятно, что именно по Сеймскому пути (Ока/Дон–Сейм–Днепр)

через Белорусское Поднепровье и дальше к Балтике двигались военно-торговые экспедиции скандинавов, в результате одной из которых появился Брилевский клад на Березине.

С Березины также можно было выйти на Западную Двину. На этом пути располагался Лукомль, что и определило его важное положение на западной границе междуречья Днепра и Западной Двины. Наряду с кладами маркерами функционирования торговых путей являются импортные вещи, и если мы говорим о IX–X вв., то в первую очередь, так называемые «вещи североевропейских типов». К ним принадлежат преимущественно предметы вооружения, украшения скандинавских типов и некоторые предметы быта [11, с. 486]. В Лукомле обнаружен ранний культурный горизонт, датируемый VIII–IX вв. Комплекс археологических находок из Лукомля включает и вещи североевропейских типов – ланцетовидные стрелы, обломок ладьеvidного браслета, ледоходные шипы, ладейные заклепки [11, с. 453–455].

В целом на территории Беларуси и сопредельных землях Верхнего Подвигья и Верхнего Поднепровья встречаются лишь единичные скандинавские находки, которые могут быть отнесены к IX в. Самыми ранними скандинавскими вещами на землях Беларуси из рассматриваемого региона, по мнению И.И. Еремеева, являются ладьеvidный браслет из Витебска и равноплечная фибула из Масковичей. Исследователь считает, что в культурном слое Витебска представлен выразительный набор изделий североевропейского круга, который позволяет датировать его нижние напластования IX в. Бронзовый ладьеvidный браслет из Витебска относится к раннему типу, использовавшемуся в Скандинавии с середины VIII до X в. К североевропейским типам находок из Витебска также принадлежат составные односторонние гребни фризко-скандинавских типов, бронзовые булавы с подвижным кольцом, скандинавский амулет с моло-

точком Тора, ланцетовидные стрелы, два меча типа Н [11, с. 496–499].

Еще один ранний скандинавский артефакт с территории Беларуси – равноплечная фибула – была обнаружена на городище Масковичи Браславского района. Украшения данного вида были характерной принадлежностью костюма скандинавской женщины. Фибула из Масковичей относится к типу JP 73 по Я. Петерсену и датируется концом VIII – первой четвертью IX в. Равноплечная фибула такого же типа была найдена в курганном погребении в окрестностях Торопца [11, с. 488]. Топография находок указывает, что они обе происходят из бассейна Западной Двины. Торопец расположен в верховьях Западной Двины, а Масковичи – в ее среднем течении, в районе Браславских озер. Появление однотипных фибул на разных отрезках Западной Двины, возможно, свидетельствует о движении скандинавов по данному речному пути уже в раннем IX в. На это также могут указывать ранние скандинавские артефакты из Витебска и находки арабских монет в бассейне Западной Двины. На наш взгляд, освоение скандинавами пути по Западной Двине осуществлялось в двух направлениях. С одной стороны, они проникали на балтийское побережье и в низовья Западной Двины через море со Скандинавии, что могло отразиться в появлении здесь в середине

IX в. первых дирхемов. С другой стороны, освоение указанного речного пути происходило с территории Руси, т.е. с востока на запад. Нам известно, что начиная приблизительно с середины VIII в., выходцы со Скандинавии, проникая через Финский залив, постепенно осваивали Ладожско-Ильменский регион. Их следующей целью было продвижение в юго-восточном направлении – к источникам арабского серебра. Так, они обосновывались на Верхней Волге (Сарское городище, Тимерево) и в междуречье Западной Двины и Днепра (Гнездово). И.И. Еремеев считает, что изначально скандинавы попали в Верхнее Подвинье

с севера через Поволховье и Приильмень [11, с. 507].

Таким образом, стремление к контролю над коммуникациями «из варяг в арабы» было одной из главных причин проникновения скандинавов из Приильменя в верховья Западной Двины, а оттуда в ее среднее течение, а также в верховья Днепра. Мы полагаем, что вполне логично их дальнейшее движение и в западном направлении по Западной Двине к Витебску и Полоцку и далее в район Браславских озер, что нашло отражение в проанализированном археологическом материале, а также в письменных источниках. В ПВЛ под 862 г. сообщается, что Рюрик, обосновавшийся в Ладожско-Ильменских землях, отправил в Полоцк своего представителя. Археологические раскопки на древнем полоцком городище, проведенные в 2007 г. Д.В. Дуком, показали его заселенность в 780 г., что значительно ранее даты первого летописного упоминания [12, с. 266]. Археологические и нумизматические источники также позволяют уточнить время появления в Белорусском Подвинье Рогволода, которое определяется серединой X в. По мнению Н.А. Плавинского, материальным подтверждением установления Рогволодом контроля над торговым путем по Западной Двине в ее среднем течении является клад из д. Козьянки у юго-восточной окраины Полоцка. Это один из крупнейших кладов арабского серебра в Восточной Европе, состоявший из 7711 монет. Младшая монета клада датируется 945 г., что позволяет установить время его сокрытия в пределах второй половины 940-х гг. Козьянковский клад также свидетельствует, что к середине X в. Западно-Двинский путь был одним из главных каналов поступления серебра на Балтику с Волжского пути, а значит, его следует рассматривать не только как часть пути «из варяг в греки», но и как часть системы коммуникаций Балтийско-Волжского пути «из варяг в арабы». Важнейшими центрами на белорусском отрезке этих путей были Витебск, Лукомль и Полоцк. Однако следует учиты-

вать, что основным каналом связи с Балтикой на протяжении всего времени функционирования Балтийско-Волжского и Балтийско-Днепровского путей являлся Волхов с центрами в Ладоге и Новгороде.

Заключение. Инфильтрация скандинавов на территорию Беларуси в IX–X вв. в значительной степени была вызвана освоением и использованием путей по Днепру, Березине, Западной Двине, Неману и их притокам, что содействовало развитию городских центров (Витебск, Полоцк, Лукомль и др.) и ускоряло процессы образования государственности на белорусских землях (Полоцкое княжество). Археологические, нумизматические и письменные источники свидетельствуют, что основными транспортными магистральями на белорусских землях в это время были Западно-Двинский и Неманско-Днепровский пути. Вдоль этих путей сконцентрированы клады арабского серебра. В некоторых из них представлены вещи скандинавских типов (Добрино, Поречье, Брили, Погорельщина). Это позволяет нам говорить, что территория Беларуси была включена в систему трансконтинентальных коммуникаций, связывавшую Скандинавию, Балтику, Русь с Византией и Арабским халифатом. Основными коммуникациями этой системы были Балтийско-Волжский путь «из варяг в арабы» и Балтийско-Днепровский путь «из варяг в греки», которые охватывали и белорусские земли.

Литература

1. Дубов, И.В. Великий Волжский путь / И.В. Дубов. – Л.: Изд. Ленинград. ун-та, 1989. – 256 с.
2. Джаксон, Т.Н. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии / Т.Н. Джаксон [и др.]. – М.: Языки славянских культур: Знак, 2007. – 360 с.
3. Рабцэвіч, В.Н. Брылеўскі скарб / В.Н. Рабцэвіч, М.А. Плавінскі, А.В. Іоў. – Мінск: Беларус. дом друку, 2011. – 112 с.
4. Дернович, С.Д. «Из Варяг в Греки». Археологические находки эпохи викингов на территории Беларуси / С.Д. Дернович // Беларус. думка. – 2009. – № 12. – С. 160–166.
5. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – 3-е изд. – СПб.: Наука, 2007. – 667 с.
6. Kovalev, R.K. Circulation of Arab Silver in Medieval Afro-Eurasia: Preliminary Observations / R.K. Kovalev, A.C. Kaelin // History Compass. – 2007. – Vol. 5, Issue 2. – P. 560–580.
7. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон [и др.]. – М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009. – Т. III: Восточные источники. – 264 с.
8. Андрощук, Ф.А. Гнездово, Днепровский путь и финал Бирки / Ф.А. Андрощук // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. – М., 2001. – Вып. 124. – С. 126–135.
9. Рябцевич, В.Н. Дирхамы Арабского халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX–X вв.) / В.Н. Рябцевич // Славяне и их соседи: Археология, нумизматика и этнология. – Минск, 1998. – С. 66–80.
10. Булкин, В.А. Среднее Поднепровье и неманско-днепровский путь в IX–XI вв. / В.А. Булкин, В.Н. Зоценко // Проблемы археологии Южной Руси. – Киев: Наук. думка, 1990. – С. 117–123.
11. Еремеев, И.И. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень / И.И. Еремеев, О.Ф. Дзюба. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 670 с.
12. Дук, Д.У. Археалагічныя раскопкі на старажытным полацкім гарадзішчы ў 2007 г. / Д.У. Дук // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы V Міжнар. навук. канф., (24–25 кастр. 2007 г.). – Полацк: НППГКМЗ, 2009. – С. 255–279.

Поступила в редакцию 10.04.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.

УДК 94(476)«17/18»

Политико-правовые аспекты присоединения униатов к Русской православной церкви в 1772–1840 гг.

Шевкун П.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова», Витебск

В статье раскрываются политико-правовые аспекты конфессиональной политики российских властей на территории Беларуси в 1772–1840 гг. Анализируется процесс формирования правовой базы укрепления православной церкви путем присоединения к ней униатов. Показаны основные факторы, определившие специфику подхода российского правительства к юридическому оформлению привилегий православной церкви на территории Западных губерний империи. Обозначены проблемы, стоявшие перед российскими властями при разграничении привилегий православной церкви и «религиозных свобод», предоставленных Екатериной II неправославному населению территорий, присоединенных от Речи Посполитой. Выделены особенности подходов Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I к рассматриваемой проблеме. Отмечена непоследовательность политики Николая I в вопросе присоединения униатов к православию, обусловившая неоднозначность оценки обстоятельств ликвидации унии в Западных губерниях Российской империи в 1839–1840 гг.

Ключевые слова: конфессиональная политика, Западные губернии, православные епархии, уния.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 69–76)

Political and legal aspects of Uniate joining the Russian Orthodox Church in 1772–1840

Shevkun P.V.

Educational establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”, Vitebsk

The article presents political and legal aspects of the confessional policy of Russian authorities on the territory of Belarus in 1772–1840. Process of setting up legal basis for strengthening the Orthodox Church by joining Uniates to it is analyzed. Main factors, which made up the specificity of the Russian authorities' approach to legal building up privileges for the Orthodox Church on the territory of Western Regions of the Empire, are pointed out. Problems are singled out, which Russian authorities had while defining the privileges of the Orthodox Church and “religious freedoms”, which Catherine II granted to the non Orthodox population of the territories, which were joined from Retch Pospolita. Peculiarities of the approaches by Catherine II, Paul I, Alexander I, and Nicolas I to the issue are stressed. Incoherence of the policy by Nicolas I in joining Uniates to the Orthodox Church, which caused non straightforwardness of the evaluation of the circumstances of the liquidation of Unia in Western regions of the Russian Empire in 1839–1840, is singled out.

Key words: confessional policy, Western regions, Orthodox dioceses, Unia.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 69–76)

В последней трети XVIII в. белорусские земли были включены в состав Российской империи. Самыми массовыми конфессиями к концу XVIII в. на них были униатство, католицизм и православие. Правовое регулирование межконфессио-

нальных отношений определялось законодательными нормами (привилегиями), предоставленными Екатериной II не православному населению присоединенных территорий и православной церкви, как господствующему вероисповеданию. Последовательность развития правовых норм базировалась на принципе легитимизма, в рамках которого династическая преемственность проявлялась и в законодательной сфере. Одним из острых вопросов политики российских властей на присоединенных территориях являлся вопрос правового оформления особого отношения православных властей империи к униатству.

В исторической литературе рассматриваемая проблематика не стала предметом специального исследования. Она затрагивается в работах, посвященных процессу ликвидации Брестской унии. В досоветской историографии утвердились подходы, опирающиеся на конфессиональные оценки событий вокруг униатской церкви. Исследователи, лояльно настроенные к православной церкви, трактовали события как однозначно позитивные и справедливые, противоположный, «католический» лагерь видел в них грубое нарушение целостности католической церкви в империи. В современных исследованиях господствуют негативные характеристики. Они даются на основании соответствия политики правительства в вопросе присоединения униатских епархий к Русской православной церкви (далее – РПЦ) современной трактовке фундаментального права «свободы совести». Между тем, Россия конца XVIII – первой половины XIX в. являлась страной, по преимуществу жившей нормами традиционного общества, в котором только набирали силу модернизационные процессы. Поэтому процесс ликвидации униатства носил более сложный, неоднозначный характер и он не может быть оценен в правовой плоскости как однозначно негативный или позитивный.

Цель работы – выявление особенностей политико-правового регулирования процесса укрепления православной церкви путем присоединения униатов в

1772–1840 гг.

Материал и методы. Историческое исследование проведено на основе анализа документов Национального исторического архива Беларуси, Полного собрания законов Российской империи, воспоминаний участников рассматриваемых событий. В процессе подготовки были использованы специально-исторические методы исследования: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный метод.

Результаты и их обсуждение. После первого раздела Речи Посполитой населению присоединенных территорий Екатерина II гарантировала возможность в «...совершенной и ничем не ограниченной свободе в публичном отправлении их веры, также и при законном каждом владении и имуществе» [1, т. XIX, с. 555]. Эти привилегии подразумевали сохранение собственности религиозных организаций, а также осуществление их деятельности согласно внутренним каноническим нормам. В 1793 и 1795 гг. привилегии были распространены и на новые территории, отошедшие к империи от Речи Посполитой. Наиболее сложной проблемой правового регулирования были отношения между православными, униатами и католиками.

Католическая церковь была представлена в это время двумя административными структурами: униатской и собственно католической. Привилегии распространялись на оба обряда. Православию как господствующему вероисповеданию была предоставлена возможность присоединять к себе последователей других конфессий, установлен запрет на переход из православного в какое-либо другое исповедание, а также гарантирована административная и экономическая поддержка. Учитывая необходимость соотнесения «свободы вероисповедания» и привилегий православия, наиболее удобным способом перехода в «благочестие» являлось добровольное выражение согласия на него со стороны предполагаемого кандидата. В условиях господства землевладения католических помещиков и отсутствия у православной церкви в крае необходимых для актив-

ной миссионерской деятельности интеллектуальных и финансовых ресурсов, подобная практика могла привести к единичным случаям переходов, никак не влияющим на положение в обществе той или иной конфессии.

С подобным сценарием межконфессионального взаимодействия не могло согласиться местное православное духовенство, которое в вопросе отношения к униатам способствовало формированию в Петербурге представления о том, что те стремятся вернуться в «лоно прародительской веры». Об этом 10 марта 1773 г. говорил императрице Могилевский епископ Георгий (Коницкий). 19 марта 1773 г. он же прислал в Св. Синод 25 прошений униатских священников о переходе в православие с уверениями о насильственном происхождении унии и стремлении оставшихся верующих последовать их примеру. Они утверждали, что единственным фактором сохранения унии являются угрозы помещиков и униатских священников, не желавших переходить в православие [2, с. 150, 151]. Правительство Екатерины II оказалось в затруднительном положении. С одной стороны, власти не могли игнорировать интересы православия, с другой – масштаб возможного перехода мог иметь отрицательные социальные и политические последствия, поскольку был очевидным нарушением привилегий, предоставленных императрицей населению присоединенных территорий. Таким образом, оформился «униатский вопрос», решение которого затянулось на десятки лет.

В мае 1780 г. Екатерина II пошла на компромиссный вариант, разрешив присоединения униатов в вакантных приходах. Генерал-губернатора обязали поручить «людям надежным спрашивать и на верное осведомляться от прихожан, желают ли они иметь священника Нашего православного восточного закона...» [1, т. XX, с. 954]. При условии согласия прихожан, присоединять разрешалось целыми приходами, при этом сам процесс должен был контролироваться администрацией. Избежать противодействия со стороны помещиков планировалось сек-

ретностью проводимых опросов. Сохранить секретность не удалось и уже спустя несколько лет эти мероприятия прекратились. Их итогом был переход 80 униатских приходов в православие [2, с. 156].

Следующим важнейшим этапом на пути правового оформления привилегий православия явился 1794 г. На фоне событий Великой французской революции и восстания под руководством Т. Костюшко Екатерина II склонилась к более решительной административной поддержке присоединения униатов к православию. В 1794 г. была опубликована «Пастырская грамота архиепископа Виктора к Униатам, о свободном их возвращении в недра Православной церкви». В ней содержался призыв «всех и каждого пола и возраста в пастве нашей обитающих, которых праотцы, отцы, или и сами они лестию и страхом от благочестия совращены в Унию с Латинами, возвратиться безбоязненно в объятия Православной Восточной церкви». При этом гарантировалось «не попустить, чтоб кто-либо обращающийся в веру Православную в Империи Ея господствующую, кольми же паче те, которых предки, или сами они из недр благочестия коварно и насильно изторгнуты, малейшие обиды или угнетения претерпели, в чем по воле Ея Монаршей установленные начальства иметь будут бдение...». В указе 24 апреля 1794 г. Минскому генерал-губернатору Т.И. Тутомлину содержалось требование обеспечить защиту «обращающимся в благочестие» от «притеснения и обид». Подобного рода преступления приравнивались к уголовным и влекли секвестр имения до окончания дела. Отдельно указывалось, чтобы крестьяне, принимающие православие, не решились «уклониться от повиновения помещикам своим, или же к другим своевольствам». В январе 1795 г. в очередном указе генерал-губернатору императрица была вынуждена подчеркнуть, чтобы «всякий вид принуждения и насилия» был исключен с «обоюдных сторон» [1, т. XXIII, с. 509, 510, 512, 617].

Результатом законодательных инициатив Екатерины II было идеологическое и, в основных моментах, юридиче-

ское оформление особого отношения российских властей к униатству. Властям удалось провести границу между привилегиями, данными православия и другим религиозным объединениям. Правительство обосновало свои особые ожидания в отношении униатов, не отменяя, а наоборот, подчеркивая принцип добровольности при принятии в православие. Власти в этом вопросе исходили из трудно реализуемого допущения о возможности изолировать прихожан униатов от своих священников и крепостных крестьян от помещиков. Такая модель была сформирована на основании донесений православной стороны, прежде всего Могилевского епископа Георгия (Конисского) и после смерти Екатерины II была подвергнута коррекции.

Новый император Павел I столкнулся с возросшим количеством жалоб на действия православной стороны и конфликтами на местах. В присоединенных приходах ситуация была нестабильна и угрожала уже позициям самой православной церкви. Практика реализации указов все более входила в противоречие с принципом добровольности и могла трактоваться как проявление деспотизма со стороны властей. В сложившихся условиях император принял ряд указов, направленных на восстановление «спокойствия в обществе» и защиты позиций православной церкви. В манифесте 18 марта 1797 г. указывалось, чтобы представители «римско-католического исповедания» не привлекали православных в свою конфессию и «не стесняли бы свободы тем, кои по добровольному руководству совести сами от других исповеданий к Православной Церкви присоединиться возжелают». В качестве пояснения к манифесту в апреле 1797 г. губернаторам был разослан указ, в котором основной задачей конфессиональной политики значилась: «сохранить между обитателями различного закона тишину и спокойствие» [1, т. XXIV, с. 513, 524].

Этими указами Павел I расставлял

приоритеты проведения той политики, которую инициировала Екатерина II, но в них не нашли развития принятые ранее правовые нормы в вопросе присоединения к православию. Сенатским указом 1 февраля 1800 г. были обобщены и восполнены пробелы правового регулирования межконфессиональных отношений, в центре которых находилась униатская церковь. В законе была подчеркнута необходимость соблюдения привилегий православного вероисповедания и принята норма контроля при составлении прошения о присоединении к православию со стороны униатов. Его необходимо было производить при депутате или чиновнике «содержащих Римское исповедание». В спорных случаях критерием добровольности являлось «принятие Святых Таин от священников Греко-Российского исповедания и в продолжении времени заимствованием от них Духовных треб». В этом же указе содержался запрет на «привлечения Униатов в Римско-Католический закон» [1, т. XXVI, с. 30]. Данными положениями в основном было определено правовое регулирование процесса принятия в православие униатов. Предполагалось наличие у них естественного стремления к православию, оформленного как добровольно выраженное согласие при представителе католической стороны. Были зафиксированы нормы наказания за противодействие реализации привилегий православной церкви как господствующего вероисповедания, а также обязанности властей по их поддержанию.

Российский император Александр I соблюдал преемственность государственной политики в «униатском вопросе». 4 июля 1801 г. Могилевский епископ Анастасий (Братановский) отправил на имя императора письмо с просьбой о возобновлении мероприятий Екатерины II по присоединению униатов. 4 августа 1801 г. последовал ответ митрополита Амвросия (Победова) по поручению императора, в котором была подчеркнута недопустимость принуждения униатов к принятию православия, а при-

влекать допускалось только демонстрацией человеколюбия, гласом поучений, примерной жизнью духовенства. Указ Св. Синода предписывал белорусским иерархам руководствоваться мыслями Государя и указом от 24 сентября 1797 г. [3, с. 60, 61].

В 1802 г. в среде католического и униатского духовенства распространились слухи «будто униатское исповедание уничтожится и им дано на волю присоединяться и быть благочестивыми или прямо римлянами». В итоге многие униатские приходы были переведены в католичество.

5 мая 1803 г. император сделал строгое предписание местным властям, «чтобы никак не допускали вы слухам сего рода распространяться, поступая по законам со всеми теми, кои в оных будут уличаемы ... Ответственных арестовать и содержать под стражею впредь до повеления». Одновременно был дан указ католическому митрополиту Сестренцевичу о пресечении «столь нелепых и вредных тишине совести толков». 4 июля 1803 г. последовало распоряжение губернскому начальству о том, что оно обязано «...всеми мерами защищать униатов в притеснениях, судах и следствиях, какие местные католические консистории против них употреблять могут». Подобное внимание было обосновано тем, что «сближение Унии с Православным Греческим исповеданием дает ей право на сие покровительство» [1, т. XXVII, с. 584, 585, 722, 723].

21 июля 1810 г. сенатским указом было подтверждено гражданским департаментам «наблюдать за не обращением из одного обряда в другой, желающим же принять господствующую веру чтобы препятствий не чинили». 8 августа 1810 г. был установлен срок давности для возврата перешедших из унии в католичество. Рубежом был выбран 1798 г., так как в 1799 г. последовал первый указ, запретивший «подговаривать на переходы» в католичество [1, т. XXXI, с. 277, 278, 307, 308]. В последующие годы Александр I не возвращался к данной проблеме.

Император Николай I унаследовал оформленный правовой комплекс, регули-

ровавший на основании предоставленных привилегий отношения между основными конфессиями белорусских земель. Принятые законы позволяли избегать обвинений в деспотизме или наоборот безразличии к нуждам господствующего исповедания. При этом можно было использовать модель жесткой (екатерининской) политики в отношении укрепления православия путем присоединения униатов или мягкой (либеральной), которая была характерна для Павла I и Александра I.

В первые годы правления Николай I продолжил либеральную политическую линию регулирования межконфессиональных отношений предыдущего правления. Однако особенности идеологии, восстание в Царстве Польском и волнения на российских территориях бывшей Речи Посполитой в 1830–1831 гг. послужили основанием к пересмотру конфессиональной политики в сторону ее ужесточения. 28 ноября 1831 г. созданным накануне Комитетом Западных губерний обсуждался комплекс мер, направленных на «поддержание достоинства нашей Церкви и к распространению Православия в том крае» [4, с. 439]. Одновременно произошла смена православных архиереев в западных губерниях. В 1832 г. правительство инициировало усиление миссионерской деятельности православного духовенства в отношении униатов при активной административной поддержке.

Порядок присоединений определялся на основании указа Сената от 1 февраля 1800 г. [5]. За противодействие желанию принять православие подчеркивалась уголовная ответственность на основании указа от 24 апреля 1794 г. Радикальное предложение генерал-губернатора князя Н.Н. Хованского, сделанное им в начале 1833 г., о целесообразности административного решения «униатского вопроса» Комитетом министров одобрено не было [6, с. 153]. Николай I задействовал весь легитимный арсенал средств для укрепления православия за счет присоединения униатов. Император стремился избежать нарушения свободы вероисповедания, предоставленной Екатериной II на-

селению присоединенных земель Речи Посполитой, рассчитывая на достижение приемлемого уровня лояльности со стороны католической аристократии империи.

С целью активизации процесса присоединений в 1833 г. была открыта Полоцкая епархия. В процессе ее организации, в регионе с сильными позициями униатства, была установлена новая парадигма взаимодействия губернских и епархиальных властей. Она подразумевала не только тесный союз высшей российской бюрократии западных губерний с православной иерархией региона, но и усиление контроля со стороны государства над деятельностью православного духовенства.

Генерал-губернатор Н.Н. Хованский, Витебский военный губернатор Н.И. Шредер по указаниям центральных властей обязаны были оказать миссионерам государственную поддержку, защитить позиции православной церкви, обеспечить контроль над соблюдением формальных правил при присоединениях униатов. Для координации действий духовенства и администрации выделялись чиновники по особым поручениям [7, с. 428]. С целью подавления возможной оппозиции правительственному курсу власти следили за католической аристократией.

Тем не менее, сопротивления аристократии избежать не удалось. 7 декабря 1834 г. было составлено обращение к императору дворянства Витебской губернии, подписанное 172 помещиками, о злоупотреблениях в процессе обращения униатов в православие. Император утвердил мнение генерал-губернатора по этому поводу, в котором тот предлагал «дворянство, участвовавшее в составлении сего акта, вразумить в неосновательности» их жалобы, а «предложенное открытое собрание сведений об образе воссоединения совершенно воспретить, но предоставить каждому, в частности, полную свободу изъявлять свое неудовольствие...». Вместе с тем, министр внутренних дел Д.Н. Блудов напомнил местным духовным и светским властям, чтобы они действовали на основании императорской резолюции 1833 г.: «действовать в сем деле (присоединении униатов. – *III.II*) осторожно и неторопливо»

[6, с. 154].

В июле 1834 г. по распоряжению Н.Н. Хованского было разослано указание местным архиереям, чтобы «в отращение могущих произойти каких-либо неприятных последствий» духовенство, в случае согласия на присоединение униатов целой деревни, не приступало «само собою к таковому присоединению», а сообщало гражданской администрации [8]. В первой половине 1835 г. было присоединено не более пяти приходов, в то время как волнения происходили в двенадцати [6, с. 133, 178].

Противодействие правительственным планам привело к тому, что к 1836 г. в высших кругах сформировалось представление о предпочтительности плана присоединения униатов, с которым выступила в начале 1830-х гг. лояльно настроенная часть униатской иерархии. Он заключался в подготовке общего, во главе с иерархией, включения униатских епархий в состав РПЦ. Изначально этот проект в Петербурге не рассматривался в качестве основного, поскольку не имел практики реализации и законодательно не был предусмотрен. Он небезосновательно мог трактоваться как произвол властей, поскольку превосходил рамки реализации привилегий православия как господствующего вероисповедания и грубо вторгался в юрисдикцию католической церкви. Тем не менее, этот проект, хотя и подразумевал более высокие политические риски, но при осуществлении представлялся удобным.

В июне 1836 г. был смещен обер-прокурор С.Д. Нечаев. Осенью последовали отставки и местных государственных чиновников. 15 сентября вместо Н.Н. Хованского генерал-губернатором назначили П.Н. Дьякова. 17 сентября на место Витебского губернатора Н.И. Шредера был прислан И.С. Жиркевич. 5 июня 1837 г. Полоцкого епископа Смарагда (Крыжановского) перевели в Могилев. 12 февраля 1839 г. в Полоцке был подписан соборный акт, в котором высшее духовенство объявляло о присоединении к РПЦ [9, т. XIV, с. 576–578].

Правительство пыталось смягчить негативное впечатление от нарушения привилегий «свободы вероисповедания»,

трактуя события 1839 г. как «воссоединение», чем подчеркивалась «преемственность» политики в вопросе присоединения униатов. Хотя это и была довольно неуклюжая попытка придать легитимность осуществленным мероприятиям, но она демонстрировала исключительность подобной меры. Власти хотели показать католической стороне, что отношение к униатству не является прецедентным и носит чрезвычайный характер. В столице опасались, что эти действия будут восприняты как угроза существованию самой католической церкви в регионе, в результате чего политические последствия могут быть непредсказуемыми.

Правовая уязвимость принятых решений требовала сохранения секретности, а униатскому духовенству создавались максимально допустимые комфортные условия. 3 апреля 1839 г. в Белорусской епархии были обнародованы указы о присоединении униатов решением епископа Василия (Лужинского). Обер-прокурор Н.А. Протасов был крайне обеспокоен и указывал на ответственность епископа «в случае худых последствий» [10, с. 169]. В.В. Скрипичину, присланному из Петербурга наблюдать за положением дел в западных губерниях, была доставлена инструкция, которая наглядно иллюстрирует опасения правительства. В ней обер-прокурор настаивал на оставлении дела присоединения в том виде, в котором оно есть. Указывал везде лично наблюдать, «чтобы не были изменяемы никакие вкоренившиеся временем так называемые униатские обряды, молитвословия и другие обычаи...», «строго наблюдать за действиями православных духовных лиц, чтобы они не смущали бывших униатов неуместными замечаниями касательно несходства обычаев», «не подвергать без особого разрешения взысканию священников, кои не подражали бы кафедре в поминовении (Св. Синода. – *Ш.П.*)» [11, с. 58]. Опасения правительства оказались преувеличенными. Процесс объединения униатских епархий с православными в 1840 г. прошел без масштабных протестов.

Заключение. Таким образом, в 1772–1840 гг. были оформлены правовые нормы, зафиксировавшие особенности от-

ношения российских властей к проблеме укрепления православной церкви путем присоединения униатов. В правлении Екатерины II были выработаны положения, обосновавшие особое внимание российской власти к униатству. Оно стало рассматриваться как «естественный» объект миссионерских устремлений православного духовенства и основной источник численного роста РПЦ в западных губерниях империи. Павел I и Александр I подтвердили и закрепили принцип добровольности при присоединении к православию и целостности униатской церкви в рамках католичества. В это время удалось найти формулировки, которые позволяли совместить привилегии православной церкви как господствующей, с привилегиями «свободы вероисповедания» на российских территориях Речи Посполитой. Законодательная база была достаточно гибкой и позволяла проводить как более жесткую линию в отношении униатов, так и более либеральную. Пример первой продемонстрировала Екатерина II, пример второй – Павел I и Александр I. Восстание 1830–1831 гг. стало поворотным пунктом, после которого император Николай I отказался от либеральной модели и взял курс на ликвидацию униатской церкви. В 1832–1836 гг. на основании законодательства предшествующих правлений использовалась «екатерининская» модель решения «униатского вопроса». Поскольку ее возможности оказались достаточно ограниченными и не позволяли присоединить абсолютное большинство униатов к православию, император склонился к варианту, предложенному частью лояльно настроенной униатской иерархии, то есть плану «общего» объединения с РПЦ. Несмотря на то, что осуществление этого проекта являлось грубым нарушением дарованных Екатериной II привилегий, он был реализован в западных губерниях Российской империи в 1839–1840 гг.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отдел. Соб. Е.И.В. канц., 1830–1849.

2. Анішчанка, Я.К. Беларусь у часы Кацярыны II / Я.К. Анішчанка. – Мінск: Веды, 1998. – 211 с.
3. Коялович, М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен / М.О. Коялович. – СПб.: Тип. Втор. отдел. Соб. Е.И.В. канц., 1873. – XII, 400 с.
4. Уния в документах / сост. В.А. Теплова, З.И. Зуева. – Минск: Бел. Экзархат, 1997. – 518 с.
5. Дело о насильственном присоединении прихожан Драгомичской униатской церкви Борисовского уезда в православное вероисповедание. 1834 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ). – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 10310. – Л. 1 об.
6. Шавельский, Г.И. Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / Г.И. Шавельский. – СПб.: Тип. «Сельского вестника», 1910. – 494 с.
7. Письма епископа Полоцкого Смарагда к князю Н.Н. Хованскому // Русский архив. – 1891. – Кн. 8. – С. 427–440.
8. Дело о получении указа Могилевской духовной консистории о вменении в обязанность священнослужителям предварительно сообщать гражданскому началу о присоединении крестьян всей деревни из униатского вероисповедания в православное. 1834 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ). – Фонд 3021. – Оп. 2. – Д. 338. – Л. 1.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отдел. Соб. Е.И.В. канц., 1830–1884.
10. Записки Василия Лужинского архиепископа Полоцкого. – Казань: Тип. имп. ун-та, 1885. – 312 с.
11. Чистович, И.А. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с православною церковью западно-русских униатов / И.А. Чистович. – СПб.: Синодальная типография, 1889. – 64 с.

Поступила в редакцию 20.04.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.

УДК 355.41:94(47)

Мобилизационная готовность гражданских организаций по материальному обеспечению войск Белорусского военного округа (1924–1941 гг.)

Кривчиков В.М.

Учреждение образования «Гродненский государственный университет им. Я. Купаль», Гродно

В статье исследуются проблемы мобилизационной готовности различных гражданских организаций по обеспечению войск Белорусского военного округа материальными средствами в период развертывания и ведения боевых действий с середины 1920-х годов и до начала Великой Отечественной войны. Проанализирована мобилизационная готовность территории Белоруссии к обеспечению боевых действий. Показана роль в решении этих задач ЦК КП(б)Б, Военного Совета Белорусского военного округа, исполкомов различных уровней. С развитием техники, разработкой новых норм довольствия, с использованием новых видов продовольствия и обмундирования менялись и взгляды на вопросы мобилизационной готовности. На основе анализа архивных документов показаны проблемы мобилизационной работы, которые, в конечном счете, оказались одной из причин неудач в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Всесоюзный кооперативно-промысловый союз лесной, лесохимической и деревообрабатывающей промышленной кооперации (Всесоюзпромлессоюз), период развертывания, принудительные заготовки, мобилизационная готовность, мобилизационная работа, суженные составы Облисполкомов и городских советов, Управление государственных резервов, Фонд «Обороне повозка с упряжью».

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 77–86)

Mobilization readiness of civic institutions concerning material support for the Belarusian Military District (1924–1941)

Krivchikov V.M.

Educational establishment "Grodno State Y. Kupala University", Grodno

This paper studies issues of mobilization readiness of various civic institutions to ensure the Belarusian Military District with materiel maintenance during deployment and conduction of combat operations from the mid-1920s to the beginning of World War II. Mobilization readiness of the territory of Belarus to maintain combat operations is analyzed. The role in solving these problems of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Belarus, the Military Council of the Belarusian Military District, the administration at various levels is presented. With the development of technology, development of new norms of allowances, with new types of food and clothing ideas of mobilization readiness also changed. On the basis of the analysis of archival documents problems of mobilization work, which ultimately proved to be one of the causes of failures in the early months of World War II, are shown.

Key words: Union co-operative and trade union of timber, resin and wood producers' cooperatives (Vsekopromlessoyuz), deployment period, forced procurement, mobilization readiness, mobilization work, reduced composition of regional executive committees and city councils, the Office of the State's reserves, the Foundation «Cart with harness for the defense».

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 77–86)

Вопросы мобилизационной готовности гражданских организаций по материально-техническому обеспечению войск Белорусского военного округа не получили достаточного освещения в трудах советских, белорусских и российских ученых. В 1960–1980-е гг. издано большое количество трудов, посвященных истории Тыла Красной Армии. Это работы

В.А. Анфилова, М.А. Гареева, И.М. Голушко и др. В них освещаются военно-стратегические планы по подготовке СССР к войне, материальное обеспечение Красной Армии накануне и в ходе Великой Отечественной войны, различные виды тылового обеспечения фронтов и армий в ходе боевых действий. Однако в этих работах вопросы мобилизационной готовности различных организаций по тыловому обеспечению войск практически не рассматриваются. Отдельные аспекты обустройства территории Западного Особого военного округа как будущего театра военных действий рассмотрены в работах И.А. Басюка.

В последнее время вышел ряд трудов по функционированию системы материального обеспечения войск Красной Армии в межвоенный период с 1922 по 1941 год П.И. Вещикова и Е.А. Бочкова. Однако в них вопросы мобилизационной готовности различных организаций по тыловому обеспечению войск тоже практически не рассматриваются.

Цель статьи – анализ состояния мобилизационной готовности различных гражданских организаций и структур по материальному обеспечению войск.

Материал и методы. Источниковую базу исследования составили материалы Государственного архива Российской Федерации (г. Москва), Российского государственного военного архива (г. Москва), Национального архива Республики Беларусь (г. Минск) и Государственного архива общественных объединений Гродненской области (г. Гродно), которые демонстрируют степень готовности материально-технических ресурсов различных гражданских структур по обеспечению боеготовности войск Белорус-

ского военного округа в период с 1924 по 1941 год. Методологическую основу исследования составили принципы историзма и научной объективности, предполагающие рассмотрение отдельных явлений и факторов во взаимосвязи и взаимовлиянии. При написании статьи использовались системный и факторный методы для рассмотрения особенностей обеспечения гражданскими организациями войск Белорусского военного округа в 1924–1941 гг.

Результаты и их обсуждение. Мобилизационная готовность войск – это возможность и способность войск к быстрому развертыванию по мобилизационному плану и переходу на штаты военного времени. Мобилизационная готовность определяется степенью подготовки Вооруженных Сил, населения страны (мобилизационных контингентов) и экономики государства к переходу с мирного на военное положение. Мобилизационная готовность зависит от штатной структуры частей, соединений и объединений, их укомплектованности, размещения, мобилизационной подготовки, интенсивности поступления мобилизационных ресурсов с объявлением мобилизации и ряда других менее значимых факторов. Мобилизационная готовность оценивается временем, необходимым для перехода на штаты военного времени, расконсервации военной техники и приведения ее в боеготовное состояние, вывоза материальных запасов и организации служб в соответствии с требованиями войны. Опыт истории показывает, что в настоящее время крайне важной является задача по поддержанию постоянной готовности системы обеспечения территориальной обороны нашего государства.

Белорусский военный округ всегда был приграничным округом. Западное направление постоянно представляло реальную военную угрозу для СССР. Поэтому вопросы мобилизационной готовности предприятий и организаций по материальному обеспечению войск округа имели первостепенное значение.

В марте 1925 года на Пленуме ЦК

КПБ впервые были рассмотрены вопросы мобилизационной работы в Белоруссии. Отмечалось, что «мобилизационная работа за минувший год заметно улучшилась, однако еще не достигла должной высоты и четкости ввиду недостаточной обеспеченности округа материальными ресурсами». Впервые была поставлена задача определить, что, в каком количестве, где и когда может быть предоставлено войскам округа без подрыва экономического состояния того или иного района или населенного пункта.

Перед СНК БССР была поставлена задача разработать мероприятия по распространению среди населения типовой повозки (на железном ходу), по образцу, предложенному штабом Западного военного округа. Эта мера была вызвана тем, что крестьянская телега, являющаяся основой транспорта армии в военное время, была неудовлетворительна по своему качеству, ввиду быстрой изнашиваемости и малой грузоподъемности.

В числе неотложных мер требовалось приступить к накоплению гужевого штатного транспорта в госорганах и госпредприятиях и передать гужевой транспорт по военно-конской и военно-повозочной повинности в войска по возможности в уже скомплектованном виде (с полной запряжкой) [1, с. 19].

С целью проверки мобилизационных планов и боевой готовности войсковых частей и органов местного военного управления Западного военного округа, а также мобилизационной подготовки учреждений гражданского ведомства, в равной мере ответственных за успешное осуществление мобилизации, в Полоцком округе в сентябре 1925 года были проведены опытные мобилизации [1, с. 21].

Одним из основных проверяемых вопросов была поставка Красной Армии лошадей и телег, т.е. обоза. В докладе ЦК КПБ «О мобилизации в Полоцком округе» от 28 сентября 1925 г. было отмечено, что некоторые районы, например, Дретуньский и др., в первые дни проводили мобилизацию в отношении лошадей и телег слабо, что отчасти объ-

ясняется неясностью приказа на мобилизацию. В приказе Командующего Западным военным округом о мобилизации ставилась задача, чтобы крестьяне предоставили все годные повозки с хорошими и крепкими для перевозки кузовами. Критерий определения годности был неконкретен и давал возможность крестьянину не подвести телегу, ссылаясь на ее негодность по определению. Слово «кузов» в Белоруссии не было общеупотребительным, так что многие крестьяне не знали, о чем идет речь. Опытная мобилизация показала, что нельзя было надеяться на достаточное обеспечение войск телегами при мобилизации за счет крестьян, ибо в деревне чувствовался в телегах большой недостаток [1, с. 26].

До лета 1927 г. не было правительственного постановления, которым бы устанавливалась система обеспечения РККА в период мобилизации и первого периода ведения войны предметами военно-хозяйственного снабжения. Запасы зернохлеба, крупы и зернофуража Военного ведомства были незначительны. Состав Госхлебфонда не отвечал мобилизационной потребности РККА, и брони этих продуктов не было. Особенно плохо обстояло дело с сеном, которым мобилизационная потребность РККА совсем не была обеспечена.

Заместитель Наркома обороны и Председателя РВС СССР С.С. Каменев в письме в СТО СССР от 21 июля 1927 г. писал, что «существовавший до сего времени порядок обеспечения мобилизационного развертывания путем базирования на искусственно создаваемые не снижаемые переходящие торговые запасы различных организаций не дал положительных результатов». Он просил СТО обязать Наркомторг образовать запасы в размере двухмесячной потребности по годовой заявке военного ведомства. Принимая во внимание, что в мирное время создать запасы мяса невозможно, Наркомторгу СССР необходимо было разработать план обеспечения РККА мясом и жирами на первые два месяца мобилизации. Необходимо было образовать

в пределах Западного театра войны еще в мирное время определенные запасы сена. Было дано распоряжение Наркомторгу и ВСНХ на обеспечение РККА вещевыми запасами и обувью за счет запасов производственных и торгующих организаций [2, с. 2–3].

17 октября 1927 г. Комиссариат внешней и внутренней торговли СССР в письме в СТО СССР доложил о выполнении мероприятий по обеспечении потребности армии и тыла продовольствием, фуражом и предметами широкого потребления в мобилизационный период. Отмечалось, что по хлебу и зернофуражу мобилизационным запасом для армии и важнейших пунктов тыла на период мобилизации и первый период войны являлся государственный хлебный фонд (50 млн пудов). Количество продовольственных культур (ржи и пшеницы), необходимых для удовлетворения двухмесячной потребности армии, составляло 8723 тыс. пудов. Размещение этого количества в пунктах, указанных Наркоматом обороны, встречало затруднения лишь в отношении западного района (Белоруссия, Смоленская губерния). Обычные условия хлебной торговли не требовали в 1927 году создания в Западном районе крупных зернохранилищ. Наркомторг СССР отмечал, что если все же будет признано необходимым обязательно иметь в Западном районе значительные запасы госхлебфонда, то это может быть осуществлено только лишь в том случае, если Наркоматом обороны будут построены недостающие хранилища в этом районе [3, с. 4–7].

Интересные выводы о состоянии работы по подготовке к обороне, проводимой на территории БССР и БВО, сделала инспекция, работавшая 3–10 мая 1928 г. в округе во главе с Наркомом обороны СССР К.Е. Ворошиловым. Руководил всей мобилизационной работой в БССР Секретариат Суженого Состава СНК БССР, состоящий из 2 человек.

Инспекция отметила, что существующую сеть мобилизационных органов в БССР можно считать вполне достаточной. Однако, учитывая особую обстанов-

ку, которая может создаваться в БССР с началом войны (прифронтовая и непосредственно фронтовая полоса), можно было спрогнозировать проблемы в функционировании рынка. В силу проблем на рынке трудно было рассчитывать на добровольную поставку населением тех или других нужных для армии предметов. Поэтому в Беларуси впервые возникла мысль о применении с началом войны реквизиций наиболее необходимых предметов. Реквизиция – это принудительное изъятие государством имущества у собственника с выплатой ему стоимости имущества. В СССР 28 марта 1927 г. был принят «Сводный закон о реквизиции и конфискации имущества». Он устанавливал, что реквизиции могут быть подвергнуты средства транспорта, одежда, продукты питания и т.д. Стоимость изъятых имущества выплачивалась по государственным ценам не позднее одного месяца после реквизиции. На основании вышеуказанного закона и постановления РЗ СТО от 5 ноября 1927 г. на Наркомторг СССР была возложена задача по разработке вопросов о порядке отчуждения продовольствия и предметов вещевого снабжения, которые могли быть использованы для обеспечения Красной Армии [3, с. 44].

По результатам работы инспекции Суженый Состав СНК БССР подготовил доклад о работе по подготовке к обороне (о мобработе). В нем отмечалось, что воинские части встречали особые затруднения в хлебопечении. Невозможность удовлетворения армии мясом и жирами путем заготовок в период мобилизации в первые два месяца вынудили СНК БССР принять решение о принудительной закупке скота. Всего в Белоруссии было намечено к изъятию 98000 голов КРС (7% общего стада) и 54000 голов свиней (8% общего стада).

Более конкретные данные по созданию запасов мяса, сена, жиров и круп, в том числе и принудительных, для обеспечения потребности войск БВО по состоянию на март 1928 г. указаны в письме Председателя СНК БССР Н.М. Голодеда в СТО СССР 20 марта 1928 г. «По

вопросу о создании запасов мяса, сена, жиров и круп для обеспечения потребности Армии в первый период войны». По мясной группе, в виду невозможности удовлетворения потребности в порядке обычных заготовок, СНК БССР признал необходимым проведение принудительной закупки коров (сверх 2 в хозяйстве) и свиней (от 6–10% всего их количества у населения БССР). В порядке такого изъятия можно было удовлетворить заявку БВО по всем округам Беларуси, исключая Полоцкий округ, где потребности войск могли быть удовлетворены всего лишь на 19% (требовалось по Полоцкому округу 1912,6 тонны мяса, а можно было получить в порядке изъятия – 301,9 тонны). Для покрытия недостающего мяса был создан гурт скота в 5838 голов. Для переброски скота в Полоцкий округ по железной дороге был предусмотрен подвижной состав: от станции Рогачев (в Полоцк) 6400 голов (535 вагонов) на 14–28 дни мобилизации; от станции Будо-Кошелевская (в Полоцк) 4585 голов (383 вагона) на 28–35 дни мобилизации [4, с. 4].

В обеспечении овощами и крупой прослеживалась сезонность. Заявка на овощи (14500 тонн или 1630 тонн в переводе на сухие овощи или крупу) полностью удовлетворялась за счет товарных запасов совхозов и в порядке заготовок у населения только в период с 15 сентября по 1 января. В период с 1 января по 15 апреля, ввиду уменьшения запасов у населения, удовлетворение заявки было возможно лишь на 50%. В остальные 5 месяцев (15 апреля – 15 сентября) был предусмотрен завоз из-за пределов БССР.

Кроме прочего, в докладе Суженого Составу СНК БССР о работе по подготовке к обороне (о мобработе) был поставлен под сомнение принятый порядок размещения воинских частей при отмобилизации, когда части размещались в школах и частных домах. Это приводило к тому, что при отмобилизации воинских частей приходилось на 10–15 дней закрывать в некоторых городах БССР почти все школы и принимать решение о занятии большого количества

частных домов путем уплотнения. Принимались и заведомо не выполнимые решения, такие, как прикрепление всех коллективных и большого количества частных парикмахерских и кузниц для обслуживания ремонтных, санитарно-бытовых потребностей воинских частей.

Так же, как и продовольствие, обозно-вещевое имущество производилось и поставлялось БВО в течение месячного срока после принятия соответствующего решения СТО. Из широкого списка необходимого обозно-вещевого имущества при объявлении мобилизации только малая часть производилась в самом округе. Так, например, в 1928 году на территории округа была возможность произвести: шинелей – 10000 шт., летного обмундирования – 15000 комплектов, белья нательного – 245000 комплектов [5, с. 26]. Причем дислоцировались пункты пошива вещевого имущества в двух городах: Брянске и Смоленске.

Еще более сложное положение создавалось с обеспечением имуществом, для производства которого была необходима кожа: сапоги, полусапоги, поясные ремни, портупей и кобуры. Так, например, при мобилизационной потребности в обуви в 73000 пар в округе была возможность самостоятельно произвести 27000 пар (37%): в городах Гомель (7000 пар), Минск (10000 пар), и Витебск (10000 пар) [5, с. 39]. На недостающее имущество были выписаны наряды на склады в Брянске и Красном Бору.

К концу 1930-х – началу 1940-х годов система создания мобилизационных запасов мяса и жиров для обеспечения действующей Армии претерпела изменения. Часть мяса в замороженном виде хранилась на мясокомбинатах Наркомата Мясокомпрома СССР.

16 января 1941 года вышло Постановление Экономического Совета при СНК СССР № 72–37сс «О производстве фасованного мяса для закладки в мобилизационный фонд». Этим постановлением было одобрено предложение Наркомата обороны о внедрении для снабжения Красной Армии мороженого мяса, упакованного в специальные коробки из

гофрированной бумаги и картона (контейнеры). В БВО цеха для расфасовки мяса были организованы на Минском, Гомельском, Оршанском мясокомбинатах. После расфасовки мясо хранилось на следующих мясокомбинатах Мясо-молпрома БССР (в скобках указана общая емкость холодильника в тоннах): Витебск (1000), Жлобин (250), Калинковичи (15), Минск (1100), Могилев (15), Орша (300), Полоцк (200).

Повторно, после 1928 года, был рассмотрен вопрос о замене мобилизационного фонда мяса живым скотом. Постановлением СНК СССР № 10сс от 14 февраля 1939 года была принята «Инструкция по образованию и содержанию живого скота в мобилизационном фонде». Мобилизационный фонд живого скота содержался в общем стаде хозяйства в виде переходящего неснижаемого запаса. Размер создаваемого мобфонда скота по каждому хозяйству не должен был превышать 35–40% от взрослого поголовья скота в данном хозяйстве. В мобфонд зачислялся крупный рогатый скот не ниже средней упитанности, в возрасте от 2 лет и старше, а также молодняк от 1,5 до

2 лет не ниже средней упитанности. В отдельных случаях, при невозможности образования мобфонда за счет КРС и молодняка от 1,5 лет и старше, допускалась закладка в мобфонд мелкого скота (овцы, свиньи) по согласованию в каждом отдельном случае с Генштабом РККА, но не более 20% к общему размеру мобфонда в убойном весе. В мобфонд зачислялся только здоровый скот. Директор совхоза (скотобазы, откормочного пункта) нес личную ответственность за количество и качество мобфонда живого скота и обязан был по первому требованию Наркомата обороны поставить в убойном весе количество скота, предусмотренное планом. По состоянию на 16 марта 1939 года мобфонд живого скота в интересах БВО содержался: в БССР 5281 голова, в Смоленской области – 183 головы.

СНК СССР разрешил заменить на осенне-летний период 1941 г. с 1 мая до

1 ноября 1941 г. – 15650 тонн мяса мобилизационного фонда на соответствующее количество живого скота на откорме и нагуле. БВО должен был содержать 2224,5 тонны мобфонда мяса. Из него 1000 тонн (45%) мобфонда было заменено живым скотом. Районы содержания скота были следующие: Украина, Смоленская обл. и Восточная Беларусь. Экономически такое решение было оправдано – резко снижались затраты на содержание мороженого мяса. С другой стороны, при отсутствии времени на подготовку к ведению боевых действий, поставка мяса войскам осталась только на бумаге, что и получилось в начале Великой Отечественной войны.

Правительство БССР регулярно рассматривало вопросы о состоянии дел с неприкосновенными запасами по республике. В постановлении СНК БССР № 515/49 от 19 апреля 1933 г. «О накоплении, состоянии и учете непзапасов по БССР» было отмечено, что проведенным обследованием ряда наркоматов и райисполкомов установлено совершенно не удовлетворительное накопление, хранение и учет неприкосновенных запасов, предназначенных для обеспечения мобилизации. Командованию БВО поручалось обязать начальников соответствующих отделов Штаба округа обеспечить контроль и систематическую помощь наркоматам и местам в деле создания и хранения неприкосновенных запасов. Наркомату рабоче-крестьянской инспекции (НКРКИ) БССР было порекомендовано внести свои предложения на утверждение СНК БССР о привлечении к ответственности лиц, виновных в несвоевременном накоплении, неудовлетворительном хранении и разбазаривании неприкосновенных запасов.

Проблемы были выявлены в Наркомземе, Наркомздраве, Могилевском, Слуцком райисполкомах, в Витебском, Гомельском горсоветах [6, с. 121–122].

Секретарь комиссии обороны СНК БССР тов. Кутейников в письме заведующему военным отделом ЦК КП(б)Б тов. Прохорову от 31 марта 1940 года сообщал, что мобилизационный отдел Наркомздра-

ва БССР в течение полутора лет не был укомплектован и по существу бездействовал. Опыт истекшего года показал, что система здравоохранения в части подготовки ее к нуждам обороны находится не на должной высоте и, следовательно, «этому участку необходимо уделить самое серьезное внимание» [7, с. 132].

Обустройству территории Беларуси, подготовке учреждений и организаций к ведению боевых действий, к будущему материальному обеспечению войск в предвоенный период уделялось много внимания. Несмотря на это, Военный совет округа считал, что Беларусь, как приграничная республика, в оборонном отношении отстала. В письме председателю СНК БССР и начальнику Генерального штаба РККА начальник штаба БВО комдив Перемытов от 10 ноября 1938 г. указал особо узкие места в оборонных мероприятиях: не было подготовленной ремонтной базы для производства ремонтов войскового имущества на период войны; плохо обеспечивалась войсковая мобилизация округа тракторами, автомашинами, парными повозками, упряжью. Особенно плохо обстоял вопрос с обеспечением войск конским составом. Конское поголовье с 1932 г. сократилось на 450 000 голов рабочих лошадей; недостаточно была развита продовольственно-фуражная база, несмотря на большие местные возможности; слабо была развита по республике санитарно-ветеринарная сеть. Нормы обеспечения коечной сетью по республике в среднем составляли на 1000 чел населения 1,6 койки против 2–3 коек по СССР; помывок в бане в среднем по республике на одного человека приходилось две–три в год, из-за отсутствия надлежащего количества бань. Начальник штаба БВО просил ходатайствовать перед союзным правительством об увеличении ассигнований на оборонные мероприятия в 1939 г. [8, с. 47].

К воинским частям приписывался автомобильный транспорт из различных организаций и учреждений для поставок его в случае необходимости. Иногда планы приписок автомобилей составля-

лись таким образом, что предприятия должны были поставить практически 100% исправных машин. Так, например, народный комиссар местной промышленности БССР т. Коган в докладной записке в ЦК КП(б)Б 15 сентября 1939 г. отмечал, что на предприятиях местной промышленности создалось напряженное положение из-за отсутствия транспорта. На ряде предприятий после поставки автотранспорта в РККА не осталось ни одной машины (имеется в виду поставки на освободительный поход 1939 года). В целях обеспечения необходимых бесперебойных перевозок как продуктов питания для заводских столовых, а также самых необходимых перевозок для нужд производства, Наркоматом было разрешено предприятиям для этих целей закупить лошадей [9, с. 9].

Состояние автомобильного парка республики рассматривалось на заседании Пленума ЦК КП(б)Б 27–28 июня 1940 г. По итогам работы Пленума было принято постановление «О состоянии автомобильного транспорта республики». В нем отмечалось, что автомобильный парк находился в недопустимом состоянии. Из общего количества имевшихся в республике автомашин более половины требовали немедленного ремонта. Вследствие систематического невыполнения профилактических ремонтов все более возрастал процент машин, нуждающихся в капитальном ремонте. Поскольку капитальный ремонт не организовывался, то машины, по существу, выводились из строя. Так, в Гомельской области из 2486 проверенных машин на ходу оказалось 1030, все остальные требовали капитального, среднего или текущего ремонта.

В пяти проверенных автомобильных хозяйствах Могилевской области, располагающих парком в 1407 машин, оказались исправными, удовлетворяющими техническим требованиям всего 54 машины. Выявились случаи, когда в целях восстановления одной машины, разбиралось несколько машин, которые впоследствии до такой степени растаскивались, что их нельзя было восстановить

[10, с. 11].

5 августа 1940 г. Бюро Белостокского обкома КП(б)Б приняло постановление «О состоянии автомобильного транспорта по Белостокской области». В нем отмечалось, что состояние автомобильного парка и оборудования гаражного хозяйства области находятся в неудовлетворительном состоянии. В области из 2746 машин 556 были технически неисправны и требовали срочного ремонта. Партийное руководство области существующие проблемы связывало с тем, что авторемонтные мастерские были переданы во временное пользование Белостокскому гарнизону. При передаче мастерских в ведение облисполкома было установлено, что часть 6-го кавалерийского корпуса при уходе из города Белостока (корпус был передислоцирован в мае 1940 г. из г. Белостока в г. Ломжа) «увезли с собой станки, инструмент и остальное оборудование» [11, с. 207–210].

Проблемы с автомобильным транспортом не были решены до начала Великой Отечественной войны. Отсутствие исправных автомобилей в первые недели боевых действий не позволило организовать ни подвоза материальных средств к действующим войскам, ни эвакуацию.

С конца 1930-х годов Наркомат обороны СССР начал представлять Комитету обороны при СНК СССР мобилизационную заявку на год войны по вещевому, ободно-хозяйственному, медико-санитарному и квартирному довольствию, продовольствию и фуражу. Но, в условиях громоздкого управленческого аппарата, проработка размещения в промышленности отдельных номенклатур вещевого, ободно-хозяйственного, медико-санитарного имущества протекала медленно. Так, например, заявка на 1941 год Наркоматом обороны была подана 20 августа 1940 года, но до 6 декабря она практически не была рассмотрена, о чем докладывал в мобилизационно-плановый отдел комитета обороны при СНК СССР начальник управления

устройства тыла и снабжения генштаба КА генерал-майор Иванов [12, с. 16]. С другой стороны, некоторые управления НКО, например, Управление обозно-вещевого снабжения РККА, не уделяли должного внимания работе по мобилизации промышленности [13, с. 26].

Управление продовольственного снабжения РККА на 1941 год разместило мобилизационную заявку на изготовление, наверное, в виде эксперимента, ложек деревянных столовых в количестве 30000000 штук и ложек деревянных разливательных («апполовников» – так написано в документе. – *В.К.*) в количестве 600000 штук. Заявка была размещена по Всесоюзному кооперативно-промысловому союзу лесной, лесохимической и деревообрабатывающей промышленной кооперации (Всекопромлессоюзу) [14, с. 15]. Были определены и нормы амортизации и потерь. Ложки деревянные столовые планировали выдавать 3 штуки на год в действующей армии и 2 штуки на год в тыловых частях. Ложки деревянные разливательные планировали выдавать только тыловым частям одну в год. Видимо, определенная часть ложек деревянных была изготовлена по мобзаявке, а вот упоминания об их использовании во время войны не встречались.

Заключение. Несомненно, мобилизационная готовность гражданских организаций Беларуси в исследуемый период находилась под контролем партийных, военных органов управления. Мобилизационные вопросы рассматривались периодически на Пленумах ЦК КП(б)Б, на заседаниях Военных Советов Белорусского военного округа, за заседаниях исполкомов различных уровней. С развитием техники, разработкой новых норм довольствия, с использованием новых видов продовольствия и обмундирования менялись и взгляды на вопросы мобилизационной готовности. Но анализируя архивные документы складывается мнение, что партийное и гражданское руководство не поспевало за изменением складывающейся обстановки. Несмотря на все предпринимаемые меры, мобили-

зационная готовность гражданских организаций на территории Беларуси, особенно западных областей, оказалась на довольно низком уровне перед началом Великой Отечественной войны, что и стало одной из причин неудач в первые месяцы боевых действий.

В настоящее время очень серьезное внимание уделяется состоянию и развитию системы территориальной обороны нашего государства, которая предполагает опору на экономические ресурсы и запасы предприятий и организаций городов и регионов, в том числе и мобилизационные. И очень важно, чтобы работа по мобилизационной готовности территории Беларуси и гражданских организаций по материальному обеспечению Вооруженных Сил была направлена на способность выполнить важнейшую задачу – защитить нашу Родину, чтобы наши Вооруженные Силы оставались важнейшим средством сдерживания потенциального агрессора.

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (г. Минск) (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 2513. Докладные, протоколы, постановления и письма партийных, советских и воинских организаций по вопросам оборонной и мобилизационной работы.
2. Государственный архив Российской Федерации (г. Москва) (ГАРФ). – Фонд Р-8418. – Оп. 1. – Д. 89. Об обеспечении развертывания РККА в период мобилизации предметами военнo-хозяйственного довольствия.
3. ГАРФ. – Фонд Р-8418. – Оп. 1. – Д. 108. О мобилизационном фонде продовольствия и фуража.
4. ГАРФ. – Фонд Р-8418. – Оп. 2. – Д. 142. О переброске скота для удовлетворения Армии в мобпериод в Полоцкий округ по железной дороге.
5. ГАРФ. – Фонд Р-8418. – Оп. 2. – Д. 100. О доснабжении РККА в период мобилизации предметами обозно-вещевого довольствия.
6. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 6908. Переписка с Советом Народных Комиссаров БССР по вопросам мобилизационной работы.
7. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 14352. Переписка с парторганами об оказании материальной помощи семьям военнo-служащих и заявления военнo-служащих.
8. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 11993. Переписка с Белорусским военным округом и воинскими частями по вопросам мобработки и др.
9. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 14358. Сводки, докладные записки, сообщения о ходе выполнения доснабжения РККА по предприятиям наркомата легкой промышленности, о настроениях в связи с призывом, о военной цензуре, об учебных сборах, акты состояния газобезопасности и др.
10. Государственный архив общественных объединений Гродненской области (г. Гродно) (ГАООГО). – Фонд 2191. – Оп. 45. – Д. 6. Постановления ЦК КП(б)Б.
11. ГАООГО. – Фонд 2. – Оп. 50. – Д. 3. Постановления и директивные указания ЦК и обкома КП(б)Белоруссии.
12. ГАРФ. – Фонд Р-8006. – Оп. 1. – Д. 45. О строительстве складов и холодильников Наркомата заготовок, Управления Государственных резервов, Наркомата торговли, Наркомата мясной и молочной промышленности и Наркомата рыбной промышленности.
13. Российский государственный военный архив (г. Москва). Фонд 37860. – Оп. 1. – Д. 67. Доклады начальников отделов обозно-вещевого снабжения военных округов о состоянии обозно-вещевой службы в войсковых частях.
14. ГАРФ. – Фонд Р-8418. – Оп. 24. – Д. 394. Мобилизационная заявка народного Комиссариата Обороны СССР на 1941 г. на посуду, столовый и кухонный инвентарь.

Поступила в редакцию 30.01.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.

УДК 94(476)-53.2“1941–1944”(043)

Удзел дзяцей у барацьбе супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944)

Бездзель В.Я.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт”, Віцебск

У артыкуле раскрываюцца накірункі і формы барацьбы дзяцей супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944), прычыны ўдзелу падрастаючага пакалення ў супраціве (нацысцкая палітыка генацыду і савецкае ваенна-патрыятычнае выхаванне).

Ва ўзброенай барацьбе (як у адным з накірункаў) удзельнічалі дзеці ў баявых аперацыях партызан і падпольшчыкаў, праводзіліся дыверсіі падпольнымі піянерскімі атрадамі. Да няўзброенай барацьбы (другі накірунак) адносяцца збор зброі, інфармацыі пра ворага, распаўсюджванне лістовак, нелегальнай савецкай літаратуры, выкананне функцый сувязных, агентурных разведчыкаў. Аўтар прыходзіць да высновы, што пераважалі няўзброеныя формы барацьбы, да якіх неабходна дадаць выкананне гаспадарчых даручэнняў і працу дзяцей па забеспячэнні жыццядзейнасці партызан і насельніцтва ў сямейных і партызанскіх лагерах.

У артыкуле аналізуюцца ўзроставыя катэгорыі дзяцей, што знаходзіліся ў асабовым складзе партызанскіх атрадаў (пераважалі тыя, хто нарадзіўся ў 1927–1928 гг.), а таксама арганізацыйныя формы, у якія аб'ядноўваліся падлеткі для барацьбы з ворагам (найбольш прымальнай сталі піянерскія атрады, дакладную колькасць якіх аднак падлічыць немагчыма).

Ключавыя словы: дзеці, акупацыйны рэжым, палітыка генацыду, узброеная і няўзброеная барацьба, піянерскі атрад, разведчык, сувязны, дыверсія.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 87–93)

Participation of children in the struggle against Nazi invaders on the occupied territory of Belarus (1941–1944)

Bezdel V.Y.

Educational establishment “Vitebsk State Technological University”, Vitebsk

The article reveals the directions and forms of fight of children against German fascist aggressors on the occupied territory of Belarus, the reasons of participation of younger generation in the resistance (the Nazi policy of genocide and Soviet military and patriotic education).

The armed fight (as one of the directions) included the participation of children in fighting operations of guerrillas and underground fighters, diversions by underground pioneer groups. Collecting weapon, information about enemies, distribution of leaflets, illegal Soviet literature, performance of functions of coherent, secret-service scouts belongs to unarmed fight (the second direction). The author comes to the conclusion that unarmed forms of fight were prevailing. They included execution of economic instructions and work of children on ensuring activity of guerrillas and members of family and guerrilla camps.

The author analyzes the ages of children who were members of the guerrilla groups (dominated by those born in 1927–1928), and also organizational forms in which young people united to fight the enemies (most pioneer forces were wide spread, the exact number of which is impossible to calculate).

Key words: children, the occupation regime, the policy of genocide, armed and unarmed fighting, pioneer unit, scout, orderly, diversion.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 87–93)

Вялікая Айчынная вайна ўвайшла ў гісторыю беларускага народа як небывалы па жорсткасці, трагізме і гераізме перыяд барацьбы. Яна закранула кожную беларускую сям'ю, кожнага чалавека, незалежна ад полу і ўзросту. Па гэтай прычыне падзеі 1941–1945 гг. займаюць значнае месца ў калектыўнай памяці беларускага народа. Ваенная праблематыка не губляе сваёй актуальнасці, паколькі шэраг аспектаў гісторыі Беларусі перыяду акупацыі застаюцца недастаткова распрацаванымі і вывучанымі, у тым ліку і дзіцячая праблематыка. У беларускай савецкай гістарыяграфіі тэма гераічнай антыфашысцкай барацьбы падрастаючага пакалення займала вядучае становішча. Рабіліся спробы акрэсліць вытокі масавага ўдзелу дзяцей у супраціве, ролю партызан і падпольшчыкаў у справе выхавання і навучання дзяцей ва ўмовах германізацыі, дзейнасць піянерскай арганізацыі на акупаванай тэрыторыі [1]. У савецкі перыяд быў назапашаны вялікі факталагічны матэрыял пра ўдзел дзяцей у партызанскім і падпольным руху, многае было зроблена па выяўленні матэрыялаў пра дзяцей-герояў, паказу масавага характару дзіцячага руху, але працы мелі ў асноўным навукова-папулярны характар, прызначаліся у першую чаргу для выхаваўчых мэт.

У сучаснай беларускай гістарыяграфіі да тэмы “дзеці і вайна” звярталіся ў кантэксце вывучэння адукацыйнай палітыкі акупацыйных улад на тэрыторыі Беларусі, гісторыі дзіцячых дамоў, маладзёжных саюзаў, створаных нацысцкімі ўладамі, разгляду штодзённага жыцця беларускага насельніцтва, але пытанне актыўнага ўдзелу дзяцей у барацьбе з захопнікамі, вывучэнне колькаснага і якаснага боку праблемы засталіся па-за ўвагай даследчыкаў [2]. Мэта артыкула – вызначэнне накірункаў і форм удзелу дзяцей у барацьбе супраць акупантаў, характару дзіцячага руху, яго ўзроставага складу.

Матэрыял і метады. Пры напісанні артыкула былі выкарыстаны матэрыялы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ), у прыватнасці дакументы, прадстаўленыя ў фондах БШПР (ф. 1450) і ЦК ЛКСМБ (ф. 63). У першым знаходзяцца матэрыялы па гісторыі стварэння партызанскіх брыгад і атрадаў (воп. 4), у якіх ёсць статыстычныя дадзеныя пра ўзроставы склад атрадаў, звесткі пра ўдзел падлеткаў у барацьбе і подзвігі юных байцоў партызанскіх фарміраванняў. Фонд ЦК ЛКСМБ, а таксама фонды падпольных камсамольскіх арганізацый па абласцях утрымліваюць інфармацыю пра разгортванне падпольнага руху, пра першачарговыя задачы камсамола ў антыфашысцкай барацьбе, у тым ліку па захаванні жыцця дзяцей, іх навучанні, пра функцыі, якія выконвалі падлеткі ў падпольных групах.

Для атрымання вынікаў даследавання аўтар зыходзіў з прынцыпаў гістарызму, аб'ектыўнасці і сістэмнасці. Былі выкарыстаны агульналагічныя метады: метады аналізу, індукцыі, параўнання; агульнанавуковыя: гістарычны, лагічны, узыходжання ад канкрэтнага да абстрактнага; спецыяльныя гістарычныя: гісторыка-тыпалагічны, гісторыка-параўнальны, гісторыка-генетычны.

Вынікі і іх абмеркаванне. З першых дзён вайны дзеці разам з дарослымі актыўна ўключыліся ў барацьбу з акупантамі. Адным з фактараў, які абумовіў удзел падрастаючага пакалення ў супраціўленні, стала даваенная савецкая сістэма выхавання. Разам з тым, непасрэдным штуршком да масавага ўдзелу дзяцей у барацьбе на акупаванай тэрыторыі Беларусі сталі страта сваякоў і гвалт, які чынілі гітлераўцы. Удзельнікі дзіцячага руху супраціўлення – гэта непаўналетняя, неваеннаабавязаная катэгорыя савецкіх грамадзян. Згодна з міжнародным правам, удзел дзяцей (маюцца на ўвазе асобы да 18 гадоў) у ваенных канфліктах

забаронены законам. Характар барацьбы ў гады Вялікай Айчыннай вайны спрыяў удзелу ў супраціўленні ворагу розных ўзроставых груп. Афіцыйная дактрына падкрэслівала, што змагаюцца ўсе катэгорыі насельніцтва, хаця на працягу акупацыі мерапрыемствы падпольных партыйных і камсамольскіх органаў абаранялі дзяцей у першую чаргу ад узброенага супрацьстаяння.

У Статуте піянерскай арганізацыі адзначалася, што ў выпадку вайны дапамога піянераў спатрэбіцца ў першую чаргу ў тыле, а таксама па абароне дзяржаўнай маёмасці, у назіранні за падазронамі асобамі, выяўленні дыверсантаў. Разам з тым, захопніцкая палітыка нямецкай арміі і жорсткасць акупацыйнага рэжыму абумовілі непасрэдны ўдзел дзяцей у антыфашысцкай барацьбе. Аналіз комплексу архіўных дакументаў і матэрыялаў дазваляе гаварыць пра наступныя асноўныя накірункі барацьбы дзяцей супраць акупантаў:

1) удзел школьнікаў у складзе партызанскіх фарміраванняў, патрыятычнага падполля ва ўзброенай барацьбе;

2) няўзброенае супраціўленне.

Неабходна падкрэсліць, што пад узброенай барацьбай неабходна разумець удзел дзяцей у баявых аперацыях партызан і падпольшчыкаў, правядзенне дыверсій падпольнымі піянерскімі атрадамі. Да другога накірунку адносяцца збор зброі, інфармацыі пра ворага, распаўсюджванне лістовак, нелегальнай савецкай літаратуры, выкананне функцый сувязных, агентурных разведчыкаў, выкананне гаспадарчых даручэнняў і праца па забеспячэнні жыццядзейнасці партызан і насельніцтва ў сямейных і партызанскіх лагерах. Акрэсленыя праявы ўзброенай і няўзброенай барацьбы з'яўляюцца формамі супраціўлення падрастаючага пакалення.

Нягледзячы на несумяшчальнасць слоў “дзеці і вайна”, на акупаванай тэрыторыі Беларусі меў месца

беспрэцэдэнтны прыклад масавага гераізму дзяцей. Іх дзейнасць па выкананні тых функцый (дапамога ў ахове важных гаспадарчых аб'ектаў, калгаснай маёмасці, перагон калгаснай жывёлы, праца ў тыле), якія былі сфармуляваны ў Статуте піянерскай арганізацыі ў выпадку пачатку вайны, стала пераходным этапам да ўдзелу ў барацьбе разам з дарослымі.

Уцягнутасць дзяцей у піянерскі рух напярэдадні вайны абумовіла прымальную для школьнікаў арганізацыйную форму барацьбы з ворагам. Піянерскі атрад меў унутраную структуру, а яго члены былі аб'яднаны агульнымі ідэаламі, мэтамі барацьбы, адчуваннем калектывізму і ўзаемадапамогі. Першыя піянерскія групы, як і першыя партызанскія атрады, падпольныя групы, узніклі ўжо ў ліпені 1941 г. Ствараліся яны па ініцыятыве саміх піянераў. Многія дзеці дзейнічалі спачатку невялікімі групамі, асабліва яркая гэта бачна на прыкладзе збору і захавання зброі на месцах баёў. Даваенны лозунг “Піянер павінен быць гатовым да абароны сваёй Радзімы” набыў рэальнае гучанне з пачаткам Вялікай Айчыннай вайны. На працэс стварэння падпольных піянерскіх атрадаў паўплываў гвалт, які чынілі гітлераўцы на тэрыторыі Беларусі, прыклад дарослых, асабліва партыйцаў і камсамольцаў, якія сталі арганізоўвацца ў невялікія групы ці вялі размовы пра тое, што змагацца з фашыстамі можна не толькі на перадавой. Бачачы такія дзеянні дарослых, падлеткі таксама ўключаліся ў барацьбу. Дапамога, якую яны аказвалі партызанам і падпольшчыкам, стала істотным укладам у агульную справу Перамогі.

Матэрыялы архіваў і перыядычнага друку дазволілі прасачыць унутраную структуру падпольных піянерскіх атрадаў, іх дзейнасць, сувязі з падпольнымі і партызанскімі структурамі. Найбольш поўная інфармацыя захавалася пра піянерскі атрад, што дзейнічаў у в. Карпаўцы

Ваўкавыскага раёна. Звесткі пра атрады, што існавалі ў іншых населеных пунктах Беларусі, носяць фрагментарны характар. Дакладную іх колькасць зараз вызначыць складана. Падлік ускладняецца тым, што ў архіўных дакументах яны праходзяць як камсамольскія ці патрыятычныя групы без указання ўзросту іх членаў; стварэнне і дзейнасць дзіцячых груп былі забаронены пастановамі партыйных органаў, таму пры складанні справаздач іх уключалі ў склад дзеючага партыйнага ці камсамольскага падполля.

Падпольная дзіцячая арганізацыя в. Карпаўцы Ваўкавыскага раёна Беластоцкай вобласці “Піянерскі тайнік” характарызаваўся падпольным абкамам КП(б)Б як самая моцная камсамольска-піянерская арганізацыя ў раёне [3, арк. 60–62]. Узнікла ў жніўні 1941 г. і першапачаткова налічвала 15 чалавек, хаця ўжо ў канцы 1943 г. засталася толькі 7. Структура піянерскага атрада перыяду акупацыі ў некаторай ступені паўтарала даваенную. Існаваў савет атрада на чале з М. Сарокам, яго намеснікам абралі Н. Хамко. Група была створана па прыкладзе падпольнай камсамольскай арганізацыі, якой кіраваў старэйшы брат М. Сарокі. Факт роднасных сувязяў не адзінкавы: члены падпольных піянерскіх арганізацый мелі сваякоў у камсамольскіх і партыйных групах, партызанскіх атрадах, ад якіх і атрымлівалі заданні [3, арк. 60–62].

У канцы 1941 – пачатку 1942 г. былі наладжаны сувязі са штабам партызанскага атрада імя Калініна і падпольным абкамам КП(б)Б Беластоцкай вобласці. Менавіта яны накіроўвалі і кантралявалі далейшую дзейнасць піянераў. Паводле ўспамінаў кіраўніка камсамольскага падполля Т.М. Стрыжака, “члены гэтай дзіцячай арганізацыі былі нашымі разведчыкамі, яны шмат сабралі патронаў, паперы і

г.д.” [4, с. 248]. Унутры арганізацыі існаваў падзел заданняў адпаведна ўзросту. Малодшыя члены (пачынаючы з 9-ці гадоў) займаліся распаўсюджваннем зводак Саўінформбюро, падпольнай літаратуры, лістовак. Старэйшыя (13–15-цігадовыя) удзельнічалі непасрэдна ва ўзброенай барацьбе, хадзілі з партызанамі і камсамольцамі на баявыя заданні. Так, з удзелам членаў “Піянерскага тайніка” ў маі 1943 г. была ўзарвана турбіна на цагляным заводзе “Рось”, у жніўні 1943 г. – топка на гэтым жа заводзе, у маі 1944 г. – замініраваны мост на дарозе Ваўкавыск–Рось [3, арк. 60–62]. У лютым 1944 г. пасля арышту шэрагу членаў падпольнай арганізацыі астатнія пайшлі ў партызанскі атрад імя Калініна, дзе працягвалі барацьбу да моманту злучэння з Чырвонай Арміяй. Лёс піянерскіх арганізацый і груп быў розным. Некаторыя былі раскрыты і знішчаны акупантамі (Ліда, Жлобін, Рагачоў, Орша і інш.), частка ўлілася ў склад падпольных груп ці партызанскіх атрадаў.

Падпольныя дзіцячыя групы дзейнічалі ў дзіцячых установах, што засталіся на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Яны ствараліся пад кіраўніцтвам выхавацеляў (напрыклад, дзетдом у Полацку, у Астрашыцкім Гарадку, у Гомелі і г.д.). Апошнія наладжвалі сувязі з патрыятычным падполлем, партызанамі, якія адначасова дапамагалі дзецям прадуктамі харчавання і давалі для выканання спецыяльныя заданні. Педагагічны персанал падтрымліваў сярод дзяцей традыцыі савецкай піянерскай арганізацыі, займаўся з імі па савецкіх праграмах, выхоўваў у нянавісці да ворага. Дзецям лягчэй было пранікнуць праз пасты ў горад, паколькі ім не патрэбны былі дакументы. Нягледзячы на небяспеку, якая пагражала дзецям і выхавацелям за стварэнне піянерскіх арганізацый у дзіцячых установах і супрацоўніцтва з патрыётамі, яны ўсё ж дзейнічалі. Менавіта піянерыя была найбольш зручнай арганізацыйнай формай, што дазваляла накіроўваць

падлеткаў у іх барацьбе супраць акупантаў. Так, піянерскі атрад Полацкага дзетдома са жніўня 1942 па люты 1944 г. налічваў 16 чалавек 1926–1932 г.н. [5, арк. 91]. Яны былі ўцягнуты ў падпольную работу членамі групы “Бясстрашныя”, што дзейнічала ў дзетдоме. Падлеткі займаліся зборам звестак пра полацкі гарнізон, рух на чыгунцы, распаўсюджвалі лістоўкі, хаця пра існаванне падпольнай групы з ліку выхавацеляў, як сведчыць яе кіраўнік і дырэктар дзетдома М.С. Фарынка, яны нічога не ведалі.

Па колькасці піянерскія падпольныя атрады значна саступалі колькасці партыйных і камсамольскіх падпольных груп і партызанскіх атрадаў. Хутчэй можна гаварыць пра тое, што дзеці прымалі актыўны ўдзел у дзейнасці падполля і партызан, што не было ніводнай адзінкі супраціўлення, у якой не змагаліся б юныя патрыёты.

Шырокаму выкарыстанню дзяцей у якасці разведчыкаў, сувязных, распаўсюджвальнікаў нелегальнай літаратуры садзейнічалі ў некаторай ступені тыя негатыўныя фактары, якія прынесла грамадству акупацыя. Павелічэнне колькасці беспрытульных і безнаглядных дзяцей, з’явы бадзяжніцтва, выкарыстанне акупацыйнымі ўладамі дзяцей у якасці разносчыкаў газет, чысцільчыкаў абутку, адсутнасць у дзяцей да 14 гадоў дакументаў, якія выдаваліся акупантамі, – вось галоўныя ўмовы, якія дазвалялі дзецям не выдзяляцца з натоўпу, не звяртаць на сябе ўвагі, спрыялі выкарыстанню падлеткаў у супраціўленні. Падрыхтоўка дзяцей для выканання заданняў, як правіла, была падобная: ствараўся вобраз падлетка-жабрака, бацькі якога загінулі, дзіцяці, якое думае выключна пра ўласнае выжыванне. Паводле ўспамінаў, юным удзельнікам барацьбы “прыходзілася рыцца на сметніках”, “хадзіць у рыззі”, “з метрыкамі на чужое імя” [6, с. 80, 193, 248].

Вялікая колькасць дзяцей была задзейнічана ў якасці сувязных і

агентурных разведчыкаў. Па дадзеных БШПР на 1.10.1946, яны адпаведна складалі 9,56 і 9,49% ад агульнай колькасці партызан да 18 гадоў [7, арк. 8]. Усяго ў партызанскіх шэрагах на момант злучэння з Чырвонай Арміяй налічвалася 8,87% ці 25003 чалавекі, што не дасягнулі прызыўнога ўзросту. Прыведзены ў дакуменце пералік у поўнай меры не адлюстроўвае ўсяго спектра форм барацьбы дзяцей. Яны былі не толькі сувязнымі і агентурнымі разведчыкамі, але і ўваходзілі ў падрыўныя групы, з’яўляліся шараговымі байцамі, кулямётчыкамі. Дзеці, як і дарослыя, мелі свае асабістыя рахункі па колькасці пущаных пад адхон цягнікоў і забітых немцаў.

Узрост дзяцей, што змагаліся ў партызанскіх атрадах, быў таксама розным. У афіцыйным дакуменце, падрыхтаваным БШПР, у агульную колькасць партызан былі ўключаны дзеці ад 1925–1926 г.н., верхняя мяжа не акрэслівалася. Каб уявіць сітуацыю больш канкрэтна, разгледзем узрост юных партызан на прыкладзе асабовага складу партызанскага атрада “Непераможны” 3-й Мінскай партызанскай брыгады імя Будзёнага Мінскай вобласці. У атрадзе налічвалася 216 чалавек баявога саставу, у тым ліку 1927 г.н. – 5 чал. (2,31%), 1928 г.н. – 4 чал. (1,85%), 1929 і 1930 г.н. – па адным чалавеку (0,46%) [8, арк. 1–20]. Усяго 11 дзяцей (5,1%), запісаных радавымі, у атрад уступілі добраахвотна. Згодна са спісам асабовага складу партызанскай брыгады імя Жукава, якая дзейнічала ў Баранавіцкай вобласці, дзеці 1927 г.н. і маладзейшыя за іх складалі 5,2% (38 чалавек з 732 байцоў) [9, арк. 1–37], з’яўляліся шараговымі байцамі. Такім чынам, дзеці старэйшага школьнага ўзросту складалі найбольшую па колькасці групу. Перавага народжаных у 1927–1928 гг. над іншымі ўзроставамі групамі тлумачыцца некалькімі фактарамі. 14–16-гадовыя падлеткі нярэдка прыходзілі ў атрады са сваёй зброяй, і камандаванне, кіруючыся

рашэннямі пленума ЦК КП(б)Б (люты 1943 г.) пра ўцягванне ў партызанскія шэрагі ўсіх, хто можа насіць зброю і змагацца, прымала іх у атрад. Тым больш, што пераважная большасць падлеткаў была ўключана ў баявы склад у другой палове 1943–1944 гг.

Знойдзеныя фрагментарныя звесткі пра колькасць дзяцей у падпольных групах вельмі розныя. Так, напрыклад, у віцебскім гарадскім падполлі змагаліся

52 піянеры і школьнікі [10, с. 516], у гомельскім – 32 чалавекі (5,32%) [Падлічана па: 11, с. 586–601]. У васілішкаўскім антыфашысцкім падполлі (Баранавіцкая вобласць) з 20 чалавек

8 былі падлеткамі (40%), узроставыя групы наступныя: 1927 г.н. – 4 чал. (20%), 1928 г.н. – 1 чал. (5%), 1929 г.н. – 3 чал. (15%) [12, арк. 205–205 зв.]. Складана назваць нават нейкую прыкладную лічбу дзяцей-удзельнікаў падпольнага руху. Тым больш, што многія дзеці з’яўляліся сувязнымі паміж падпольшчыкамі і партызанамі, але не былі аднесены ні да партызан, ні да падпольшчыкаў пры падліках у пасляваенны перыяд.

Заклучэнне.

1. Падобных прыкладаў масавага ўдзелу дзяцей у барацьбе з ворагам да гэтага не мелася ў гісторыі. Па афіцыйных дадзеных, у шэрагах партызан змагалася 25 тыс. падлеткаў, яшчэ каля 5,5 тыс. дашкольнікаў і малодшых школьнікаў знаходзіліся пад іх абаронай. Тым не менш, адлюстраваная вышэй статыстыка далёка не поўная. Многія дзеці не ўключаліся ў спісы асабовага складу атрадаў, падпольных груп, не пражывалі пастаянна на тэрыторыі партызанскіх зон, але выконвалі функцыі сувязных, разведчыкаў, збіральнікаў інфармацыі.

2. Асноўную узроставую групу дзяцей, што знаходзіліся ў партызанскіх атрадах і былі задзейнічаны ва ўзброенай барацьбе, складалі тыя, хто нарадзіўся ў 1927–1928 гг. Менавіта іх у першую чаргу бралі на баявыя заданні,

выкарыстоўвалі ў якасці разведчыкаў, сувязных, падрыўнікоў. Працэнт дзяцей-партызан да 16 гадоў быў меншы, чым 16–18-гадовых.

Так, дзяўчын-партызанак да 16 гадоў было 2,89% ад агульнай колькасці партызан, а ад 16 да 18 гадоў – ужо 17,88%. Дзеці малодшага школьнага, дашкольнага ўзросту знаходзіліся ў сямейных лагерах, выконвалі гаспадарчыя даручэнні, хаця былі выпадкі іх удзелу ў дыверсіях.

3. У дзіцячым супраціве перавагу мелі няўзброеныя формы барацьбы, паколькі партыйныя пастановы забаранялі ўзнаўленне піянерскіх атрадаў на акупаванай тэрыторыі Беларусі і абмяжоўвалі ўдзел дзяцей ва ўзброеным супраціве.

4. Вайна і антыфашысцкая барацьба дзяцей абумовілі іх ранняе сталенне як у псіхічным, так і ў фізічным плане. У пасляваенным жыцці ўдзел у вайне стаў для іх і справай жыцця, як для франтавікоў, і адначасова тым, што пазбавіла іх дзяцінства.

Літаратура

1. Кобринец, П.Н. Школа, учитель и учащиеся Белоруссии в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / П.Н. Кобринец; БГУ им. В.И. Ленина. – Минск, 1972. – 20 с.; Искры пионерских костров: книга-летопись об истории белорусской пионерии / сост. Г.В. Бизюк [и др.]. – Минск: Юнацтва, 1983. – 303 с.; Пионеры-герои: [сборник] / сост.: В. Зуенок [и др.]. – Минск: Беларусь, 1985. – 287 с.; Ткачоў, М. Небяспека побач: дакументальныя нарысы / М. Ткачоў. – Мінск: Народная асвета, 1972. – 136 с.; Умрейко, С.А. Патриотизм учителей и школьников Белоруссии в борьбе против немецко-фашистских оккупантов / С.А. Умрейко, П.Н. Кобринец, А.И. Залесский. – Минск: Изд-во БГУ, 1980. – 176 с.
2. Паўлаў, У.П. Дзеці ліхалецця / У.П. Паўлаў. – Мінск: ААТ “Паліграфкамбінат імя Я. Коласа”, 2005. – 416 с.; Нікалаева, І.У. Жанчыны Беларусі ў перыяд германскай акупацыі (1941–1944 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / І.У. Нікалаева; Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 2006. – 140 с.; Каваленя, А.А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць / А.А. Каваленя. –

- Мінск: БДПУ імя М. Танка, 1999. – 260 с.; Жылінскі, М.Г. Адукацыя на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны (чэрвень 1941 – ліпень 1944 г.): манаграфія / М.Г. Жылінскі; навук. рэд. А.А. Каваленя. – Мінск: БДПУ, 2006. – 204 с.
3. НАРБ. – Фонд 1377. – Воп. 1. – Спр. 6. Отчеты и донесения руководителей Белостокского подпольного ГК, Браньского, Волковысского, Замбровского, Свислочского подпольных РК ЛКСМБ, переписка с райкомами об активизации их комсомольской работы, характеристики на работников комсомольских организаций области.
 4. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Ваўкавыскага раёна / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2000. – 752 с.
 5. НАРБ. – Фонд 1391. – Воп. 1. – Спр. 120. Документы о признании деятельности подпольной патриотической группы «Бесстрашные» Полоцкого детдома (постановления, справки, подтверждения, заявления, личные листки, воспоминания, списки).
 6. Рядом с отцами: для сред. шк. возраста / сост. А.Ф. Мазурова. – Минск: Юнацтва, 1991. – 270 с.
 7. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 12. – Спр. 10. Статистические разработки по отделу кадров БШПД.
 8. НАРБ. – Фонд 1405. – Воп. 1. – Спр. 154. Списки и сведения о личном составе и др.
 9. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 397. Списки личного состава партизанской бригады им. Жукова, действовавшей в Барановичской области.
 10. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Віцебска: у 2 кн. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2002. – Кн. 1. – 648 с.
 11. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Гомеля: у 2 кн. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БЕЛТА, 1998. – Кн. 1. – 608 с.
 12. НАРБ. – Фонд 63-п. – Воп. 16. – Спр. 18. Материалы Мирского РК ЛКСМБ.

Паступіў у рэдакцыю 18.04.2012 г.

Прыняты ў друк 25.06.2012 г.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 001:1

Фундаментальная наука в социокультурном измерении

Старжинский В.П., *Спектор А.А.

*Белорусский национальный технический университет, *ООО «Харвест»*

На современном этапе развития цивилизации техника и технологии постепенно вытесняют науку из ее социокультурной ниши. Происходит деформация ценностей и оценок в социокультурном измерении науки. Возрастает роль прикладной науки, которая превращается в единую научно-технологическую инновационную деятельность. Инновация как интеллектуально-технологическое решение, внедренное в практику и приносящее экономическую выгоду, провозглашается высшей ценностью науки. Однако фундаментальная наука является основой культуры и культуротворчества и действует не только в материальной, но и в духовной и личностной сферах. Поэтому инновация в рамках фундаментальной науки не может рассматриваться только с позиций развития материальной сферы, а представляет собой основную форму развития и культуры в целом.

Ключевые слова: фундаментальная наука, социокультурная ниша, техника, технология, инновация, культуротворчество, инновационный цикл, социокультурные ценности науки.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 95–102)

Fundamental science in social and cultural dimension

Starzhinski V.P., *Spector A.A.

*Belarusian National Technical University, *"Harvest" LTD*

On the present stage of the development of civilization machines and technology gradually remove science from its social and cultural space. Distortion of values and assessments in the social and cultural dimension of science takes place. The role of the applied science, which becomes general scientific and technological innovative activity, increases. Innovation as intellectual and technological implementation into practice, which is economically beneficial, is declared highest value of science. However, fundamental science is the basis of culture and culture creativity and acts not only in material but also in spiritual and personal sphere. So innovation within fundamental science can not be considered only from the point of view of the development of material sphere; it is also the main form of the development of culture in general.

Key words: fundamental science, social and cultural niche, machines, technology, innovation, cultural creativity, innovation cycle, social and cultural values of science.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 95–102)

В настоящее время имеет место кризис техногенной цивилизации и культуры. Он проявляется также в кризисе фундаментальной науки. Этот кризис имеет технократическую природу, поскольку вызван развитием науки в ее технологических

приложениях, огромными масштабами приращения технологического знания и приложением научных открытий в самых широких областях техники, медицины, сельского хозяйства, образования и производства. На фоне этих ошеломляющих

Адрес для корреспонденции: ул. Червякова, д. 2, корп. 4, кв. 112, г. Минск, 220002, тел. 334-09-00 – В.П. Старжинский

успехов осуществляется девальвация гуманитаристики и духовных ценностей человеческого бытия. В настоящее время происходит эволюция во взглядах на роль фундаментальной науки в современной культуре. Так как наука возникла из практических потребностей, а сегодня востребована инновационно-прикладная ее сторона, то фундаментальные исследования оказываются вторичными. Финансирование прикладных исследований во всем мире значительно превышает финансирование фундаментальных. Предполагается, что прикладная наука сможет справиться с вызовами современности самостоятельно.

Цель статьи – рассмотреть причины кризиса фундаментальной науки на постнеклассическом этапе ее развития, а также показать различие между феноменом инновационного развития в технике и прикладных науках, с одной стороны, и в фундаментальной науке – с другой.

Материал и методы. Объектом исследования является эволюция науки как социокультурного феномена. На основе конструктивной методологии наука рассматривается как процесс культуротворчества. В качестве периодизации используется подразделение истории науки на классический, неклассический и постнеклассический периоды.

Результаты и их обсуждение. Обоснован тезис о качественном отличии инноваций в фундаментальной науке от инноваций в технике и прикладных науках. На основе применения методологии «наука как саморазвивающаяся социокультурная система с инновационным циклом» сформулированы непреходящие ценности фундаментальной науки в современной культуре.

Генезис фундаментальной науки и ее социокультурная ниша на различных этапах развития общества. Есть основания считать, что различие между фундаментальной и прикладной науками в рамках самой науки является относительным. Правда, если рассматривать науку как социокультурный феномен, то подобное различие очевидно – оно свя-

зано с источниками финансирования, научной отчетностью и пониманием практического выхода. Для разрешения дихотомии: «одна наука – две ипостаси» применим конструктивную методологию и построим концептуальную модель науки как основного способа интеллектуального освоения мира. Для этого эксплицируем место науки в системе культуры как саморазвивающейся системе посредством соотнесения ее с философией, образованием, техникой, производством.

Рассмотрим генезис фундаментальной науки в контексте истории европейской культуры. Нам представляется наиболее плодотворным использование следующей исторической периодизации: доиндустриальный (аграрный), индустриальный, постиндустриальный (информационный) этапы. Выделим для каждого периода некоторые инварианты: теоретическую базу, понятийный аппарат, структуру науки, а также учтем внешние (социокультурные) условия развития науки. Для этого воспользуемся понятием «социокультурная ниша науки», которое предлагает А.С. Кравец по аналогии с биологическим термином «экологическая ниша» [1, с. 7]. «Экологическая ниша» – это совокупность всех факторов среды, в пределах которых возможно существование вида в природе [2].

«Социокультурная ниша» представляет собой определенное социальное пространство, заполненное социальными институтами и соответствующими связями и отношениями, в границах которого только и может развиваться определенный вид культуры (науки, образования, техники). Социокультурная ниша науки может быть определена лишь на философско-методологическом уровне, в соотнесении ее с другими сферами культуры.

В.С. Степин [3, с. 326–327] формулирует следующие этапы развития науки и научной рациональности: классический, неклассический и постнеклассический. Однако для экспликации роли фундаментальной науки в культуре необходи-

мо обратиться и к так называемой протонауке, которую можно назвать производством знаний. Протонаука (становящаяся наука) еще не приобрела развитых форм внутренней организации и была характерна для доиндустриальной эры, охватывающей как античность, так и средневековье. В античности имело место слияние производства знаний и философского освоения мира, подчиненность его целям философии [1, с. 12] и, следовательно, синкретизм философии и науки.

Развитие техники в этот период было аккумулировано главным образом в ремесле, а производства в современном понимании не существовало. Социокультурная ниша техники-ремесла практически не пересекалась с социокультурной нишей протонауки. Образование как сфера культуры развивалась относительно самостоятельно от хозяйственно-экономической жизни. В сфере ремесла имело место простое научение, трансляция знаний и навыков от учителя к ученику. Но уже в античности была разработана программа семи свободных наук и семи свободных искусств, воспринятая и применявшаяся в Средневековье, что явилось прообразом будущей интеграции естественной и гуманитарной культур.

В Средневековье развитие техники и технологий, как и производства в целом, по-прежнему происходило в ремесленных формах. Наука как производство знаний была подчинена религии, а также мифологии. Методологией гуманитарного образования была схоластика. Но именно в эпоху Средневековья возникли первые университеты, развивалось естественнонаучное образование в лице медицины. Таким образом, появились элементы дифференцировки науки и философии. Со временем развитие промышленности, а также секуляризация культуры привели к появлению классической науки и техники и развитию массового образования.

Классический период развития науки соответствует индустриальному этапу развития цивилизации, от ее начала до

расцвета. Понятийный аппарат и теоретические основания классической науки включают в себя механистическую картину мира, дедуктивный и индуктивный методы, каузальность, детерминизм, разделение субъекта и объекта. Идет экстенсивное и интенсивное развитие науки: происходит накопление знаний, а также их структурная организация и интерпретация. Происходит дифференцировка естественных и гуманитарных наук. Философия выделяется в отдельную гуманитарную дисциплину, а позитивизм пытается элиминировать роль философии в естествознании. В развитии науки доминирует когнитивная парадигма и, соответственно, фундаментальное знание. Фундаментальная наука как социальный институт развивается главным образом в университетах, унаследованных от протонаучного периода, и академиях, образовавшихся в начале классического периода. После промышленного переворота наука развивается не только на основе внутренней логики, но и в соответствии с логикой развития экономики. Социокультурная ниша науки значительно увеличивается. Формируется техника в современном понимании, появляются технические науки, технические высшие учебные заведения. В результате трансформации социокультурной ниши ремесла и развития науки формируется социокультурная ниша техники.

Методологическая рефлексия приводит к формированию философии науки и философии техники, а также философии производства (социализированной техники). Так, согласно К. Митчему [4, с. 10], в философии техники проявляются две тенденции – инженерная и гуманитарная, что предшествует гуманитаризации технических наук.

Расцвету индустриальной цивилизации и зарождению постиндустриальной соответствует неклассический этап развития науки. Понятийный аппарат неклассической науки включает квантоворелятивистский принцип относительности, и обращается не только к средствам познания, но и к познающему субъекту.

Появляются конструктивистские принципы и происходит их онтологизация, в том числе, антропный принцип. Возрастает роль методологической рефлексии над целями и средствами науки.

В этот период возрастает роль и увеличивается число естественных и точных дисциплин, а также число различных учреждений образования. Особенно сильно развиваются технические вузы, задачей которых является формирование специалистов, создающих научную основу для новых технологий, главным образом военных. Продолжает усложняться структура науки. Разделение наук переходит в свою противоположность – новые науки оказываются междисциплинарными, и, таким образом, возрастает тенденция к объединению наук. Формой организации фундаментальных научных исследований по-прежнему являются высшие учебные заведения и академии. Однако подспудно возрастает роль научно-исследовательских лабораторий, особенно в военной, промышленной, медицинской сферах.

Социокультурная ниша фундаментальной науки необычайно разрастается. Новые теории и экспериментальные разработки становятся востребованными в разных областях. Наука как сфера культуры берет на себя роль основного интеллектуального ресурса по освоению мира. Однако увеличивается также социокультурная ниша техники и технологий. Постепенно многие социокультурные функции науки переходят к технике и технологиям. Как пишет Ю.В. Левицкий, «овеществленные модели наук проникают в социокультурный жизненный мир и приобретают через самоочевидность объективную силу. Устраняется различие между практикой и техникой» [5, с. 101].

В качестве методологического осмысления социокультурных трансформаций активно развивается философия и методология науки и техники. Происходит «онаучивание техники». По словам Ю. Хабермаса, если ранее инновации зависели от спорадических изобретений, то теперь происходит институционализа-

ция научно-технического прогресса [6, с. 51], и «в связи с появлением связанных с промышленностью исследований широкого масштаба наука, техника и их применение образовали единую систему» [6, с. 87].

Постнеклассический этап развития науки соответствует постиндустриальной, или информационной цивилизации. Инновацией становится включение ценностей и целей в тело науки, а через них субъекта (ученого менеджера, финансиста). Наука усваивает принципы и презумпции Проектирования (с большой буквы). Инженерная или конструктивная методология распространяется с инженерной на все другие сферы культуры [7, с. 108]. Наука становится человекообразной, включает субъект через выбор и принятие решений.

Развиваются информационные технологии, а также новые, синтетические науки о сложных и саморазвивающихся, неустойчивых системах: синергетика, глобальный эволюционизм. Увеличивается число и роль междисциплинарных исследований. Становится актуальной необходимость сотрудничества естественных и гуманитарных наук. Наряду с университетами и академиями большую роль начинают играть научно-производственные объединения (НПО), научно-производственные центры (НПЦ), научно-технологические парки (НТП), парки высоких технологий (ПВТ) и другие инновационные формы объединения науки, производства, бизнеса и образования.

Социокультурная ниша науки в постнеклассический период представляет собой парадоксальное явление. Если в античности наблюдался синкретизм науки и философии, сейчас наука срастается с техникой и технологиями. Значимость фундаментальной науки снижается в пользу прикладной. И если в познавательно-преобразующих сферах взаимодействие между наукой и техникой представляет собой симбиоз, то в социальной сфере напоминает конкуренцию. Наука превращается в высокотехнологическую деятельность и начинает

требовать все больше технического оснащения. Процесс производства приращения знаний постепенно превращается в проектирование, построение моделей. Поскольку производство требует немедленной отдачи, практического выхода, прибыли, наконец, то происходит своеобразная подмена ценностей. Общественное сознание начинает предъявлять к науке такие же требования, как к технике и технологиям.

Инновации в прикладных и фундаментальных науках на настоящем этапе развития. На основе анализа эволюции социокультурных ниш можно говорить о некоторых тенденциях в развитии науки как неотъемлемой части культуры. Это сциентизация культуры, гуманитаризация, технологизация и технизация, а также коммерциализация науки. Технизация и коммерциализация науки приводят к изменению требований к ней как инновационному процессу и являются внешними проблемами. Как пишет В.Г. Горохов [8], «современные научные исследования находятся сегодня между Сциллой и Харибдой, с одной стороны, стремления к концентрации на одном, в сущности, дисциплинарном исследовательском направлении, а с другой – все усиливающейся тенденцией доминирования ориентации на непосредственную экономически-технологическую применимость полученных научных результатов».

Для осуществления социокультурного измерения современной науки нам представляется существенным провести различие между техникой и технологией. В.Г. Горохов предлагает рассматривать технику как совокупность технических устройств, технической деятельности по их созданию, а также как совокупность технических знаний – от специализированных рецептурно-технических до теоретических научно-технических и системотехнических [9]. Согласно этому определению, технология как комплекс организационных мер, операций и приемов, направленных на производство изделия, является частным случаем техники. Именно поэтому можно говорить не

только и не столько о технологизации науки, сколько о ее технизации.

Результаты прикладной науки могут быть внедрены в технику достаточно быстро, и ее продукт оказывается своего рода инструментом (а также средством) для развития техники. Отсюда возникают требования к прикладной науке как технологии и технике. И эти требования переносятся на фундаментальную науку, которая дает практические результаты опосредованно и не так быстро. Именно отдаленность практических результатов является основным барьером для финансирования фундаментальной науки.

Тем не менее, именно научная картина мира (НКМ) является неотъемлемой частью современной культуры, поскольку она является базисом межкультурной трансляции средств и методов из одной сферы культуры в другую. И только знание фундаментальных принципов и законов природы дает возможность построения научного мировоззрения. Принцип фундаментальности образования также играет базисную роль, поскольку проектирование содержания образования подчиняется схеме – от общих закономерностей к частностям и наоборот. И наконец, формирование научного мировоззрения человека невозможно лишь на основе узкоспециализированных знаний. «Уровень цивилизации зависит от науки и искусства», – утверждал А. Пуанкаре [10, с. 281].

Прикладная наука использует принципы онтологии, которые задают общее видение реальности и которые разрабатывает только фундаментальная наука. Однако сегодня наука используется инструментально – как техника и технология, но часто отвергается как мировоззрение в пользу практической выгоды. Между тем, К.Л. Смит [11] указывает на культуропорождающие функции фундаментальной науки. На наш взгляд, наука не только ассимилирует новации социокультурного развития, но и генерирует новации, обогащающие общекультурный процесс. К ним можно отнести такие, как межкультурная трансляция фундаментальной методологии, зарож-

дение потенциальных возможностей новых открытий, спонтанное выявление побочных результатов, стимуляция развития промышленности и образования как атрибутивных ценностей современной культуры.

Рассмотрение фундаментальной науки как элемента социокультурной системы, ее интеллектуального потенциала представляется методологически плодотворным и может дать определенные перспективы для развития фундаментальных наук.

Любое фундаментальное открытие начинается новый цикл развития в определенной проблемной области науки и в сфере культуры вообще. Открытие представляет собой новацию, а завершённый цикл развития для фундаментальной науки – инновацию в социокультурной сфере. Поскольку от фундаментального открытия до внедрения его в практику могут пройти долгие годы, создается впечатление, что фундаментальной науке не свойственна инновационность. Тем более, что фундаментальная наука по определению не обладает свойством приносить коммерческую выгоду. Коммерциализация является атрибутом инновационного развития только в материально-экономической сфере. Фундаментальная наука, а также образование функционируют и существуют в идеально-абстрактном мире, духовной сфере. Тем не менее, развитие фундаментальной науки также можно рассматривать как инновационное, поскольку оно представляет собой внедрение новаций в культуру. Подтверждением этого является методология моделирования развития в сфере культуры через так называемые инновационный циклы.

Для фундаментального научного открытия инновация как цикл развития включает ряд этапов, среди которых можно выделить формулировку проблемы, целей, поиск средств и методов, решение задач, воспроизведение и подтверждение результатов. Включение в образовательные программы для трансляции в сфере культуры и подготовки специалиста. Реструктуризацию науки,

когда некоторые ее разделы выступают частным случаем общих закономерностей и принципов. В сфере данной науки и смежных дисциплин цикл проявляется в виде серии новых открытий и разработки новой теории, вклада в научную картину мира, возможно, научной революции. Так, разработанная Н.И. Лобачевским неевклидова геометрия нашла свое подтверждение в начале двадцатого века в теории относительности.

Следует отметить, что цикл развития может быть длительным по времени, и потому должен сопровождаться научной и методологической рефлексией, что приводит к приложениям в других науках (дисциплинах). Так, открытие структуры ДНК привело к успехам в медицинской генетике, а также к разным аспектам программы «Геном человека». Фундаментальные законы и понятия биологии применены к развитию техники (так, введены термины «техноэволюция», «техноценоз», «техногенетика») [12]. Открытия в фундаментальных науках особенно важны на постнеклассическом этапе, с развитием междисциплинарного знания и появлением синергетики. Важны они и для стимуляции промышленности, поскольку разработка нового технического оснащения может приводить к новым изобретениям в технике и к развитию производства. Таким образом, фундаментальные открытия должны тестироваться на предмет использования в других областях знания и культуры через инновационный цикл. Если такое применение возможно даже в отдаленной перспективе, можно говорить о включении фундаментального открытия (модели, проекта) в сферу материальной культуры. В сферу духовной культуры фундаментальные открытия входят, как говорят математики, по определению.

Для фундаментальной науки по-прежнему характерна инновационно-прикладная функция в образовательной сфере, в том числе массового образования через популяризаторскую реконструкцию. Популяризация науки, включенная в инновационный цикл, дает

людям культурный навык, может препятствовать развитию псевдонауки, которая влияет негативно на технологии, производство, общественные настроения. Науку следует рассматривать не только как самостоятельную составляющую культуры, но и как часть техники, которая без новых открытий может превратиться в ремесло. Отрыв техники от фундаментальной науки грозит технической и культурной стагнацией. Поэтому социокультурные ниши фундаментальной науки и техники надо рассматривать отдельно, хотя и в постоянной связи.

Заключение. Таким образом, наука, техника, образование и производство прошли путь от синкретичности к дифференциации и относительно автономному существованию к процессу интеграции и взаимной синергии. В развитии базисных форм культуры фундаментальная наука всегда играла роль основного интеллектуального ресурса, то есть фундировала науку прикладную, ремесло, образование, и – опосредованно, через цепочку прикладной науки: технологии–техники–производство. Функция фундаментальной науки – служить интеллектуальным ресурсом практической деятельности действительно является приоритетной, но не единственной. Культуротворчество представляет собой основную форму освоения человеком мира и самого себя. Задача философско-методологических исследований и состоит в экспликации непреходящих ценностей фундаментальной науки как основы культуры и культуротворчества.

Литература

1. Кравец, А.С. Социокультурная ниша науки / А.С. Кравец // Физика в системе культуры. – М.: ИФ РАН, 1996. – С. 5–20.
 2. Биологический энциклопедический словарь / гл. ред. М.С. Гиляров. – 2-е изд., исправл. – М.: Сов. Энциклопедия, 1986. – 864 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bioword.narod.ru/>
 3. Степин, В.С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / В.С. Степин. – М.: Гардарики, 2006. – 384 с.
 4. Митчем, К. Что такое философия техники? / К. Митчем. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 149 с.
 5. Левицкий, Ю.В. Интеграция образования, науки и производства в информационном обществе / Ю.В. Левицкий. – Новосибирск, 2002. – 164 с.
 6. Хабермас, Ю. Наука и техника как идеология / Ю. Хабермас. – М.: Праксис, 2007. – 208 с.
 7. Старжинский, В.П. Методология науки и инновационная деятельность: пособие для аспирантов, магистрантов и соискателей ученой степени кандидата наук всех специальностей / В.С. Старжинский, В.В. Цепкало. – Минск: БНТУ, 2010. – 287 с.
- Горохов, В.Г. Как возможны наука и научное образование в эпоху «академического капитализма»? / В.Г. Горохов // Вопросы философии. – 2010. – № 12. – С. 3–14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=242&Itemid=52.

9. Степин, В.С. Философия науки и техники / В.С. Степин, В.Г. Горохов, М.А. Розов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.gumer.info/bibliotek Buks/Science/Step/12.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/Step/12.php).
10. Пуанкаре, А. Ценность науки // А. Пуанкаре. О науке. – М.: «Наука», главная редакция физико-математической литературы. – М., 1983. – 560 с.
11. Smith C.H. L. The use of basic science / С.Н. Smith [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://public.web.cern.ch/public/en/About/ BasicScience1-en.html](http://public.web.cern.ch/public/en/About/BasicScience1-en.html).
12. Половинкин, А.И. Техноэволюция и техноценозы / Обзор работ профессора Б.И. Кудрина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kudrinbi.ru/public/361/index.htm>.

Поступила в редакцию 11.04.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.

УДК 321.03

Роль социальной иерархии в развитии общества

Голубев С.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова», Витебск*

В статье анализируется роль социальной иерархии в развитии общества как системы. Автором привлекается широкий материал новейших политантропологических исследований, данные современной биологической науки, результаты, полученные в рамках общей теории систем. Показано, что иерархическое строение свойственно обществам всех типов, в том числе, и самым примитивным. Эта особенность социальной структуры укоренена в глубочайших принципах организации жизни, вообще всякой системы. Проводится также логико-понятийный анализ концептов: социальная иерархия и социальная дифференциация. Обосновывается тезис о том, что социальная иерархия является неотъемлемым свойством общества и важнейшим фактором его развития. Полученные в ходе исследования результаты могут способствовать решению актуальной для сферы социального познания проблемы различения собственно научных и идеологических концепций.

Ключевые слова: социальная иерархия, общество, социальное развитие, политантропология.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 102–107)

Role of social hierarchy in the development of the society

Golubev S.V.

*Educational establishment "Vitebsk State University
named after P.M. Masherov", Vitebsk*

The article analyzes the role of social hierarchy in the development of the society as a system. The author applies wide material of newest political and anthropological studies, data of modern Biology, findings which were obtained within the general theory of systems. Hierarchical structure is shown to be typical of the societies of all types, most primitive including. This peculiarity of the social structure roots in the deepest principles of the organisation of life, of any system in general. Logical and concept analysis of the notions of social hierarchy and social differentiation is done. The idea of social hierarchy being the inseparable feature of the society as well as the most important factor of its development, is grounded. Findings of the research can facilitate the solution of the urgent social cognition problem of the differentiation of scientific and ideological conceptions.

Key words: social hierarchy, society, social development, political anthropology.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 102–107)

Одним из важнейших факторов социального развития является, как известно, общественное разделение труда. Его истоки заключаются, очевидно, в том, что всякий человек «от природы» уникален, представляет собой неповторимый

комплекс биологических и психофизиологических задатков и свойств. Не случайно, практически на всем протяжении человеческой истории разделение труда опиралось на естественные основания, осуществлялось, прежде всего, как половоз-

Адрес для корреспонденции: e-mail: golubev_sergei1962@mail.ru – С.В. Голубев

растное. Принципиально важно, что естественно-природные половозрастные различия индивидов в рамках социальной системы в целом и, в особенности, в общественном разделении труда изначально предстают как половозрастная иерархия. Сегодня в социальной науке нет единства в понимании роли социальной иерархии как таковой в функционировании и развитии общества. Цель настоящей статьи – анализ роли социальной иерархии как действенного фактора социального развития.

Материал и методы. В статье использованы исторические и логические методы исследований. Проведенный анализ предполагает привлечение конкретно-научного материала, прежде всего политантропологического, а также исследований по общей теории систем.

Результаты и их обсуждение. Необходимо отметить, что наличие половозрастной иерархии и ее основополагающее значение для социальной структуры и разделения труда в примитивных обществах твердо установлено эмпирическими исследованиями политантропологов. В.В. Бочаров отмечает, что «принцип разделения общественного труда в соответствии с возрастом был, как известно, детерминирующим уже на ранних стадиях социогенеза» [1] и, что политантропологи говорят даже о «возрастных классах». О.Ю. Артемова в статье, специально посвященной изучению ранних форм социальной дифференциации на эмпирическом материале, пишет: «Как видно из всего вышесказанного, дифференциация социальных статусов у австралийских аборигенов была в значительной степени связана с естественными факторами: половозрастными различиями людей, неодинаковыми прирожденными данными индивидов (подчеркнуто нами. – С.Г.) и др.» [2]. Политантрополог П.Л. Белков в интересной, содержащей теоретические обобщения работе о средствах управления в примитивных обществах, констатирует, что «именно старшие мужчины оказываются субъектом авторитета как первобытной формы управления», они «определяют наказание, когда нарушают

ся законы» и «пользуются широкими привилегиями» [3].

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что наличие социальной иерархии вытекает из потребностей человека, является необходимым следствием его «природы» и условием существования общества как социальной системы и формы деятельности индивида¹. Иерархичность вообще, как известно, – один из основных системных принципов, характеризующих строение и функционирование системы как таковой. Причем, чем более сложной является система, тем более он значим для нее. По словам В.А. Энгельгардта, разрабатывавшего системный подход в микробиологии, «принцип иерархической структуры – один из характерных атрибутов живых систем» [4]. В специальной статье этот исследователь приводит целый ряд свидетельств авторитетных ученых-биологов, убежденных в принципиальной необходимости иерархического строения живых систем. «С предельной четкостью, – пишет он, – высказывает свой взгляд П. Вейсс, когда он одному из разделов своей статьи дает заглавие «Иерархии: биологическая необходимость» и далее говорит о том, что «принцип иерархического порядка в живой природе отчетливо выступает в качестве явственно выраженного явления (здесь вспоминается Гегель с его характеристикой природы как «стихий неравенства». – С.Г.) вне зависимости от того, какое философское содержание мы придадим этому термину». Гробштейн в книге «Стратегия жизни» говорит, что одна из характеристик живого состоит в иерархии структур и функционального контроля. Этот иерархический принцип охватывает все ступени, начиная с атомных и молекулярных явлений и кончая взаимоотношениями в человеческом обществе...» [4, с. 336]. Энгельгардт приводит также соответствующие высказывания Л. фон Берталанфи, С. Патти, Дж. Нидхэма. Он отмечает, что важнейшей

¹ Под «социальной иерархией» мы понимаем, прежде всего, вертикальное различие, неравенство социальных статусов в рамках организационно-управленческой сферы (подсистемы) общества.

особенностью биологических иерархий «является возникновение новых свойств, которые никак не могут быть вызваны или предсказаны на основе экстраполяции свойств тех элементов, из которых рассматриваемая иерархическая система построена... более высоколежащий иерархический уровень оказывает направляющее воздействие на уровень ниже лежащего порядка, т.е. подчиненный: последний приобретает новые свойства, отсутствовавшие в его изолированном состоянии (подчеркнуто нами. – С.Г.)» [4, с. 336–337].

Таковы данные биологической науки. Что же касается социальной иерархии, то, не говоря даже о том, что социальное «по определению» сложнее биологического, ясно, что логически необходимо, чтобы обществу, как и любой системе, была присуща определенная мера дифференцированности и интегрированности, «различия, и тождества» на языке Гегеля. Но понятие различия, социальной дифференциации включает понятие социальной иерархии, поэтому, когда речь идет о различии, дифференциации вообще, речь идет и об иерархии. Нередко утверждается, что дифференциация не обязательно предполагает иерархию, неравенство. Надо сказать, что такое утверждение может иметь лишь абстрактное обоснование. Как говорит Гегель: «Равенство есть абстрактное рассудочное тождество, которое, прежде всего, имеет ввиду рефлектирующее мышление, а тем самым, и духовная посредственность вообще, когда оно встречается с отношением единства к различию» [5].

Для конкретного анализа понятия и явления социальной дифференциации представляется целесообразным провести аналогию с понятием и явлением социальной мобильности. Социальная дифференциация и социальная мобильность сущностно взаимосвязаны и предполагают друг друга. Первая, к тому же, является необходимым условием последней. Социальная мобильность выступает, как известно, в двух разновидностях: «горизонтальной» и «вертикальной», причем, основной в социальном познании принято считать, прежде всего, вторую. Соответственно, социальная

дифференциация также может и должна быть двух видов. «Вертикальная» социальная дифференциация и есть социальная иерархия.

Надо сказать, что строгое различие вертикальной и горизонтальной социальной мобильности может быть только абстрактно-логическим, полезным, главным образом, в качестве идеальной-типической конструкции. В действительном обществе практически любое реальное социальное перемещение индивида имеет, как правило, не одно, а два измерения, характеризуется и в «горизонтальном», и в «вертикальном» отношении. Реальная социальная структура есть сложный комплекс не всегда различимых по вертикали и горизонтали связей и зависимостей между индивидами. И социальная мобильность в массе конкретных случаев вряд ли может принимать «чистые» формы, но определяется по преобладающему горизонтальному или вертикальному вектору.

Да и онтологически, если бытию как таковому свойственно движение как таковое, то социальному бытию должна быть присуща социальная мобильность как таковая, то есть такая, которая обладает полнотой, проявляется не в одной, а во всех своих возможных разновидностях. Другими словами, в обществе как завершенной, обладающей полнотой, форме социального бытия должна наличествовать как горизонтальная, так и вертикальная мобильность. Кроме того, поскольку это соотносительные разновидности, одна предполагает другую. Горизонтальная социальная мобильность может логически и практически различаться, определяться только посредством сопоставления с вертикальной мобильностью. То же можно сказать и о практическом, логическом и онтологическом соотношении «горизонтальной» (невертикальной) и «вертикальной» социальной дифференциации.

Практическое отсутствие «чистых» разновидностей, исключительно вертикальной или, тем более, исключительно горизонтальной социальной мобильности в реальной общественной жизни, легко показать на конкретных примерах. Даже простая смена места жительства в

пределах одного города, не говоря уже о переезде из деревни в город или из одной страны в другую, практически всегда оценивается и как повышение или понижение социального положения. Не случайно в каждом городе существуют «престижные» и «непрестижные» районы.

Очевидно следующее: чем разнообразнее такая дифференцированность социального пространства, тем сильнее стимулируется социальная мобильность и, значит, активность, деятельность индивида. Если последний деятелен лишь постольку, поскольку он чего-то не достиг, и хочет проявлять свою значимость¹, то только наличие социальной дифференциации, вертикальной, прежде всего, может вывести цели его деятельности за пределы удовлетворения потребностей простого выживания. Поэтому возможность *повышения* престижа как соотносительной (выше/ниже) оценки социального статуса – как определенного положения в рамках вертикальной дифференциации данной социальной системы, является важнейшим и незаменимым стимулом интенсификации деятельности индивида. Социальная иерархия оказывается, таким образом, одним из источников и условий социального развития. Это также нетрудно подтвердить эмпирическими свидетельствами. Можно вспомнить об обязательном провале всех коммунистических экспериментов как в небольших общинах, так и в масштабах крупнейших государств. Политантропологические исследования примитивных обществ также фиксируют прямопропорциональную зависимость между степенью выраженности социальной иерархии и общим уровнем социокультурного развития.

Нарастание социальной иерархии, усложнение вертикальной социальной дифференциации, является также, что было отмечено Гегелем, показателем и результатом развития общества. Это, собственно, следует из понятия развития как усложнения, то есть увеличения внутренней дифференциации. Было бы несоответствием понятию, если бы такая

дифференциация могла быть исключительно горизонтальной, тогда, по существу, имело бы место не развитие, а количественное увеличение. Кроме того, развитие общества существенным образом проявляется в институционализации социальных взаимоотношений, а социальный институт как таковой порождает социальную дифференциацию и предполагает неравенство социальных статусов. По словам Гегеля, «каждый институт противен абстрактному самосознанию равенства» [5, с. 107].

Таким образом, можно сделать вывод, что социальная иерархия, неравенство является необходимой стороной социальной дифференциации. Поскольку последняя есть необходимое условие и свойство общества, социальное неравенство оказывается фундаментальной предпосылкой и неустранимой стороной общественной жизни. Таков и общий вывод из конкретных эмпирических исследований примитивных обществ. Как отмечает Н.Н. Крадин, «обращение к исследованиям социоантропологов (этнологов, этнографов), а также к работам специалистов по социобиологии показывает, что это (представление об эгалитарности «первобытного» общества. – С.Г.) очень серьезное заблуждение, от которого давно пришло время отказаться. Неравенство всегда существовало в истории человеческого общества. В настоящее время закрывать на это глаза и, руководствуясь кабинетными иллюзиями прошлого века, пытаться создать общество без неравенства – это не только абсурдная, но и чрезвычайно опасная идея» [6]. Заметим, что опасность этой идеи, в частности, заключается в том, что равенство является социоструктурной предпосылкой тоталитаризма, но в целом же идея равенства «опасна» и разрушительна для общества именно потому, что имманентно предполагает устранение социальной дифференциации.

Э. Гидденс пишет о необходимой связи неравенства и общества: «Неравенство существует в человеческих обществах любых типов (подчеркнуто нами. – С.Г.). Даже в самых примитивных культурах, где имущественные различия между людьми почти отсутствуют, существует неравенство между индивидами, муж-

¹ См. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – С. 206.

чинами и женщинами, молодыми и стариками» [7]. О.Ю. Артемова, в уже цитированной специальной статье о «первобытном эгалитаризме», говорит, что даже самые примитивные, занимающиеся охотой и собирательством, группы не являются эгалитарными: «Многие эмпирические данные по охотникам и собирателям показывают, что ... термины «эгалитарные общества, эгалитарные отношения» в качестве их генерализирующей стадийальной или типологической характеристики вряд ли пригодны, в каком бы понимании они не употреблялись...» [2, с. 41]. Помимо прочего, это означает, что можно констатировать не только логическую несостоятельность, но и эмпирическую необоснованность постулата изначального естественного равенства индивидов. Единственным основанием этого постулата остается эмоционально привлекательное представление равенства в качестве моральной ценности, сущностно связанной со свободой.

Заключение. Проведенный анализ дает основания утверждать, что социальная иерархия как таковая является неустранимым свойством и, в целом, благоприятным фактором общественной жизни, способствующим социальному развитию. Более того, социальная иерархия есть необходимое условие социальной дифференциации, без которой вообще невозможно общество как система. Соответственно, можно утверждать, что потенциал аргументации разного рода леворадикальных уче-

ний, пропагандирующих «всеобщее равенство», ограничивается сугубо эмоционально-ценностной сферой, что выводит их за рамки объективной науки. В этой связи, полученные в ходе исследования результаты, могут способствовать решению актуальной для сферы социального познания проблемы различения собственно научных и идеологических концепций.

Литература

1. Бочаров, В.В. Ранние формы политической организации в структуре колониального общества / В.В. Бочаров // Ранние формы политической организации. – М.: Наука, 1995. – С. 208.
2. Артемова, О.Ю. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации / О.Ю. Артемова // Ранние формы социальной стратификации. – М.: Наука, 1993. – С. 51.
3. Белков, П.Л. Социальная стратификация и средства управления в доклассовом обществе / П.Л. Белков // Ранние формы социальной стратификации. – М.: Наука, 1993. – С. 80.
4. Энгельгардт, В.А. О некоторых атрибутах жизни: иерархия, интеграция, узнавание / В.А. Энгельгардт // Современное естествознание и материалистическая диалектика. – М.: Наука, 1977. – С. 335.
5. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – С. 107.
6. Крадин, Н.Н. Политическая антропология / Н.Н. Крадин. – М.: Ладомир, 2001. – С. 38.
7. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 196.

Поступила в редакцию 16.05.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.

УДК 111

Эвристические возможности принципа простоты в научном познании

Слемнев М.А.

*Учреждение образования «Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова», Витебск*

Исследованы границы применимости и прогнозирующий потенциал принципа простоты в научном познании. Испытание этого методологического регулятива на эвристичность проведено с учетом различных смысловых оттенков понятия «простое знание». Выделены психологический, синтаксический и концептуальный аспекты простоты. Ориентация на них при поиске истины в классической науке была вполне оправданной и, в целом, продуктивной. В науке неклассического и постнеклассического образца наблюдается заметное возрастание психологической и синтаксической сложности генерируемого знания. Эвристически работающей здесь оказывается только простота концептуальная. Она выражается в способности конструируемых абстрактно-понятийных структур при выполнении описательных, объяснительных и предсказательных функций обходиться минимумом гипотетических «начал» и сохранять этот концептуальный базис в расширенной предметной области. Онтологическим основанием эффективности концептуального измерения принципа простоты является материальное единство мира, его целостность и системно-структурная организация.

Ключевые слова: принцип простоты, онтологическая простота, семиотическая простота, психологическая простота, синтаксическая простота, концептуальная простота.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 108–117)

Euristic possibilities of the principle of simplicity in scientific cognition

Slemnev M.A.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masharov”, Vitebsk*

Boundaries of the application as well as forecasting potential of the principle of simplicity in scientific cognition are investigated. Testing the euristic side of this methodological regulative is done considering different sense aspects of the notion of simple knowledge. Psychological, syntactic and conceptual aspects of simplicity are singled out. It was quite justified and, on the whole, productive to take them into account while seeking the truth in classical science. In the science of the non classical and post non classical pattern prominent increase in psychological and syntactic difficulty of the generated knowledge is traced. Only conceptual simplicity turns to be working euristically. It is expressed in the ability of the constructed abstract and concept structures, while performing descriptive, explanatory and forecasting functions, to be satisfied with minimum of hypothetical “beginnings” and save this conceptual basis in the widened object area. The ontological basis of the efficiency of the conceptual measuring of the simplicity principle is the material integrity of the world, its wholesome character as well as its system and structure organization.

Key words: the principle of simplicity, ontological simplicity, semiotic simplicity, psychological simplicity, syntactic simplicity, conceptual simplicity.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 108–117)

Адрес для корреспонденции: e-mail: mihail_slemnev@mail.ru – М.А. Слемнев

Научно-познавательная деятельность регламентируется рядом эмпирических, теоретических и мета-теоретических предписаний. В число последних входит принцип простоты. В соответствии с этим методологическим регулятивом при проведении научных исследований рекомендуется придерживаться простых гипотез, модельных схем, идей, концепций, теорий. Для ученых субъективно идеалистической ориентации простота генерируемого знания является самоцелью познания. Наибольшую познавательную ценность для них представляет та концептуальная конструкция, которая способна как можно компактнее и изящнее упорядочить эмпирический материал. О необходимости ее проецирования на ноумены, мир заопытных сущностей, вопрос не ставится. Убежденные же в существовании объективной реальности и ее принципиальной познаваемости подчиняют стремление к простому описанию и объяснению исследуемых явлений поиску объективной истины. Простое знание в науке считается здесь предпочтительнее сложного не по соображениям гносеологического удобства, экономии мышления или наименьшей траты интеллектуальных сил (само по себе это тоже очень важно), а потому, что оно имеет больше шансов оказаться правильным, адекватно отражающим закономерные связи и отношения бытия. Как говорили еще древние, «simplicitas est sigillum veri» (простота – признак истины). Можно упомянуть и другое, не менее крылатое изречение: «гениальное – просто».

В последнее время селективные и эвристические возможности принципа простоты стали все чаще подвергаться сомнению [1]. Плодотворность его использования в классической науке, объектом исследования которой являлись простые механические образования, при этом не отрицается. Что же касается неклассической и постнеклассической науки, активно осваивающей явления микро- и мегамира, сложнейшие самоорганизующиеся и саморазвивающиеся системы, то принципу простоты в ней не всегда на-

ходится место. Упомянутый ранее афоризм древних о связи простоты и истины применительно к современному научному познанию предлагается радикально изменить и сформулировать следующим образом: «simplicitas est sigillum falsi» (простота – признак заблуждения). Возникшая познавательная ситуация нуждается в философско-методологическом осмыслении.

Цель статьи – выяснение эвристических возможностей и границ применимости принципа простоты в контексте развивающейся науки.

Материал и методы. Подвергнуты философско-методологической рефлексии различные взгляды на роль принципа простоты в научном познании. Проанализированы новейшие разработки специалистов в области философии и методологии науки по освещаемой теме. Работа выполнена в диалектической традиции на основе принципов развития и всеобщей связи и обусловленности явлений, объективности рассмотрения и конкретной заданности объекта исследования, единства исторического и логического подходов при познании динамических структур бытия и процессов их эмпирического и теоретического освоения.

Результаты и их обсуждение. Непременное правило, которым следует руководствоваться при проведении любого научного исследования, – уточнение смысла употребляемых понятий и, прежде всего, базовых. В нашем случае, центральным среди таковых является «простое знание». Нельзя не заметить, что как сторонники, так и противники универсализма – принципа простоты зачастую весьма небрежно обращаются с данным концептом. Это выражается в том, что упускается из вида его контекстуальная полифоничность и многообразие смысловых оттенков, отсутствует экспликация содержания, о простом говорится как о чем-то совершенно понятном и не нуждающемся в специальном разъяснении. Подобная логико-лингвистическая некорректность приводит к появлению различных интерпре-

таций одних и тех же высказываний о роли принципа простоты в науке, вносит путаницу и разнобой в оценку его эвристических возможностей и сферу предсказательного действия. Поэтому без предварительного логико-семантического анализа понятия «простое знание» конструктивное обсуждение рассматриваемой темы проводить нельзя.

В современной философии и методологии науки принято выделять два вида простоты. Одну из них обычно именуют онтологической. Она является характеристикой материальных систем. Другую – семиотической. Этот вид простоты используется для оценки различных знаковых образований, в том числе и систем научного знания. В силу многозначности и семантической размытости понятия «простота» дать его обобщенное определение затруднительно. Как отмечает в форме каламбура известный болгарский философ А. Поликаров, «само понятие простоты может быть всем, чем угодно, только не простым» [2]. В данной связи он вполне резонно рекомендует сосредоточить усилия на экспликации тех граней простоты, которые поддаются более или менее внятому вербальному выражению.

Рассмотрение онтологической простоты не входит в наши задачи. С ее спецификой можно познакомиться в работе [3]. Что касается простоты семиотической, то отношение к анализируемому принципу имеют, по меньшей мере, три ее аспекта: *психологический*, *синтаксический* (его иногда именуют дескриптивный, описательный, знаково-символический) и *концептуальный* (он нередко выступает под названием динамический, семантический). В такой последовательности и проведем их проверку на эвристичность.

1. Простые гипотезы, идеи, логические схемы описания и объяснения фактов в первом понимании простоты – это интуитивно ясные, очевидные, не требующие специального обоснования, семантически обнаженные, доступные для

прямого интеллектуального созерцания без каких бы то ни было эмпирических и теоретических посредников. Есть мнение, что наличие у научного знания подобных параметров является безусловным признаком его объективной истинности. Именно таким требованиям должен соответствовать концептуальный базис науки. И логико-математической, формальной, построенной по аксиоматико-дедуктивному образцу и науки опытной, придерживающейся гипотетико-дедуктивной парадигмы.

Попытку рассмотрения простоты научных идей с точки зрения их интуитивной ясности и доступности восприятию и превращение таким образом понимаемой простоты в своеобразный критерий истины в свое время предпринял Р. Декарт. Простыми, отмечал он, можно называть лишь те идеи, «которые мы познаем столь ясно и отчетливо, что ум не может их разделить на некоторое число частей, познаваемых еще более отчетливо» [4]. Для усвоения таких идей, – пишет он, – не нужно прилагать никаких усилий, ибо «они достаточно понятны сами собой» [4, с. 133]. По его мнению, ясность и безусловная доступность восприятия знания – признак его истинности. Образцом интеллектуально-созерцательной очевидности, а следовательно, и правильности, Р. Декарт считал концептуальный базис геометрии Евклида, включая и знаменитый пятый постулат, аксиомы арифметики, законы формальной логики, базовый тезис развиваемого им рационализма

«я мыслю, следовательно, существую». Похожих позиций придерживался и И. Фихте. Принципиальные положения своего идеализма он представил на суд читателей в работе под названием «Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии».

Отметим, однако, что простота как ясность идей, их очевидность, доступность для восприятия – это перцептивное качество, психологический феномен, субъективное состояние нашего сознания. То,

что представляется предельно ясным и понятным одному, не является таким для другого. Поэтому выбор между конкурирующими воззрениями на основании подобного понимания простоты не может быть общезначимым. Но если бы мы даже смогли зафиксировать объективную степень ясности и очевидности определенной системы знания (допустим, по отношению к какому-то «усредненному интеллекту»), принцип простоты в данной трактовке не может быть носителем эвристических функций. Закономерность развития познания такова, что в процессе интенсивного развития науки всякий раз раскрываются истины, которые ни в коей мере нельзя считать интуитивно ясными в духе Р. Декарта, привычными и наглядными (например, квантово-волновой дуализм, явление превращаемости элементарных частиц, искривление пространства и замедление хода времени в сильных гравитационных полях, нарушение принципа зеркальной симметрии в мире элементарных частиц и др.). Погружение современной науки в область все более «парадоксальных» и «хитроумных» утверждений нанесло, по словам А. Эйнштейна, решительный удар «по святому духу ясности» классического естествознания. При изучении новых уровней организации материи современная наука сознательно ориентируется на диковинные, «сумасшедшие» идеи, которые радикально ломали бы ранее сложившиеся представления. Хорошей иллюстрацией этого является известная шутка физиков: «Да будет свет, сказал Бог, пришел Ньютон и в науке все стало ясно. Да будет тьма, заявил Дьявол, появился Эйнштейн и наука погрузилась во мрак».

Психологически простое – это, прежде всего, привычное, устоявшееся, наглядное, соответствующее «здравому смыслу». На возникновение чувства ясности и очевидности при интеллектуальном освоении истин классической науки решающее влияние оказывает факт макроскопичности человека, формирование его и в фило-, и в онтогенезе в условиях

обыденного земного опыта («идолы рода» Ф. Бэкона). Если допустить, что в сильных гравитационных полях есть разумные существа, то для них очевидной была бы сложная Неевклидова геометрия. А вот геометрия Евклида оказалась бы крайне туманной и трудной для понимания. В свою очередь, воображаемые разумные микросущества без интеллектуального напряжения воспринимали бы, например, явления квантово-волнового дуализма и зарядовую симметрию окружающих объектов. Идеальные же образы макротел, у которых отсутствуют волновые свойства, и действует принцип зеркальной симметрии, считались бы абсурдными. В этих вымышленных мирах последовательность появления великих ученых была бы другая: вначале понятные Лобачевский и Эйнштейн, а затем парадоксальные Евклид и Ньютон. Их идеи потребовали бы радикально пересматривать сложившиеся представления о связи простоты в ее психологическом аспекте и истины. Но по сравнению с разумным макромиром здесь все происходило бы, как говорится, с точностью наоборот.

2. Синтаксическая, знаково-символическая простота характеризует языковую форму знания, семиотическую оболочку научной информации. В отличие от психологической, такая простота является объективным параметром систем научного знания. Она зависит от количества и разнообразия знаков, используемых для хранения и передачи научной информации, «длины» логического следования от начал теории к ее эмпирическим основаниям, общего семиотического объема знания, который влияет на его информационную емкость и др. Для количественного измерения данного типа простоты активно привлекаются идеи кибернетики, общей теории систем, информатики: формулы Р. Хартли, К. Шеннона, Д. Кемени, Н. Гудмена [3, с. 22–23; 91–93].

В классической науке считалось, что знаково-символическая простота должна являться спутником научной истины. Эта идея базировалась на понимании приро-

ды как незамысловатого механического устройства, функционирование которого совершается по схемам лапласовского детерминизма. Поэтому для теоретического описания природных процессов считалось достаточно применить язык простых линейных функций. Ведь в природе реализуются лишь те структуры, которые «математически проще себе представить» [5]. Любая истинная теория должна быть простой по своей форме – приблизительно так можно сформулировать принцип простоты в трактовке классического естествознания.

На первых порах классической науке удавалось облекать знание в достаточно простые и изящные формы. Это еще более укрепляло веру в правильность выдвинутого тезиса. Образцом отражения простоты природы (и вместе с тем эталонном точности описания природных явлений) в это время считались выраженные в изящной математической форме три базовых закона классической механики, закон всемирного тяготения, законы идеальных газов, электростатики, электродинамики и др.

Однако дальнейшее развитие науки показало несостоятельность идеи об однозначной связи синтаксической простоты и истинности. Оказалось, что простота и эстетическое совершенство многих формул классической науки явились следствием не какой-то мистической экономии природы, а всего лишь результатом ее упрощения и огрубления человеческой мыслью при конструировании абстрактных и идеальных объектов.

Потребность приближения создаваемых систем знания к реальной ситуации вынудила отказываться от жестких абстракций и идеализаций, учитывать те стороны познаваемых объектов, которые либо умышленно упускались из вида (например, внесение известных поправок Ван-дер-Ваальса в газовые законы), либо объективно не могли быть зафиксированы (относительность к средствам наблюдения, влияние измерительных приборов на поведение исследуемых объектов, зависимость пространственных и временных отношений от кинематических и гравитационных характеристик

бытия и т.д.). В итоге, как отметил Б. Рассел, «постепенная утрата элементарности характеризует историю большинства ранних открытий науки» [6]. Но простые описательные и объяснительные схемы не были отодвинуты в сторону и преданы забвению. Они в «снятом» виде вошли в более сложные теоретические конструкции, предстали как частный случай последних.

Возрастание структурной сложности новых систем теоретического знания (появление Неевклидовых геометрий, специальной и общей теорий относительности, квантовой теории, физики элементарных частиц, синергетики и др.) есть свидетельство полноты и большей точности отражения ими неисчерпаемых структур бытия. Из современной науки исчезают прежние «магические» формулы. И этому не следует удивляться. Ведь структура теории должна находиться если не в изоморфном, то, по меньшей мере, в гомоморфном соответствии с «сущностными узлами» материального мира. Конвергенция современной науки с объективной сложностью бытия требует действительно менять классическую парадигму не только психологической, но и синтаксической простоты на соответствующие парадигмы сложности [7].

Стремление использовать знаково-символическую простоту в качестве определяющего признака научности теоретических систем знания с неизбежностью приводит к грубым заблуждениям и просчетам. В частности, руководство такими идеями не позволило А. Пуанкаре оценить сущность сложных неевклидовых геометрий и тем самым помешало ему создать теорию относительности. Подобная участь постигла и Э. Маха, который не признавал реальность электрона только потому, что допущение о его существовании усложняет научную картину мира. Интересный пример научного заблуждения, возникшего на основе наделения принципа простоты в рассматриваемом здесь смысле эвристическими свойствами, связан с именем известного химика Дж. Дальтона. Последний при

написании формул воды и аммиака вместо H_2O и NH_3 выбрал, соответственно, HO и NH , считая, что наиболее простая формула всегда имеет наибольшую вероятность оказаться правильной.

Дескриптивную простоту следует оценивать не как эвристическую, а всего лишь прагматическую ценность. Любую теоретическую систему знания можно представить в самых разнообразных знаковых формах. Их выбор продиктован спецификой соответствующей познавательной, в том числе, и дидактической ситуации. Так, допустим, геометрия Евклида может быть изложена в традиционной форме и в исполнении Пиери на базе двух исходных понятий «точка» и «движение»; специальная теория относительности в Эйнштейновском виде, в представлении П. Карда (исходным принципом является закон эквивалентности массы и энергии), в интерпретации Г. Бонди (рассмотрение одномерной совокупности наблюдателей на пространственно-временной диаграмме с двумя измерениями при помощи метода k -коэффициента) и др. Все эти концептуальные модификации эквивалентны в своей смысловой части. Но одни из них отличаются высоким уровнем абстрактности и логической строгости, другие – наглядностью и возможностью проникновения в их сущность без сложного математического аппарата.

3. Концептуальная простота конструируемых теоретических схем определяется, во-первых, их способностью обходиться минимумом основополагающих предположений при описании и объяснении познаваемых явлений (статический аспект), и, во-вторых, сохранять исходный абстрактно-понятийный базис при расширении предметной области исследования (динамический аспект) [8]. Потребность ориентации на статический аспект концептуальной простоты вызвана, в первую очередь, тем, что в науке периодически возникают ситуации, когда одна и та же группа фактов укладывается в различные логически непротиворечивые концептуальные системы. Они оказываются эквивалентными в эм-

пирическом отношении. Отдать предпочтение какой-то одной из них на основании логико-эмпирических критериев не представляется возможным. Здесь необходим выход в трансцендентальную сферу научно-исследовательской деятельности.

Трудности, возникающие при решении «проблемы выбора», особенно четко обнажаются, если ее сформулировать на языке математики. Тогда данная проблема превращается в задачу по построению математического уравнения, для которого известные эмпирические факты являются его решениями. Если имеется конечное число данных опыта (на языке аналитической геометрии – точек координатной плоскости), то все их можно уложить на множество самых разнообразных кривых (написать ряд дифференциальных уравнений). В плане эмпирической подтверждаемости полученные уравнения равноправны, и выбор между ними будет произвольным. Иногда он оказывается крайне неудачным, так как не исключено, что выбранная кривая может не согласовываться с вновь полученными экспериментальными данными.

В условиях неопределенности гносеологического выбора решающую роль начинают играть соображения метатеоретического характера. Как свидетельствует история научного познания, победу в конкурентной борьбе обычно одерживает гипотетическая конструкция с предельно экономными концептуальными основаниями. На это немаловажное влияние оказывает логическая стройность, математическая красота, эстетическое совершенство, которые достигаются в результате теоретической генерализации разобщенного эмпирического материала путем сведения многого к единому.

Указанные факторы безусловно важные, но, тем не менее, побочные. К тому же они затемняют суть дела. Предпочтение теории с меньшим количеством независимых предположений отдается, прежде всего, потому, что ее исходные посылыки в момент выбора являются содержательно более общими, более ин-

формативными. А это означает, что эвристический потенциал соответствующей гипотетической схемы выше, чем у конкурирующей с ней. Более общие исходные положения скорее объяснят новые факты и даже предскажут их появление, чем менее общие. Подобное основание выбора снимает с принципа концептуальной простоты всякий эзотерический оттенок. «Когда мы говорим, – справедливо отмечает В.Н. Костюк, – что следует предпочесть более простую теорию, это звучит таинственно, непонятно. Когда же мы говорим, что следует предпочесть при прочих равных условиях более общую теорию, это почти тривиально» [8, с. 81]. Ведь именно она имеет больше шансов выдержать давление нового экспериментального материала при расширении предметной области исследования, уложить поступающие эмпирические факты в сложившиеся теоретические схемы описания и объяснения явлений без количественного усложнения их начал. Такая теоретическая конструкция претендует на правдоподобие, она перспективнее своих концептуально сложных конкурентов. Вероятность того, что последние в процессе своего экстенсивного развития статут обрастать дополнительными предположениями и вступят в стадию вырождения очень велика. Наиболее яркие примеры – постепенное усложнение геоцентрической системы Птолемея; введение В. Вебером, К. Нейманом, Г. Гельмгольцем все новых и новых допущений в теорию А. Ампера, описывающую электрические и магнитные явления; дополнение У. Лаверье и С. Ньюкомом теории тяготения Ньютона новыми предположениями при обнаружении аномалий в движении Меркурия, Марса, Венеры и др. Известно, что в итоге эти концептуальные образования спасти не удалось, они были соответственно заменены более простыми (в рассматриваемом отношении) теориями Н. Коперника, Д. Максвелла, А. Эйнштейна.

Следует, однако, иметь в виду, что степень содержательной информативно-

сти, общности исходных посылок как меры концептуальной простоты легко подвергнуть качественной оценке в динамике, ретроспективно, задним числом. Сложнее это сделать в момент становления конкурирующих воззрений, особенно когда их концептуальный базис на генетической стадии развития одинаково прост. Предложить универсальный способ измерения потенциальной информативности эмпирически эквивалентных гипотез вряд ли возможно. Здесь важную роль наряду с критериями математической красоты, логической строгости играет особое интуитивное чутье исследователя. Но для некоторого типа научных теорий, в частности физических, выявление скрытой, имплицитной информативности осуществимо сделать. Речь идет о тех из них, в основании которых лежат принципы инвариантности.

Эти принципы четко указывают группу преобразований, в рамках которых законы остаются неизменными. Тем самым появляется возможность не ретроспективно, а актуально сравнить экстенсивный потенциал используемых посылок. Чем шире группа соответствующих преобразований, тем выше такой потенциал, а значит, тем проще, т.е. информативнее сделанные допущения. В качестве примера можно привести дорелятивистскую и релятивистскую электродинамику или, допустим, классическую теорию тяготения и общую теорию относительности. Классические воззрения здесь явно уступают неклассическим в инвариантом выражении. И именно потому они требуют искусственного концептуального усложнения при ассимиляции загадочных релятивистских эффектов.

Ориентация в научном поиске на концептуальную простоту имеет онтологическое оправдание. Такая интенция связана с надеждой, а для многих ученых и с твердым убеждением, что в реальном мире существуют законы «сквозного» характера, которые пронизывают если и не все, то, по меньшей мере, сопряженные уровни организации материи.

Как отмечает Р. Фейнман, «вышивая свой узор, природа пользуется лишь самыми длинными

нитями, и всякий, даже самый маленький образчик его может открыть нам глаза на строение целого» [9]. Она, считает известный ученый, чем-то напоминает шахматную доску, на которой на основе небольшого количества правил игры возникает бесчисленное множество необычайно замысловатых и весьма запутанных позиций.

Аналогия с шахматами возможно слишком сильная. Но не это главное. Важнее другое. Познавательные усилия науки всегда направлены на то, чтобы свести кажущийся феноменальный хаос к единой сущностной основе. Теоретическое проникновение в зону относительно устойчивых связей и отношений бытия позволяет совершать идеальное движение по «узловой линии мер» (Гегель), перемещаться от сущности первого порядка к сущности второго, от сущности второго к сущности третьего и т.д. Этот диалектический процесс приводит к интеграции не только эмпирической, но и теоретической информации, синтезу качественно различных концептуальных построений с помощью простых принципов широкого радиуса действия. Любая из частных научных теорий «может быть достаточно согласованной внутри себя, но прежде чем соединить их воедино, нужно очистить каждую от следов цемента, служившего для предварительного соединения ее частей» [10]. Освобождение науки от промежуточных частных предположений приводит и к экономии исходных принципов и понятий теории, и к возрастанию ее степени общности, увеличению предсказательной силы.

Обращение к истории науки дает возможность убедиться в том, что характерной чертой прогресса познания в конечном итоге является упрощение логических основ победивших теоретических систем с одновременным расширением сферы их применимости. Так, с появлением релятивистской электродинамики было не только отброшено понятие эфира, но и получена, как уже отмечалось, более широкая группа преобразований по сравнению с той, которая лежала в основе максвелловской теории. Класси-

ческая электродинамика была инвариантна только относительно трехмерной евклидовой группы и «не работала» при переходе от одной инерциальной системы к другой. Релятивистская электродинамика постулировала равноправие всех инерциальных систем отсчета и вследствие этого стала инвариантной относительно более широкой группы преобразований Г. Лоренца.

Подобная картина наблюдения и при переходе от классической механики к теории тяготения А. Эйнштейна и квантовой механике. Так, появление последней было связано с расширением группы канонических преобразований за счет включения в основы данной теории группы унитарных преобразований. Общая теория относительности при помощи одного фундаментального постулата об эквивалентности полей гравитации и ускорения ликвидировала присущий классической теории недостаток, связанный с признанием преимущественной системы отсчета. Одновременно в основу логической схемы была положена и более широкая группа преобразований, увеличившая степень общности теории.

Заметная экономия логических основ и расширение сферы их действия произошли при переходе от классического рефлекторного учения к физиологии активности. Это направление физиологии высшей нервной деятельности, исходя всего лишь из одного предположения об обусловленности любого поведенческого акта обобщенно-предваряющей моделью конечного результата реакции или моделью потребного организму будущего, закодированной в генетических структурах организма, позволяет теоретически объяснить все аспекты приспособительного поведения, легко устраняет трудности классической рефлекторной теории.

Семиотическая простота, которая измеряется количеством и степенью общности независимых допущений, успешно демонстрирует свои эвристические возможности и в современной науке. В частности, важным шагом на пути возможного синтеза существующих физических теорий явилось создание обобщенной

модели электромагнитного и слабого взаимодействия, сформулированной в 60-х годах XX века Ш. Глэшоу, С. Вайнбергом и А. Саламом. Это позволило объяснить электромагнитное и слабое взаимодействие с единой точки зрения и свести все многообразие элементарных частиц к двум видам: лептонам и кваркам. Сегодня предпринимаются достаточно успешные попытки включить в разработанную теоретическую схему и сильное взаимодействие. Более того, физики приблизились к объединению всех четырех известных типов взаимодействия (электромагнитного, гравитационного, сильного и слабого) на базе идеи супергравитации. В итоге появляется возможность связать два больших класса элементарных частиц – фермионов и бозонов. Заслуживает также внимания унификация физического знания, связанная с т.н. «струнным» подходом. Предложенная в 1985 году Дж. Шварцем и

М. Грином идея о представлении элементарных частиц в виде особых протяженных сущностей – струн расценивается многими физиками как перспективное направление по конструированию «теории всего» [11]. Не исключено, что в случае удачного синтеза фундаментальных взаимодействий в природе наука сможет приблизиться к пониманию интимных механизмов работы головного мозга

(Р. Пенроуз и др.). А это сделает научное знание еще более единым.

Тот факт, что тонкие явления микромира можно математически моделировать с помощью колебаний обыкновенной струны (предпринимаются попытки «струнный» подход заменить еще более совершенным – «мембранным»), является подтверждением единства природы. Она, действительно, «не множит сущности без необходимости» (У. Оккам) и стремится перенести найденные путем проб и ошибок оптимальные формы системной организации из одного структурного уровня материи в другой. В синергетике это именуется принципом фрактальности [12].

Концептуальное упрощение современного теоретического знания сопряжено с дальнейшим возрастанием его психологической и синтаксической сложности. Чем фундаментальнее становятся базовые принципы науки, тем большее количество эмпирических фактов и частных теоретических структур попадает в сферу их описательных и объяснительных компетенций. В связи с этим путь от смыслового ядра до теоретических и, тем более, опытно-экспериментальных «окраин» становится, по выражению А. Эйнштейна, «длиннее и извилистее», а математический аппарат все более громоздким и изощренным. Такова гибкая диалектика взаимосвязи семиотической простоты и сложности в развивающемся научном познании: упрощение знания в одном отношении приводит к его усложнению в другом. Поэтому каждый из приведенных в начале статьи афоризмов о связи простоты и истины имеет свое методологическое обоснование.

Заключение. Стремление к получению простого знания всегда было и остается сегодня важнейшим стратегическим направлением развития науки. В классической науке все разновидности семиотической простоты более или менее успешно справлялись не только с прагматическими, но и эвристическими функциями. Эмпирическое и теоретическое освоение современным научным познанием новых уровней организации материи привело к тому, что лишь один аспект простоты знания – концептуальный – может являться методологическим регулятивом научного поиска. Опора при теоретическом обобщении эмпирического материала и синтезе частных теорий на экономные допущения широкого радиуса действия помогает конструировать правдоподобные системы научного знания. Принцип простоты в его концептуальном измерении можно расценить как своеобразное «селективное сито», которое дает возможность выбирать из множества конкурирующих гипотетических воззрений наиболее перспективное. Насколько такой выбор будет удачным, способны показать лишь дальнейшие экс-

периментальные и теоретические изыскания.

Литература

1. Мамчур, Е.А. Идеалы единства и простоты в современном познании / Е.А. Мамчур // Вопросы философии. – 2003. – № 12. – С. 100–112.
2. Поликаров, А. Относительность и кванты / А. Поликаров. – М.: Наука, 1966. – С. 479.
3. Слемнев, М.А. Простое и сложное в природе и познании / М.А. Слемнев. – Минск: Наука и техника, 1976. – 144 с.
4. Декарт, Р. Рассуждение о методе // Р. Декарт / Избранные произведения. – М.: Наука, 1950. – С. 127.
5. Эйнштейн, А. Физика и реальность / А. Эйнштейн. – М.: Наука, 1965. – С. 64.
6. Рассел, Б. Человеческое познание. Его сферы и границы / Б. Рассел. – М.: Наука, 1957. – С. 512.
7. Аршинов, В.Н. Синергетика конвергирует со сложностью / В.Н. Аршинов // Вопросы философии. – 2011. – № 4. – С. 73–84.
8. Костюк, В.Н. Роль принципа простоты в естественнонаучных теориях / В.Н. Костюк // Вопросы философии. – 1964. – № 5. – С. 76–84.
9. Фейнман, Р. Характер физических законов / Р. Фейнман. – М.: Мир, 1968. – С. 34.
10. Максвелл, Дж. Статьи и речи / Дж. Максвелл. – М.: Наука, 1968. – С. 174.
11. Бринк, Л. Принципы теории струн / Л. Бринк, М. Энно. – М.: Мир, 1991. – 296 с.
12. Синергетике 30 лет. Интервью с профессором Г. Хакеном // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 53–61.

Поступила в редакцию 21.05.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.3-3.09

Іншанацыянальная рэчаіснасць у творчасці сучасных беларускіх празаікаў

Бароўка В.Ю.

*Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск*

У артыкуле даследуецца мастацкае асэнсаванне іншанацыянальнай рэчаіснасці ў сучаснай беларускай прозе на матэрыяле рамана “Уліс з Прускі” У. Гніламёдава і апавесці “Каменданцкі час для ластвак” А. Брава. Сцвярджаецца, што ўзнаўленне іншанацыянальных рэалій і характараў галоўным чынам дэтэрмінуецца пісьменніцкай індывідуальнасцю. Адзначаецца: паказ іншанацыянальнай рэчаіснасці грунтуецца на шырокім выкарыстанні мастацкага этнаграфізму. Заўважаецца, што сучасныя аўтары аддаюць перавагу выкарыстанню асіметрычнага этнатопу, а кампазіцыя твораў асноўваецца на пастаянным супастаўленні “свайго” і “чужога”. Робіцца вывад: адлюстраванне “чужога” падначальваецца не толькі выяўленню этнаментальнага, але і асэнсаванню анталогічнай праблематыкі і акцэнтацыі сувязі нацыянальнага і агульначалавечага.

Ключавыя словы: беларуская проза, імагалогія, этнатоп, жанр, кампазіцыя, праблематыка.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 119–125)

The validity of foreign nationalities reality in the works of modern Belarusian writers

Barouka V.Yu

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

In the article art conceptualization of foreign national reality in Belarusian modern prose is under investigation on the basis on the novel “Ulysses from Pruska” by U. Gnilomedov and the novel “The curfew for Swallows” by A. Bravo. It is emphasized, that the image of other nationalities and realities of the characters is determined by the writer’s individuality. It is stressed that illustration of foreign national reality is based on the extensive use of art ethnographism. It is noted, that modern authors prefer to use asymmetric ethnotop, that the composition of works is based on the constant comparison of “one’s own and others”. It is concluded, that the image of “other” is not subjected to finding out the ethnomental but to understanding ontological perspective and accenting the link between the national and the universal.

Key words: Belarusian prose, imagology, ethnotop, genre, composition, problem area.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 119–125)

В а ўмовах інтэнсіўных глабалізацыйных рухаў адным з перспектыўных напрамкаў літаратуразнаўчых даследаванняў становіцца вывучэнне дынамікі, прыёмаў і сродкаў рэпрэзентацыі іншанацыянальнай рэчаіснасці ў слоўным мастацтве. Сведчанне таму – працы заходніх вучоных другой паловы XX стагоддзя, найперш нямецкіх, чэшскіх і славацкіх, а таксама сучасных расійскіх

літаратуразнаўцаў. Такого роду даследаванні дазваляюць больш паглыблена выявіць тыпалагічныя асаблівасці і спецыфіку эстэтычнай ідэнтыфікацыі канкрэтнай нацыянальнай літаратуры, акцэнтаваць увагу на значнасці камунікатыўнага плана літаратурных твораў. Асэнсаванне праблем імагалогіі ў айчынным літаратуразнаўстве пакуль яшчэ знаходзіцца ў працэсе станаўлення.

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: dvkessibar@mail.ru – В.Ю. Бароўка

Мэта дадзенай работы – выяўленне накіраванасці, прыёмаў і сродкаў мастацкага ўвасаблення іншанацыянальнай рэчаіснасці ў творчасці беларускіх празаікаў пачатку XXI стагоддзя.

Матэрыял і метады. Аб'ектам даследавання ў артыкуле сталі раман “Уліс з Прускі” Уладзіміра Гніламёдава і аповесць “Каменданцкі час для ластавак” Алены Брава як найбольш рэпрэзентацыйныя з пункту гледжання ўвасаблення іншанацыянальнай рэчаіснасці ў творы. Абодва яны заснаваны на своеасаблівым дакументальным матэрыяле (галоўныя героі іх маюць рэальных прататыпаў), на мастацкім абагульненні жыццёвых фактаў. Асноўнымі для навуковага аналізу абраны прыёмы канкрэтна-гістарычнага, фена-меналагічнага, структурна-тыпалагічнага і дэскрыптыўнага метадаў, якія дазваляюць усебакова ахарактарызаваць літаратурныя творы.

Вынікі і іх абмеркаванне. Тэматычны дыяпазон сучаснай беларускай прозы дастаткова шырокі, у сферу эстэтычнага пазнання пісьменнікаў трапляюць не толькі беларускія, але і іншанацыянальныя рэаліі. Раман “Уліс з Прускі” У. Гніламёдава і аповесць “Каменданцкі час для ластавак” А. Брава – творы, у якіх расказваецца пра знаходжанне беларусаў у далёкім замежжы. Спасціжэнне “свайго” праз паказ “чужога” – распаўсюджаны прыём у мастацкай практыцы сусветнай літаратуры. У рускай класіцы XIX стагоддзя, напрыклад, характар рускага чалавека нярэдка адцяняўся нямецкім, англійскім ці французскім, радзей, як у рамане І.С. Тургенева “Напярэдадні”, – балгарскім. Традыцыі эстэтычнага асэнсавання іншанацыянальных рэалій і характараў у беларускай прозе закладваліся на пачатку XX стагоддзя ў творчасці Цёткі, Вацлава Ластоўскага, Максіма Гарэцкага. Асваенне іншанацыянальнага свету беларускімі аўтарамі мінулага стагоддзя ўяўляла сабой не лінейны, а дыскрэтны працэс.

Цікавасць да ўвасаблення іншанацыянальных рэалій, як правіла, узростала ў так званыя пераходныя перыяды (на пачатку стагоддзя, у 1920-я гады, у канцы 1950 – пачатку 1960-х гг., у канцы мінулага стагоддзя). Сацыякультурная сітуацыя пачатку трэцяга тысячагоддзя спрыяе далейшаму эстэтычнаму асваенню беларускімі аўтарамі іншанацыянальных рэалій.

Сюжэт абодвух твораў пабудаваны на матывах падарожжа і вяртання на радзіму. Асаблівасці абранага пісьменнікам жанру істотна ўплываюць на рэпрэзентацыю іншанацыянальных рэалій. “Уліс з Прускі” У. Гніламёдава – раман. Назва твора ўтрымлівае ў сабе пэўны мастацкі код, указвае на творчую рэалізацыю матыву падарожжа, на наследаванне літаратурнай традыцыі, выпрацаванай яшчэ ў антычнасці. Жанр рамана абавязвае пісьменніка да шырокага ахопу рэчаіснасці, шматтэмнасці, шматсюжэтнасці. “Каменданцкі час для ластавак” А. Брава – аповесць, у назве якой закладзены аксюмаран. Аповесць як жанр патрабуе апісальнасці, адной разгалінаванай сюжэтнай лініі. Героі абодвух твораў – маладыя беларусы, якія ў пошуках долі і шчасця апынуліся за акіянам: гніламёдаўскі Лявон Кужаль – у Злучаных Штатах на пачатку XX стагоддзя, а Алеся ў Алены Брава – на Кубе ў канцы мінулага стагоддзя. Алеся з больш матэрыяльна ўладкаванага жыцця трапляе ў менш матэрыяльна ўладкаванае, а Лявон – наадварот.

Мастацкае асваенне іншанацыянальных рэалій у літаратуры – працэс складаны. Вядомы навукоўца Ю.М. Лотман адносна гэтага працэсу заўважыў, што культура ўласнымі намаганнямі стварае “носьбіта іншай свядомасці, які інакш кадыруе свет і тэксты. Гэты ствараемы ў нетрах культуры – у асноўным па кантрасце з ўласнымі дамінантнымі кодамі – вобраз экстэрыярызуецца і праецыруецца на ўсё яе прылягаючыя

светы” [1, с. 117], аднак разам з тым, “каб мець зносіны са знешняй культурай, культура павінна інтэрыярызаваць яе вобраз у свой унутраны свет” [1, с. 117]. Такі працэс непазбежна складаны, супярэчлівы, таму што “ўнутраны вобраз знешняй культуры валодае мовай зносін з культурным светам”, у які гэты вобраз уключаны, гэта таксама “звязана са стратамі пэўных і часта найбольш каштоўных як стымулятары якасцей аб’екта, што канструюецца” [1, с. 117]. Феномен прадстаўленых пісьменнікамі іншана-цыянальных рэалій абумоўлены складанасцю спасцігаемых з’яў, канцэптуальнасцю мастацкага адлюстравання.

Раман “Уліс з Прускі” мае дынамічны сюжэт, герой твора – дзейсны малады чалавек, які ў пошуках працы перамяшчаецца па тэрыторыі Амерыкі. Лявон з’явіўся за акіянам у няпросты час: “Крызіс 1907 года ў Амерыцы ўзмацніў беспрацоўе і голад” [2, с. 228]. Сюжэтная лінія дапамагла пісьменніку паказаць розныя куткі чужой краіны, пазнаёміць з нормама і звычкамі гараджан і вяскоўцаў, рабочых і фермераў. Вясковага хлопца Лявона Кужаля і яго спадарожнікаў-беларусаў уразілі Нью-Йорк, статуя Свабоды. Першая сустрэча была эмацыянальна ўзрушанай: “Нью-Йорк, па меры набліжэння, рос, шырыўся на вачах, прамавугольнікі ператвараліся ў высотныя хмарачосы. Увайшлі ў порт, які здзіўляў мітуснёю і няўрымслівасцю сваіх працоўных рытмаў: вылі сірэны, грывелі якарныя ланцугі, сюды-туды снавалі катэры” [2, с. 222]. Беларускіх хлопцаў з глыбінкі спачатку знешне ўразілі амерыканцы: “Абліччы людзей, якія траплялі ім насустрач, дыхалі энергіяй і бадзёрасцю” [2, с. 225]; “Прускаўцы пачувалі сябе так, нібы трапілі ў нейкія вялікія жорны, і ходу назад няма” [2, с. 225]. Рытм замежнага гарадскога жыцця істотна розніўся ад рытму ранейшага існавання герояў: “Жыццё на нью-йоркскіх вуліцах віравала і пенілася. Крычалі прадаўцы газет. Праносіліся аўтамабілі. Паўсюль

валялася шмат рознага смецця. Там-сям проста на тротуары сядзелі негры са шчоткамі ў руках. Размахваючы гэтымі шчоткамі, яны прапаноўвалі праходжым свае паслугі – пачысціць чаравікі” [2, с. 226]. Амерыка нагадвала Лявону, прататыпам якога быў дзед пісьменніка, вялікі плавільны кацёл: “Параўноўваў жыццё на радзіме з жыццём у Амерыцы. Вялікая розніца. Амерыка здзіўляла, скаланула душу. Народу – процьма! Сустрэнеш – каго хочаш: англічан, немцаў, грэкаў, туркаў, палякаў, рускіх, галандцаў, італьянцаў... Асабліва шмат ірландцаў. Жыццё не спыняецца ні ў дзень, ні ў ночы – бурліць і бурліць. На сценах і дахах дамоў зырка гараць літары электрычных рэклам, нагадваючы тыя гіганцкія вогненыя надпісы, што з’явіліся перад біблейскім Валтасарам” [2, с. 315].

На чужыне Лявон вымушаны быў засвойваць новыя правілы паводзін, адно з іх – заўсёды ўсміхацца, нават калі на душы зусім нявесела, бо “тут і сапраўды больш за ўсё цанілі вясёлы нораў і незалежнасць” [2, с. 228]. Другое правіла заключалася ў тым, што чалавек павінен знешне добра выглядаць. Першая праца ў Лявона – мыццё вокнаў, да якой ён паставіўся непрыязна, бо на радзіме гэта – жаночая справа: “Гарадская праца супраць ранейшай, прускаўскай <...>, здавалася вельмі нязвыклай, нават дзіўнай” [2, с. 232]. Потым Лявон стаў у Нью-Йорку ліфцёрам, апальшчыкам у кацельнай і адзначыў для сябе, што амерыканцы з павагай адносяцца да стомленага працаўчальніка: “у электрычцы, калі вяртаўся з работы, яму амаль заўсёды саступалі месца, нават прыязна ўсміхаючыся” [2, с. 239]. Вясковец Лявон хацеў пазнаёміцца з жыццём фермераў, праз біржу ён трапіў у штат Ілінойс. Аўтар як бы паміж іншым заўважыў: “Сярэдні Запад – ураджайная зямля. Прастора для фермерства. Карэннае насельніцтва адступіла пад націскам прышлых, якія засялялі і абжывалі тэрыторыі гэтага краю. Прабіваючыся на захад, яны асвойвалі цаліну, аралі

плугамі прэрыі, будавалі жыллё. Слабыя выбывалі са строю, не вытрымліваючы суровых умоў жыцця, неўраджаяў, непасільнай працы. Тыя, хто выжываў, заставаўся, былі моцным, учэпістым людзям, здольным пастаяць за сябе ў любых жыццёвых акалічнасцях” [2, с. 248]. Гаспадаром фермы аказаўся ўкраінец Грынё Бузук. Гэты чалавек яшчэ памятаў свае “карані”, але ўжо адчуваў сябе сапраўдным амерыканцам, з гонарам гаварыў: “Мы, амерыканцы, не любім хадзіць у статку. Кожны – асобна” [2, с. 253]. У апісанні нораваў амерыканцаў, як карэнных, так і прыездных, апавядальнікам з латэнтнай дыдактычнасцю акцэнтавалася іх імкненне да свабоды. Жыццё правінцыйнай Амерыкі было больш спакойным, у Ілінойсе Лявон са здзіўленнем адзначыў, што “царква з’яўлялася тут асяродкам не толькі рэлігійнага, але і свецкага, а таксама сямейнага жыцця, і гэтым адрознівалася ад прускаўскай, якая да свецкага, тым больш сямейнага ўзроўню не апускалася” [2, с. 269].

Лёс пастаянна выпрабоўваў характар Лявона на трываласць, асабліва тады, калі герой стаў рыбацкім на Вялікіх Азёрах, працаваў у ліцейным цаху на заводзе Форда. У Дэтройце Лявон зразумеў, што эмігрант – чалавек другога гатунку, бо за “пякельную” працу яму плацілі намнога менш, чым карэннаму амерыканцу. Знаходжанне ў Амерыцы для Кужалы – адкрыццё іншага свету: тэхнікі, забаў (у творы падрабязна апісваецца Коні-Айленд – Востраў Забаў у Нью-Йорку, згадваецца пра наведванне кінатэатра) і знясільваючай працы дзеля таго, каб выжыць, каб дасягнуць матэрыяльнага дабрабыту. Параўнанне бытавых умоў існавання беларусаў і амерыканцаў на пачатку мінулага стагоддзя прыводзіла да вываду пра тое, што прастор для асабістай ініцыятывы чалавека ідзе на карысць грамадству. Аднак апавядальнік і герой не ідэалізавалі Амерыку. Пра гэта сведчыць паказ узаемаадносін паміж белымі і чорнымі

насельнікамі краіны, трагічная гісторыя негра Букера Вашынгтона, лёс некаторых эмігрантаў. Лявон і яго землякі падсвядома параўноўвалі амерыканскі свет са сваім, прускаўскім. Ва ўспрыманні Лявона Амерыка – краіна вялікіх магчымасцей, але дасягненне іх патрабуе ад чалавека вялікіх фізічных і маральных высілкаў. Жаданне амерыканцаў любой цаной ва ўсім быць першымі і лепшымі не зусім адпавядала этычнаму кодэксу маладога беларуса. Праблемы сэнсу жыцця, свабоды і яе меж раскрываліся праз увасабленне амерыканскіх рэалій і лёсу эмігрантаў. Патрыятычна-настальгічныя матывы ў рамане адцянялі імкненне нашых суайчыннікаў стаць упоравень з іншымі народамі свету. Знаходжанне на чужыне – своеасаблівая ініцыяцыя героя. Лявон вяртаецца на радзіму пасталелым чалавекам: “Розныя моманты давялося перажыць, нават і вельмі цяжкія, усяго паспытаць, але, можа самае галоўнае – яму ўдалося глыгнуць і адчуць смак свабоды” [2, с. 280]. Паказ іншанацыянальных рэалій у рамане “Уліс з Прускі” падначальваўся ідэі пра ўзаемасувязь агульначалавечага і нацыянальнага.

Раман У. Гніламёдава напоўнены этнаграфічна-бытавымі падрабязнасцямі, лаканічнымі гістарычнымі каментарыямі. Бытавыя падрабязнасці ў рамане падаюцца вачамі беларусаў-эмігрантаў, а гістарычны фон – звычайна самім апавядальнікам. Дзеля тыпізацыі абставін аўтар матывавана уводзіў англіцызмы. Мастацкі этнаграфізм у рамане стаў важным сродкам эстэтычнай рэпрэзентацыі іншанацыянальных рэалій.

Адметнасць арганізацыі апавяду ў творы А. Брава, падзеі якога прымеркаваны да канца 1980 – пачатку 1990-х гадоў, заключаецца ў тым, што гераіня-апавядальнік Алеся ўспамінае пра сваё непрацяглае знаходжанне на Кубе. Суб’ектывізацыя аўтарам працэсу расказвання актывізуе чытацкае ўспрыманне твора, артыкулюе індывідуальна-апавядальніцкае

бачанне падзей і з'яў. Маладая беларуская жанчына пастаянна, нават міма ўласнай волі, параўноўвае свае і кубінскія рэаліі. Дом, у якім Алеся жыла на Кубе, нагадваў ластаўчына гняздо (“лепіцца дахам да балкона іншага будынка, а з усіх трох бакоў заціснуты паміж мужчынскай цырульняй, фотасалонам ды нейкім складам” [3, с. 7–8]) і правакаваў успаміны пра Беларусь: “На маёй радзіме прастору крояць размахыста і някупа, з велічэзнымі прыпускамі на швы, а будынку не налязяць адзін на другі, нібы дэкарацыі з пап’е-машэ ў правінцыйным тэатры” [3, с. 8–9]. Парадаксяльнасць суадносін быту і быцця – важная лінія асэнсавання іншанацыянальнага свету і характараў у гэтай аповесці. Атачэнне гераіні, асобы рэфлектыўнай, але творчай, інтэлектуальна развітай, абмежавана галоўным чынам сям’ёй і сяброўкамі па долі. Адчуванне жыццёвага тупіка прымушае Алеся пераацаніць ранейшыя уяўленні пра жыццё на радзіме. З іроніяй Алеся ўспамінае: “Тады, у васьмідзесятыя, мы мелі звычку, досыць беспадстаўную, як высветлілася, кідаль, не задумваючыся: “У нашых крамах нічога няма”, – нам і прымроіцца не магло, што ёсць краіна, дзе гэтую метафару трэба разумець літаральна. Ну, хіба можна назваць крамай месца, дзе пасярод мармуровага (а то ж! Тыя, хто будаваў на пачатку стагоддзя, разлічвалі на іншае) прылаўка, быццам тая біблейская авечка, што адбілася ад статка, самотна пасвілася талерка з брутальнае гліны ды на драцяных “плечыках” боўталася нейкая адзежына? Урэшце, прадуктовыя крамы ўражвалі яшчэ мацней: на паліцах стаялі – па картках дзецям! – адно бляшанкі савецкай згущонкі. Прадаўшчыцы спакойна спалі, уладкаваўшыся ў куточку: скрасці ўсё роўна не было чаго. Па любую драбязу – ад шнуркоў да пялюшак – адразу выстройваліся кіламетровыя чэргі” [3, с. 14]. На Кубе яна ніяк не магла зразумець, “чаму ў бананава-цукрова-кававым раі апельсіны атрымліваюць

толькі цяжкахворыя, кава і цукар – толькі па тархетах (прадуктовых картках. – В.Б.)” [3, с. 11].

Падрабязна ў аповесці паказваюцца паўсядзённыя клопаты жанчын з вострава Свабоды: “Феліпа ўваходзіць у дом са сваёй палатнянай сумкай, – з пяці гадзін штранку яна выпраўляецца ў прадуктовыя чэргі, інакш тут не прыдбаеш нават жменькі сухога гароху, з якога мы гатуем суп-чычара. Свякроўка аднак заўсёды выглядае вясёлай; нешта спяваючы, яна выкладае на стол наш тыднёвы мандада: прадукты і тавары першай неабходнасці, якія адпускаюцца па тархеце, гэта значыць, картцы (картка тут – асноўны дакумент, без яе проста аддасі Богу душу з голаду): адну лібру рысу, невялічкія пакункі з чорнай фасоліяй, пачак цыгарэт, трошкі цукру, трошкі кавы...” [3, с. 10]. Бытавыя праблемы ўспрымаюцца карэнным насельніцтвам як норма. Феліпа даводзіць нявестцы: “У цяжкі для Рэвалюцыі час трэба ўмець абыходзіцца найменшым. Ёсць у цябе сёння талерка рысу – добра, няма – таксама добра. Усё астатняе – мяса, масла, яйкі – гэта буржуазная раскоша. Камандантэ заклікае зацягнуць рамяні на апошнюю дзірку – і кожны кубінец павінен гэта зрабіць” [3, с. 27], бо “рэвалюцыянер павінен трымаць цяжкасці” [3, с. 27]. А цяжкасцей, сапраўды, многа. Алеся з абурэннем расказвала суайчынніцы: “Сёння Феліпа вымыла падлогу і, апаласнуўшы трохі таз, збіралася памыць у ім Карыну (унучку Феліпы. – В.Б.). Я залямантавала, дык яна з нейкім нават, ведаеш, гонарам адказала: “У маім доме таз усяго адзін!”. Ён сапраўды адзін, іржавы, з пазаклейванымі дзіркамі. Пытаюся: “Чаму новы не купіце?”. Аказваецца апошнія трыццаць гадоў, гэта значыць пасля перамогі іхняй рэвалюцыі, тазы ў продаж не паступалі” [3, с. 21]. Алеся ментальна не можа зразумець сувязь паміж бытам і светаадчуваннем кубінцаў: “Ніякіх

уцёкаў ад жыцця! Наадварот – суцэльная ад яго асалода. Іх цалкам задавальняе тое, што ёсць, яны нічога лепшага не жадаюць (“Вы, савецкія, хочаце жыць лепш, а гэта ганебна! – пяць балаў Феліпа!): не рамантуюць сваё жылло, не спрабуюць пазбавіцца ад пацукоў і прусакоў. Яны кладуцца спаць галоднымі, але вясёлымі. Яны не памятаюць мінулага, не баяцца будучага” [3, с. 35]. Як бы паміж іншым згадваецца гісторыя пра кубінку, што выйшла замуж за немца, але хутка развялася і вярнулася дадому, бо яе, свабодную жанчыну, муж у Германіі прымушаў мыць падлогу. Самае незразумелае для нашай суайчынніцы заключаецца ў тым, што градус патрыятычных пачуццяў кубінцаў “расце адваротна прапарцыянальна зніжэнню карткавых нормаў” [3, с. 11].

Алесю і многіх яе зямлячак, якія спадзяваліся на новым месцы знайсці шчасце, востраў Свабоды літаральна шакіраваў бытавой неўладкаванасцю, поўнай свабодай у сферы асабістых узаемаадносін паміж мужчынамі і жанчынамі і жорсткай запраграмаванасцю грамадскага жыцця. Гледзячы на акаляючы свет, апавядальніца з сумам канстатавала: “Свабода... Пэўна яе дамагаюцца дзеля адзінай мэты: адразу ж апынуцца ў палоне новай залежнасці” [3, с. 17]. Разам з тым апавядальніца адзначала аптымізм і жыццярэдаснасць кубінцаў, іх дружалюбнасць, бескарыслівасць. Яе прыемна ўразіла тое, што на Кубе не прынята адмаўляцца ад дзяцей, што там няма дамоў-малышовак, што там выдатная медыцына.

Калі пасля вяртання на Беларусь Алеся прачытала ў кубінскай газеце пра шыкоўныя курортныя мясціны на востраве, дзе можна добра адпачыць, то з сарказмам прыгадала анекдот пра жыхара рая, які адправіўся турыстам у пекла і ўбачыў там шчаслівых і вясёлых людзей, а пасля папрасіўся туды ў Бога

на пастаяннае месца жыхарства: “Не паспеў прыехаць, як чэрці яго пад пахі, і – на патэльнію. Мужчына той да Бога лямантаваць: як так, я ж зусім іншае бачыў. А Гасподзь яму ў адказ: турыстычнае падарожжа, даражэнькі, гэта адна справа, а эміграцыя – зусім іншая” [3, с. 90]. Знаходжанне за межамі радзімы дапамагло гераіні лепш зразумець сябе, сваіх суайчыннікаў, адчуць адказнасць за будучыню дачкі. Кампаратыўнае апісанне побыту, нораваў, звычак, светаадчування кубінцаў і беларусаў раскрывала, у аўтарскай інтэрпрэтацыі, нацыянальныя нюансы ў разуменні сэнсу жыцця, шчасця, свабоды.

Заклучэнне. Узнаўленне іншанацыянальных рэалій і характараў у творах сучаснай беларускай прозы галоўным чынам дэтэрмінуецца пісьменніцкай індывідуальнасцю. Іх паказ грунтуецца на шырокім выкарыстанні мастацкага этнаграфізму, сучасныя аўтары аддаюць перавагу выбару асіметрычнага этнатопу, у якасці кампазіцыйных прыёмаў ужываюць супастаўленне “свайго” і “чужога”, уключэнне іншамойнай лексікі, акцэнтуюць увагу на перадачы ментальнасці, камунікатыўных паводзін людзей. Адлюстраванне іншанацыянальнага свету ў творах сучаснай беларускай прозы падначальваецца не столькі выяўленню этнаментальнага, колькі асэнсаванню анталагічнай праблематыкі і артыкуляцыі сувязі нацыянальнага і агульначалавечага.

Літаратура

1. Лотман, Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. / Ю.М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992–1993. – Т. 1. – 1992. – 480 с.
2. Гніламёдаў, У. Уліс з Прускі: раман / У. Гніламёдаў. – Мінск: Маст. літ., 2006. – 382 с.
3. Брова, А. Каменданцкі час для ластавак: аповесці, апавяданні / А. Брова. – Мінск: Маст. літ., 2004. – 183 с.

Паступіў у рэдакцыю 9.02.2012 г.

Прыняты ў друк 25.06.2012 г.

УДК 81'33+375

Лингво-психологические основы конструктивного общения (содержание обучения)

Игнатович Т.В.

Белорусский государственный университет, Минск

Современное развитие общества требует от выпускника вуза овладения коммуникативной компетенцией, то есть навыками пользования речью в полной мере: уметь находить содержание для раскрытия общих и конкретных тем, строить высказывание в определенном жанре и стиле в соответствии с поставленной целью, выступать с монологической речью, вступать в диалог и, аргументированно обосновав свою позицию, добиваться взаимопонимания.

Необходимость определения, в первую очередь, содержания обучения студентов конструктивному речевому поведению (лингво-психологических основ) для решения профессиональных вопросов и отсутствие специальной системы такого обучения обусловили актуальность теоретического и практического осмысления проблемы профессионального диалога.

Цель данной статьи – очертить круг вопросов (языка, речи, психологии восприятия, психологии взаимоотношений), подлежащих освоению для формирования коммуникативной компетенции специалиста.

Ключевые слова: конструктивное общение, коммуникация, коммуникативная компетенция.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 126–135)

Linguistic and psychological bases of constructive communication (content of teaching)

Ignatovich T.V.

Belarusian State University, Minsk

The contemporary development of society demands that a university graduate should master communicative competence, namely, the skills of using speech to its full extent: the ability to find contents to reveal general and specific themes; to form a statement in a certain genre and style according to its goal; to prepare a monologue; to follow a dialogue, and to achieve mutual understanding upon proving one's own position with substantiated arguments.

The necessity to define, first of all, the contents of teaching students constructive speech behavior (linguistic and psychological bases) to solve professional matters and the absence of special system of such teaching resulted in the topicality of theoretical and practical reconsidering of the professional dialogue problem.

The purpose of this article is to outline a series of issues (language, speech, psychology of perception, psychology of interaction) that are subject to acquisition to form a professional's communicative competence.

Key words: constructive communication, communication, communicative competence.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 126–135)

Обращение к теме конструктивного общения вызвано необходимостью приближения подготовки студентов-гуманитариев к потребностям их будущей сферы деятельности и профессии. Современное развитие общества требует от выпускника вуза овладения коммуникативной

компетенцией, то есть навыком пользования речью в полной мере: уметь находить содержание для раскрытия общих и конкретных тем, строить высказывание в определенном жанре и стиле в соответствии с поставленной целью, выступать с монологической речью, вступать в диалог

Адрес для корреспонденции: e-mail: tavlig@mail.ru – Т.В. Игнатович

и, аргументированно обосновав свою позицию, добиваться взаимопонимания.

Интерес к диалогу вызван необходимостью решения теоретических и практических вопросов. В практической сфере проблемы диалога привлекают к себе внимание в областях обучения языкам (обучение общению на языке), вообще обучения (диалог – учитель/ученик), психотерапии (диалог – врач/пациент), технико-производственной сфере (диалог в отличных от повседневного общения условиях), а также в юриспруденции, политической сфере и др. Каждодневное общение происходит на базе коммуникативной компетенции человека, включающей знание тех языковых и коммуникативных условий, которые говорящие должны уметь воссоздавать для поддержания эффективной коммуникации.

Кроме того, развитие современной системы образования настоятельно требует пересмотреть привычные формы обучения, поскольку предметом изучения является не только язык, но и речь. Как указывает

Е.В. Коротаева, «...интерактивность (или открытость к общению) обретает в наши дни особое значение ..., поэтому умению строить интересный, конструктивный диалог надо учить» [1, с. 3].

Таким образом, необходимость определения, в первую очередь, содержания обучения студентов конструктивному речевому поведению (лингвопсихологических основ) для решения профессиональных вопросов и отсутствие специальной системы такого обучения обусловили актуальность теоретического и практического осмысления проблемы профессионального диалога.

Цель данной статьи – выявление круга вопросов и установление основного перечня умений и навыков, подлежащих освоению, для формирования коммуникативной компетенции специалиста.

Материал и методы. Материалом для исследования стали умения и навыки, необходимые для формирования коммуникативной компетенции студента. В работе использовались традиционные

общенаучные методы – наблюдение, эксперимент, обобщение и таксономия.

Результаты и их обсуждение. В разных сферах человеческой деятельности понятие **коммуникация** (общение) употребляется в многообразном спектре своих значений, среди которых значение «устное речевое общение человека» играет немаловажную роль, несмотря на развитие огромного количества технических средств общения. До изобретения книгопечатания устное речевое общение являлось преимущественной формой коммуникации, но, и утратив право на единственность, оно не потеряло своего места и значения в жизни людей.

Исследования ученых-психологов (Л.С. Выготского, Ж. Пиаже, Э. Блейера и др.) показали, что в человеческом сознании взаимосвязаны и взаимообусловлены два аспекта: **когнитивный** (интеллектуальный) – восприятие, понимание, рассуждение; **аффективный** (эмоциональный) – переживание жизненного смысла того, что связано с потребностями. Невозможно испытывать какие-либо чувства без минимального понимания, и наоборот.

В критических условиях при невозможности найти выход из опасной ситуации, чаще всего – неожиданной, у человека возникает **аффект**, острое эмоциональное состояние, при котором ему как бы навязываются определенные стереотипные действия, своеобразные «аварийные» поступки, нередко даже нежелательные для него, но «закрепившиеся в эволюции вида» [2, с. 97]. В ситуациях сильного психического напряжения деструктивный компонент поведения берет верх над конструктивным подходом – и достижение цели становится невозможным. Здесь и проявляется функция интеллекта – предвидеть последствия, которые могут возникнуть, если вовремя не обуздать эмоции. Объясняя это, Л.С. Выготский писал: «Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наши влечения и потребности,

наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция» [3, с. 287].

В общении, как и в любой другой человеческой деятельности, в той или иной мере соотносятся конструктивный и деструктивный компоненты. Под **конструктивным** компонентом в психологии понимается *созидательное творческое начало, проявляющееся в возникновении чего-либо нового, обладающего признаком или группой признаков, ради которых оно было создано*, под **деструктивным** – *разрушение, нарушение нормальной структуры чего-либо*. В первой ситуации волевое усилие побеждает возникшую аффективную тенденцию, во втором случае – эмоции превалируют.

Польский психолог Ежи Мелибрда выделяет две основные ценности, на которых строятся хорошие контакты: *личностная автономия* (право на своеобразие, на самостоятельность в выборе своей судьбы) и *чувство общности* (дружеское общение, совместная жизнь и работа автономных личностей, которые преследуют общие цели, ищут пути к их достижению). «Когда обе эти ценности реализуются, это значит, что автономность и развитие личности достигаются не за счет других людей или в изоляции от них и что осуществление общих целей происходит не ценой утраты индивидуальности и свободы отдельных людей» [4, с. 109].

Согласовывать мысли и эмоции помогает соблюдение некоторых речевых правил координирования поведения собеседников. Первая попытка определения норм эффективного коммуникативного поведения была предпринята еще Аристотелем. В главе «О стиле» трактата

«Риторика» он выделяет достоинства стиля, определяющие его эффективность: **ясность, важность, правдивость**. Развернутый и систематический опыт формулирования правил (постулатов, максим, принципов) коммуникации принадлежит Г.П. Грайсу [5]. Сформулированный им принцип, названный «**принципом кооперации**», заключается в требовании **делать вклад в речевое общение соответствующим принятой цели и направлению разговора** (до Грайса попытки сформулировать подобные правила предпринимал П. Ноуэлл Смит). «Сам принцип сотрудничества проявляется и как стремление к «кооперативности» со стороны говорящего, и как предположение о таком стремлении говорящего, проявленное в интерпретации, получаемой адресатом» [6, с. 33].

Вслед за И. Кантом, Грайс вычленяет категории (максимы), реализующие названный принцип (так называемые максимы разговора): максима количества (полноты) информации; максима качества информации; максима отношения (релевантности); максима способа (манеры) выражения.

Каждая категория проявляется в виде коммуникативных постулатов.

Как видим, категории Грайса регулируют объем, содержание, уместность, ясность сообщаемой информации. «Общее правило коммуникации с учетом условий и ролей может быть сформулировано так: чем менее знакомы друг с другом коммуниканты и чем более официальной является обстановка общения, тем более ритуализованный характер приобретает это общение», – поясняет В.В. Богданов [6, с. 45].

Максимы	Постулаты
Полноты информации	Твое высказывание не должно содержать ни больше, ни меньше информации, чем требуется для текущих целей диалога
Качества информации	Старайся, чтобы твое высказывание было истинным: не говори того, что ты считаешь ложным; не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований
Релевантности	Не отклоняйся от темы
Манеры выра-	Выражайся ясно: избегай непонятных выражений и неоднознач-

жения	ности, будь краток и организован
-------	----------------------------------

Максимы	Постулаты
Такта	Соблюдай интересы другого! Не нарушай границ его личной сферы!
Великодушия	Не затрудняй других!
Одобрения	Не хули других!
Скромности	Отстраняй от себя похвалы!
Согласия	Избегай возражений!
Симпатии	Высказывай благожелательность!

Общение может совершаться способом прямой передачи смысла или способом имплицатур. Подтекстовый смысл, который слушатель или читатель извлекает из намеренного и не всегда намеренного нарушения того или иного постулата, Грайс предложил назвать термином «имплицатура». Сообщая адресату информацию на уровне имплицатуры, говорящий дает ему знать, что доверяет его догадливости, т.е. его способности расшифровать подтекст и должным образом на него отреагировать. Этим поднимает коммуникативный статус адресата. Общение на уровне имплицатур – более престижный вид вербальной коммуникации.

Соблюдение названных рекомендаций обеспечивает коммуникативную правильность речи, которая с точки зрения общения является более существенной, чем языковая правильность, т.е. правильность структур, структурных предсказаний. Под коммуникативной правильностью понимают соответствие правилам ведения разговора. Еще одна закономерность, не названная Г.П. Грайсом, но подмеченная

«Наши высказывания становятся понятнее партнеру, если мы берем на себя ответственность за то, что говорим. Субъективные представления в безличной форме создают видимость объективности и выражают ригористичность», – пишет по этому поводу Е. Мелибруда [4, с. 151]. В.В. Богданов так комментирует эту ситуацию в отношении постулата качества: «Если говорящий не уверен в достоверности сообщаемой информации, он, для того чтобы у партнера не сложи-

Г.Г. Почепцовым (мл.), – **этикетизация высказываний**, характерная для оптимальной коммуникации. Автор определяет этикетизацию коммуникации как *«расхождение между коммуникативной и денотативной истиной, причем выбирается та коммуникативная истина, которая более приятна для собеседника»* [7, с. 5]. Этикетизация нормирует речевое общение. Чем более отдалены друг от друга общающиеся, тем необходимее становится выполнение этикетных правил общения.

Не менее важным принципом, регулирующим отношения между партнерами по общению, является **принцип вежливости** (который реализуют, по Грайсу, так называемые «неконверсационные» максимы, представляющие фоновые правила общестественно-значимого действия). Безраздельную принадлежность данного принципа речевому этикету подчеркивает Дж. Лич.

Максимы вежливости легко вступают в конфликт между собой, что может привести к прагматическим парадоксам. Их особенность состоит в том, что не только их нарушение, но и их усердное соблюдение вызывает дискомфорт.

лось впечатление, будто он его обманывает, прибегает к средствам снижения категоричности, то есть использует эпистемические выражения типа «насколько мне известно», «если я не ошибаюсь», «кажется», «вероятно», «возможно», «по-видимому» и пр.».

Принципы речевого общения, сформулированные Г.П. Грайсом, понятны, но применение их на практике осложняется неоднозначностью трактовки: нет единых и четких критериев для опреде-

ления параметров важности информации, ее истинности. Поэтому известный американский социалингвист прагматического направления Робин Лакофф попыталась преобразовать формулировки постулатов с позиций учета говорящим воздействия своей речи на слушающего [8].

Правила Р. Лакофф определяют лингвистические основы речевого такта.

На основе максим и постулатов кооперативного и вежливого общения сформулированы психологические принципы общения, которые определяют общие нормы поведения говорящих и зависят от цели деятельности. Они распространяются на речевую деятельность говорящих, которые преследуют такие цели, как:

а) поиск истины; б) убеждение в своей правоте собеседника; в) побуждение к действию.

Выделено три таких принципа: 1) **принцип равной безопасности**; 2) **принцип децентрической направленности**; 3) **принцип адекватности (соответствия) того, что воспринято, тому, что сказано**.

Каждый из принципов учитывает определенные психические характеристики личности. Принцип равной безопасности (Не причиняй ущерба собеседнику!)

относится к чувству собственного достоинства и предполагает запрет на оскорбительные выпады и, напротив, уважение противника. Мы не всегда понимаем, насколько наше поведение обусловлено стремлением защитить чувство собственного достоинства, мы не всегда в состоянии развести в общении человека и его позицию. Принцип и предполагает презумпцию невиновности личности при неправильности или ошибочности взглядов.

Правило	Практическая реализация правила
Не навязывайся	Чем более категорично говорящий формулирует свое мнение, тем менее склонен согласиться с ним слушатель. Для снятия лишней категоричности используется специальная система риторических средств: вопрос в роли утверждения, вводные конструкции и др.
Выслушай собеседника	Любое общение возможно только тогда, когда говорящий и слушающий имеют общий информационный запас, для определения которого нужно научиться организовывать обратную связь между говорящим и слушающим
Будь дружелюбен	Расположение слушателя быстрее всего завоевывается активной демонстрацией искреннего отношения к нему

Принцип децентрической направленности (Не причиняй ущерба делу!) призван обезопасить от проявлений деструкций, возникающих по разным причинам: в силу повышенного эгоцентризма – стремления к соблюдению личных интересов, неумения «видеть» позицию противника, ее сильные и слабые стороны, понять мотивы поведения и психическое состояние собеседника; в силу личностных особенностей собеседника(-ов) – нетерпимости к чужому мнению, уверенности в собственной непогрешимости; в силу чрезмерного преобладания критической способности ума над творческой.

Человек с децентрической направленностью отчетливо видит, что успешное общение зависит и от умения мыслить альтернативно. Принцип адекватности (Не причиняй ущерба мысли намеренным или ненамеренным искажением ее смысла!) обеспечивает точность восприятия информации партнерами по диалогу. Принцип предполагает объединение усилий передающего (говорящего, пишущего) и воспринимающего (слушающего, читающего). По мнению психолога К.Г. Павловой, наибольшей помехой для точного восприятия информации является смысловой барьер – «несовпадение

воспринятого с тем, что было услышано или прочитано».

Для говорящего он проявляется в переоценке или недооценке способностей к восприятию собеседника, для слушающего – в неумении «слушать».

Широко известны так называемые **правила убеждения**, которые в свое время активно пропагандировал Д. Карнеги. Стремясь предложить скорее «нечто вроде идеального кодекса социального поведения», он сформулировал правила фоновые: «проявляйте уважение к мнениям других, никогда не говорите оппоненту, что он не прав»; «попытайтесь увидеть вещи глазами оппонента»; «проявляйте симпатию по отношению к его мыслям и интересам»; «пытаясь изменить его мнение, старайтесь апеллировать к благородным мотивам» – и тактические: «если в каком-то эпизоде общения вы почувствовали нелогичность собственного высказывания или его противоречие фактам (не отменяющие основного защищаемого тезиса), признайте это как можно более энергично, пока инициативу не занял оппонент»; «начинайте спор дружелюбно»; «избегайте того, чтобы оппонент мог сказать «нет», – стройте цепь аргументации так, чтобы он всегда был вынужден говорить «да»; «пусть оппонент говорит основное время (не мешайте ему высказаться – так он скорее обнаружит свое заблуждение)»; «пусть он думает в результате обсуждения, что навязываемая ему идея – его собственная»; «если вам известен какой-то самый сильный аргумент, с которым оппонент не может не согласиться, то постарайтесь предъявить его как можно позже (или вообще постарайтесь его не называть: лучше если оппонент сам на него натолкнется)»; «излагайте свои мысли не только наглядным образом, но и так, чтобы соответствовать настроениям собеседника»; «если вы хотите привлечь на свою сторону человека остроумного, предоставьте ему возможность продемонстрировать свое остроумие» [8].

Е. Мелибруда считает, что конструк-

тивно вести себя в отношениях с другим человеку мешает ограничение или сокрытие своих чувств. Об этом свидетельствует опосредованная, неявная форма передачи чувств: 1) риторические вопросы (Как можно этого не замечать?) свидетельствуют о возмущении, раздражении, досаде, о желании привлечь собеседника к своим чувствам; 2) приказы, запреты (Не нужно мне без конца напоминать.) свидетельствуют о стремлении ограничить действия других, способные вызвать определенные переживания; 3) ругань и проклятия (Черт побери!) дают возможность освободиться от гнева и злости; 4) выговоры и претензии (Впредь прошу об этом не забывать!) позволяют отреагировать на чувства, которые не удалось выразить раньше.

Все эти и другие способы эмоциональной экспрессии не ведут к изменению поведения другого человека, вызвавшего у нас эти ощущения, а словесно ранят и наказывают его. В качестве средства, снимающего подобную речевую агрессивность, Е. Мелибруда советует «обозначать возможные действия, к которым побуждают переживаемые чувства» [4, с. 170–171], например, «Я хотел бы подарить тебе самые лучшие цветы на свете», «Мне хочется быть обыкновенной домохозяйкой» и др. Такая форма эмоциональной экспрессии открывает перед человеком различные возможности информировать окружающих людей о своих чувствах, но эти высказывания не являются обещаниями совершить какие-то конкретные действия.

Известный советский психолог В.Л. Леви предлагает четыре правила нейтрализации одного эгоиста другим с самыми приятными эмоциями для обоих (что очень важно в реализации принципа сотрудничества):

• вникните в суть высказываний собеседника – представьте себя на его месте, поставьте себя на его место ради себя же, поймите его точку зрения, заранее узнайте о нем максимум информации:

имена, даты, вкусы, интересы;

• создайте благоприятную атмосферу – обращайтесь к мотивам личной заинтересованности, говорите с ним о том, о чем он хочет, ни в коем случае не начинайте реплики с «я», как можно искреннее выражайте сочувствие, начинайте с согласия, пошире улыбайтесь;

• не унижайте другого – не прерывайте собеседника, не высказывайте недоверия, не показывайте, что он вам неинтересен или противен; не обвиняйте; не угрожайте; не приказывайте; отказывая, извиняйтесь и благодарите;

• возвышайте соперника – проявляйте к нему повышенный интерес, позвольте ощутить свое превосходство, советуйтесь с ним, как со старшим, дайте возможность почувствовать себя значительным, слушайте и хвалите, хвалите и слушайте [10, с. 130].

В.Л. Леви, А.В. Стешов [11], А.Ю. Панасюк [12] и другие исследователи допускают, что сформулированные выше правила не могут претендовать на бесспорность, однако многовековая практика конструктивного речевого поведения

в общении показывает, что именно нарушение этих правил ставит непреодолимые психологические барьеры на пути к взаимопониманию в общении. Еще Аристотель отмечал, что раздражение и гнев у собеседника вызываются пренебрежением, самодурством, бравированием собственной внешностью и знаниями, хорошим мнением о его врагах и плохим о его кумирах, забывчивостью на имена, отсутствием благодарности. Нарушение тех или иных принципов коммуникации ведет к тем же результатам.

Австралийские психологи Х. Корнелиус и Ш. Фэйр разработали схему анализа форм речевого поведения и языковых средств, затрудняющих общение, и предложили для их обозначения специальный термин – «саботажники общения» [8, с. 46–47]. Правильнее, наверное, так назвать было бы участников общения, применяющих подобные приемы.

Приемы «саботажников общения»	Примеры
Угрозы (вызывают страх, подчинение, обиду, враждебность)	«Если не можешь сделать, не берись, сделает тот, кто уверен в своих силах»
Приказы (когда мы прибегаем к власти над другими)	«Не задавай глупых вопросов, делай так, как тебе сказано»
Критика (негативная)	«Ты постоянно ноешь, всем недоволен, вечно тяготишься жизнью»
Оскорбительные прозвища	«Что еще можно ожидать от дурака»
Слова-должники	«Нужно делать так, ты должен вести себя соответствующе»
Соккрытие важной информации (реплика-ловушка)	«Тебе эта работа должна понравиться»
Допрос	«Как долго вы еще будете доделывать? Сколько можно ждать?»
Похвала с подвохом	«У тебя великолепно получаются рецензии, напиши, пожалуйста, еще одну»
Диагноз мотивов поведения	«Вечно тебя твоя скромность подводит»
Несвоевременные советы (когда человек просто хочет быть выслушанным)	«Почему ты написал так, а не так?»
Отказ от обсуждения вопроса	«Нечего тут спорить! Этот вопрос яйца выеденного не стоит!»
Смена темы	«Это все великолепно, но давай поговорим о другом»

Соревнование	«Да, сочувствую, но твоя проблема по сравнению с моей ерунда»
Успокоение отрицанием	«Не переживай, все пройдет»

Приемы «саботажников общения»	Встречные вопросы к «саботажникам общения»
Оскорбительные выражения, обостряющие противоречия («Не надо мне лапшу на уши вешать»)	Не преувеличиваете ли вы мои возможности?
Отказ от обсуждения вопроса («Я не вижу здесь проблемы», «С этим я никогда не соглашусь»)	Не чувствуете ли вы себя обделенным?
Смена темы («И о погоде», «Ну ладно, здесь все ясно, а что вы думаете о существовании жизни на Марсе?»)	Это очень интересно, но мы еще не закончили разговор, не так ли?
Обвинение оппонента в многословии («Вы много и непонятно говорите», «Вас невозможно понять»)	Если я понимаю правильно, у вас есть сомнения относительно моих доводов?
Самонадеянные суждения, подчеркивающие логичность исключительно своей позиции («Все это довольно логично», «Я больше чем уверен в правоте рассуждений»)	На основе каких критериев сделана такая оценка?

А.В. Стешов, в практическом плане занимавшийся проблемой культуры аргументации, предложил способ блокировки «саботажников общения» в форме встречных вопросов, имеющих уточняющую направленность, демонстрирующих неугасающий интерес к высказываниям собеседника, активизирующих оппонента. Они лишены критической направленности и дают возможность оппоненту в ответах подсказать новые аспекты и оценки.

А.Ю. Панасюк, специалист по вопросам психотехники убеждения, предпринял попытку свести в единую систему требования логики и психологические рекомендации. О необходимости поддерживать сочетание «рацио–эмоцио» писал еще Цицерон: «Оратор должен владеть двумя основными достоинствами: во-первых, умением убеждать точными доводами, а во-вторых, волновать души слушателей внушительной и действенной речью» [8, с. 172].

В процессе убеждающего воздействия, наряду с качеством доводов, огромное значение имеет и порядок их представления, который зависит от многих факторов; важнейшие из них – исходная установка на

восприятие убеждаемого и психологический закон восприятия, получивший название «фактор края» и обоснованный в трудах немецкого психолога Г. Эббингауза только в конце XIX века, хотя известен он был давно.

А.Ю. Панасюк определяет ситуации, в которых аргументативное воздействие противопоказано, апелляция просто бесперспективна. Это ситуации «рационально неразрешимых противоречий», когда срабатывают психологические барьеры «вероятности» и «значимости» (собеседник имеет другие представления), или в ситуациях сознательной блокировки по типу «а я все равно не согласен», в таких случаях следует формировать **аттракцию** (располагать собеседника к себе). Приемы формирования аттракции делятся на вербальные и невербальные (кинетические). К вербальным относятся «Имя собственное» (собственное имя очень значимо для человека, но реципиент, слыша имя, не должен при этом фиксировать на нем свое внимание), «Золотые слова» (встроенные в текст слова-комплименты, произносимые

как бы между прочим и не замечаемые реципиентом), «Любимая тема» (разговор о любимом не только располагает к собеседнику, но и является своеобразным тестом на соотношение в структуре личности дела и самолюбия; невозможно ра-

ботать с теми людьми, у которых очень чувствительное «я»). На формирование аттракции влияют позы открытости/закрытости, положения корпуса тела, положения головы, положения рук (ладоней).

Правила формулирования аргументов (по А.Ю. Панасюку)

Позиция	Содержание правил
Логики	1. Содержание аргумента с позиции реципиента (убеждаемого) должно соответствовать действительности. 2. Тезис должен логически вытекать из аргумента
Психологии	1. Желательно искать и показывать личный интерес реципиента в принятии этого тезиса (сильные аргументы). 2. В аргументе должны учитываться индивидуальные особенности системы ценностей реципиента

Расположение аргументов (по А.Ю. Панасюку)

Исходная установка реципиента	Расположение аргументов
Негативная	Индуктор (убеждающий) начинает с сильных (для данного реципиента) аргументов и заканчивает не очень сильными
Позитивная	Индуктор начинает с относительно слабых (для данного реципиента) аргументов и заканчивает сильным, учитывая, таким образом, «эффект края»

Заключение. Два аспекта в сознании человека (эмоции и интеллект) одинаково важны в убеждающем воздействии, и не менее важно их гармоничное соотношение, ибо только контролируемые эмоции помогают делу. Для достижения конструктивного общения необходимо соблюдать правила и стратегии общения, диктуемые обобщенным принципом, получившим название «принципа кооперативности», или «принципа сотрудничества», изучать языковые средства и риторические приемы, помогающие реализовать данные правила с наибольшей эффективностью. Это и определяет содержание обучения студентов-гуманитариев профессионально ориентированному диалогу.

Литература

1. Кортаева, Е.В. Интерактивное обучение: организация учебных диалогов / Е.В. Кортаева // Рус. яз. в шк. – 1999. – № 5. – С. 3–8.
2. Павлова, К.Г. Искусство спора: логико-психологические аспекты / К.Г. Павлова. – М.: Знание, 1988. – 64 с.
3. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1996. – 415 с.
4. Мелибруда, Е. Я–Ты–Мы: Психол. возможности улучшения общения; пер. с пол. / Е. Мелибруда. – М.: Прогресс, 1986. – 256 с.
5. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. / Г.П. Грайс; под ред. Е.В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 217–237.
6. Богданов, В.В. Речевое общение: прагмат. и семант. аспекты / В.В. Богданов. – Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1990. – 88 с.
7. Почепцов, Г.Г. (мл.) Язык и коммуникация: некоторые понятия / Г.Г. Почепцов // Текст как психолингвистическая реальность. – М.: ВАСХНИЛ, 1992. – С. 3–7.
8. Михальская, А.К. Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие / А.К. Михальская. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
9. Карнеги, Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей; Как вырабатывать уверенность и влиять на людей, выступая публично; Как перестать беспокоиться и начать жить / Д. Карнеги; пер. с англ. – Минск: Беларусь: Фирма «Дело (Восток + Запад)», 1992. – 670 с.
10. Леви, В.Л. Искусство быть другим / В.Л. Леви. – М.: Госполитиздат, 1983. – 254 с.
11. Стешов, А.В. Как победить в споре: О культуре полемики / А.В. Стешов. – Л.: Лениздат, 1991. – 191 с.
12. Панасюк, А.Ю. Как победить в споре, или искусство убеждать / А.Ю. Панасюк. – М.: Олимп; Назрань: ООО Изд-во АСТ, 1998. – 304 с.

Поступила в редакцию 10.04.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.

УДК 81(09)+94(476.5)

Каэтан Андреевич Коссович (1815–1883) в мемуарной литературе современников

Горнак В.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова», Витебск*

В статье рассматриваются воспоминания о Каэтане Андреевиче Коссовиче (1815–1883) – талантливом лингвисте, переводчике и педагоге. С этой точки зрения изучаются мемуары и эпистолярное наследие К.С. Аксакова, В.Г. Белинского, Н.В. Станкевича, Б.Н. Чичерина, Н.В. Берга, К.Д. Кавелина, Ф.И. Буслаева, М.О. Маркса. В русскоязычных мемуарах XIX века встречаются упоминания о личности К.А. Коссовича как студента (К.С. Аксаков), учителя-репетитора древних языков (Б.Н. Чичерин, Н.В. Берг, К.Д. Кавелин), ученого-лингвиста (В.Г. Белинский, Ф.И. Буслаев), общественного деятеля (Н.В. Станкевич). В публикации достаточно подробно анализируются воспоминания М.О. Маркса (1816–1893), который подготовил наиболее полное мемуарное повествование о своем друге – Каэтане Коссовиче.

Ключевые слова: Каэтан Андреевич Коссович, лингвист, языковед, санскрит, гебраистика, витебская гимназия, Московский университет.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 136–140)

Kaetan Andreyevich Kossovich (1815–1883) in the memoir literature of contemporaries

Gornak V.V.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

The article presents reminiscences about Kaetan Andreyevich Kossovich (1815–1883) – a talented linguist, translator and teacher. From this point of view memoirs and epistle heritage by K.S. Aksakov, V.G. Belinski, N.V. Stankevich, B.N. Tchicherin, N.V. Berg, K.D. Kavelin, F.I. Buslayev, M.O. Marx are studied. In the Russian language memoirs of the XIX century the personality of K.A. Kossovich is mentioned as a student (K.S. Aksakov), a coach teacher of ancient languages (B.N. Tchicherin, N.V. Berg, K.D. Kavelin), a linguist scholar (V.G. Belinski, F.I. Buslayev), a public figure (N.V. Stankevich). The article analyzes in detail the reminiscences by M.O. Marx (1816–1893), who made up a most complete memoir narration about his friend Kaetan Kossovich.

Key words: Kaetan Andreyevich Kossovich, linguist, language scholar, Sanskrit, Hebrew studies, Vitebsk gymnasium, Moscow University.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 136–140)

Каэтан (Каэтан) Андреевич Коссович (1815–1883), выдающийся языковед, переводчик и педагог, родился в г. Полоцке, где получил начальное образование. В конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. учился в губернской гимназии города Витебска.

10 ноября 1832 года Каэтан Коссович был принят на словесное отделение Московского университета за счет Белорусского учебного округа. В августе 1836 года он окончил историко-филологический факультет со степенью кандидата словесных наук. Каэтан Андреевич Коссович внес

Адрес для корреспонденции: e-mail: hornak @ tut.by – В.В. Горнак

значительный вклад в изучение санскритского языка. Важное место в научном наследии ученого занимают фундаментальные труды в области гебраистики, иранистики.

Цель данной статьи – систематизация воспоминаний о К.А. Коссовиче в мемуарной литературе его современников.

Материал и методы. Материалом для научного исследования послужили воспоминания о Каэттане Андреевиче Коссовиче друзей и знакомых. Методы исследования – описательный, сопоставительный.

Результаты и их обсуждение. Университетские годы Каэттана Коссовича в Москве нашли свое отражение в мемуарах К.С. Аксакова (1817–1860) «Воспоминания студенчества 1832–1835 годов» [1]. Константин Сергеевич Аксаков вспоминал: *Коссович на втором курсе уединился от всех, не занимался университетским ученьем, не ходил почти на лекции; а когда приходил, то приносил с собою книгу и не отнимал от нее головы все время, как был в аудитории. На него смотрели с удивлением, говорили: Коссович не занимается; а он, между тем, глотал один древний язык за другим. Коссович вступил на свою дорогу, филологическое призвание заговорило в нем, и именно он трудился дельно и быстро себя образовывал* (подчеркнуто нами. – В.Г.). Однако Коссович был оставлен на втором курсе; впоследствии, занявшись университетскими предметами, он без труда вышел кандидатом [1, с. 105].

Годы учебы в Московском университете позволили К. Коссовичу изучить английский, испанский, итальянский, чешский, литовский, арабский и персидский языки. И это не считая тех, которые наш земляк освоил еще до поступления на историко-филологический факультет.

Вместе с тем следует заметить, что для Каэттана Коссовича не чужда была и активная гражданская позиция. В университете он вступил в тайное польское литературное общество, пользовался уважением В.Г. Белинского [2]. Вот как отозвался о К. Коссовиче в заметке «Литературные новости» В.Г. Белинский: *Г-н Коссович, молодой человек, недавно*

окончивший курс в Московском университете, будучи страстным эллинистом, внушил нескольким отличным студентам в Москве полезную мысль составить учебный словарь древнего греческого языка. Словарь этот теперь печатается и, по отзывам знатоков дела, труд г. Коссовича заслужит полное внимание и благодарность учащегося юношества [3]. Входил К.А. Коссович и в кружок Н.В. Станкевича (1813–1840), который в 1836 году в одном из своих писем осведомлялся о Каэттане как о человеке близком к его кружку [3, с. 394].

В XXI томе журнала «Lud» за 1922 год был представлен богатый фольклорно-этнографический материал, собранный М.О. Марксом, под названием «Z pamiętnika M. Marksa Witebszczanina» [4]. Заключительный раздел этих воспоминаний описывает Москву 1835 года. М. Маркс рассказывает об интересе студенческой молодежи к белорусскому народному творчеству. Каэттан Коссович нередко выступал в качестве своеобразного научного консультанта, помогая любителям фольклора глубже разобраться в особенностях белорусской народной речи [4, с. 152–153].

Упоминания и высокую позитивную оценку личности К.А. Коссовича можно найти в мемуарах Б.Н. Чичерина [5], Н.В. Берга [6], К.Д. Кавелина [7].

Борис Николаевич Чичерин (1828–1904), историк, правовед и философ, вспоминает о Коссовиче как о человеке, который помогал ему готовиться к поступлению в университет: *Это был человек* (Каэттан Андреевич Коссович. – В.Г.) *замечательный в своем роде, пламенная душа, обращавшая все свои восторги на изучаемый предмет. Выше «Илиады» и санскритских поэм для него ничего не было в мире. Урок был назначен в воскресные дни, ибо все остальное время было занято, и мы сидели с ним по целым утркам, предаваясь поэтическому упоению* [5, с. 176]. Борис Николаевич Чичерин окончил университет в 1849 году. При этом знание и любовь к древним языкам у автора мемуаров остались навсегда.

Николай Васильевич Берг (1823–1884), журналист и публицист, в своих мемуарных записях просто и емко называет *известного санскритолога К.А. Коссовича замечательным и почтенным человеком* (подчеркнуто нами. – В.Г.) [6, с. 366].

Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885), историк, общественный деятель, с теплотой вспоминает К.А. Коссовича, помогавшего ему, как и Н.В. Бергу, в 1835 году лучше освоить древнегреческий язык [7, с. 263].

Говоря о научных заслугах Каэтана Андреевича Коссовича, нельзя не отметить и его «выдающуюся роль в подготовке молодых ученых в Московском (Лазаревском) институте восточных языков, Петербургском университете. Его обширным знаниям в области филологии были обязаны многие русские ученые второй половины XIX века. А на некоторых из них он оказал сильное влияние своей методикой изучения разных иностранных языков» [8]. Известнейший лингвист Ф.И. Буслаев (1818–1897) восхищался товарищем своих студенческих лет – Каэтаном Коссовичем: *Он не обращал никакого внимания на мелочи быденной жизни. Он не презирал их, но они сами проходили мимо него, не нарушая его, так сказать, олимпийского самодовольствия, потому что в то время он постоянно витал на высотах Олимпа, погруженный всецело в чтение римских и греческих классиков* [9, с. 27].

Максимилиан Осипович Маркс (1816–1893) – друг К.А. Коссовича. Они вместе учились в гимназии г. Витебска, поддерживали приятельские отношения вплоть до 1866 года. В октябре 1885 года, как это следует из примечания самого мемуариста, в городе Енисейске Максимилиан Маркс написал воспоминания о друге, которые были опубликованы в журнале «Русская старина» [10]. Формальным поводом для подготовки мемуаров послужил портрет ученого-лингвиста, помещенный в иллюстрированной газете «Нива», а также сопроводительная статья, в которой говорилось, что Каэтан Андреевич Коссович – это

редкий пример благородного труженика на пользу науке. Реальной же причиной, побудившей М. Маркса взяться за перо, стало то, что в молодости Максимилиан и Каэтан сошлись как товарищи, потом как друзья [10, с. 605]. Рассказ М.О. Маркса состоит из 4 небольших частей: «В Полоцке», «В Витебске», «В Москве», «В Петербурге».

Описывая жизнь К. Коссовича в Полоцке, мемуарист довольно подробно останавливается на программе шестиклассного училища, в котором обучался будущий лингвист: *зоология, ботаника и садоводство, минералогия, землемерие, космография, неорганическая химия, оспоривание* (умение вести дискуссию. – В.Г.). В этой же главке мы, пожалуй, впервые можем «увидеть» Коссовича в детском возрасте. *Каэтан, неуклюжий и неопрятный мальчик, с угрюмым лицом и непропорционально большою головою, вел себя хорошо, учился по всем предметам отлично; одна арифметика не давалась тогда и не далась ему до конца жизни* [10, с. 608].

Во второй части воспоминаний рассказывает о периоде жизни Каэтана Коссовича в городе Витебске, куда в конце 20-х годов XIX века юноша перебрался пешком из Полоцка для получения образования. Как пишет М. Маркс, *в губернской гимназии ему (Каэтану Коссовичу. – В.Г.) не было места. Нужен был мундир, а тут и на хлеб насущный средств не хватало. Здесь он поступил в безмундирную базильянскую школу. Он был мне товарищем по классу. Мы дружески и по-братски сошлись. Он мне помогал в латинских и греческих уроках, а я ему в математике и в физике. Жизнь гимназиста Коссовича была крайне трудной: Жил он в мезонине у еврея, содержащего внизу распивочное заведение. Вся его квартира состояла из одной комнаты, с двумя маленькими тусклыми окошечками, без двойных рам, без печи, с одною кроватью, одним столом и одним стулом. Отварной картофель с солью, грошевая селедка и ржаной хлеб с водою составляли его насущную пищу, на которую средств часто не было. Чай и теплый*

суп случались очень редко, где-нибудь в гостях у товарищей [10, с. 610]. Именно в Витебске у К. Коссовича проявляется любовь к языкознанию, начинается путь юноши в науку. Гимназист так определил направление своих исследований, разговаривая с другом: Речь человеческая, та речь, которой мы отличаемся от животных и без которой мы не были бы людьми [10, с. 612].

Максимилиан Маркс предлагает нам узнать Коссовича как человека целеустремленного, рано и окончательно определившего смысл своей жизни, стойкого перед житейскими трудностями. Описывая бедную комнатку Каэтана, Маркс несколько раз обращает внимание читателей на шкаф с книгами, который находился в помещении. *В этом шкафу у меня целый клад, – говорил своему другу Коссович. Как выяснилось, там хранились старые книги. По этим книгам, при помощи только еврейской азбуки, Коссович в то время изучил древнееврейский язык, и изучил его до такой степени совершенства, что сами евреи с удивлением говорили, что он знает библию лучше раввина [10, с. 612].* Не эту ли страсть к самообразованию впоследствии подметил у студента Коссовича его однокурсник К.С. Аксаков?

В судьбе К. Коссовича важную роль сыграл попечитель Белорусского учебного округа Григорий Иванович Карташевский (1777–1840), который обратил внимание на феноменальные способности Каэтана, помог ему материально. Но самое главное заключается в том, что Г.И. Карташевский хлопотал о зачислении Каэтана Коссовича в Московский университет за счет Белорусского учебного округа.

Глава «В Москве» – это воспоминание М. Маркса об университетских годах. Сам мемуарист также учился в этом учебном заведении с 1834 года, но на естественном факультете. В мемуарах Маркса есть детали, которые ярко характеризуют студента Каэтана Коссовича. Был, например, случай, когда *Коссович едва не попал в опалу. Ему угрожа-*

ла в лучшем случае судьба Белинского, а в худшем случае красная шапка (то есть солдатская служба. – В.Г.). Причиной этому стал конфликт между деканом факультета Давыдовым и студентом. По несправедливому распоряжению администрации университета, казеннокоштный студент Коссович был наряжен в солдатскую шинель и посажен в темный карцер. *Возмущение студентов было огромным. Неловко стало господину декану, особенно когда увидел, что в числе самых ярых защитников Коссовича были князь Голицын, Оболенский, Лобанов-Ростовский, граф Толстой, еще несколько молодых людей из высшего аристократического круга; с притворным спокойствием выслушал все объяснения студентов, не совсем иногда сдержанные, и сейчас же официально распорядился выпустить виновного из карцера, и дело оставить без дальнейших последствий [10, с. 614].*

Максимилиан Маркс приводит в качестве примера, свидетельствующего о феноменальных способностях К. Коссовича, такой случай: однажды приятели, среди которых был и Каэтан, разговаривали о том, что *при знании латинского и французского языков итальянский нетруден; и он решил попробовать. Через три месяца, как вспоминает М. Маркс, его друг мог свободно читать и говорить по-итальянски.*

М. Маркс рассказывает и о некоторых забавных особенностях характера своего приятеля. Например, К. Коссович всегда ходил во фраке и не любил сюртуков, постоянно испытывал «трудности» с арифметикой. Талантливый лингвист нередко был абсолютно беспомощным в решении заурядных бытовых вопросов: *Очень часто, встречалась ему надобность спать себе новую пару платья, шинель или шубу, являлся он ко мне со всем своим капиталом, состоящим из билетов, получаемых за уроки в частных домах. Нужно было счесть этот капитал и узнать, есть ли чем уплатить потребную сумму. Бедняжка не мог этого сделать тогда, да, кажется, и потом во всю жизнь. Как тщательно ни скрывал он этот свой не-*

достаток, но все почти про него знали [10, с. 617].

Главка «В Петербурге» несет важную смысловую нагрузку. Как отмечает мемуарист, его друг в душе остался тот же, *не изменился нисколько*. Максимилиан Маркс еще раз подчеркивает, что все свои знания и умения Каэтан Андреевич Коссович *приобрел сам, среди самых неблагоприятных обстоятельств, смиренно перенося людское равнодушие и недоброжелательство* [10, с. 620].

Заключение. В русскоязычных мемуарах XIX века довольно часто встречается имя К.А. Коссовича. Однако в этой литературе содержится, как правило, лишь беглое упоминание о личности Каэтана Коссовича как студента (К.С. Аксаков), учителя-репетитора древних языков (Б.Н. Чичерин, Н.В. Берг, К.Д. Кавелин), ученого-лингвиста

(В.Г. Белинский, Ф.И. Буслаев), общественного деятеля (Н.В. Станкевич). Воспоминания М.О. Маркса – это наиболее полное повествование о детских, гимназических, студенческих годах и о послеуниверситетском (до 1866 года) периоде жизни Каэтана Андреевича Коссовича, этого незаурядного и одаренного человека.

Литература

1. Аксаков, К.С. Воспоминания студенчества 1832–1835 годов / К.С. Аксаков // Русские мемуары. Избранные страницы (1826–1856) / сост. вступ. ст., биограф. очерки и прим. И.И. Подольской. – М., 1990. – С. 92–114.
2. Поляков, М. Студенческие годы Белинского / М. Поляков // Литературное наследство. – М., 1950. – Т. 56, кн. 2. – С. 356–394.
3. Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. / В.Г. Белинский. – М., 1953. – Т. 3. – С. 46.
4. Lud. – Tom XXI. – Rok 1922. – Str. 136–153.
5. Чичерин, Б.Н. Воспоминания / Б.Н. Чичерин // Русские мемуары. Избранные страницы (1826–1856) / сост. вступ. ст., биограф. очерки и прим. И.И. Подольской. – М., 1990. – С. 166–306.
6. Берг, Н.В. Записки / Н.В. Берг // Русские мемуары. Избранные страницы (1826–1856) / сост. вступ. ст., биограф. очерки и прим. И.И. Подольской. – М., 1990. – С. 366–379.
7. Кавелин, К.Д. Воспоминания о В.Г. Белинском / К.Д. Кавелин // Наш умственный строй: статьи по философии русской культуры. – М., 1989. – С. 261–277.
8. Булахов, М.Г. Восточнославянские языковеды (биобиблиогр. словарь): в 3 т. / М.Г. Булахов. – Минск, 1976. – Т. 1. – С. 127–129.
9. Киселев, Г.В. Разыскивается классик: ист. – лит. диалогия / Г.В. Киселев. – Минск, 1989. – С. 49.
10. Маркс, М.О. Каэтан Андреевич Коссович / М.О. Маркс // Русская старина. – 1886. – Т. 62. – С. 605–620.

Поступила в редакцию 07.02.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.

УДК 821.161.3-1.09

Драматычная паэма ў творчасці М. Танка

Харошкі Г.П.

*Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск*

У навуковым артыкуле даследуецца драматычная паэма М. Танка “Мікалай Дворнікаў”. Увага засяроджана на жанравай спецыфіцы драматычнага твора, на заканамернасці звароту М. Танка да гісторыка-гераічнай постаці. Падкрэсліваецца канфліктная аснова паэмы, асэнсоўваюцца характар і ўчынкі герояў. У даследаванні сцвярджаецца, што абраная жанравая форма драматычнай паэмы дала аўтару вялікую магчымасць не толькі глыбока раскрыць вобраз галоўнага героя, але і выкарыстаць вялікі мастацкі патэнцыял у асэнсаванні вузлавых, паваротных момантаў гісторыі нацыі, у раскрыцці ідэйнага канфлікту паміж асноўнымі дзеючымі персанажамі, у характарыстыцы чалавечай існасці і паглыбленні ў псіхалогію людзей.

Ключавыя словы: жанр, паэма, драматызм, канфлікт, герой, вобраз, характар.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 141–151)

Dramatic poem in the creativity of M. Tank

Kharoshka G.P.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

This scientific article deals with the dramatic poem by M. Tank “Mikalai Dvornikau”. The main focus is put on genre specificity of the dramatic work, on constant address of M. Tank to historical and heroic personality. We emphasize the conflict framework of the poem: interpret the nature and acts of the characters. The study admits that the chosen genre form of the dramatic poem gives the author a possibility not only to reveal the image of the main character, but also to use large literary potential in understanding of the key turning points in the national history, in disclosure of ideological conflict between the main characters, human character reference and deepening into men's psychology.

Key words: genre, poem, dramatics, image, conflict, character.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 141–151)

У шасцідзясятых і асабліва сямідзясятых гадах ХХ стагоддзя надзвычай інтэнсіўна пачаў развівацца вершаваны эпас. Была створана немалая колькасць паэм, разнастайных па змесце і жанравых асаблівасцях: ад уласналірычных да шырока разгорнутых эпічных палотнаў, ад сучасных да гістарычных па тэматыцы. Што датычыцца жанру драматычнай паэмы, то і яна, у адрозненне ад іншых відаў, развівалася, але не так інтэнсіўна.

У гэты перыяд шырокую вядомасць атрымалі драматычныя паэмы “Годнасць” С. Васільева, “Ілля Мурамец” Ф. Сухава, “Васіль Буслаеў” С. Нараўчатава, а таксама “Міндаўгас” Ю. Марцінявічуса, “Сар-Гарэл” Д. Кугульцінава, “Салават” М. Карыма і інш. У драматычных паэмах аўтары звярталіся да падзей мінулага і сучаснасці, ставілі пытанні аб узаемаадносінах асобы і грамадства, чалавека і гісторыі.

Калі гаварыць пра беларускі вершаваны драматычны эпас, то поспехі ў гэтым кірунку былі больш сціплымі. Тым не менш, беларуская драматычная паэма па-свойму ўваходзіла ў жыццё асобных творцаў. Так, у 1975 годзе А. Куляшоў напісаў “Хамуціус”, і, як аказалася, твор стаў выдатнай з’явай у адраджэнні беларускага драматычнага эпасу, дзе сучаснасць і гісторыя з’яўляюцца аб’ектам глыбокага філасофскага асэнсавання. Куляшоўскі “Хамуціус” – працяг традыцый Купалы на сучасных гісторыка-літаратурным і эстэтычным узроўнях. А. Куляшоў тым самым пацвердзіў рэпутацыю паэта, чья творчасць вызначала ступень развіцця ўсёй нашай паэзіі, адлюстроўваючы яе ідэйнае і эстэтычнае багацце, шматграннасць інтэлектуальных пошукаў мастацкіх форм.

Мэта навуковага даследавання – вывучэнне і аналіз драматычнай паэмы ў творчай спадчыне М. Танка, асэнсаванне гістарычнай постаці ў драматычным творы, выяўленне майстэрства паэта ў асвятленні гістарычных падзей і месца рэальнай асобы ў іх.

Матэрыял і метады. Прадметам навуковага артыкула з’яўляецца драматычная паэма М. Танка “Мікалай Дворнікаў”. Асноўнымі метадамі нашага даследавання сталі гісторыка-кантэкстуальны, параўнальна-тыпалагічны і канкрэтна-гістарычны, якія дазваляюць больш глыбока і ўсебакова раскрыць творчую задуму М. Танка.

Пры напісанні артыкула мы выкарысталі вынікі даследаванняў, змешчаных у манаграфіях і навуковых працах У. Калесніка, М. Арочки, Д. Бугаёва, У. Гніламёдава, Ю. Марцінкявічуса і інш. Разам з тым мы імкнуліся да асэнсавання гераічнай асобы праз супастаўляльны літаратуразнаўчы аналіз вышэйзгаданай паэмы, намагаючыся ўзнавіць аўтарскае разуменне не толькі драматычных і гістарычных падзей, але і маленькіх таемных зрухаў у псіхалогіі

звычайнага чалавека, які апынуўся ў экзістэнцыяльна напружаных і надзвычай складаных для ўласнага самавызначэння абставінах.

Вынікі і іх абмеркаванне.

Ад задумы да мастацкага ўвасаблення.

Адпаведны працяг у развіцці жанру драматычнай паэмы ў 70-я гады зрабіў Максім Танк, напісаўшы гісторыка-гераічны твор “Мікалай Дворнікаў” (1978). М. Танк, як і А. Куляшоў, звярнуўся ў паэме да падзей народнай гісторыі, да асэнсавання важных рыс нацыянальнага характару. І гэта ўсё адчувальна праявілася ў яго творы. Але, у адрозненне ад Куляшова, Танк прыйшоў да драматычнага жанру іншым шляхам. У творчасці паэта мы не знойдзем, як у Куляшова, эвалюцыйнага развіцця азначанай жанравай формы, яго паэзія носіць больш лірычны характар, не эпіка-драматычны. Але гэта не азначае, што ў паэзіі М. Танка мы не знойдзем драматычна напружаных сцэн і канфліктаў, супрацьстаяння ідэй і характараў. Усё гэта ёсць у дастатковай ступені ў філасофскай і грамадзянскай лірыцы, у ліра-эпасе. Што датычыцца апошняга, то ён у творчасці паэта прадстаўлены паэмай “Мікалай Дворнікаў”. Прысвечана яна рэальнай гістарычнай постаці, гераічнай асобе ўраджэнца Гомеля, сакратару ЦК камсамола Заходняй Беларусі. А потым – камісару польскага батальёна і камандзіру ўкраінскай роты імя Т. Шаўчэнкі Мікалаю Дворнікаву, які загінуў у Каталоніі ў гарах Эстрамадуры.

Нямала твораў М. Танк прысвяціў канкрэтным гістарычным постацям, удзельнікам вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі (вершы “Памяці таварыша Таўлая”, “Дума пра Веру Харужую”, “Памяці І.Л. Фрыдланда” і інш.). Чаму такім блізкім і дарагім аказаўся Мікалай Дворнікаў для паэта? Па-першае, Мікалай Дворнікаў для М. Танка быў блізкім сябрам юнацтва, па-другое, у трыццатыя гады паэту

давялося працаваць разам з Дворнікавым у падполлі Вільні. Таму вобраз рэвалюцыянера-змагара заўсёды жыў у памяці паэта. Аўтар успамінае: “Гэта быў перакананы, стойкі змагар, чалавек моцны і прыгожы” [1].

Драматычная паэма “Мікалай Дворнікаў” пабудавана па прынцыпе біяграфічных твораў эпіка-апавядальнага характару. Гэта дало магчымасць М. Танку прапанаваць сюжэт, прытрымліваючыся верагодных фактаў, паказваючы суровую сутнасць мінулых падзей. У асобе Мікалая Дворнікава выразна бачна імкненне М. Танка аб’ектыўна адлюстравач адзін з важных духоўных канфліктаў эпохі. Стыль самой жа драматычнай паэмы аб’ядноўвае розныя мастацкія тэндэнцыі – ад напружана-драматычнага і псіхалагічнага ўзнаўлення падзей да ўзвышана-рамантычнай і экспрэсіўнай іх інтэрпрэтацыі. Выкарыстоўваючы багатыя выяўленчыя і вобразныя магчымасці драматычнага жанру, паэт стварыў твор пра тых, хто ў 30-я гады ХХ стагоддзя аддаў жыццё за сацыяльна-нацыянальную свабоду, выканаўшы свой грамадзянскі абавязак.

Гераічная тэма не год і не два жыла ў творчым уяўленні М. Танка. Вобраз Мікалая Дворнікава доўга не пакідаў паэта. Аўтар прызнаваўся: “Відаць, у кожнага пісьменніка ёсць творы, якія пішуцца неяк адразу, на хвалі творчага ўздыху ці натхнення. Ёсць творы, якія доўга выношваеш у сваім сэрцы. Да такіх адносіцца і мая паэма пра Мікалая Дворнікава” [2]. Яшчэ ў далёкія 30-я гады мінулага стагоддзя ў вядомым мемуарна-дакументальным творы дзённікавага характару “Лісткі календара” упамінаецца дзейнасць Дворнікава. І пазней, у пасляваенны час, М. Танк не адзін раз вяртаўся да гэтага вобраза. Так, у 1955 годзе ён напісаў верш “Пётр Дворкін”. Але ў гэтым творы паэт дапусціў шэраг недакладнасцей у “распрацоўцы біяграфіі рэвалюцыянера” [3]. Дапрацаваны варыянт верша пазней быў змешчаны ў чатырохтомным

выданні пад назвай “Мікалай Дворнікаў”. Паэма была напісана ў 1978 годзе, амаль праз сорок гадоў пасля рэальных падзей. Твор убачыў свет у той час, калі ў друку з’явіліся ўспаміны сяброў і блізкіх людзей пра героя, калі была надрукавана кніга гісторыка Я.І. Драбінскага “Ад Гомеляда Эстрададур” (1975). Улічыўшы ўсе факты з біяграфіі Дворнікава, М. Танк у паэме, у адрозненне ад ранейшых твораў, найбольш поўна ўзнаўляе драматычны вобраз народнага героя. Абраная М. Танкам жанравая форма драматычнай паэмы дала яшчэ большую магчымасць аўтару не толькі глыбока раскрыць унутраны свет Дворнікава, але і выкарыстаць вялікі патэнцыял у асэнсаванні вузлавых, паваротных момантаў у гісторыі нацыі, у раскрыцці ідэйнага канфлікту паміж асноўнымі дзеючымі асобамі, у характарыстыцы чалавечай існасці і паглыбленні ў псіхалогію людзей. Сапраўды, менавіта форма драматычнай паэмы, у параўнанні з іншымі яе разнавіднасцямі ў творчасці М. Танка, змагла абвастрыць і ўзбуйніць самыя супярэчлівыя канфлікты часу, а сутыкненне ідэй у творы адбываецца больш адкрыта і палемічна заострана.

Постаць Мікалая Дворнікава шырокамаштабная. Роберт, Герасім, Стах Тамашэвіч – у такім абліччы герой паўстае ў творы і, па сутнасці, праходзіць пад адзіным імем – Чалавек. Даследчык творчасці Танка У. Калеснік не без падставы пісаў, што “паэта інтрыгуюць постаці гераічныя, але ён ідзе глыбей, шукаючы ў героі чалавека” [4, с. 140]. Дворнікаў быў рана прызваны і мабілізаваны ў шэрагі нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі. Герою суджана было стаць не толькі адным з дзейных кіраўнікоў заходнебеларускага падполля. Яго жыццё “кідала” на самыя розныя і складаныя напрамкі грамадскай і рэвалюцыйнай дзейнасці. Пра ўсё гэта распаўядаецца ў драматычнай паэме “Мікалай Дворнікаў”. Кожны радок

мастацкага твора пранікнуты асабістымі пачуццямі і жарсцямі. Да вядомых фактаў біяграфіі Дворнікава паэт дадае новыя дэталі, і вобраз героя яшчэ больш узбагачаецца эстэтычна. Асабістае знаёмства М. Танка з Дворнікавым дазваляе паэту лепш зразумець унутраны свет героя. Неабходна падкрэсліць, што М. Танк напісаў нямала твораў на гістарычную тэму. І гэта невыпадкова: паэт быў сведкам і ўдзельнікам многіх гістарычных падзей, і не пісаць пра іх аўтар не мог, не меў на тое маральнага права.

Гісторыя падаецца і трактуецца ў паэме не столькі як дакумент, колькі як актуальны для сучаснасці жыццёвы матэрыял. Гістарычныя падзеі знаходзяць адлюстраванне ў такой вершаванай форме, якая дае творцу адпаведную свабоду ў вырашэнні аўтарскай задачы з пазіцыі праўдзівага, гістарычна-канкрэтнага паказу рэчаіснасці. Дакументальны матэрыял не шкодзіць творчай фантазіі паэта, таму што кожны радок, кожнае слова, факт ён прапускае праз сэрца. У паэме адлюстравалася глыбокая памяць пра цудоўнага чалавека, змагара, які заўчасна загінуў за свабоду. Разам з тым аўтара адольвае і пачуццё радасці, што сярод барацьбітоў за волю і незалежнасць народа былі такія гераічныя людзі, як Мікалай Дворнікаў. У асабістых поглядах на падзеі аўтар паўстае і як удзельнік, і як летапісец, і як суддзя гісторыі.

У літаратуразнаўстве і крытыцы склалася меркаванне аб тым, што ў паэме “Мікалай Дворнікаў” шмат чаго ад драматургіі, а твор можна аднесці да вершаванай драмы, паколькі ў паэме дзеянне бярэ верх над паэтычнасцю. Канешне, пытанне само па сабе спрэчнае і неадназначнае. Пагаджаемся, што ў творы прысутнічаюць элементы ад драмы. Але ўсё-такі пры больш глыбокім аналізе выяўляюцца дадатковыя структурныя элементы, якія супярэчаць нарматыўным уяўленням аб драме. Таму, на наш погляд, паэму “Мікалай Дворнікаў” па эстэтычных уласцівасцях

патрэбна аднесці да жанру драматычнай паэмы. Падобнае сцвярджанне грунтуецца на той падставе, што ў названым творы М. Танк, праўдзіва раскрываючы праблемы тагачаснай рэчаіснасці, стварыў сапраўдныя драматычныя характары, выразна абазначыў канфлікт, умела пабудаваў эмацыянальна-мастацкія дыялогі і маналогі. Неабходнымі аказаліся і такія структурныя кампаненты, як падзел сюжэтнага дзеяння на часткі (іх васьмнаццаць), наяўнасць рэмарак, якія часткова кампенсуюць дэфіцыт прамога і непасрэдна аўтарскага роздуму. Акрамя таго, у творы прысутнічае абавязковае ў такіх выпадках нарастанне напружанага і драматычнага “выбуху”, што, па сутнасці, і вызначае цэласнасць жанру. Твору ўласцівы тыя асноўныя структурныя элементы, якія набліжаюць яго больш да жанру драматычнай паэмы, чым да вершаванай драмы. Ва ўсялякім разе, сама фактура вышэйзгаданага твора пра гэта сведчыць. Перад намі драматычная паэма, у якой адлюстраваны канкрэтны чалавек з гісторыі. У некаторых частках падаюцца біяграфічныя звесткі Мікалая Дворнікава. Зразумела, што гэта не проста біяграфія героя. Паэт “пераўвасобіў” біяграфічны матэрыял у мастацкі. У кожнай частцы паэмы як бы спрасаваны яркія старонкі жыцця Дворнікава. Чытаючы твор, адчуваеш, як аўтар “перарастае свайго героя” і стварае не толькі яго вобраз, але і вобраз часу з дапамогай паэтычнага ўяўлення (неабходны элемент драматычнага жанру), з глыбіні мінулага ўзнікаюць розныя характары і тыпы, у абліччы якіх увасобілася гэтае мінулае. Менавіта таму паэма М. Танка пачынаецца яскравым маналагам вечнага пярэа фірмы “Пелікан” з віленскай крамы, якое герой у свой час падарыў паэту:

Вось табе “Pelikan” – пярэа будзе на памяць,

Бо хто знае, калі мы сустрэнемся зноў [5, с. 142].

Ён дорыць пярэа з найлепшым

спадзяваннем на тое, што паэт напіша твор, які будзе карысны людзям. Выкарыстаны фальклорны прыём адухаўлення дае магчымасць паэту глядзець на свой рабочы інструмент па-іншаму: вечнае пяро з віленскай крамы выступае ў ролі апавядальніка пра сябе. Спачатку яго выпрабоўвалі на трываласць: ім пісалі розныя адозвы, пракламацыі, рэвалюцыйныя гімны-песні, а потым, зразумеўшы цвёрдасць сталі, таямнічы пакупнік доўга блукаў з ім па горадзе, хаваючыся ад тых, хто пераследаваў. Гэты маналог пяра як сімвал вечнага, што з'яўляецца адным з найбольш паэтычных у паэме, ажыўляе мінулае, будзіць чалавечую памяць, пачуцці і перажыванні:

*Хто ж ён такі?
На рынку Лукішскім
Зашыўся ў натоўп,
Пісаў адозву... [5, с. 137].*

Віленскаму “Пелікану” выпала іншая доля: замест пракламацый, адозваў экзатычная птушка, трапіўшы ў рукі таленавітаму паэту, зможа ўзяцець пад аблогі паэтычнай фантазіі.

У першых чатырох частках паэмы (“З дзённіка Pelikana”, “З рапарта каменданта паліцыі Сэмпі”, “Строга сакрэтна”, “Начныя званкі”) галоўная дзеючая асоба не паказана ў развіцці, але яе дзеянні, маштабнасць самой постаці прыцягвае нашу ўвагу. Пранікнуць у свет загадкавага вобраза дапамагаюць сакрэтныя лісты, даносы, рапарта, якія дасылалі ва ўсе інстанцыі дэфэнзівы. З рапартаў паліцэйскіх становіцца зразумелым, што нейкі таямнічы чалавек па мянушцы “Роберт” за кароткі тэрмін арганізаваў шмат падпольных груп:

*А ў маёнтку Завоссе
Народ, падбухтораны ім,
Расправіўся з панам сваім.
Загад усім пастарункам паведа:
“Падвоіць засады, патроіць пікеты”
[5, с. 139].*

Пад кіраўніцтвам “Роберта” і пры яго непасрэдным удзеле на так званых

“крэсах усходніх” адбылася не адна акцыя. Яго можна было ўбачыць і на Навагрудчыне, і ў Кобрынскім павеце (“Навасёлкі ўзбунтаваў, на штурм чырвоны Кобрыншчыну ўзняў”) [5, с. 140], бываў ён і сярод нарачанскіх рыбакоў. Паліцэйскія рапарта, даносы, спробы ўлад “сцяць галаву ў падполлі” [5,

с. 141] сведчаць пра напружаны час і драматызм падпольнай барацьбы. Знаўца творчасці паэта У. Калеснік, рэцэнзуючы паэму, адзначаў, што такія часткі, як “Гончы ліст”, “З рапарта каменданта паліцыі Сэмпі”, “Строга сакрэтна”, напісаныя ў стылі афіцыйных дакументаў, хаця і нясуць у сабе прыгодніцка-дэтэктыўную фабулу, але вызначаюць яе пераважна інфармацыйна. “Цяжкасць, якую вымушаны быў тут пераадолець аўтар, – далей зазначае даследчык, – заключаецца не ў разыходжанні паміж нейтральнай інфармацыйнасцю паліцэйскага рапарта ці гончага ліста і эстэтычнай зацікаўленасцю пазіцый” [3]. З гэтым агульным сцвярджаннем вучонага, у прынцыпе, можна пагадзіцца. Аднак пры гэтым не трэба забываць і пра мастацкую сілу слова М. Танка, якое валодае вялікай “паэтычнай зацікаўленасцю”, здольнае перадаць каларыт часу, раскрыць унутраныя сувязі людзей, акрэсліць характары і абставіны. Тым самым аўтар пераадольвае сухасць архіўна-гістарычнага матэрыялу. Ён увесць час змяняе пункт гледжання на падзеі, успрымае іх вачыма розных, часам і супрацьлеглых у сваіх адносінах да жыцця людзей, сутыкае героя з рознымі поглядамі многіх асоб.

Мікалай Дворнікаў – чалавек незвычайнага лёсу, незвычайнага характару. Герою-падпольшчыку даводзіцца дзейнічаць у складаных умовах. І толькі прафесійны вопыт канспіратара выратаваў героя. А калі навісла прамая пагроза арышту, ён па парадзе сяброў адпраўляецца ў Варшаву, а адтуль – у Іспанію:

*Здаецца мне, ёсць лепшы выхад.
Я не магу сядзець тут ціха.
І ты ЦК, брат, перадай,
Што я ірваўся ў смяротны бой
За пірэнейскаю градой* [5, с. 145].

Такое жаданне было ў героя – змагацца ў адкрытых баях з фашызмам. І хаця паэту, як нам здаецца, у гэтым выпадку не ўдалося размінуцца з рытарычнай дэкларатыўнасцю і залішняй паэтыкай, тым не менш, у абліччы ваяўнічага абаронцы народных інтарэсаў перад намі раскрываецца значная асоба, якая ўступае ў непрымірымы канфлікт з варожымі ёй сацыяльнымі, супрацьлеглымі сіламі. Гэта, па сутнасці, не ўмоўная нейкая “драматычная віна”, а глыбокі і зусім канкрэтны, рэальны жыццёвы канфлікт, які “закранае не толькі грамадства, але і самую сутнасць чалавека” [6, с. 260]. Гэты канфлікт уводзіць дзеючыя асобы паэмы ў барацьбу за сацыяльныя і нацыянальныя правы. Такая пазіцыя героя абвастрае ўнутраны драматызм, фарміруе пачуццё адказнасці за падзеі, якія адбываюцца, прымушае яго перажываць, хвалявацца, адстойваць свае перакананні, свае погляды на стан грамадства, на маральныя яго прынцыпы. У такіх умовах жыцця і барацьбы фарміруецца драматычны характар героя, які аддае сябе змаганню за светлыя ідэалы. Галоўны герой паэмы М. Танка пад уздзеяннем аб’ектыўных прычын “сам стварае свой лёс дзякуючы асаблівасцям сваёй ідэі, якую ён хоча дасягнуць у паўнаце калізій сярод дадзеных і ўсвядомленых абставін” [7, с. 254].

М. Танк імкнецца паказаць героя ў найвышэйшым напружанні яго духоўнага жыцця, які шукае адказы на трагічныя пытанні гісторыі і ўступае ў барацьбу з несправядлівымі сацыяльнымі і маральнымі парадкамі, з пануючымі сіламі прыгнёту і зла.

Невыпадкава, каб паказаць духоўны рост, свядомасць героя, М. Танк у драматычнай паэме “Мікалай Дворнікаў” умоўна падзяляе твор на дзве

часткі, так бы мовіць, вылучае дзве арэны барацьбы – заходнебеларускую і іспанскую. Першая з іх адлюстравана, як мы заўважылі, у асобных эпізодах і самых важных фактах – у разліку на шырока дасведчанага чытача. Хаця, як нам здаецца, у гэтай частцы твора прасочваецца некаторая схематычнасць у дзеянні героя, не хапае паглыбленай мастацкай прапрацоўкі падзей і ўчынкаў Дворнікава. Гэта не можа быць апраўдана тым, што ў драматычнай паэме сюжэт разгортваецца не так напружана, як, скажам, у драме ці трагедыі.

Другая частка паэмы больш прадуманая, зладжаная і, на наш погляд, адпавядае духу драматычнага паэмнага жанру з улікам паўнаты псіхалагічных момантаў і перажыванняў герояў. Мэтай гэтай часткі з’яўляецца не толькі апісанне знешніх праяў жыцця і паводзінаў герояў, тытанічных маштабаў барацьбы, але і паказ эстэтычнай паўнаты характару героя, які дае завязку драматычнай барацьбе з самім сабой і ў супярэчнасці са знешнімі абставінамі ці іншымі характарамі. А гэта раскрывае змест і значнасць ідэйнага канфлікту. Унутраны сэнс барацьбы Дворнікава і жыццёвая праўдзівасць ідэйных супярэчнасцей – вось што ў першую чаргу вызначае маштабы драматызму другой часткі твора. Яна як бы кампенсуе першую ў паказе каларытных сцэн народнага жыцця і ахвярнай барацьбы.

Ёсць паміж гэтымі напружанымі арэнамі барацьбы яшчэ і свой структурна важны “пераходны ўчастак” – дарога праз Татры і Пірэнеі. У развагах героя, якія прысвечаны гэтаму моманту, – пераходу, ажывае рамантыка прыгод:

Дарогі, бачыце, якія...:

То на гару

З канём драбіны цягнеш,

То стрымгалоў

З гары ляціш у пекла [5, с. 147].

.....
Не дождж, а безліч Сіклавіц

*Абрушыліся з неба.
Патокі ўздрыбіліся ашалела...* [5, с. 150].

Гэты рамантычны настрой у паэме ідзе ад традыцый нацыянальнага фальклору, творча пераасэнсаванага М. Танкам. Паэт карыстаецца ў дадзеным выпадку белым вершам, што дае яму магчымасць рабіць неабходныя паўзы. Да таго ж аўтар імкнецца ўзмацніць рытмічны пачатак верша, што ў сваю чаргу надае натуральнасць дыялогу ў драматычных сцэнах. Каб паказаць Дворнікава больш рэльефна і маштабна, М. Танк уводзіць у паэтычную тканіну паэмы прадуманую сістэму вобразаў (Газда, Баец, Баген, Ткачоў, Цыганка і інш.). Гэтыя персанажы жывуць у творы па законах аўтарскай выдумкі і нясуць адпаведную ідэйна-сэнсавую і мастацкую нагрузку. Праз вобразы паэт больш поўна раскрывае ўчынкі, дзеянні і ўнутраны стан цэнтральнага героя. Кранаюць і пераконваюць паэтычныя сцэны сустрэчы і размова Герасіма (адна з мянушак Дворнікава. – Х.Г.) з правадніком – старым чалавекам Газдом, які некалі сам хаваўся ад жандармаў, а зараз патурае сваім кліентам, расказваючы пра сямейныя беды і клопаты. Вобраз правадніка Газды выпісаны ў драматычна запамінальнай форме дыялогу з галоўным героем. Ён па-народнаму мудры, таму маналогі яго выглядаюць па-сапраўднаму паэтычнымі:

*Я нат не прыгадаю, сынку,
Хто з нас старэйшы:
Ці Гевонт, ці я.
Хутчэй, што разам з ім
З’явіліся на свет мы.
Бо той жа снег
Ляжыць на нашых скронях.
А што да пацер –
Даўняя фацэція,
Якая, бачу, і да вас дайшла.
Калі жаніўся,
Ксёндз мне не хацеў даць шлюбам,
Таму што я не знаў ніякіх пацер,
Хоць я ўзамен і абяцаў яму
Прапець гуральскія ўсе нашы песні,
Прывалячы мядзведзя шкуру,*

*Ахвяраваць на аднаўленне алтара,
На пазалоту
Маткі боскай і анёлаў* [5, с. 147–148].

М. Танк у характэрнай яму манеры псіхалагічна тонка паказвае, як мяняюцца ў Газды погляды на рэчаіснасць, на свет. То мы яго бачым строгім і непаступным, то герой становіцца весельчаком. Такім ён паўстае, калі ўспамінае выпадак з ксяндзам, які адмовіў яму ў шлюб. Гэтыя “змены” ў многім пашыраюць уяўленні пра свет народнага жыцця, паглыбляюць эпічны дыяпазон драматычнай паэмы. Кожны радок пра герояў насычаны подыхам гераічнага змагання. Тут праявілася майстэрства паэта, вышыня яго духоўнасці, грамадзянскае светаадчуванне. Драматызм у частках “У Татрах”, “Кроў на штыку” ўражвае напружанасцю псіхалагічнага малюнка. Мікалай Дворнікаў увесь час жыве з думкай: “Каб хаця не спазніцца...!”. Герой павінен паспець і туды, дзе адбываецца барацьба дабра і зла. Драматызаваныя эпізоды з жыцця Мікалая Дворнікава асэнсоўваюцца паэтам як пасведчанне трагічнага лёсу вядомага змагара за дэмакратычныя свабоды, пасведчанне яго актыўнай грамадска-гістарычнай дзейнасці, самаадданай барацьбы за правы іспанскага народа.

З эстэтычнага пункту гледжання, элементы драматычнай структуры падпарадкоўваюцца тут законам жанру, яны дапамагаюць выказаць галоўнае – перадаць трагічнае сутыкненне XX стагоддзя ў найбольш абагульненнай форме, галоўным структураўтваральным стрыжнем якой з’яўляецца асабістая пазіцыя мастака-змагара. Праз некаторы час мужны “Герасім” паяўляецца на перадавой лініі ў Іспаніі, дзе пачаўся адкрыты бой з фашызмам: “... Адкрыты бой пачаўся між цемрай і святлом, між смерцю і жыццём” [5, с. 159].

Заходняя Беларусь...Татры...Іспанія... Такі дыяпазон у творы, геаграфія юнацтва паэта і яго пакалення. З дваццатай і да

апошняя частка паэмы распавядае пра змаганне Мікалая Дворнікава супраць фашызму ў Іспаніі. М. Танк імкнецца паказаць маральнае аблічча галоўнага героя, творча пераасэнсоўваючы яго ролю і месца ва ўмовах вострай барацьбы, жыццё і смерць, гераічную сутнасць яго справы. Па драматычным напаўненні, па трагічным нападе найбольш значнымі, безумоўна, з'яўляюцца тыя часткі паэмы ("Бой пад Альбестам", "Лінія агню", "Адкрыты бой", "No pasaran"), у якіх увасоблены бой у гарах Эстрададурі. У іх – вяршынная раскрыццё гераікі і трагізму, калі дзейнага, валявога, вытрыманага і знаходлівага стратэга Дворнікава, мы бачым "на лініі агню". Ён быў у складзе інтэрбрыгады, куды ўваходзілі байцы розных нацыянальнасцей, і быў гатовы аддаць сваё жыццё дзеля вызвалення іспанскай зямлі ад фашыстаў. Напал змагання быў такі, што "здавалася, сышліся ў рукапашнай не людзі, а Эстрададурі горы, ахопленыя полымем і дымам" [5, с. 170]. Гэта адзін з кульмінацыйных момантаў паэмы:

*Знаць, як найбольш хацелася яму
З няволі вызваліць зямлі іспанскай
Для тых, што век над ёй схілялі плечы,
Для тых, што яе потам арашалі,
Для тых, што ёй жадалі шчасця, міру.
Лавіна мараканскай кавалерыі
Абрушылася на шаўчэнкаўцаў атрад*
[5, с. 171].

У апошнім баі герой быў пасечаны шаблямі мараканскай кавалерыі. Мікалай Дворнікаў гіне гераічнай смерцю ў шэрагах барацьбітоў-антыфашыстаў у Рэспубліканскай Іспаніі. Ён гіне за ўсеагульную справу вызвалення і выратавання народа ад фашысцкай навалы. Тут з асаблівай сілай праяўляецца ўласцівы драматычнай паэме ўзвышаны, высокапафасны стыль, што ў многім узыходзіць да рамантычных прыкметаў мастацкага ўвасаблення барацьбы чалавека, які вырашыў прысвяціць сябе народнай справе, усведамляючы ўласную асуджанасць. Як справядліва падкрэслівае У. Калеснік, "дух гераічнай

трагедыінасці бярэ верх у паэме над інфармацыйнай стрыманасцю" [4, с. 154]. Сапраўды, у гэтым сцвярджэнні крытык мае рацыю. Драматычная паэма М. Танка – гэта высокая, засведчаная сродкамі эпаса вернасць аднаму з блізкіх таварышаў, вернасць ідэалам інтэрнацыянальнага фронту антыфашысцкай барацьбы. А гэта барацьба патрабавала максімальнага напружання духоўных і фізічных сіл народа.

Героі ў паэме "Мікалай Дворнікаў" па сваёй існасці па-сапраўднаму моцныя і самаадданыя. Усе, хто змагаўся некалі з фашызмам у іншай краіне, змагаўся таксама за сваю ідэю, якая супрацьпастаўлялася ідэі і светаўспрымання фашысцкай Германіі. Гіне галоўны герой паэмы, і гінуць людзі па-за кадрам твора, але справа, якой яны служылі, бессмяротная. Так было ў жыцці, і так паказана гэта Максімам Танкам. Але разам з тым, як справядліва падкрэслівае літаратуразнаўца Д. Бугаёў, узнаўляючы мастацкім словам Мікалая Дворнікава, паэт "асцерагаўся фальшу залішнегучнага ўслаўлення, якое не адпавядала б характару героя. Адсюль ідзе імкненне да фактычнай заглыбленасці твора, дакументальнасці ў ім" [6, с. 266]. У словах крытыка ёсць доля ісціны. Гэта пацвярджаюць і іншыя матывы паэмы. На працягу ўсяго твора М. Танк узнаўляе не аднаго рэальнага героя: Паўлам ён называе дзеяча рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі, удзельніка Вялікай Айчыннай вайны, генерала Войска Польскага С.М. Малько; Пятром – М.С. Арэху. Усе яны сябры, якія з'яўляюцца вернымі сынамі Радзімы, людзьмі мужнымі і праўдзівымі, шчырымі змагарамі з фашыстамі.

М. Танк адзначае адданасць Дворнікава сваёй справе. Ён малое яго ўпэўненым, магутным воінам, якім і быў той пры жыцці. Абапіраючыся на вялікі жыццёвы матэрыял, паэт напісаў твор, што стаў наватарскім у жанравай разнавіднасці паэмы, у адлюстраванні

эстэтычна ўзноўленага свету барацьбы ў самых “гарачых кропках” мінулага стагоддзя. Сам “вобраз гераічнага змагара, – падкрэслівае Д. Бугаёў, – атрымаўся ў паэме змястоўным і пастаццю вельмі пераканальным” [6, с. 267]. Да таго ж, сплаў гістарычнага, дакументальнага і філасофскага стаў матэрыяльнай асаблівасцю паэмы “Мікалай Дворнікаў”. Жыццё галоўнага героя заканчваецца трагічна, але твор гэтым не завяршаецца. Перад смерцю ён мроіць, праходзяць абрывістыя ўспаміны:

*Ён бачыць родны Сож,
А ў лодцы з ім – каханая дзяўчына.
Не ўспомніць толькі, як яе завуць*
[5, с. 173].

Выкарыстаная ў творы ўмоўна-абагульненая паэтыка дазваляе аўтару не толькі ўзнаўляць самыя разнастайныя характары і сітуацыі, але і гранічна пашырыць аб’ём жыццёвых з’яў. Магчыма таму М. Танк не заканчвае сваю паэму смерцю героя. Асаблівасці паэтычнага бачання дазваляюць аўтару зноў прывесці “Стаха Тамашэўскага” (падпольная мянушка Мікалая Дворнікава) у Вільню, вярнуць на дарогі маладосці.

Асабліва хацелася б звярнуць увагу на наяўнасць у паэме эстэтычна актыўных рэплік і рэмарак. Яшчэ І. Бехер у свой час лічыў, што яны “з’яўляюцца моцным сродкам у развіцці вобраза ў творы” [7, с. 214]. Адна і тая ж рэмарка можа выконваць самыя розныя функцыі ў залежнасці ад драматычнага моманту, ад агульнага характару дзеяння. Часам рэмарка поруч з інфармацыйнасцю набывае эпічную, лірычную, нават публіцыстычную ўласцівасць. Напрыклад: “Іспанія. 1937 год. Над полем бою вецер пераганяе хмары дыму...” [5, с. 159]; або “Зрытыя акапі і снарадамі, выпаленыя сонцам у гоме неспіханай кананады і ў бліскавіцах выбухаў схілы гор” (Эстрамадуры) [5, с. 169]. Такая ж роля адведзена і рэпліцы. Толькі разам яны набываюць

паэтычную і драматычную моц. Усімі гэтымі сродкамі паэтычнай выразнасці аўтар наблізіўся да адной з межаў драматычнага мастацтва.

Такім чынам, М. Танк знайшоў магчымыя формы эстэтычнага засваення дакумента, выкарыстоўваючы факт і домисел у тых выключных, але і натуральных для паэмы момантах, калі дзеянне ўзвышаецца да героіка-трагічнага піку. Першапачатковая ж устаноўка на “празаічнае” зазімленне, імітацыя дзелавага дакумента, нават спроба здзівіць чытача голымі фактамі (як гэта назіралася ў першай частцы паэмы) – усё гэта вызвалілася ад палемічнага завастрэння, перабольшання і пэўнай наўмыснасці, згарманізавалася ў фінальнай частцы пад уздзеяннем героіка-трагічнага напружання. Гэта шырокая літаратурная і гістарычная культура спатрэбілася М. Танку для паўнакроўнай рэалізацыі творчай задумы.

Заклучэнне. Завяршаючы аналіз паэмы М. Танка “Мікалай Дворнікаў”, хацелася б звярнуць увагу на істотную асаблівасць гэтага драматычнага жанру. Аўтар імкнуўся ў творы прасачыць сувязь часоў на матэрыяле біяграфіі адной асобы (гэта спецыфіка драматычнага жанру), засяроджваючы ўвагу на знешнім і ўнутраным свеце чалавека, змяшчаючы яго ў насычаны вялікімі падзеямі час. Ён усведамляецца ў паэме як эпіцэнтр памкненняў мінулага, сённяшняга і будучага. Гэтым самым М. Танк паспяхова вырашыў складаную праблему сувязі мінулых часоў з сучасным, выкарыстоўваючы не толькі падсвядомую, якая сама сабой напрошваецца, асацыятыўную пераклічку, але, што асабліва каштоўна, накладваючы гэтую сувязь непасрэдна ў межах самога твора. Тым самым выпрацоўваліся новыя падыходы да пашырэння жанравы-стылёвых форм драматычнага жанру.

Творчымі пошукамі Максіма Танка нацыянальная драматычная паэма набыла большую мастацкую выразнасць, паліфанічнасць і дакладнасць ідэйна-

філасофскай накіраванасці. У параўнанні з даваенным перыядам непамерна пашырыліся ідэйна-тэматычныя далягяды драматычнага жанру; мінулае народа стала адным з найбольш жыватворных вытокаў паэтычнага пачуцця, а гэта ў значнай ступені прывяло да таго, што драматычная паэма загучала пераважна як паэма гісторыка-гераічная. Узбагаціўся ў цэлым мастацкі арсенал жанру, у прыватнасці, стаў больш разнастайным верш драматычнай паэмы.

Як відаць з аналізу твора, развіццё беларускай драматычнай паэмы ідзе ў цэлым па ўзыходзячай лініі. У гэтай сувязі хочацца абвергнуць замацаваную ў замежнай эстэтыцы думку аб тым, што “вершаваная форма наўрад ці будзе мець значнае прымяненне ў драме бліжэйшай будучыні. Таму яна знікне” [8, с. 717]. Як мы пераканаліся, выказванне Г. Ібсэна не знайшло свайго практычнага пацвярджэння ў беларускай літаратуры. Насуперак песімістычнаму прагнозу, вершаваная форма не толькі не знікла з драматычнага роду літаратуры, але і значна ўзбагацілася якасна новымі структурна-паэтычнымі ўласцівасцямі і ўтварэннямі. У працэсе развіцця літаратуры ў ёй адбываецца своеасаблівае “назапашванне” мастацкага вопыту, які не можа потым не ўлічвацца, вызначаючы новыя дасягненні жанру. Тым самым адбываецца яго развіццё і ўзбагачэнне. І сёння драматычная паэма паўстае перад намі як складаная, выключна ёмістая форма асэнсавання ідэйна значных паэтыка-філасофскіх праблем. Аўтары звяртаюцца да вузлавых, найбольш актуальных, вырашальных момантаў нацыянальнага гістарычнага вопыту. Пра гэта красамоўна сведчаць драматычныя паэмы А. Куляшова “Хамуціус”, М. Ароцкі “Крэва”, “Судны дзень Скарыны”, В. Коўтун “Суд Алаізы”, У. Дзюбы “Доктар Росель”, Р. Баравіковай “Рагнеда”, А. Дударова “Чорная панна Нясвіжа” і інш. Гэта “тыя

моманты, – як лічыць Ю. Марцінкевічус, – у якіх больш ярка ўсяго праявіўся лёс народа і яго будучыня” [10, с. 147].

Канешне, жанр драматычнай паэмы цяжкі і патрабуе для авалодання ім значнага таленту, большай духоўнай і грамадзянскай сталасці. І тым не менш, ёсць падставы сцвярджаць, што драматычная паэма ступіла на новую паласу свайго развіцця, што ў ёй адбываюцца сур’ёзныя і плённыя зрухі і змены. У сучаснай драматычнай паэме прыкметна пашырылася сацыяльна-гістарычная тэматыка і праблематыка, у аўтараў узмацнілася цяга больш цесна ўвязваць факты мінулага і сучаснага з асноватворчымі пытаннямі быцця. Такая творчая задача па сіле толькі вялікай

вершаванай форме. Драматычная паэма
выразна паказала, што яна здольная
вырашаць пастаўленыя жыццём задачы.

Літаратура

1. Помознев, Ю. Дерево памяти / Ю. Помознев // Лит. газета. – 1978. – 17 мая.
2. Загорская, Н. Прайсці праз вечнасць / Н. Загорская // Чырвоная змена. – 1980. – 17 лют.
3. Калеснік, У. Гераічны рэквіем / У. Калеснік // Літ. мастацтва. – 1979. – 27 крас.
4. Калеснік, У. М. Танк. Нарыс жыцця і творчасці / У. Калеснік. – Мінск: Маст. літ., 1981. – 189 с.
5. Танк, М. Збор твораў: у 6 т. / М. Танк. – Мінск: Маст. літ., 1980. – Т. 5. – 480 с.
6. Бугаёў, Д. Паэзія Максіма Танка / Д. Бугаёў. – 2-е выд., выпр. і дап. – Мінск: Беларус. навука, 2003. – 310 с.
7. Бехер, И. В защиту поэзии / И. Бехер. – М.: Изд-во Иностран. лит-ра, 1959. – 372 с.
8. Гегель, Г. Сочинения / Г. Гегель. – М.: СОЦЭКГИЗ, 1958. – Т. XIV.
9. Ибсен, Г. Собр. соч.: в 4 т. / Г. Ибсен. – М.: Искусство, 1959. – Т. 4. – 823 с.
10. Марцинкявичюс, Ю. Судьбы поэмы / Ю. Марцинкявичюс // Вопросы литературы. – 1966. – № 10. – С. 144–151.

Паступіў у рэдакцыю 30.01.2012 г.

Прыняты ў друк 25.06.2012 г.

УДК 808.26(043)

Мастацкае асэнсаванне падзей Вялікай Айчыннай вайны ў драматургіі Віцебшчыны

Аляксеева Т.У.

*Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск*

У артыкуле раскрываецца мастацкае асэнсаванне падзей Вялікай Айчыннай вайны ў драматургіі Віцебшчыны. Падрабязна аналізуюцца п’есы Аркадзя Маўзона, Міколы Матукоўскага, Уладзіміра Караткевіча, Аляксея Дударова, Барыса Кантаровіча, Генадзя Катлярова. Характарызуецца жанравая спецыфіка твораў, акрэсліваюцца рэгіянальныя адметнасці ў спадчыне пісьменнікаў пры адлюстраванні падзей Вялікай Айчыннай вайны. Адзначаецца, што аўтары з дакладнасцю перадаюць гістарычныя факты, падкрэсліваюць гераізм і самаахвярнасць беларусаў дзеля Радзімы. Драматургі сыходзяцца ў сваіх поглядах на конт вынішчальнага характару вайны, выказваюць негатывнае стаўленне да гэтай жудаснай з’явы. Для Г. Катлярова, Б. Кантаровіча, А. Маўзона, М. Матукоўскага актуальнай стала прывязка дзеяння п’ес да віцебскага рэгіёна, ужыванне геаграфічных назваў дадзенай мясцовасці, ілюстрацыя лёсу і падзвігаў сваіх землякоў, паказ самаадданай барацьбы партызан. Падыходы да асэнсавання падзей Вялікай Айчыннай вайны ў драматургічнай спадчыне Віцебшчыны мяняліся ў залежнасці ад часу, у які былі напісаны творы.

Ключавыя словы: *віцебскі рэгіён, мясцовая драматургія, лакальныя геаграфічныя назвы, падзеі Вялікай Айчыннай вайны, рэгіянальныя адметнасці.*

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 152–160)

Artistic comprehension of the events of the Great Patriotic War in dramatic works of Vitebsk region

Alekseeva T.V.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

The article considers artistic comprehension of the events of the Great Patriotic War in dramatic works of Vitebsk region. A. Dudarev’s, A. Mavzon’s, N. Matukovski’s, B. Kantarovich’s, G. Kotlyarov’s, V. Korotkevich’s plays are analyzed in details. Genre peculiarities of the works are analyzed, regional features in the writers’ heritage while presenting the events of the Great Patriotic War are noted. The playwrights represent historical facts exactly; describe heroism and self-sacrifice of Belarusian people. The playwrights unite in their ideas of the devastating character of the war, they express negative attitude to this horrible phenomenon. G. Katlyarov, B. Kantarovich, A. Mauzon, M. Matukouski set the action of the plays in Vitebsk region, the plays are characterized by a great number of local geographical names. The authors illustrate life and heroic deeds of their fellow-countryman and selfless struggle of partisans. Approaches to understanding the events of the Great Patriotic War in the plays of Vitebsk region transformed regarding the time when the plays were written.

Key words: *Vitebsk region, local dramatic works, local geographical names, Great Patriotic War events, regional peculiarity.*

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 152–160)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: Alekseevata@mail.ru – Т.У. Аляксеева

Тэма Вялікай Айчыннай вайны займае значнае месца ў беларускай літаратуры. Мастакі слова з дакладнасцю перадаюць сапраўдныя факты, выкарыстоўваюць багаты гістарычны матэрыял. Акцэнтуюцца ўвага на паказе гераізму і подзвігаў беларусаў, іх самаахвярнага служэння Бацькаўшчыне. Аляксей Дудараў перакананы, што «пра вайну нельга складаць небыліцы... Але ж не ўсё можна ў гісторыі, і нягледзячы на тое, наколькі тыя ці іншыя падзеі аддалены ад нас, усё роўна неабходна прытрымлівацца гістарычнай праўды» [1, с. 6]. Драматургі віцебскага рэгіёна па-мастацку пераасэнсоўваюць ваенныя падзеі, ёміста раскрываюць змаганне тагачасных мясцовых жыхароў, ілюструюць дзейнасць вядомых гістарычных асоб. Засяродзім сваю ўвагу на драматургічнай спадчыне Аркадзя Маўзона, Міколы Матукоўскага, Уладзіміра Караткевіча, Аляксея Дударава, Барыса Кантаровіча і Генадзя Катлярова. У беларускім літаратуразнаўстве разглядаюцца творы пералічаных аўтараў у працах С. Лаўшука, Г. Коласа, А. Сабалеўскага, В. Маслоўскага, А. Сямёнавай, А. Мальдзіса, Э. Садаўнічага, А. Русецкага і іншых. Разам з тым адсутнічае сістэмнае даследаванне па асэнсаванні падзей Вялікай Айчыннай вайны ў драматургіі Віцебшчыны.

Мэта даследавання – выяўленне адметнасцей асэнсавання ваенных падзей драматургамі віцебскага рэгіёна.

Матэрыял і метады. Метадалагічную аснову артыкула складае параўнальна-супастаўляльны прынцып даследавання, які дае магчымасць выявіць агульнае і адметнае ў стылёвай манеры пісьменнікаў, паказаць жанравую спецыфіку іх твораў. Аб'ектам увагі з'яўляецца драматургічная спадчына аўтараў Віцебшчыны, якая раскрывае ваенныя падзеі.

Вынікі і іх абмеркаванне. У канцы 40-х – 50-х гг. XX ст. пасля нядаўніх ваенных падзей драматургія толькі пачынала звяртацца да тэмы вайны.

Заўважым, што дамінавала гераізацыя подзвігу беларускага народа. Аўтары імкнуліся выпісаць у творах мужных абаронцаў Айчыны, супрацьпаставіць іх ворагам.

Актыўнае развіццё на Віцебшчыне ў гады Вялікай Айчыннай вайны меў падпольны і партызанскі рух. Варта ўзгадаць дзейнасць легендарнага змагара за волю і незалежнасць краіны Канстанціна Сяргеевіча Заслонава. Вядома, што вайна застала яго ў Оршы, дзе ён працаваў начальнікам паравознага дэпо. Пры падыходзе ворагаў да горада ён эвакуіраваўся ў Маскву, потым вярнуўся з партызанскім атрадам назад. У Оршы наладзіў сувязь з падполлем і ўладкаваўся на працу ў паравознае дэпо. Сваімі сіламі нямецкія акупацыйныя ўлады не маглі забяспечыць функцыянаванне чыгуначнага вузла, таму вымушаны былі выкарыстоўваць для працы мясцовае насельніцтва. За “тры месяцы дзейнасці К. Заслонава ў дэпо было зроблена 98 крушэнняў варожых цягнікоў, выведзена са строю больш за 200 паравозаў, многа вагонаў з ваеннай маёмасцю” [2, с. 3]. Чыгуначны рух па накірунках Орша–Віцебск, Орша–Смаленск, Орша–Лепель сістэматычна парушаўся. Аршанская падпольная дыверсійная арганізацыя, якой ён кіраваў, складалася з шэрагу груп колькасцю па 5–7 чалавек. Заслонаў асабіста даваў заданні кожнай групе, заўсёды быў верны сваім словам: “Немца мы с мечом, с огнём, танками и самалётами к себе не звали, он сам пришёл привёв в действие средства вооружения, так, пусть же он поганый немчур и знает, что он же от тех средств и погибнет” [3, с. 71]. У лютым 1942 года гітлераўцы запоздозрылі Заслонава ў падпольнай дзейнасці, таму ён пакінуў найбольш свядомых рабочых у Оршы для дыверсійнай працы, а сам стварыў партызанскі атрад у лесе. Загадам начальніка Беларускага штаба партызанскага руху Канстанцін Сяргеевіч быў прызначаны камандзірам партызанскай зоны, у склад якой

уваходзілі Аршанскі, Сенненскі, Багушэўскі і Талачынскі раёны. Загінуў змагар ў лістападзе 1942 года ў няроўным баі з фашысцкімі карнікамі ў вёсцы Купаваць Сенненскага раёна.

Вобраз вышэйназванага героя ярка раскрыты ў драматургіі Віцебшчыны. Разгледзім п'есы "Канстанцін Заслонаў" (1947) А. Маўзона і "Паядынак" (1985) М. Матукоўскага. Гераічная драма "Канстанцін Заслонаў" А. Маўзона напісана адразу пасля вайны. Аўтар перадае сцэну ўладкавання на працу па ўласным жаданні былога начальніка Аршанскага чыгуначнага дэпо інжынера Заслонава. Складаны экзамен вытрымлівае герой падчас найму. Менавіта ў гэтым эпізодзе "сутыкнуліся халодны практыцызм Хірта, вельмі абвостраная падазронасць Нейгаўза і не менш абвостраны, глыбока затоены аналіз паводзін сваіх праціўнікаў – у Заслонава. Драматург будзе дзеянні не на выключных якасцях героя, а на глыбокім разуменні абставін: немцам практычна неабходны рускія спецыялісты, і Заслонаў вядзе сутуба практычную размову" [4, с. 122].

Цяжка на душы ў персанажа па той прычыне, што рабочыя лічаць яго здраднікам, аднак выдаваць сябе нельга. Яскрава гэта паказана ў сцэне, калі Крушына (рамонтны майстар дэпо) запуская ў яго гаечны ключ. Былыя сябры не жадаюць размаўляць з ім, з пагардай ставяцца. Заслонаў жа пры немцах паводзіць сябе адпаведна сваёй пасады: рэзка аддае загады, з хітрасцю паказвае сваё прыхільнае стаўленне да варожага боку. Персанаж стварае канспіраваную дыверсійную групу, наладжвае яе плённую працу, з несхаванай радасцю лічыць узарвання варожых паравозы. Кожная смерць падпольшчыка – удар па сэрцы Заслонава. Пераканальна паказвае гэта А. Маўзон, калі апісвае гібель юнака Жэні Аксаніча. Дзейнасць дыверсійнай групы вельмі значная: робяцца вугальныя міны і падкладваюцца ў паравозы, выводзіцца са строю на некалькі дзён чыгуначны вузел, бо

замарожана водаправодная сістэма станцыі, маецца трывалая сувязь з партызанамі. Цэнтральная асоба твора пастаянна шукае новыя спосабы, найбольш правільныя шляхі для шкоды немцам. Ускладняецца дзейнасць героя і наяўнасцю сапраўдных здраднікаў, такіх як, напрыклад, табельшчыка дэпо Бураўчыка. Апошні час пільна сочыць за галоўным героем, падслухоўвае размовы, перадае інфармацыю ворагу.

Здзіўляе фашыстаў стойкасць і моц беларусаў. Гуго Хірт адзначае: "Я баюся, мы нічога не ўлічылі. Не ўлічылі народ, на які пайшлі... Яго псіхікі, яго душы. Людзі паміраюць і не гавораць ні слова..." [5, с. 50]. Высока ацэнена і дыверсійная дзейнасць Заслонава. На думку маёра гестапа Нейгаўза, галоўны герой – "галава, і кожны рабочы ў дэпо, ну, калі не другі, то трэці – яго рукі" [5, с. 44]. Калі Канстанціна арыштоўваюць, сябры не спыняюцца, працягваюць пачатую справу, каб адвесці падазрэнні ад яго. Нездарма аўтар п'есы дакладна пазначае ўзрост Заслонава, праводзіць паралель з Ісусам Хрыстом, кажа, што яму трыццаць тры гады. Думаецца, гэта збліжае дадзеных асоб, пераконвае ў гераічнасці, самаахвярнасці, мужнасці падпольшчыка.

Амаль праз сорок гадоў пасля п'есы А. Маўзона М. Матукоўскім была напісана драма "Паядынак" твор таксама раскрывае той эпізод з жыцця персанажа, калі Заслонаў уладкоўваецца на працу ў Аршанскае дэпо начальнікам рускіх паравозных брыгад. Герой падаецца мудрым, з багатым жыццёвым і практычным досведам, майстрам сваёй справы, добрым псіхолагам. На працягу п'есы адбываецца яго паядынак з прадстаўнікамі варожага боку: Бегерам, Хейге, Вернерам, Маншам.

У кампазіцыйным аспекце твор мае пралог і эпілог, якія лагічна дапаўняюць змест драмы, дапамагаюць лепшаму раскрыццю падзей і характараў герояў. У пачатку п'есы стомленыя, змарнелыя персанажы вяртаюцца з Масквы ў Оршу з канкрэтнай мэтай: пачаць

диверсійную працу ў дэпо, на чыгунках, каб не змагла загінуць іх справа.

Драматург умела перадае псіхалагічныя напружаныя моманты: просьба Заслонава аб прыёме на працу, размовы з ворагамі. Канстанцін Сяргеевіч імкнецца не раскрыць сябе, адразу цікавіцца заробкам, хітра і разумна будзе адказы на пытанні. Па натуре ж сваёй ён душэўны, адкрыты і даверлівы. Выступае і добрым дарадцам для моладзі, што бачна са шчырай гутаркі з дзяўчынай Тоняй на конт кахання, жонкі Рыты.

Заслонава даручаюць набраць для працы вартых людзей, за якіх той будзе адказваць сваім жыццём. Герой пастаянна знаходзіцца ў полі зроку фашыстаў, яго кантралююць, правяраюць, выклікаюць на размовы, што нагадваюць допыты. Ён вядзе небяспечную гульню з захопнікамі. “З рэек сыходзяць цяжкікі, у топках паравозаў разрываюцца міны, падкінутыя спрытнымі рукамі. Мароз скоўвае водаправод на чыгуначнай станцыі, і нямецкім эшалонам няма ходу ні на ўсход, ні на захад. Усім кіруюць нечыя моцныя сілы і розум” [6, с. 63].

Беларускія змагары ўяўляюць сабою адзінае цэлае, перажываюць адно за аднаго, можна трымаюцца на допытах. Напрыклад, калі таварышам становіцца вядома, што Манш з’яўляецца нямецкім разведчыкам, то яны адразу пачынаюць прадумваць далейшую схему дзеянняў, каб папярэдзіць Канстанціна. Значнай для ўспрымання цэласнасці асобы персанажа з’яўляецца прмова яго над брацкай магілай у фінале твора, зварот да жывых, дзе раскрываецца несправядлівасць і антыгуманнасць вайны: “Ніхто і нішто не верне матулі сына, жонцы – мужа, дзецям – бацьку!.. Ад імя тых, хто сёння лёг у гэты узгорак, мы пытаемся ў жывых... Людзі! Вас многа!.. І ніхто з вас не хоча вайны і смерці!.. Што ж вы робіце, людзі?.. Вашай крывёй, якую вы пралілі на войнах, можна напоўніць акіяны! З вашых касцей, што засталіся на палях бітваў, можна насыпаць горы!..” [6, с. 291–292].

Заклікае задумацца грамадства над тым, што робіцца ў свеце, змагацца да таго часу, пакуль не будуць знішчаны ўсе фашысты.

Як бачна, абедзве п’есы перадаюць значны этап дзейнасці падпольшчыка Канстанціна Заслонава, выяўляюць усю веліч, унутранае хараство дадзенай асобы. Галоўная задача А. Маўзона – раскрыць характар персанажа ў час змагання з фашыстамі, паказаць яго разумовыя здольнасці, гераізм духу. М. Матукоўскі ў сваёй драме акцэнтуюе ўвагу на паядынку патрыёта з немцамі, на барацьбе інтэлектаў. Назіраецца спалучэнне дакументальнай асновы твора з прыгодніцкім элементам.

Рамантызацыя гісторыі характэрна для У. Караткевіча. У драме “Млын на Сініх вірах” (1957) спалучаецца апісанне ваенных падзей лета 1942 года з імкненнем аўтара выклікаць павагу ў беларусаў да сваіх каранёў, мовы. Письменнік невыпадкова бярэ за эпіграф словы Дантэ:

*Стварылі вас не для жывёльнай долі, –
Для доблесці і ведаў. Людзі вы!* [7, с. 247].

Нямецкія вайскоўцы горш за звяроў, бо такія якасці, як спагада, павага да старых, жанчын ім не ўласцівыя. Чалавечнасць становіцца крытэрыем для размежавання персанажаў на станоўчых і адмоўных. Аўтар не вылучае ў творы канкрэтную дзеючую асобу, героямі варта лічыць усіх без выключэння. Гэта Тэклія Каваль, Андрэй Лаўрановіч, Марыся, Елпідзіфор Дзюбка і іншыя. Дадзеныя людзі гінуць з годнасцю, застаюцца вернымі свайму народу, агульнай справе. Смерць дзеля жыцця іншых становіцца іх абавязкам. Напрыклад, Андрэй Лаўрановіч кажа: “...Мы не тыя, што скуголяць. Мы сталі людзьмі... Душу нашу зламаць нельга... Нас у багне тапілі – мы заставаліся жыць, нас прыгняталі пад варожай пятай – мы жылі і паўставалі, у нас адбіралі мову – мы спявалі нашы песні, на нас ішлі навалаю – мы адказвалі Піленамі, Крутагор’ем і Грунвальдам, нас знішчаюць зараз – мы знішчаем вас” [7,

с. 293]. Выяўляецца сапраўды чалавечае ў іх. Андрэй і Марыся шчаслівыя, бо кахаюць адзін аднаго, бо выканалі сваё заданне, засталіся адданымі Радзіме. Тэкля параўноўваецца з вялікай драпежнай птушкай, якая ў любы момант можа накінуцца на ворага. Жанчына атруціла немцаў, самаахварна дапамагаючы абаронцам Айчыны. Яна пераможца, бо непамерна вышэй за фашыстаў. Жоравы, што адлятаюць на поўдзень, быццам выконваюць гімн жанчыне. Нямецкае кіраўніцтва таксама здзіўляецца непакіснасці духу славян. Аднак званне чалавека ўласцівае не кожнаму, яго “кожнаму трэба заслужыць” [7, с. 286]. Многія не вытрымліваюць цяжару вайны. Толькі ў жудасных умовах раскрываецца і сапраўднае аблічча чалавека. На вайне нараджаюцца здраднікі, якія дзеля свайго ўласнага дабрабыту ахвяруюць жыццём іншых, жадаючы перайсці на бок фашыстаў. Віктар Сміхальскі прапануе каханай дзяўчыне ўсё кінучы, збудаваць жылло і існаваць толькі для сябе. Трапіўшы да немцаў, пасля першага ж катавання, ён здраджвае Радзіме, сябрам.

У “Заўвагах для артыстаў” пісьменнік адзначае, што драма рамантычная, а цэнтральнай дзеючай асобай з’яўляецца “народ, добры і памяркоўны да сяброў, люты і бязлітасны да ворага, народ з аналітычным розумам Каляды, з мудрай іроніяй Цыкмуна, з дзівацкім скепісам і бязмернай любоўю да Радзімы Дзюбкі, з таямнічай змрочнасцю Тэклі Каваль, з пяшчотнасцю Марысі і нязломнасцю Андрэя...” [7, с. 297]. Гэтыя людзі аказвалі вялікую дапамогу партызанам, забяспечвалі бесперапынны пастаўкі хлеба ў нялёгкі для краіны час.

Адвечнае пытанне бацькоў і дзяцей таксама хвалюе пісьменніка. Гэта шчырыя, сяброўскія ўзаемаадносіны ў сем’ях Лаўрановічаў і Асінскіх, дзе старэйшае пакаленне заўсёды выслухае малодшае, прапануе карысныя парады.

Перадаючы “драматычныя, нават трагічныя падзеі з жыцця беларускага

народа, пісьменнік закранае пытанні нацыянальнага характару, лёсу нацыянальнай культуры, самога існавання нашага народа як беларускага” [8, с. 103]. Выказваецца спадзяванне, што беларусы раскрыюцца па-сапраўднаму праз стагоддзе.

У 80-я гады XX ст. у драматургіі назіраецца імкненне да асэнсавання агульначалавечых, філасофскіх пытанняў праз паказ ваенных падзей. П’есам уласцівы псіхалагізм думкі і ўчынку. Актуальнай становіцца праблема захавання маральнай чысціні чалавека на вайне. Рэалістычны падыход да адлюстравання падзей Вялікай Айчыннай вайны прыйшоў на змену рамантычнаму.

У п’есе “Узлёт” (1980) А. Дударова тры лётчыкі (капітан Барткевіч, штурман-лейтэнант Грышчук, стралок-радыст Вагура) трапляюць у палон да немцаў. Іх самалёт быў падбіты ў час Вялікай Айчыннай вайны, аднак спрытнымі намаганнямі капітана пасаджаны спецыяльна на калону варожай тэхнікі. Групенфюлер Грэйвіц праводзіць эксперымент, каб высветліць псіхалагічныя прычыны вернасці чужаземцаў свайму ваеннаму абавязку, учыняе маральныя і фізічныя іспыты. Адбываецца прафесійная гутарка з героямі з прапановай перайсці на нямецкі бок, таму перад імі паўстае праблема выбару – здрадзіць Бацькаўшчыне ці не. Аўтар адзначае, што ўсе трое да канца жыцця застаюцца нязломнымі, сумленнымі людзьмі.

Грэйвіц здзіўлена сцвярджае Барткевічу: “Вы альбо сляпы фанатык, альбо псіхічна хворы чалавек, што ўрэшце адно і тое ж” [9, с. 208]. Ён мае рацыю, зразумеўшы наступную ісціну: «Чалавек, які не пабаяўся пайсці на верную пагібель адзін раз, не спалохаецца, калі яго будуць біць, ламаць рукі, заганыць пад пазногці іголки... Гэта аксіёма” [9, с. 190–191].

Аляксей Дударав даказна пераконвае, што вайна – гэта жудасная з’ява, зло, а фашызм – “хвароба чалавецтва” [9,

с. 208]. Неаднаразова героі задаюць пытанне наконт часу яе заканчэння, даводзячы, што варта спыніць баявыя дзеянні. Да кожнага лётчыка прыходзіць прывід маці, якая застаецца з імі да канца жыцця. Перад смерцю яны ўспамінаюць сваё жыццё да вайны. Жанчына-пакутніца таксама трапіла пад расстрэл, аднак яна неўміручая, спявае калыханку для мужчын. Драматург даводзіць: вайскоўцы не загінулі, а толькі заснулі, памяць пра іх будзе вечнай. Кукаванне зязюлі і прыход восені – сімвалічныя, жыццесцвярджальныя элементы.

Знаходзяцца і здраднікі на вайне (Шумскі, Мардаты), якія далучаюцца да фашыстаў, каб не загінуць. Мардаты гаворыць галоўным героям аб тым, што той, хто здраджвае, не вінаваты, яго прымушаюць абставіны: “... Юда не сам здрадзіў, яго прымусілі! Ён абавязаны быў здрадзіць, каб потым усе людзі адчувалі віну за загубленага Хрыста. І мяне прымусілі!..” [9, с. 218]. Барткевіч жа лічыць, што ў Мардатага памерла душа, таму той не змог “выстаяць, вытрымаць” [9, с. 218]. Па віне Шуйскага, які “да начальства лез без мыла, круціўся, як скура на сабаку” [9, с. 188], была расстраляна сям’я Цубаніка.

Аўтар пацвярджае, што толькі ў самых бесчалавечных абставінах раскрываецца сапраўдная існасць кожнага. Калі трэба нечым ахвяраваць, ад нечага адмовіцца насуперак сабе, праяўляецца ўся чалавечая годнасць. Філасофская праблема жыцця і смерці таксама набывае актуальнасць у п’есе “Узлёт”. Капітан Барткевіч зазначае: “Цяжэй за ўсё заслужыць смерць, якая вартая чалавека... Гэта як узнагарода за ўсё жыццё...” [9, с. 219]. Невыпадкова ўведзена ў мастацкую тканіну твора казка пра смерць. Сутнасць яе заключаецца ў тым, што добрасумленны чалавек і пасля смерці застаецца жыць у тых справах, якія зрабіў. Завастраецца ўвага і на тым, што “чалавечыя жыццё ў адносінах да вечнасці – бліскавіца” [9, с. 221]. Самае галоўнае, каб гэтая

бліскавіца ўспыхнула як мага ярчэй, пакінула пасля сябе значны след, як зрабілі галоўныя героі драматычнай аповесці.

П’есу “Радавыя” (1984) А. Дударава Віталь Маслоўскі называе паклонам “выратаванага пакалення тым, хто яго выратаваў” [10, с. 74], а ўнутраную сюжэтную лінію акрэслівае як “выпрабаванне вайной” [10, с. 74]. Драматычная балада ілюструе перыяд заканчэння вайны. Паказваюцца звычайныя радавыя, іх мары, памкненні ўвесну. Падобныя па напісанні словы “вайна” і “вясна” – антанімічныя з’явы. Першая нясе разбурэнне і смерць, а другая – абуджэнне, новае жыццё. Менавіта таму так раздражнёна паводзяць сябе некаторыя героі, калі чуюць спеў салодкі. У многіх вайскоўцаў страчаны сем’і, жыллё, няма ніякіх далейшых перспектыв. Прысутнічае толькі жаданне памерці. Героі стаміліся, прайшоўшы доўгі шлях змагання, пакутаў. Складана вызначыць, колькі гадоў асобным персанажам. На прыкладзе санінструктара Ліды бачацца няздзейсненыя жаданні жанчын, імкненне выжыць. Недарэчна гіне Дугін перад самай перамогай (ад стрэлу вінтоўкі глуханямога падлетка), Бушцец, які вырашае адпомсціць за сяброў і бацьку. А. Дудараў перакананы, што нельга прайсці ўсю вайну і застацца такім, якім быў да яе пачатку. У гэтай п’есе аўтар таксама гучна заяўляе, што вайна – гэта вялікае зло, якое суправаджаецца вынішчэннем і смерцю.

У канцы XX – пачатку XXI ст. заўважаецца тэндэнцыя да перадачы ў драматургіі саміх ваенных падзей, занатаванне фактаграфічных звестак. Аднак сучасныя аўтары менш увагі надаюць раскрыццю характараў персанажаў, псіхалагізацыі ўчынкаў.

Б. Кантаровіч узнаўляе ў п’есах праўду гісторыі, ілюструе з дакументальнай дакладнасцю дзейнасць знакамітых асоб. Асновамі яго светапогляду з’яўляюцца гуманізм, дэмакратыя і нацыяналізм, якія непасрэдным чынам паўплывалі на

творчую манеру аўтара. У драме з пралогам і эпілогам “Расследаванне ў Іерусаліме” (1995) пераплятаюцца дзве сюжэтныя лініі: суд Халакоста ў Іерусаліме ў 1994 годзе па справе прысваення звання Праведніка свету былому камандзіру партызанскага атрада Мікалая Пенягіну і апісанне змагання партызан у 1941 годзе. Дзеючы персанаж выратаваў жыццё многім яўрэям з Заходняй Беларусі ў ваенны час. На працягу ўсяго твора ўзвільчваецца роля гэтай нацыі, пацвярджаецца актыўнае змаганне яўрэяў супраць немцаў.

Барыс Кантаровіч, як і ўсе драматургі віцебскага рэгіёна, звяртаецца да паказу кахання на вайне, перадачы шчырых і цёплых пачуццяў, узаемадапамогі. Гэта бачна на прыкладзе Пенягіна і Ліны.

У кінасцэнарыі “Палкоўнік Лакціёнаў” (2000) ужываецца мноства выдуманых герояў, сітуацый, аднак мастацкая задума заснавана на рэальных правабразах і падзеях. Хутка мяняецца месца дзеяння ў творы, згадваюцца такія беларускія гарады і мястэчкі, як Лепель, Полацк, Малыя Жаркі, Орша. Часавы прамежак акрэсліваецца з лютага 1942 года па ліпень 1946 года. Б. Кантаровіч перадае гераізм партызанаў у барацьбе за сваю незалежнасць, апісвае расстрэл яўрэйскіх мірных жыхароў, адзначае дапамогу гэтага насельніцтва беларусам. У п’есе драматурга, як і ў творчасці вышэйзгаданых намі аўтараў, зноў актуальнай становіцца праблема выбару перад героямі: быць здраднікамі ці застацца вернымі краіне. Распавядаецца Кантаровічам пра Рускую вызваленчую армію, створаную генерал-лейтэнантам Андрэем Уласавым, пра рух паплечнікаў апошняга. Дзейнасць іх была накіравана супраць Сталіна і яго камандавання. Яны добраахвотна прапанавалі фашыстам свае паслугі, калі трапілі ў палон. Васіль Лакціёнаў таксама пагаджаецца выконваць даручэнні гэтага аб’яднання. Пасля таго, як яго групу накіравалі на Беларусь для

карных мерапрыемстваў, вырашае далучыцца да партызанаў. Лакціёнаўцы даказалі, што не з’яўляюцца здраднікамі: “Это грозная сила – 600 отчаянных мужчин, что подтверждается теми боями с немцами, в которых они участвуют, беспощадным разгромом немецких комендатур и полицейских управ, участием в рельсовой войне и других боевых действиях, присущих партизанской войне” [11, с. 51]. Таму і адбылася рэабілітацыя героя, пасмяротнае ўзнагароджанне.

Цэнтральнай фігурай твора з’яўляецца і камандуючы партызанскім атрадам палкоўнік Лабанаў. Яго задача: разбураць гарнізоны ворага, забіваць здраднікаў, кантраляваць чыгункі. Праяўляюцца такія рысы героя, як жыццёвая мудрасць, павага да іншых людзей.

Неабходна адзначыць, што пастаянная змена месца падзей у п’есе ўскладняе ўспрыманне зместу твора. Аўтар празмерна захапляецца фактамі, таму менш увагі нададзена псіхалагізму.

Гераізм вайскоўцаў ілюструецца і ў п’есе “Мост” (2006) Генадзя Катлярова. У творы раскрываецца ход гістарычных падзей у перыяд вызвалення моста Блахіна ў Віцебску 26 чэрвеня 1944 года. Вядома, што напісана п’еса пасля гутаркі з непасрэдным удзельнікам дадзенай аперацыі Блахіным Фёдарам, Героем Савецкага Саюза. Аўтар апісвае сам працэс па размініраванні моста, ад якога залежыць жыццё жыхароў горада. Менавіта гэты ўчастак дапамагае падтрымліваць сувязь паміж рознымі канцамі Віцебска. Вельмі значныя ў такім становішчы тонкі разлік, вытрымка. Толькі перашкоду аказваюць нястрыманасць і паспешнасць (учынкі Вішні і Вапчылы). Твор вызначаецца напружанасцю і эмацыйнасцю. Драматург перадае зладжаную і арганізацыйную дзейнасць дасведчаных і спрактыкаваных сапёраў, дэвіз якіх: “Кто боится, тот не побеждает” [12, с. 33]. Уздымаецца ў творы і інтэрнацыянальнае пытанне. Напрыклад, камандуючы

ўзводам Вапчыла кажа: “А я не понимаю такого деления: белорусы, украинцы, русские. Мы – славяне и отличаемся только малость говорком. Кровь у нас единая” [12, с. 31]. У ваенных умовах людзей аб’яднала барацьба з агульным ворагам. Варта падкрэсліць захваленне Г. Катляровым дзеяннем, паказам падрыхтоўкі да аперацыі, таму схематычнымі і статычнымі атрымаліся персанажы, цалкам не раскрыты іх характары.

Заклучэнне. Тэме Вялікай Айчыннай вайны адведзена значнае месца ў драматургіі Віцебшчыны. Поўна і ўсебакова апісваюцца гістарычныя падзеі, якія паслядоўна і лагічна ўплятаюцца ў мастацкую тканіну твораў. Жанравая форма твораў (гераічная драма, драматычная балада, драматычная аповесць, кінасцэнарыі) дапамагае пісьменнікам перадаць напружаныя моманты, усебакова раскрыць сутнасць вайны. Для А. Маўзона, М. Матукоўскага, Б. Кантаровіча, Г. Катлярова стала актуальнай прывязка дзеяння да канкрэтных геаграфічных мясцін, ужыванне назваў акрэсленай мясцовасці, аповяд пра змаганне сваіх землякоў. Увядзенне ў кантэкст твораў рэгіянальных элементаў дапамагае драматургам узнімацца да шырокіх абагульненняў, надае творам рысы высокай мастацкай завершанасці і дасканаласці. Аб’ядноўвае аўтараў і імкненне падкрэсліць глыбокі патрыятызм і гуманізм воінаў, самаахвярнасць і адданасць агульнай справе пад час барацьбы з ворагам. Падыходы да асэнсавання падзей Вялікай Айчыннай вайны ў драматургічнай спадчыне Віцебшчыны мяняліся ў залежнасці ад часу, у які былі напісаны творы.

Літаратура

1. Дудараў, А. Аляксей Дудараў: “Пра вайну нельга пісаць небыліцы”: [гутарка з беларускім драматургам, гутарыла Таццяна Команова] / А. Дудараў //

- Культура. – 2008. – 28 чэрв. – 4 ліп. (№ 26). – С. 6.
2. Багамазаў, У. Да 75-годдзя з дня нараджэння К.С. Заслонава / У. Багамазаў // Віцебскі рабочы. – 1985. – 5 студз. – С. 3.
 3. Папоў, Ф. Герой Савецкага Саюза Канстанцін Заслонаў / Ф. Папоў, С. Шчупкі. – Мінск: Белдзяржвыд., 1951. – 101 с.
 4. Колас, Г. Назад, да “Канстанціна Заслонава” / Г. Колас // Полымя. – 1965. – № 1. – С. 119–135.
 5. Маўзон, А. П’есы / А. Маўзон. – Мінск: Маст. літ., 1978. – 312 с.
 6. Матукоўскі, М. Мудрамер: выбр. п’есы / М. Матукоўскі. – Мінск: Маст. літ., 1989. – 344 с.
 7. Караткевіч, У. Старыя беларускія хронікі: п’есы / У. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1988. – 304 с.
 8. Садаўнічы, Э. Мастацкая спецыфіка драматургіі У. Караткевіча / Э. Садаўнічы, М. Малчанова // Беларуская літаратура. – 1990. – Вып. 18. – С. 101–109.

9. Дудараў, А.А. Дыялог: п'есы // А.А. Дудараў. – Мінск: Маст. літ., 1987. – 272 с.
10. Маслоўскі, В. Характары гераічныя – характары народныя. П'есы беларускіх драматургаў пра Вялікую Айчынную вайну / В. Маслоўскі // Роднае слова. – 1999. – № 3. – С. 72–75.
11. Канторович, Б. Невольники чести / Б. Канторович. – Витебск, 2000. – 64 с.
12. Мост: сборник прозы и поэзии / А.Е. Геращенко [и др.]. – Витебск: ЦИТ УО “ВГТУ”, 2006. – 235 с.

Паступіў у рэдакцыю 24.01.2012 г.

Прыняты у друк 25.06.2012 г.

УДК 811.16'373.211

Отапеллятивная урбанонимия славян и национально-культурные различия социумов

Никитина Ю.Л.

*Учреждение образования «Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова», Витебск*

Применение лингвокультурологического подхода в лингвистике дает возможность рассматривать представления людей об окружающей действительности в виде кодов культуры, одним из способов языковой реализации которых являются собственные имена внутригородских объектов.

Настоящая статья посвящена проблеме сопоставительного изучения урбанонимных текстов славянских стран. Предпринятый автором анализ названий, отражающих особенности внутригородского объекта по связи с человеком как социосубъектом, позволил выявить особенности их функционирования на современном этапе как языковых знаков, являющихся памятниками истории и культуры славянских социумов.

Группы лексем, формирующие отапеллятивные урбанонимы, в целом универсальны, однако доля их участия в урбанонимной системе каждой страны в отдельности не совпадает. Качественные и количественные расхождения в использовании нарицательных слов определенной семантики при создании урбанонимов обусловлены языковыми и национально-культурными различиями социумов.

Ключевые слова: лингвокультурология, урбаноним, славянская урбанонимия, апеллатив, код культуры.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 168–176)

Common Slavonic urbanonimy and national and cultural social group differences

Nikitina Y.L.

*Educational establishment "Vitebsk State University
named after P.M. Masherov", Vitebsk*

The use of the linguistic and cultural method in linguistics gives the opportunity to study people's ideas of the reality around them in the form of cultural codes, one of the ways of implementation of which is proper names of internal urban objects.

The article is devoted to the problem of the comparative analysis of the study of Slavonic countries' urbanonimic texts. The analysis of the names that reflect the peculiar features of an internal urban object in its connection with a human as a social being has revealed the peculiar traits of their functioning as the linguistic signs which are historic and cultural monuments to Slavonic societies nowadays.

The groups of the lexemes forming common urban names are generally universal, but the portion of their participation in the urbanonimical system of each country isn't in close agreement. Qualitative and quantitative divergence in the use of common words of certain semantics in the creation of the urban names is caused by the language national and cultural differences in societies.

Key words: linguistic and cultural studies, urban name, Slavonic urbanonimy, common name, cultural code.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 168–176)

Формирование урбанонимов – это процесс с ярко выраженной социальной тенденцией: все внутригородские объекты составляют особую категорию, выделяющуюся на основе их функций в жизни общества по деловому, хозяйственному, культурному, идеологическому и другим назначениям. Лексика, используемая при

Адрес для корреспонденции: e-mail: Julia_Nikitina09@mail.ru – Ю.Л. Никитина

номинации внутригородских объектов, достаточно разнообразна. Для того чтобы определить причины, по которым в разных странах при формировании урбанонимов люди обращаются к тем или иным лексемам, необходимо понять историко-культурный код конкретного народа.

В настоящее время исследование городских топонимов ведется на новом уровне, который позволяет описать один из аспектов взаимодействия языка и культуры, а конкретно то, каким образом лексическая система языка отражает потребности, интересы и характеристики поведения человека как носителя определенной культуры [1, с. 59].

Осуществляя сравнительно-сопоставительное описание восточно-, западно- и южнославянских систем внутригородских наименований, нужно иметь в виду, что через призму конкретной урбанонимной системы преломляется окружающий мир, отражается своеобразие восприятия и осмысления человеком действительности, проявляются специфические черты ментальности славянского народа. Важными источниками данных по изучению кодов, «языков» традиционной культуры славян явились работы В.Н. Топорова [2], Н.И. Толстого и С.М. Толстой [3], Т.В. Цивьян [4].

Применение лингвокультурологического подхода в лингвистике дает возможность рассматривать представления людей об окружающей действительности в виде кодов культуры, большинство из которых универсальны, однако проявление, удельный вес каждого из них в определенной культуре всегда национально обусловлены [5]. Коды культуры структурируют и классифицируют знание о мире в соответствующие разделы или области.

Одним из способов языковой реализации различных кодов культуры являются собственные имена внутригородских объектов. Рассматривая понятия кода культуры,

А.М. Мезенко выделяет 8 кодов, объективирующихся в урбанонимии: топоморфный, антропоморфный, физико-

географический, флористический, фаунистический, эмоционально-характерологический, цветовой, температурный.

С учетом теоретических разработок А.М. Мезенко [6], В.В. Красных [5], С.М. Толстой [7] в системе отапеллятивных наименований внутригородских объектов славян выделяем следующие культурные коды:

- ландшафтный;
- топоморфный;
- антропоморфный;
- предметный;
- ботанический;
- зоологический;
- эмоционально-характерологический;
- идеологический.

Цель нашего исследования – анализ урбанонимов славян на материале отапеллятивных наименований, отражающих особенности внутригородского объекта по связи с человеком как социосубъектом, выявление особенностей их функционирования на современном этапе и установление комплекса кодов культуры, реализацией которых служат данные языковые единицы.

Материал и методы. Материалом исследования послужили отапеллятивные названия внутригородских объектов на территории Беларуси (Минск, Витебск, Брест), Польши (Варшава, Зелена Гура) и Болгарии (София, Пловдив). При анализе и статистической обработке материала были использованы описательный, сравнительно-сопоставительный, а также элементы статистического метода.

Результаты и их обсуждение. Все разнообразие современных славянских отапеллятивных урбанонимов, мотивированных особенностями внутригородского объекта по его связи с человеком как социосубъектом, можно разделить на следующие тематические группы:

1) наименования, отражающие особенности внутригородского объекта, явившиеся результатом материальной и духовной деятельности человека;

2) наименования по функциональной нагрузке объекта;

3) наименования, данные по профессиональной принадлежности жителей;

4) наименования, данные по сословной дифференциации жителей;

5) наименования, данные по национальной принадлежности жителей;

6) наименования по названиям лиц как определенной общности людей;

7) наименования, мотивированные лексемами военной и авиационной тематики.

Как показывает анализ языкового материала, в данных названиях объективируются топоморфный, предметный и антропоморфный коды культуры.

Топоморфный код культуры эксплицируется при помощи урбанонимов, указывающих на другой объект, относительно которого номинируется внутригородской. Это может быть:

1. Искусственный водный или сельскохозяйственный объект: *Садовая ул., Парковая ул., Полевая ул.; ul. Stawy* (ул. Пруды), *ul. Wygon, ul. Uroczysko* (ул. Урочище); *ул. Белата чешма* (ул. Белая чешма¹), *ул. Овощна градина* (ул. Овощной сад), *ул. Студен кладенец* (ул. Холодный колодец).

2. Объект производства: *Автозаводская ул., Фабричная ул., Промышленная ул.; Hodowlna ul.* (Животноводческая ул.), *Browarna ul.* (Пивоваренная ул.), *Cukrowicza ul.* (Сахароваренная ул.); *Промишлена ул., Заводска ул., Леярна ул.* (Литейная ул.).

3. Гражданский объект, служба социальной сферы: *Клубный пр., Полиграфическая ул., Амбулаторная ул.; Bankowy pl.* (Банковая пл.), *Parkingowa ul.* (Парковочная ул.), *Kinowa ul.; Музейна ул., Болнична ул., ул. Стадион.*

4. Элемент устройства железнодорожной станции или транспортное предприятие: *Железнодорожная ул., Паровозный пер., Локомотивный пер.; Portowa ul., Szynowa ul., Sygnałowa ul.; ул. Локомотив, Семафорска ул.*

5. Учебное заведение: *Вузовский пер., Академическая ул.; Uniwersytecka ul.,*

Gimnazjalna ul.; Училищна ул., Институтска ул.

6. Архитектурный объект, существующий в настоящее время или существовавший ранее: *Замковая ул., Мельничный пер.; Pałacowa ul.* (Дворцовая ул.), *Ratuszowa ul., ul. Rotundy; ул. Крепост, ул. Старата воденица* (ул. Старая мельница), *ул. Руски паметник, ул. Маяк, ул. Каменно здание.* К указанной подгруппе примыкают также урбанонимы, мотивированные названиями мест совершения обряда: *Лютеранский сквер; Klasztorna ul., Kościelna ul.; Съборна ул., Манастирска ул.*

7. Торговый объект: *Магазинная ул.; Rynkowa ul.* (Рыночная ул.); *ул. Пазарище* (ул. Рынок).

В урбанонимах может быть отражена и функциональная нагрузка объектов: *Извозная ул., Сплавная ул., Проездной пер.; ul. Promenada* (ул. Прогулка), *pl. Defilad* (пл. Парад), *Przejazdowa ul.* (Переездная ул.); *Търговска ул., Разделна ул., Панайрен пл.* (Ярмарочная пл.).

Как отмечает В.В. Красных, между кодами культуры нет и не может быть жестких границ: пространственный код в значительной степени обуславливает временной, так как пространство и время тесно связаны в сознании человека; предметный код обнаруживает тесную связь с духовным кодом через социальные отношения [5].

Полученные данные свидетельствуют о том, что не каждое наименование происходит непосредственно от названий объектов материальной и духовной деятельности человека. В некоторых случаях довольно сложно определить мотив выбора названия. Так, например, название *Krochmalna ulica* в Варшаве происходит от наименования продукта или же от фабрики по его производству. Думается, что этот урбаноним образован от наименования продукта, который производит предприятие, расположенное в пределах данной улицы. Поэтому к группе урбанонимов, указывающих на другой объект, относительно которого номинируется внутригородской, правомерно будет отнести наименования, характери-

¹ Чешма – архитектурно оформленный источник с чистой водой.

зующие расположение улицы относительно объектов хозяйственной деятельности человека посредством названий продуктов производства. В данном случае наряду с топоморфным реализуется *предметный код культуры*, связанный с предметами, заполняющими пространство.

В белорусской и болгарской урбанонимных системах языковые единицы, отражающие расположение объектов материального производства через посредство названий продуктов деятельности, не получили распространения и представлены единичными примерами: *Нефтяная ул., Молочный пер., Парашютная ул., Ковровая ул., Кирпичный пер.; ул. Метал,*

ул. Витошки гранит, ул. Мрамор.

Несколько иную ситуацию наблюдаем в польской урбанонимной системе. В конце XIX – начале XX века в Варшаве появилось довольно много наименований внутригородских объектов, мотивированных названиями природного сырья, которое перерабатывали на располагавшихся рядом предприятиях: *Naftowa ul.* (Нефтяная ул.), *Szklana ul.* (Стеклянная ул.). Наибольшее распространение подобные наименования получили в польской урбанонимии во второй половине XX в. и, как правило, символизируют собой материальные изделия рук человека. В большинстве случаев они имеют гнездовую локализацию и не располагаются рядом с объектами производства. [10, с. 301]. В частности, нами зафиксированы подгруппы урбанонимов, в основе которых находятся названия текстильных изделий (*Kretonowa ul., Welwetowa ul., Perkalowa ul., Sukienna ul.*), продуктов питания (*Herbaciana ul., Czekoladowa ul., Pivna ul.*), различных видов механизмов (*Komputerowa ul., Telefoniczna ul., Zegarowa ul.*), природного сырья (*ul. Jantar, Mosiężna ul., Topazowa ul.*), монет (*Dukatowa ul., Denarowa ul., Talarowa ul.*), сырья и полученной из него продукции (*ul. Celulozy, Ceramiczna ul., Fajansowa ul.*), транспортных средств и их частей (*ul. Kabrialetu, Dylizansowa ul.,*

Skuterowa ul., Kotwiczna ul., Macztowa ul.). При этом набор лексем, используемых при наименовании внутригородских объектов в разных славянских городах, заметно разнится. Такие слова предметной лексики, как, например, названия продуктов питания, текстильных изделий и т.п. широко применяются в польской урбанонимной системе. Тогда как в белорусском и болгарском топонимных текстах подобные лексемы используются прежде всего в ойкодомонимном поле (названия магазинов, клубов, мастерских, кафе и т.п.).

Условно к данной группе урбанонимов можно отнести и польские наименования, мотивирующей основой которых стали продукты духовного творчества (научные открытия, культура, искусство): «Большое количество таких названий образует тематическое скопление, особенно на территориях новых кварталов» [10, с. 309]. К анализируемой группе, на наш взгляд, примыкают названия улиц, в основе которых находятся апеллятивы, обозначающие понятия из области литературы (*ul. Kalambur, ul. Prozy, Elegijna ul.*), музыки (*Lutniowa ul., ul. Seranady, Korceniowa ul.*), науки (*ul. Cybernetyki, Kinezyjna ul., Globusowa ul.*), спорта (*Tenisowa ul., ul. Batyty*), танцевального искусства (*ul. Samby, ul. Menueta, ul. Czaradza*); событий и праздников (*Weselna ul., ul. Wycieczka, Wakacyjna ul.*). Подобные наименования свидетельствуют о расширении круга лексики, вовлекаемой в западнославянскую урбанонимию.

Таким образом, в белорусском урбанонимиконе преобладают наименования, мотивированные названиями объектов, являющихся результатом материальной деятельности человека, а в болгарском – наименования, в основе которых названия искусственных водных и сельскохозяйственных объектов. Предметный код культуры в большей степени западноориентированный. В целом же данные способы кодирования прагматически маркированной информации тесно связаны и свойственны всем славянским

урбанонимным системам, однако проявляются с разной степенью интенсивности. Количество польских наименований, отражающих особенности внутригородского объекта, явившихся результатом материальной деятельности и духовного творчества человека, насчитывают 616 единиц (14,43%). Тогда как в восточно- и южнославянском урбанонимиконах они составляют 114 (4,18%) и 78 топонимных единиц (2,42%) соответственно.

Антропоморфный код культуры объективируется при помощи отопеллятивных урбанонимов, мотивирующей основой для которых стали наименования, связанные с профессиональной общностью жителей: *Шорная ул., Рымарская ул., Гончарная ул.; ul. Rybaki, Piekarska ul., Furmańska ul.; Абаджийска ул., Каменоделска ул., ул. Мелник*. Нередко подобные наименования давались внутригородскому объекту через посредство названия места, где проживали люди той или иной специальности. Однако в настоящее время данный тип названий не привязан к месту, а носит символический, абстрактный характер, то есть прямая номинация заменяется опосредованной: *Инженерная ул., б-р Тракторостроителей,*

ул. Космонавтов; Nauczycielska ul., ul. Stoczniowców (ул. Судостроителей), *ul. Kosarzy* (ул. Косари); *ул. Миньор* (ул. Шахтер), *пл. Журналист, Градинарска ул.* (Садовничья ул.). В частности, в белорусском урбанонимиконе подобные наименования появились в советское время и лишь формально мотивированы названиями лиц по роду деятельности. Действительно, специфические черты культуры, природы, климата и т.д. накладывают «особый индивидуализирующий отпечаток на ономастику любого народа, придавая неповторимость ее спектру» [9, с. 18]. Так, например, рассматривая мотивирующие основы белорусских внутригородских топонимов, данных по названиям лиц как определенной общности людей, выделим наименования, явившиеся своеобразными посвящениями в честь различных рабо-

чих специальностей: *ул. Строителей, ул. Энергетиков, ул. Монтажников*. Исконные наименования по ремеслу жителей практически не сохранились. Объяснения этому нужно искать в экстралингвистической сфере: после революции 1917 г. абсолютное большинство названий по профессиональной, сословной и национальной дифференциации жителей были заменены. Наряду с реализацией основного значения подобные урбанонимы давали возможность вносить идеологическую мотивировку – прославлять человека труда. Следовательно, антропоморфный и духовный коды культуры оказали значительное влияние на белорусские урбанонимы, образованные с ориентацией на определенные социально-политические реалии советского периода.

Примечательно, что в некоторых восточнославянских урбанонимиконах сохранились многие исконные максимально конкретные наименования, которые давались внутригородскому объекту через посредство названия слободы, где проживали люди той или иной специальности. Так, например, анализируемая группа урбанонимов широко представлена в современной системе внутригородских названий Москвы: *Столешников пер., Гончарная наб., Колпачный пер., Кожевническая ул., Боярский пер.* и т.д. Несмотря на то, что подобные улицы уже не несут в себе информации о профессии живущих на них горожан, их названия связаны с историей и культурными традициями населения города.

У западных славян до настоящего времени сохранилось незначительное количество исконных названий по ремеслу (*Szewska ul.*, 1790 г.; *Garbarska ul.*, 1770 г.; *Piekarska ul.*, 1416 г.) и по принадлежности жителей

к определенному монашескому ордену (*Jezuicka ul., Karmelicka ul., Kapucyńska ul.*). Польский исследователь К. Хандке отмечает, что в варшавском урбанонимиконе подобные наименования появились в XV в., а дальнейшее увеличение их численности связано прежде всего с расселением монашеских сообществ. Однако в не-

которых случаях довольно сложно определить, что легло в основу внутригородского названия: наименование ордена или же монастыря [10, с. 291].

У южных славян названия по отношению к профессиональной принадлежности лиц, немногочисленны (25 единиц) и мотивированы прежде всего традиционными видами деятельности болгар: *Каменоделска ул.*, *Грънчарска ул.*, *Златарска ул.*, *Лозарска ул.* Например, *Медникарска* и *Резбарска* улицы получили свое название в честь ремесел медников¹ и мастеров резьбы по дереву.

Признак, характеризующий принадлежность людей к определенной общности, с определенной долей условности можно усмотреть и в небольшой группе наименований, фиксирующих отношение к тем или иным лицам. В белорусском урбанонимном тексте подобные названия мотивируются именованиями людей по возрасту, половой принадлежности

(*1-й Детский пер.*, *Юношеская ул.*), участию в общественных организациях (*Кооперативная пер.*, *Профсоюзная ул.*); указывают на разнообразные общности людей (*ул. Основателей*, *ул. Новоселов*, *пр. Победителей*). Своеобразными посвящениями в честь различных объединений лиц стали польские наименования, появившиеся и распространившиеся во второй половине XX в.: *ул. Poetów*, *ул. Poległych*, *Piłkarska ul.* (Футбольная ул.). Так, подобные урбанонимы могут быть мотивированы наименованиями:

– спортсменов и болельщиков: *Bokserska ul.*, *ул. Kibiców*;

– музыкантов: *ул. Organistów*, *ул. Pianistów*;

– деятелей литературы: *ул. Drukarzy*, *ул. Poetów*;

– науки: *ул. Astronomów*, *ул. Fizyków*;

– деятелей театрального и циркового искусства: *Aktorska ul.*, *Kuglarska ul.* (Жонглерская ул.);

– административных должностей прошлого: *Wójtowska ul.*², *Kasztelański pl.*³;

– разнообразных символических общностей людей: *ул. Melomanów*, *ул. Humanistów*, *ал. Przyjaciół* (аллея Друзей), *ул. Optymistów*.

В целом для польской урбанонимной системы свойственно преобладание наименований с нейтральной общественно-политической окраской, мотивированных сообществами людей по самым разнообразным признакам: *ул. Wozniowdy* (ул. Водовоза), *ул. Skazanców* (ул. Заключенных), *Panieńska ul.* (Девичья ул.), *ул. Piechurów* (ул. Пешеходов), *ул. Humanistów* (ул. Гуманистов).

В болгарской урбанонимной системе к анализируемой группе, на наш взгляд, могут быть отнесены названия внутригородских объектов, в основе которых находятся общности людей по их связи с революционными, военными движениями:

ул. Народни будители, *ул. Хайдуты*⁴, *ул. Въстаник*. Отметим, что если в белорусской и польской урбанонимных системах проприальная часть наименований данной группы включает апеллятив в родительном падеже множественного числа (*ул. Декабристов*, *ул. Urbanistów*), то в болгарском урбанонимиконе – в форме единственного числа, т.е. формально деноват индивидуализируется (*ул. Софийски герой*, *ул. Бунтовник*).

Антропоморфный код культуры может объективироваться и при помощи урбанонимов, мотивированных разнообразными лексемами военной и авиационной тематики. В белорусском урбанонимиконе

¹ **Медник** – это одна из древнейших профессий человека, связанная с обработкой металлов, и насчитывает тысячелетнюю историю. Название медник происходит от слова медь.

² **Войт** – в городах Беларуси, Литвы, Польши и Украины, основанных по магдебургскому праву, в XV–XVIII веках выбираемое (обычно из зажиточного населения) служебное лицо, которое возглавляло магистрат.

³ **Каштелян** – должность в Польше и Великом княжестве Литовском. В средневековой Польше должность появилась в XII веке. Каштеляны принимали участие в заседаниях польского королевского совета.

⁴ **Хайдуты, гайдуки** – вооруженные повстанцы, боровшиеся против османского национального гнета на Балканах.

не отмечены названия, в основе которых находятся: а) наименования лиц, находящихся на военной службе (*ул. Артиллеристов, ул. Саперов, ул. Связистов*); б) наименования лиц, управляющих летательными аппаратами (*б-р Авиаторов, Пилотская ул.*); в) названия воинских частей (*Гвардейская ул.*); г) названия участников военных движений (*Партизанская ул., ул. Воинов-Интернационалистов*).

В исследованном польском урбанонимном тексте зарегистрированы внутригородские объекты, при номинации которых используются: а) военноморские звания и профессии, связанные с авиацией (*Rotmistrzowska ul., Bosmańska ul., Lotników*); б) названия воинских частей (*pl. Gwardii, Piechotki ul., ul. Husarii*); в) наименования лиц, находящихся на военной службе (*Patrolowa ul., ul. Bombardierów, Oficerska ul.*). В связи с тем, что зачастую польским наименованиям свойственна гнездовая локализация, мы включили в эту группу и названия, в основе которых находятся наименования оружия, летательных аппаратов (*ul. Karabeli, Armata ul., Samolotowa ul., ul. Śmigłowca*). В данных ономастических единицах наряду с антропоморфным объективируется предметный код культуры.

В болгарском урбанонимном тексте в данную группу внутригородских наименований входят названия, которые выступают в качестве своеобразных посвящений в честь участников борьбы за независимость Болгарии: *ул. Народноволец, ул. Руски воин, ул. Хайдути, ул. Народен певец, ул. Млада гвардия, ул. Балкански воин*.

В целом отличительной чертой южнославянской урбанонимии является количественное доминирование урбанонимов, в основе которых названия символических объединений лиц по их связи с революционно-освободительным движением. Подобные наименования образованы с ориентацией на определенные исторические события: борьбу болгарского народа за независимость страны во время русско-турецких войн.

Рассматривая антропоморфный код культуры, отметим названия, связанные с национальной и сословной дифференциацией жителей. Ранее существовала практика заселения определенных внутригородских объектов людьми одной национальности. В таком случае национальность жителей давала название улице. В польском городском топонимиконе зафиксировано 42 названия по национальной принадлежности: *Włoska ul., Grecka ul., Turecka ul.* Однако в некоторых случаях затруднительно определить мотив выбора наименования внутригородского объекта. Например, такие названия улиц Варшавы, как *Francuska, Szwedzka* могут иметь отношение к национальности (французы, шведы) и к государству (Франция, Швеция).

В Беларуси в результате многочисленных переименований подобные названия практически не сохранились. В 1934 г. в Минске, например, происходит переименование всех объектов, связанных с национальными меньшинствами: *Еврейская улица* становится *Коллекторной*, *Большая Татарская – улицей Димитрова*, *Малая Татарская* превращается в *улицу Колхозную*, *Китайская* – в *Беломорскую*, *Турецкая* – в *Восточную*. В настоящее время восстановлено только название *Татарская улица*. В болгарском урбанонимном тексте наименования по национальной принадлежности также представлены единичными примерами: *Казашка ул., Татарска ул., Руски булевард*.

Сословная расслоенность населения нашла отражение в польской и болгарской урбанонимии: *Królewska ul., Wieśniacza ul.* (Крестьянская ул.), *Ziemiańska ul.* (Помещичья ул.); *Княжеска ул., ул. Войвода, ул. Комините*¹. Для белорусской урбанонимии наименования, связанные с сословной дифференциацией жителей, нехарактерны. Однако в прошлые эпохи они существовали.

¹ **Комиты** – римские (а затем византийские) должностные лица, впоследствии благородное сословие.

Так, по данным А.М. Мезенко, в XVI в. в Могилеве зарегистрирована *ulica Bojarska*, в XVII в. в Кругеле – *ulica Popowska* [8, с. 113]. Отметим, что исконные наименования по сословной дифференциации и профессиям жителей не отражают современный урбанонимный контекст, однако они опираются на историко-культурные основания и являются своеобразными памятниками своей эпохи.

Анализ языкового материала позволил выявить антропоморфный код культуры во всех исследованных урбанонимных системах, однако наибольший процент наименований (около 8%), соответствующих данному коду, приходится на польский урбанонимикон. В Беларуси и Болгарии таким названиям принадлежит немногим более 6% от общего количества урбанонимов.

Заключение. Собственные имена внутригородских объектов зависят от исторического периода и создаются в соответствии с культурно-историческим, идейно-политическим и эстетическим контекстами жизни социума.

Сопоставление основ, использовавшихся при образовании урбанонимов Беларуси, Болгарии и Польши, обнаруживает много общего в их отборе. Типологическое сходство основ наименований определяется общностью исходных критериев, на которых они базируются. Это «отношение человека к внешней среде, параллелизм форм мышления и восприятия, характер мировоззрения» [9, с. 9]. В частности, во всех трех странах значительное количество наименований мотивировано словами, связанными с человеком как социосубъектом, его материальной и духовной деятельностью. В болгарском урбанонимном тексте на долю подобных названий приходится 6,16%, в белорусском – 7,76% от общего количества исследованных наименований. Что же касается польской городской топонимии, то здесь урбанонимы данного типа преобладают не только в количественном, но и в качественном отношении за счет расширения арсенала мотивировочных сем и составляют 21,75%. В целом же во всех трех странах наибольшей продуктивностью обладают наиме-

нования, с помощью которых объективируется топоморфный код культуры. И это неслучайно. Главная функция внутригородского объекта – адресная: «Урбанонимия служит объективации таких понятий, как линейный, территориальный, точечный внутригородской объект, прагматическая значимость и др., что имеет отношение к культурно маркированному концепту “адрес”» [6, с. 391]. В свете данного ориентирующего критерия названия, указывающие на другой объект, относительно которого номинировался внутригородской, являются удачными с точки зрения мотива выбора наименования.

Таким образом, группы лексем, участвующие в формировании отапеллятивных урбанонимов, отражающие особенности внутригородского объекта по связи с человеком как социосубъектом, в целом универсальны, однако доля их участия в урбанонимной системе каждой страны в отдельности не совпадает. Качественные и количественные расхождения в использовании нарицательных слов определенной семантики при создании урбанонимов обусловлены языковыми и национально-культурными различиями социумов.

В заключение подчеркнем, что урбанонимы как особый вид культурно и прагматически маркированной информации представляют собой языковую реализацию кодов культуры. В связи с тем, что история становления и развития собственных имен во многом определяется культурой народа, создавшего их, в зонах с близкими традициями – белорусской, польской и болгарской, могут проявляться общие коды культуры. Результаты исследования показали, что в славянской урбанонимной системе коды культуры соотносятся с представлениями человека об окружающем мире и реализуются не только в старинных урбанонимах, но и в современных, базирующихся

на историко-культурных основаниях, но и в новых урбанонимах, образованных с ориентацией на реалии своего времени.

Литература

1. Мезенка, Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: манаграфія: у 2 ч. / Г.М. Мезенка. – Віцебск: УА “ВДУ імя Машэрава”, 2008. – Ч. 1. – 363 с.
2. Топоров, В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: Древний период / В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1965. – 246 с.
3. Словарь «Славянские древности»: в 4 т. / редкол.: Н.И. Толстой (гл. ред.) [и др.]. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 4.
4. Цивьян, Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1990. – 210 с.
5. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
6. Мезенко, А.М. Урбанонимия как язык культуры / А.М. Мезенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 24(63). – № 2. – Ч. 1. – С. 388–392.
7. Толстая, С.М. К понятию культурных кодов / С.М. Толстая // Славянская этнолингвистика [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://ethnolinguistica-slavica.org>. – Дата доступа: 20.02.2012.
8. Мезенко, А.М. Урбанонимия Белоруссии / А.М. Мезенко. – Минск: Университетское, 1991. – 167 с.
9. Суперанская, А.В. К проблеме типологии антропонимических основ / А.В. Суперанская // Ономастика. Типология. Стратиграфия: науч. тр. / АН СССР, Ин-т языкознания; под ред. А.В. Суперанской. – М.: Наука, 1988. – С. 8–19.
10. Handke, K. Słownik nazewnictwa Warszawy / K. Handke. – Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1998. – 428 s.

Поступила в редакцию 29.02.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.

УДК 811.161.1'373.231

Динамические процессы в антропонимии периферийного города в условиях функционального дуализма границы

Галковская Ю.М.

*Учреждение образования «Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова», Витебск*

В свете современных антропоцентрических, когнитивных и динамических направлений в лингвистике все большую актуальность обретают работы, отражающие региональную специфику языковых единиц. В связи с этим исследование автохтонных личных имен представляется особо актуальным.

Статья посвящена выявлению основных тенденций развития женского именника периферийного приграничного города во второй половине XX в. Материалом для исследования послужили актовые записи о рождении г. Браслава за 1951–1960 гг., 1971–1980 гг., 1991–2000 гг., собранные на трех хронологических срезах с интервалом в 10 лет (1662 единицы). Устанавливаются количественные параметры системы женских личных имен на разных контрольных срезах, определяются особенности ее трансформации, осуществляется компаративный анализ качественно-количественных показателей антропонимикона г. Браслава по отношению к антропонимии других белорусских городов. Делается вывод, что наиболее ярко региональная специфика женского именника г. Браслава проявляется в периферийной его части, где зафиксированы значительные вкрапления номинативных единиц, характерных для польской, латышской, еврейской и других антропонимных систем.

Ключевые слова: приграничье, периферия, антропонимикон, личное имя, динамика, номинация.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 170–176)

Dynamic processes in the anthroponymy of the provincial town in the functional dualism of the border

Galkovskaya Y.M.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masharov”, Vitebsk*

From the standpoint of modern anthropocentric, cognitive and dynamic trends in linguistics the works illustrated regional specificity of language units take on special significance. In this connection the study of the local personal names is of current importance.

The article is devoted to the revelation of the main tendencies in the development of the female provincial anthroponymicon in the late XXth century. The material of the research is based on the civil birth certificates of the population in Braslav during the periods of 1951–1960, 1971–1980, 1991–2000, gathered at 3 chronological lines 10 years apart (1662 units). Quantitative parameters of the female anthroponomical system at different time cuts are ascertained, the peculiarities of its transformation are defined, a comparative analysis of the quantitative and qualitative indices of Braslav anthroponimicon is accomplished with regard to the anthroponymy of other Belarusian towns. It's concluded that regional specificity of female anthroponimicon in Braslav lies in its field part where considerable impregnations of foreign (Polish, Lettish, Jewish and other) anthroponimical units have been found.

Key words: border zone, provinces, anthroponimicon, personal name, dynamics, nominative practice.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 170–176)

Адрес для корреспонденции: e-mail: yulya_galkovskaya@mail.ru – Ю.М. Галковская

Конвергентные процессы рубежа XX–XXI вв., являющиеся результатом такого общественного феномена, как глобализация, во многом определили современные направления лингвистических исследований. С одной стороны, актуальным становится определение общих языковых тенденций и явлений в условиях инициации транснационального диалога, с другой – перспективность обретают региональные исследования, целью которых является изучение влияния лингвокультурного пространства на языковое сознание и ментальность носителя языка и репрезентация локальных особенностей языковой системы.

Как часть лексики антропонимы играют особую роль в формировании языковой картины мира, поскольку «образуют вокруг каждого человека определенный континуум, особое национально-культурное пространство, единое для всего коллектива и индивидуальное для любого отдельного его члена» [1, с. 5]. Несмотря на то, что вопросы региональной ономастики привлекают внимание все большего числа ученых (Е.Л. Березович, А.С. Щербак, Л.И. Дмитриева, А.К. Матвеев, И.А. Королева, И.В. Данилова, С.А.

Попов, А.М. Мезенко, А.И. Яценко, Т.В. Скребнева, О.М. Ляшкевич, А.Ф. Рогалев и др.), большинство таких исследований носит замкнутый характер, что проявляется в малом количестве компаративных работ. Особенно актуальными и в то же время наименее изученными являются проблемы функционирования и взаимодействия различных национальных систем на одной территории в пределах единого антропонимного пространства и во взаимодействующих системах. Приграничье представляет собой зону соединения и интеграции различных социокультурных процессов. Именники приграничных населенных пунктов являются собой богатый материал для исследования. Отличительная черта западных приграничных районов Витебской области: Поставского, Браславского, Мигорского, Верхнедвинского – их лингво-

культурная, конфессиональная и национальная гетерогенность, явившаяся результатом сложного исторического прошлого данного ареала и сделавшая этот регион маргинализированным геокультурным пространством, где нейтрализовались ярко выраженные особенности отдельных культур, а этнонациональные ценности в меньшей степени выступают как устойчивые детерминанты [2, с. 88].

Особенность человеческого миропонимания и мировидения отражается в языковой деятельности. Особо информативной в данном случае выступает номинативная сфера, в которой личные имена становятся репрезентаторами этногенетической части духовной и материальной культуры любого народа и дескриптивными средствами этнонациональных концептуальных установок. В связи с этим исследование антропонимных систем приграничья имеет важное научно-прикладное значение, так как позволяет установить «маргинально-этнический облик людей приграничья» [3, с. 98], уровень их национального сознания, его аутентичность, ценностные ориентиры, а также степени трансформации культурных традиций и культурной диффузии.

Определенное представление о «маргинально-этническом облике» жителей приграничья может дать характеристика антропонимии г. Браслава – древнего города Беларуси (упоминается с IX в. как поселение латгалов и кривичей, ставшее впоследствии ядром города), расположенного в 12 км от государственной границы с Латвией и 45 км – с Литвой.

Цель настоящей работы – сопоставительно-типологический анализ особенностей статистической организации женского именника г. Браслава во второй половине XX в.

Материал и методы. В качестве материала исследования были использованы актовые записи о рождении по г. Браславу, собранные на трех десятилетних хронологических срезах (1951–1960 гг., 1971–1980 гг., 1991–2000 гг.). Предметом

наблюдения и описания явились качественными показателями динамики системы женских имен г. Браслава.

Результаты и их обсуждение. Женский репертуар десятилетия первого контрольного среза (1951–1960 гг.) в г. Браславе содержит 81 антропонимную единицу (включая варианты), которые обслуживает 413 новорожденных девочек. 24 женских имени, согласно СКО (среднему коэффициенту одноименности; величина, являющаяся результатом деления общего числа новорожденных на количество имен конкретного хронологического среза [4, с. 80]) – 5 единиц, являются частыми: *Райса* (5 носителей), *Надежда* (6), *Вера* (6), *Антонина* (6), *Наталья* (7), *Екатерина* (7), *Алина* (7), *Нина* (9), *Алла* (10), *Лилия* (10), *Тереса* (10), *Анна* (11), *Светлана* (12), *Лариса* (12), *Елена* (14), *Наталья* (14), *Мария* (15), *Ирина* (15), *Тамара* (18), *Татьяна* (20), *Валентина* (23), *Ольга* (24), *Галина* (32), *Людмила* (39). К числу редких относятся антропонимы *Любовь* (4), *Томара* (4), *Зоя* (4), *Зинаида* (4), *Регина* (4), *Леокадия* (3), *Ирена* (3), *Иннеса* (2), *Лидия* (2), *Эльвира* (2), *Доната* (2), *Ала* (2). Однократным использованием в номинативной практике 50-х гг. XX в. характеризуются имена *Циля*, *Джема*, *Геновефа*, *Гелена*, *Галинна*, *Чеслава*, *Виктория*, *Элина*, *Ванда*, *Леонарда*, *Валентина*, *Жанна*, *Арина*, *Эмма*, *Юзефа*, *Аля*, *Альдона*, *Алиция*, *Ядвига*, *Александра*, *Лея*, *Нэлла*, *Оксана*, *Полина*, *Маша*, *Марина*, *Рима*, *Луция*, *Янина*, *Розалия*, *Тересса*, *Ромуальда*, *Елизавета*, *Слова*, *Клавдия*, *София*, *Сталина*, *Ира*, *Идалия*, *Женя*, *Нона*, *Адалина*. Несложно заметить, что большую часть единичных имен (около 30%) представляют антропонимы, нехарактерные для именной системы русских и белорусов. Объяснение этому явлению кроется в экстралингвистических причинах. Значительную часть населения г. Браслава в указанный период составляли представители следующих национальностей: поляков, татар, литовцев, цыган, евреев. В периферийной части женского именника оказались также антропонимы, представляющие собой орфографически неверный вариант записи имени (Галин-

на – вместо Галина, Валинтина – вместо Валентина, Нэлла – вместо Нелли, Тересса – вместо Тереса, Томара – вместо Тамара).

Сопоставив наши результаты с данными исследования А.М. Мезенко, изучавшей состав и статистическую структуру женского именника г. Витебска в первое послевоенное пятилетие, отметим, что ядерную часть обоих именников формируют одни и те же антропонимы: *Людмила* (в Витебске 1-й ранг, в Браславе – 1-й ранг), *Валентина* (В. – 2-й ранг, Б. – 4-й ранг), *Галина* (В. – 3-й ранг, Б. – 2-й ранг), *Тамара* (В. – 4-й ранг, Б. – 6-й ранг), *Светлана* (В. – 5-й ранг, Б. – 9-й ранг), *Лариса* (В. – 6-й ранг, Б. – 9-й ранг), *Ольга* (В. – 16-й ранг, Б. – 3-й ранг), *Татьяна* (В. – 9-й ранг, Б. – 5-й ранг), *Ирина* (В. – 20-й ранг, Б. – 7-й ранг), *Мария* (В. – 18-й ранг, Б. – 7-й ранг), *Наталья* (В. – 13-й ранг, Б. – 8-й ранг), *Елена* (В. – 19-й ранг, Б. – 8-й ранг), *Анна* (В. – 17-й ранг, Б. – 10-й ранг) [5, с. 113–114].

Показательно, что в первые послевоенные годы сохранилась традиция именования девочек искусственными именами, образованными от имени одного из «вождей» (*Сталина*). Случаи однократного использования данного имени в номинативной практике зафиксированы в Витебске и Браславе.

Статистическая структура антропонимикона 1950-х гг. характеризуется следующими параметрами: первая десятка частых имен охватывает почти 60% новорожденных девочек, популярные имена составляют около 80%.

За период с 1971 по 1980 г. в г. Браславе родилось 676 девочек, которые были наречены 50-ю различными именами. СКО увеличился более чем в 2,5 раза и стал равен 13,5 единиц.

Количество частых личных имен уменьшилось на 11 единиц и составило 13 антропонимов: *Анна* (14), *Жанна* (20), *Алла* (21), *Инна* (22), *Оксана* (23), *Марина* (26), *Людмила* (37), *Ирина* (39), *Ольга* (47), *Светлана* (50), *Татьяна* (55), *Наталья* (77), *Елена* (93), охватывающих 78% новорожденных девочек (на долю десяти самых популярных имен приходится

70%). Невысокими фреквентативными показателями характеризуются имена *Мария* (13), *Надежда* (13), *Галина* (13), *Валентина* (10), *Олеся* (10), *Лилия* (9), *Юлия* (9), *Лариса* (7), *Инесса* (7), *Вера* (6), *Антонина* (4), *Ирена* (4), *Екатерина* (3), *Любовь* (3), *Вероника* (3), *Снежана* (3), *Евгения* (2), *Анжелика* (2), *Диана* (2), *Инга* (2). Группа единичных состоит из 15 имен: *Анжела*, *Доната*, *Алина*, *Виктория*, *Нина*, *Юлианна*, *Эмма*, *Элла*, *Тереза*, *Таисия*, *Софья*, *Илона*, *Нелли*, *Мая*, *Агния*.

Незначительные отличия от пятерки самых частых женских имен г. Браслава за 1971–1980-е гг. находим в именниках Витебска (Октябрьский район) 1968–1975-х гг. и Полоцка 1976–1980-х гг. [5, с. 116–118]: *Елена* (в Браславе – 1-й ранг, в Витебске – 1-й ранг, в Полоцке – 3-й ранг), *Наталья* (Б. – 2-й ранг, В. – 4-й ранг, П. – 1-й ранг), *Татьяна* (Б. – 3-й ранг, В. – 2-й ранг, П. – 2-й ранг), *Светлана* (Б. – 4-й ранг, В. – 3-й ранг, П. – 5-й ранг), *Ольга* (Б. – 5-й ранг, В. – 1-й ранг, П. – 4-й ранг).

Наблюдения за изменением ранговых показателей десятки самых высокочастотных женских имен первых двух срезов позволяют выделить группу имен, частотность которых возросла за 10 лет: *Елена* (с 8-го ранга на 1-й); *Наталья* (с 8-го ранга на 2-й); *Татьяна* (с 5-го ранга на 3-й); *Светлана* (с 9-го ранга на 4-й); *Ирина* (с 7-го ранга на 6-й); *Марина* (с 19-го ранга на 8-й); *Оксана* (с 19-го ранга на 9-й); *Инна* (1950-е гг. – отсутствует, 1970-е гг. – 10-й ранг), и группу женских имен, которые утратили популярность: *Ольга* (с 3-го на 5-й ранг); *Людмила* (с 1-го ранга на 7-й); *Анна* (с 10-го ранга на 13-й); *Мария* (с 7-го ранга на 14-й); *Галина* (со 2-го ранга на 16-й); *Валентина* (с 4-го ранга на 18-й); *Лариса* (с 9-го ранга на 22-й); *Тамара* (1950-е гг. – 6-й ранг, 1970-е гг. – отсутствует).

Сопоставив качественную и статистическую стороны женского антропоним-

микона первого и второго контрольных срезов, обнаруживаем сильное сужение границ именника и тенденцию к его концентрации.

В 1990-х гг. наблюдается значительное расширение женского антропонимного репертуара г. Браслава, что качественно выражается в снижении уровня СКО с 13,5 до 7,1. Список личных женских имен сформировался из 80 единиц, которые были использованы для номинации

573 новорожденных девочек. В десятку самых популярных имен вошли *Анастасия* (49 носителей), *Екатерина* (34), *Татьяна* (33), *Ольга* (32), *Юлия* (31), *Виктория* (29), *Анна* (27), *Вероника* (22), *Светлана* (19), *Елена* (18), охватившие 51% новорожденных. Околоядерное пространство сформировали 13 частых антропонимных единиц: *Ксения* (8), *Яна* (10), *Наталья* (10), *Марина* (10), *Кристина* (10), *Карина* (10), *Елизавета* (11), *Надежда* (12), *Диана* (12), *Александра* (14), *Ирина* (15), *Мария* (15), *Дарья* (16), которые были использованы в номинативной практике в 27% случаев.

К редким на срезе 1990-х гг. относятся 27 женских имен, применяемых для наращения чуть более 10% новорожденных: *Маргарита* (6), *Валентина* (6), *Евгения* (6), *Олеся* (5), *Валерия* (5), *Оксана* (5), *Снежана* (5), *Полина* (4), *Алёна* (4), *Илона* (4), *Алла* (4), *Наталья* (4), *Анжелика* (4), *Ангелина* (4), *Галина* (3), *Любовь* (3), *Божена* (3), *Влада* (3), *Алина* (2), *Инна* (2), *Ульяна* (2), *Алена* (2), *Инесса* (2), *Виолетта* (2), *Арина* (2), *Лина* (2), *Каролина* (2). Антропонимы *Ариадна*, *Катажина*, *Алеся*, *Альбина*, *Веслава*, *Вирсавия*, *Антонина*, *Милана*, *Янина*, *Эмма*, *Элиза*, *Элеонора*, *Эва*, *Тамара*, *Сабина*, *Рада*, *Николь*, *Даяна*, *Марта*, *Майя*, *Людмила*, *Лилия*, *Лидия*, *Лариса*, *Катерина*, *Ярослава*, *Ирена*, *Инга*, *Инара*, *Нина* отличаются однократным использованием при имянаращении.

Сравнительный анализ состава частых женских имен г. Браслава за 1990-е гг. и г. Витебска за 1990-й г. (обследовался Железнодорожный район) показал качественную схожесть именников. Раз-

¹ В Витебске пятерку популярных женских имен замыкает антропоним *Ирина*, который занимает 6-й ранг в именниках Браслава и Полоцка.

личия наблюдаются лишь в количественных показателях имен: *Анастасия* (Браслав – 1-й ранг, Витебск – 2-й ранг), *Екатерина* (Б. – 2-й ранг, В. – 1-й ранг), *Татьяна* (Б. – 3-й ранг, В. – 7-й ранг), *Ольга* (Б. – 4-й ранг, В. – 6-й ранг), *Юлия* (Б. – 5-й ранг, В. – 3-й ранг), *Виктория* (Б. – 6-й ранг, В. – 10-й ранг), *Анна* (Б. – 7-й ранг, В. – 4-й ранг), *Вероника* (Б. – 8-й ранг, В. – 15-й ранг), *Светлана* (Б. – 9-й ранг, В. – 16-й ранг), *Елена* (Б. – 10-й ранг, В. – 5-й ранг), *Дарья* (Б. – 11-й ранг, В. – 13-й ранг), *Мария* (Б. – 12-й ранг, В. – 9-й ранг), *Ирина* (Б. – 13-й ранг, В. – 11-й ранг), *Александра* (Б. – 14-й ранг, В. – 17-й ранг), *Надежда* (Б. – 15-й ранг, В. – 19-й ранг), *Кристина* (Б. – 19-й ранг, В. – 12-й ранг), *Марина* (Б. – 20-й ранг, В. – 14-й ранг), *Наталья* (Б. – 21-й ранг, В. – 8-й ранг), *Оксана* (Б. – 19-й ранг, В. – 20-й ранг), что объясняется разной временной продолжительностью контрольных срезов. В г. Браславе к числу частых относятся также имена *Диана* (15-й ранг), *Елизавета* (17-й ранг), *Карина* (18-й ранг), *Яна* (22-й ранг), *Ксения* (23-й ранг), не входящие в группу частых в Витебске.

Общими для именословных подсистем 3-х контрольных срезов являются 23 имени: *Алина*, *Алла*, *Анна*, *Валентина*, *Виктория*, *Галина*, *Екатерина*, *Елена*, *Ирена*, *Ирина*, *Лариса*, *Лилия*, *Любовь*, *Людмила*, *Марина*, *Мария*, *Надежда*, *Нина*, *Оксана*, *Ольга*, *Светлана*, *Татьяна*, *Эмма*, превалирующее большинство которых формирует антропонимную систему русских и белорусов, за исключением таких единиц, как *Ирена* (зап. *Ирена* – рус. церк. форма *Ирина*), *Эмма* (зап. из др.-герм. Emma).

Из наблюдений за периферийной частью женского именника Браслава на протяжении 30-ти лет следует, что в отдельных случаях на именовании новорожденных ощущается влияние национальности родителей или одного из них, хотя к концу XX в. число случаев наречения «национальными» именами постепенно сокращается: *Алиция* (мать –

полька), *Ала* (оба родителя – евреи), *Леонкадия* (оба – поляки), *Ирена* (оба – поляки), *Леонарда* (мать – полька), *Маша* (оба – евреи), *Регина* (оба – поляки), *Розалия* (оба – евреи), *Слова* (оба – евреи), *Тереса* (оба – поляки), *Циля* (оба – евреи), *Чеслава* (оба – поляки), *Элина* (оба – поляки), *Юзефа* (отец – поляк), *Ядвига* (оба – поляки), *Анджелика* (отец – поляк), *Инга* (отец – литовец), *Инесса* (отец – поляк), *Катажина* (оба – поляки), *Каролина* (отец либо оба – поляки), *Эмма* (оба – поляки, латыши), что, с одной стороны, подчеркивает полинациональный колорит Браславщины¹, а с другой – свидетельствует об ослаблении данной тенденции в условиях расширения именного репертуара 1990-х гг. путем использования в номинативной практике новых антропонимных единиц. Сопоставив результаты нашего исследования с данными Г.Н. Питкевич (Даугавпилс, Латвия), которая изучала функционирование русских личных имен в латышском дискурсе и латышских антропонимов в русском дискурсе в Латгалии – восточном регионе Латвии, исторически представляющем собой близкий этноязыковой ареал и на современном этапе характеризующемся «мультикультурной, мультиязыковой и мультиконфессиональной» [7, с. 234] ситуацией, приходим к выводу, что в данных смежных приграничных регионах представители различных этнических групп при номинации нередко используют антропонимные ресурсы своих национальных систем и детям присваиваются только те имена, которые осознаются как «свои».

В целом репертуар женской подсистемы именника конца XX в. обновился на 58,75% по сравнению с антропонимиком 1950-х гг. Его трансформации способствовали: широкий спектр вариантов и форм личных имен, все чаще используемых при регистрации новорожденных (*Елена* – *Алена* – *Алёна*; *Екатерина* –

¹ По данным за 2004 г., в г. Браславе проживают 55% белорусов, 25% поляков, 17% русских, около 3% других национальностей: украинцев, литовцев, татар, цыган [6, с. 4].

Катерина; Инна – Инесса; Лина (сокр. к *Магдалина, Каролина, Ангелина*); *Наталья – Наталья; Олеся – Алеся, Яна – Янина; Бажена – Божена*); увеличение набора женских имен, производных от мужских (*Влада, Валерия, Веслава, Евгения, Ярослав*); возрастание популярности старых церковных имен и их форм (*Антонина, Дарья, Маргарита*); оживление славянских имен (*Милана, Рада*). Возросло число номинативных единиц, характерных для английской, итальянской, французской и других антропонимных систем (*Ариадна, Виолетта, Даяна, Диана, Карина, Кристина, Марта, Николь, Сабина, Эва, Элеонора, Элиза*), что может являться результатом влияния глобализации на номинативную сферу в условиях усиленного общественного интереса к западной культуре.

В качестве антропонимных ресурсов выступают, главным образом, русский, польский, татарский и латышский именники. Активное использование именных систем народов-соседей во многом обусловлено обширностью именного репертуара смежных стран и дуализмом культурной и государственной границы. Так, по данным ономатолога О. Буша, в 1997 г. 6000 новорожденных латышских девочек получили около 600 разных имен, то есть каждая десятая девочка имеет неповторяющееся имя [8, с. 165].

Заключение. Подводя итоги исследования развития женского антропонимикона г. Браслава на протяжении трех десятилетий, отметим, что в совокупности он включает 136 антропонимных единиц. Активная ротация имен ядра осуществляется в пределах традиционного ономастикона белорусов. Значительные различия в ядерной части наблюдаются в 1990-х гг., в то время как ядра именников 1950-х и 1970-х гг. качественно более схожи. Расширение границ именника обеспечивается номинативными единицами антропонимиконов соседних народов (латышей, литовцев, поляков), что обуславливается дуализмом границы, хотя в конце XX в. роль национальной принадлежности ро-

дителей в вопросах номинативной селекции ослабевает.

Региональная специфика женской подсистемы именника г. Браслава второй половины XX в. отражена в периферийной ее части, где зафиксированы значительные вкрапления номинативных единиц, характерных для польской, латышской, еврейской и других антропонимных систем.

Литература

1. Рылов, Ю.А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика: курс лекций по международной коммуникации / Ю.А. Рылов. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 311 с.
2. Печенко, М.Ф. Диалог культур в приграничье / М.Ф. Печенко // Приграничное и региональное сотрудничество: новые задачи и пути их решения. Тезисы докладов Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 3–4 дек. 1998 г. – Витебск: ВГУ, 1998. – С. 87–89.
3. Слемнев, М.А. Белорусско-российское приграничье как объект комплексного научного исследования / М.А. Слемнев // Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 27 мая 2011 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.П. Солодков [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2011. – С. 97–99.
4. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
5. Мезенко, А.М. Современный именник белорусов: состав, статистическая структура, особенности изменения / А.М. Мезенко // Русский язык и литература. – 1999. – № 5. – С. 111–123.
6. Браслав: Телефонный справочник по состоянию на 1 февраля 2004 г. / сост.: С.А. Горбунов, В.И. Ковалевский. – Барановичи: «РУПП Баранов. укуп. тип.», 2004. – 184 с.
7. Питкевич, Г.Н. Структура русских неофициальных личных имен в Латгалии / Г.Н. Питкевич // Лексикология и лексикография славянских языков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~slavmir2009/sections/?secid=3> – Дата доступа: 15.09.2011.
8. Bušs, O. Personvārdi, vietvārdi un citi vārdi: izpētes pakāpieni / O. Bušs. – Rīga:

LU Latviešu valodas institūts, 2003. – 310
р.

Поступила в редакцию 14.02.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.

УДК 811.161.1'373.23:821.161.3

Поэтика имени в прозе В. Казакевича

Тропинская-Степушина Т.Е.

*Учреждение образования «Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова», Витебск*

Изучение проблем современной литературной ономастики показало, что исследованию литературных ономастиков, осуществляемому на широком материале как в синхронии, так и в диахронии, посвящено значительное количество работ. Между тем, ономастическое творчество целого ряда современных белорусских писателей остается до сих пор неисследованным.

В ономастиконе художественного произведения наибольшую смысловую нагрузку несут на себе антропонимы, являющиеся неотъемлемыми компонентами ономастической системы в целом и служащие своеобразным ключом в раскрытии замысла писателя. Отбор и взаимодействие антропонимов с контекстом определяется законом жанра, художественным методом автора и многими другими индивидуально-неповторимыми творческими особенностями стиля писателя.

В данной статье описываются результаты исследования поэтики имени в творчестве В. Казакевича. Выявляется специфика организации антропонимосферы автора. Доказывается, что имя героя является одним из важнейших выразительных средств, создающих художественный образ.

Ключевые слова: ономастика, лингвистическая поэтика, ономастическое пространство, оним, антропонимикон, литературный антропоним, прецедентное имя, реминисценция, мифоним, антономасия.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 177–184)

Poetics of the name in V. Kazakhevich's prose

Troschinskaya-Stepushina T.E.

*Educational establishment "Vitebsk State University
named after P.M. Masherov", Vitebsk*

The study of the modern literary onomastic problems showed that a great number of works is devoted to the analysis of literary onomasticons that is accomplished on a vast material both synchronically and diachronically. Meanwhile onomastic creative work by many modern Belarusian writers is still unexplored.

Anthroponyms carry an important message in the onomasticon of any work of art, they serve as the imprescriptible part of an onomastic system and a peculiar key to revealing the author's conception. Selection and anthroponymical interconnection with a certain context is determined by the genre law, literary method and other individual creative peculiarities of the personal author's style.

The analysis findings of the name poetics in the creative work by V. Kazakhevich are described in the given article. The specificity in the organization of the anthroposphere created by the author is revealed. It is proved that a certain name is the principal creative means of a character.

Key words: onomastics, linguistic poetics, onomastic space, onym, anthroponimikon, literary anthroponim, precedent name, reminiscence, mythical name, anthonomastics.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 177–184)

Имя собственное принадлежит к наиболее выразительным, ярким и специфическим элементам стиля писателя. Каждый талантливый художник создает свой уникальный ономастический мир, который органически входит во «внутренний

Адрес для корреспонденции: e-mail: astrid_2000@tut.by – Т.Е. Тропинская-Степушина

мир художественного произведения, знаки которого служат для образного отражения действительности и соединяются друг с другом в некоей определенной системе, живут в своем художественном времени и пространстве», – пишет Д.С. Лихачев [1, с. 120].

Еще до появления теоретических исследований в области литературной ономастики художники слова неоднократно высказывались об особой роли собственных имен в произведении. Э. Золя утверждал, что «имя становится в наших глазах как бы душою персонажа», «нередко в сочетании слогов мы видим даже характер персонажа» [2]. Г. Флобер считал, что если «нет имени – нет и романа» [2]. М. Горький в письмах В.В. Иванову, сообщая о тщательном поиске имен и фамилий персонажей, писал: «Для самой незначительной роли найдены фамилии» [3, с. 213]. Авторитетнейшие свидетельства подчеркнуто уважительного отношения к возможностям и роли имен в литературе, в особенности антропонимов, определили необходимость научных исследований в этой области.

Начало научному изучению проблемы имени было положено, в первую очередь, исследованиями западных ученых о значении и функциях имени у первобытных народов, в мифологии и религиях мира (работы Дж. Фрэзера, М. Хайдеггера, К. Леви-Строса, А. Гардинера).

Активное рассмотрение данной проблемы в филологическом ключе продолжилось в работах русских исследователей Ю.Н. Тынянова, Б.В. Томашевского, В.М. Жирмунского, Б. Эйхенбаума, М.М. Бахтина, Б.А. Успенского, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, М.С. Алтмана, Э.Б. Магазаника, В.А. Никонова. Зарубежная научная литература по проблеме имени также весьма обширна (М. Беккер, Р. Чейпл, Д. Джонс, Э. Ламберт, Дж. Паулс).

Долгое время имя литературного персонажа рассматривалось преимущественно в ономастическом измерении, т.е. предметом исследования были общие закономерности происхождения и функционирования собственных имен и их сис-

тема, изучалась степень соответствия имен персонажей реальной антропони-мической норме. Интересом к такому подходу отмечены труды Б.А. Ларина, Л.В. Щербы,

В.В. Виноградова, и др. В частности, академик В.В. Виноградов писал: «Вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образных и характеристических функциях ... – очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [4, с. 98]. Ю.Н. Тынянов еще в 1924 году писал о значении имени в произведениях искусства: «В художественном произведении нет неговорящих имен. Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые оно способно» [5, с. 56].

В последние годы на первый план вышло толкование имени как смыслового ядра образа, вербализованной сущности литературного персонажа (Н. Бонеецкая, Л. Гоготишвили, К. Жогина, Д. Руденко). Философской основой этих исследований стали труды А.Ф. Лосева и П.А. Флоренского.

Однако при всем обилии публикаций многие проблемы, связанные с художественными наименованиями, лишь обозначены. Для их решения активно собирается и анализируется фактический материал, описываются и исследуются имена в художественном наследии русских и зарубежных авторов, составляются словари имен отдельных произведений и творчества писателя в целом. В настоящее время достаточно глубоко и всесторонне изучены антропонимические системы произведений таких писателей, как А.Н. Островский,

А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, М. Горький, М.А. Булгаков, М.И. Цветаева, Б.Л. Пастернак.

Изучение особенностей функционирования собственных имен в художественном произведении, многообразие видов поэтических антропонимов и их постоянное обновление, богатый семантический потенциал имен позволяют глубже

понять художественный мир писателей.

Среди лингвистов до сих пор нет единого мнения относительно именования науки, изучающей имена собственные в художественном тексте. Исследователи используют различные терминологические варианты: стилистическая ономастика (К.Б. Зайцева), литературная антропонимика (М.В. Карпенко, Л.М. Щетинин), поэтическая ономастика (Э.Б. Магазаник, Н.В. Подольская), поэтика онима (В.М. Калинин) и некоторые другие. По мнению О.И. Фонаковой, термин «поэтическая ономастика» применим только для поэтической речи, что приводит к сужению его значения [6, с. 8]. Т.В. Немировская в статье «Некоторые проблемы литературной ономастики» предлагает – как самый общий – термин «литературная ономастика», объектом которой выступают все жанры литературного творчества: 1) ономастика поэзии (поэтическая) – лирика, поэмы, баллады; 2) ономастика художественной прозы (художественная) – рассказ, повесть, роман; 3) ономастика драматургии (драматургическая) – комедии, драмы, трагедии [7, с. 49]. Вслед за вышеупомянутыми исследователями в настоящей работе мы будем придерживаться термина «литературная ономастика», поскольку он наиболее адекватно отражает сферу употребления и функционирования имен собственных в исследуемых нами художественных произведениях.

Выявление особенностей имени собственного в художественном тексте являются одной из наиболее динамично развивающихся отраслей современной ономастики. Проблемное поле литературной ономастики стремительно расширяется, благодаря вкладу О.И. Фонаковой, А.А. Фомина,

И.Э. Ратниковой и др. В последние годы появился ряд интересных работ по литературной ономастике, в которых описывается вся совокупность имен собственных у одного писателя (или в одном произведении) или отдельное свойство онима на материале разных авторских идиостилей (Л.И. Андреева, В.Н. Михайлов, Е.А. Анисимова, А.Ф. Рогалев, Ю.А. Карпенко,

В.М. Калинин, А.Н. Деревяго и др.).

Выступая в качестве ключевых слов текста, имена персонажей участвуют в раскрытии его главных тем. В этой связи становится актуальным вопрос о своеобразии антропонимической системы автора в общем контексте его идиостиля, поскольку антропонимическое пространство художественного произведения, отбор и взаимодействие антропонимов с контекстом определяется законом жанра, художественным методом писателя и многими другими индивидуально-неповторимыми творческими особенностями стиля писателя.

Изучение проблем современной литературной ономастики показало, что исследованию литературных ономастиков, осуществляемому на широком материале как в синхронии, так и в диахронии, посвящено значительное количество работ. Между тем, ономастическое творчество целого ряда современных белорусских писателей остается до сих пор неисследованным. Цель данной статьи – выявление особенностей употребления имени в прозе Вечеслава Казакевича – современного белорусского автора, пишущего на русском языке.

Творчество В. Казакевича занимает значимое место в современной белорусской литературе и литературном процессе рубежа XX–XXI вв. Однако адекватного лингвистического анализа оно пока не получило, неизученным остается и ономастическое пространство его произведений.

В. Казакевич родом из Беларуси. Окончил филологический факультет МГУ. С 1993 г. живет в Японии, в настоящее время является профессором университета Тояма. Он автор пяти поэтических сборников и книги прозы «Охота на майских жуков».

Произведения В. Казакевича, оригинальные как по своей художественной структуре, так и по языковому оформлению, позволяют выделить его из ряда современных писателей. Цель статьи – анализ поэтики имени в творчестве В. Казакевича и выявление специфики организации антропонимосферы автора.

Материал и методы. Материалом для

исследования послужили прозаические художественные произведения Вячеслава Казакевича общим объемом 190 страниц: повесть «Охота на майских жуков» и рассказ «Наедине с тобою, брат».

При проведении исследования были использованы основные общенаучные методы наблюдения, описания, анализа и интерпретации, а также элементы компонентного, сопоставительного и статистического анализов. Методологическое значение в работе имеет «композиция научного задания» (термин М.М. Бахтина), необходимая для объединения рассматриваемых художественных текстов единой интерпретационной основой.

Результаты и их обсуждение. Традиционно имя героя/персонажа (или персонафицированного художественного образа) в художественном произведении определяли как *имя* или *собственное имя*, которое конкретизировалось в зависимости от жанра произведения: *имя действующего лица, имя литературного персонажа, имя лирического героя*. В свое время М.В. Карпенко под литературными антропонимами понимала только собственные имена, созданные автором. Исключались собственные имена реальных исторических лиц, используемых в художественных произведениях в качестве личных имен персонажей [8, с. 24]. Позже это ограничение было снято, и для обозначения «всех без исключения личных собственных имен, именующих персонажей» в художественном тексте, стали использовать термин «*литературный антропоним*» [8, с. 27].

Оппозиция реальные/ирреальные (вымышленные) имена представляется крайними звеньями цепочки «от исторического имени к вымышленному» [1]. Именно на этом отрезке антропонимическая лексика претерпевает различного рода преобразования.

Поскольку ядро антропонимной системы исследуемых произведений составляют *реальные именованья героев*, нам представляется целесообразным отдельно остановиться на этом аспекте.

Реальные именованья героев – имена,

взятые из реального национального именника, которые конструируются авторами сообразно системе имен и формуле номинации, принятой в системе русского имянаречения. В качестве личных имен героев используются онимы, имеющие преимущественное распространение на территории России и Беларуси и включающие в себя как женские, так и мужские имена: *Вера, Ганна, Антонина, Марьяна, Степан, Евгений, Стась, Иван*. Эти онимы характеризуются единством денотата имени «женщина, славянка»/«мужчина, славянин» и отражают в прозе писателей антропонимное пространство России и Беларуси. В исследуемых произведениях имена собственные этого типа составляют 35% с преобладанием мужских имен.

Важную роль в антропонимиконе изучаемых произведений играют прецедентные имена, т.е. имена, соотносимые с реально существовавшими или существующими денотатами и сохраняющие всю сумму социальных коннотаций. Частотностью прецедентных именованний очерчивается круг явлений и событий историко-культурного процесса, входящих в зону индивидуальных приоритетов автора.

Специфика освоения В. Казакевичем именованний этого типа заключается в том, что автор употребляет исторические имена не в качестве «полноправных» именованний того или иного персонажа, а, например, для создания или усиления комического эффекта: 1. *Многие годы спустя мать вспоминала, что если бы она со своим веником не оказалась тогда у стола, отец бы меня убил. Таким образом я мог бы примкнуть к живописным отпрыскам Грозного, Бульбы и Петра Первого* [9, с. 76]. 2. *Родители набивали припасами погреб и чулан с тем же тщанием, с которым Скотт и Амундсен загружали трюмы своих кораблей, отправлявшихся к Южному полюсу* [9, с. 144]. 3. *С тех пор он посылал к царю юристу... несчетное количество зверей, птиц, людей, насекомых. Думаю, такой богатой и разнообразной дани царю Хаммурапи не слал никто* [9, с. 141]. 4. Хоро-

шо, что отец мигом позвонил в милицию, и милиционеры, поймав меня, посадили, как Пугачева, в железную клетку [9, с. 177]. Кроме вышеупомянутых, в прозе В. Казакевича фигурируют такие прецедентные онимы, как *Менделеев*, *Некрасов*, *Алексей Толстой*, *Маяковский*, *Есенин*.

В основном названные именованья имеют одночленную структурную модель «фамилия», реже – «фамилия/имя»: такие варианты наиболее характерны для именованья личности, оставившей след в истории и культуре. Данные онимы составляют 7% от общего количества антропонимов в ономастическом пространстве исследуемых произведений.

Аллюзивные, или реминисцентные, именованья возникают при возвращении к одноименной ономастической номинации в обрисовке новых типов и характеров, сходных с ними. Как справедливо указывает Е.А. Козицкая, «ономастические цитаты – очень мощное средство аккумуляции реминисцентного содержания и его реализации в тексте» [10, с. 178].

Пример аллюзии мы обнаружили в повести «Охота на майских жуков»: *Нашу няньку и по совместительству нашего работника Балду отец привез из-за тридцати земель* [9, с. 34].

Работник Балда – прецедентный оним, связанный с прагмакомпонентом семантики имени единственной известной личности (персонажа), которую он представляет (имеется в виду общеизвестный Балда – главный герой «Сказки о Попе и работнике его Балде» А.С. Пушкина). В данном примере семантический вектор проходит от контекста к образу благодаря «максимальной актуализации ассоциативного приращения имени» [4, с. 116]. При употреблении «знакового» для русского человека имени в современном художественном произведении, причем с сохранением авторского, полного двучленного варианта именованья героя – апеллатив + имя – «осуществляется апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [12, с.

52]. Другими словами, назвав няньку Балдой уже в первом (!) предложении повести, автор дает ей исчерпывающую характеристику, которая потом, на протяжении всего последующего текста, лишь мастерски им подтверждается. Простодушие, наивность, доброта, при этом исконно русская сметка, надежность, широта души – вот далеко не полный перечень черт знаменитого пушкинского Балды и всех его литературных тезок, включая наш персонаж. Таким образом, в приведенном выше примере имя имеет обобщенно-символическую, осложненную реминисценцией семантику.

Аллюзивными элементами, или *маркерами* аллюзии, соединяющими факты из жизни и тексты о них, могут становиться поэтические, мифологические, исторические, географические или другие названия. В прозе В. Казакевича денотатом аллюзии являются мифонимы, а точнее, мифоперсонимы и мифозоонимы – имена персонажей, действующих в мифах, былинах, сказках (*Кощей Бессмертный*, *Змей Горыныч*, *Сивка-бурка*), а также прецедентные литературные антропонимы (*граф Монте-Кристо*, *Дядя Степа*, *Синдбад-Мореход*, *Гриффин*, *Гулливер*, *Рыцарь Айвенго*, *Капитан Немо*). Нужно сказать, что образы этих героев столь причудливо переплетаются в художественном пространстве текста, что рождают яркие, запоминающиеся образы: *Брат приказывал рассказывать ему на ночь сказки, и я начал шептать жуткую историю, что складывалась сама собой. В этой фантастической белиберде галантные французские мушкетеры действовали вместе с массивными, как платяной шкаф, русскими богатырями. Рыцарь Айвенго и капитан Немо на таранной подлодке помогали им биться с черными, как тараканы, эсэсовцами и с заправленным горючей смесью Змеем Горынычем* [9, с. 175]. В этом примере в состав именованья героев, кроме собственно аллюзивных онимов, входят апеллативы, поскольку в данном контексте они приобретают онимическое значение (герои романа А. Дюма «Три мушкетера»; богатыри – герои русских былин и сказок). Качественные характеристики подобных персонажей, заключенные в

имплицитном значении их имен, имеют обобщенно-символическое значение.

В рассказе «Наедине с тобою, брат» 7 из 8 употребленных в нем антропонимов представляют собой прецедентные литературные антропонимы; они же составляют 17% от общего количества антропонимов во всех исследуемых произведениях

В. Казакевича. Частое введение номинаций подобного типа говорит о фантазии, начитанности и стремлении к сочинительству юного героя: *Едва я засыпал, брат щипался, требуя продолжения сказки. Он и сделал из меня писателя* [9, с. 175].

Кроме вышеуказанных мифонимов, в произведениях всех авторов в разных контекстах неоднократно упоминаются теонимы – *Бог, Христос, Магомет, Будда, Кришна, Перун*. Все названные выше онимы А.Н. Деревяго относит к «мифоперсонам дохристианского и христианского хронотопа» [11, с. 77]. Авторы вводят теонимы в антропонимосферу своих произведений не только для того, чтобы подчеркнуть религиозность того или иного персонажа, но приспособляют их для иных художественных целей, как, например, в следующем отрывке из повести В. Казакевича «Охота на майских жуков»: *Среди знакомых и близких Марьяны были не только древнеримские призраки, но и языческие славянские боже-*

ства.
– *Перун вас забей!* – с досадой призывала Марьяна древнего бога грозы и войны на голову бродячих собак, иногда любознательно сующих морды к нам в калитку [9, с. 46]. Использование мифоперсона «Перун» в составе подобного речевого оборота и в данном контексте служит, во-первых, для того чтобы показать необразованность Марьяны, и во-вторых, – подчеркнуть ее деревенское происхождение, где названия древних языческих богов до сих пор находят в бытовом речевом обиходе.

Таким образом, реминисцентное употребление имени персонажа содействует погружению художественных образов одного литературного произведения

в мир художественной действительности другого произведения. Аллюзивные онимы, в том числе мифонимы, способствуя возникновению коннотативных смыслов, дополняют и обогащают образы героев литературного произведения.

Имена, фамилии и прозвища с прозрачной семантикой («говорящие») – «такие имена, в которых этимологическое (доантропонимическое) значение лексической основы сразу раскрывает суть персонажа» [12].

В связи с темой «говорящих» имен необходимо коснуться *автономазии* (автономасии) – тропа, состоящего в метафорическом применении собственного имени для обозначения лица, наделенного свойствами первоначального носителя этого имени. В этом случае перенос имени с одного лица на другое происходит благодаря ассоциации, возникающей вследствие сходства между ними, т.е. наличия общего признака у разных денотатов. Например, *Соломон* – кличка брата героя в повести «Охота на майских жуков». Вот что пишет автор по этому поводу: *...соломонистость его главным образом выражалась в ежеминутной готовности с головой и руками погрузиться в любой механизм* [10, с. 59]. Как мы можем заметить, одна из основных целей автономасии – максимально сжатая, лаконическая характеристика персонажа.

М.К. Максимова называет подобные примеры метафорическими, а В.Н. Михайлов видит в них метонимизацию [13, с. 80]. О.И. Фоякова считает, что в основе автономазии могут лежать как метафора, так и метонимия [6, с. 69]. На наш взгляд, примеры подобного рода можно трактовать как метафору, возникающую на основании сходства понятий.

Прозвище – самый мотивированный вид антропонимии в художественном тексте с прямо или косвенно (ассоциативно) характеризующей семантикой. Например, прозвище одного из эпизодических персонажей повести «Охота на майских жуков» *Сюся*, *потому что была у него заячья губа и говорил он с таким сюсюканьем, что понять его было невозможно* [9, с. 11]. Прямая или ассоциа-

тивная мотивировка в подобного рода номинациях выполняет характеристическую функцию, подчеркивая особенность внешности, поведения или характера персонажа.

Таким образом, имена с семантически обнаженной внутренней формой, включая прозвищные номинации и случаи автономии не характерны для прозы В. Казакевича.

К номинациям-идентификаторам персонажей относят местоименные субституты, синонимические замены, являющиеся стилистически нейтральными, а также эпитеты, перифразы, деминутивные формы, которые, имея экспрессивно-оценочную окраску, служат эффективным средством создания художественного образа. Ярким примером тому служит система номинаций Марьяны, главной героини повести «Охота на майских жуков»: 1. *Нашу няньку и по совместительству нашего работника Балду отец привез из-за тридцати земель. Встреча с ней до сих пор стоит у меня перед глазами. Краснолицая, неуклюжая, в каком-то несуразном деревенском наряде она вперевалку, по медвежьим поднимается на крыльцо* [9, с. 34]. 2. *Это была самая неунывающая пятидесятилетняя сирота и старая дева, какую только можно только себе представить*. [9, с. 35]. 3. *Но чаще всего с кошкой общалась наша словоохотливая нянька* [9, с. 43]. 4. *Марьяна, сама же пристрастившая брата к заспанным путешествиям, долго служила ему двуногим разговорчивым конем, всюду таская его на себе* [9, с. 50]. 5. Кроме этого: *наша нянька; несуразная нянька; наша неграмотная нянька; лакомка-нянька; нянька-баюн* и др. С помощью подобного рода номинаций-идентификаторов автор искусно создает образ своей любимой героини – не обыкновенной деревенской женщины, но личности обаятельной, удивительной, самобытной.

Следующая группа антропонимов – именования-апеллятивы. К ним относятся имена нарицательные, способные в условиях контекста приобретать онимическое

значение. В этом случае речь идет о процессе *контекстуальной деапеллятивации*. В рассказе «Наедине с тобой, брат» рассказчик, в первом предложении, познакомив читателя с героем своего повествования (*«Моего младшего брата зовут Валентин»*), в дальнейшем употребляет для его именования только апеллятив «брат», который на протяжении текста повторяется 68 (!) раз, настолько важной оказывается родственная, кровная связь с этим человеком. Такая частотность употребления позволяет нам говорить о том, что данный апеллятив занимает промежуточное положение между собственно именем нарицательным и онимом.

Заключение. Анализ исследованного материала позволил прийти к следующим выводам. Ядро исследуемого антропонимикона представлено типом именований персонажей, созданным автором по известным языковым образцам, объединенным общей архисемой «именование человека, а также объекта, наделенного человеческими качествами». Эти именования воплощают разные структурные схемы именований персонажей, однако преимущественным является использование одночленной модели «личное имя», что свидетельствует о неповторимости каждого именуемого. В околоядерную структуру входят номинации-идентификаторы и прецедентные имена, употребленные не в прямом, а в переносном значении, что позволяет сделать образ героя более рельефным, запоминающимся. На периферии оказываются «говорящие», в том числе прозвищные именования. Кроме этого, в прозе В. Казакевича были выявлены и причислены к периферийным элементам мифонимы – именования сказочных персонажей и прецедентных литературных героев, употребляемых в метафорическом контексте и участвующих в создании комического эффекта.

Таким образом, антропонимикон В. Казакевича представляет собой самобытную систему именования персонажей и служит своеобразным ключом в раскрытии образов персонажей, микротем произведения, а также художественного замысла писателя.

Литература

1. Лихачев, Д.С. Избранные работы: в 3 т. / Д.С. Лихачев. – Л.: Худож. лит., 1987. – Т. 3.
2. Письмо Э. Золя де Сиону от 29 января 1882 г. // Литературная учеба. – 1940. – № 8–9.
3. Иезуитов, С.А. Имена героев и мифологические мотивы в пьесе М. Горького «Егор Булычев и другие» / С.А. Иезуитов // Имя – сюжет – миф. – СПб., 1996. – С. 212–226.
4. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 255 с.
5. Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. – М., 1977. – 181 с.
6. Фoniaкова, О.И. Имя собственное в художественном тексте: учеб. пособие / О.И. Фoniaкова. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1990. – 103 с.
7. Немировская, Т.В. Некоторые проблемы литературной ономастики / Т.В. Немировская // Вопросы ономастики. – 1992. – № 3. – С. 47–59.
8. Карпенко, М.В. Русская антропонимика: конспект лекций спецкурса / М.В. Карпенко. – Одесса: Изд-во Одесского ун-та, 1970. – 68 с.
9. Казакевич, В.С. Охота на майских жуков / В.С. Казакевич. – М.: Изд-во Н. Филимонова, 2009. – 192 с.
10. Козицкая, Е.А. Цитата, «чужое» слово, интертекст: материалы к библиографии / Е.А. Козицкая // Литературный текст: проблемы и методы исследования / «Свое» и «чужое» слово в художественном тексте: сб. науч. трудов. – Тверь, 1999. – Вып. 5. – С. 177–218.
11. Никонов, В.А. Задачи и методы антропонимики / В.А. Никонов // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропонимики. – 1970. – С. 33–56.
12. Деревяго, А.Н. Имя собственное в художественном тексте: учеб. пособие / А.Н. Деревяго. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008. – 204 с.
13. Михайлов, В.Н. Специфика собственных имен в художественном тексте / В.Н. Михайлов // Филологические науки. – 1987. – № 6. – С. 78–82.

Поступила в редакцию 07.02.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.

УДК 81'42(476):004(045)

Кодовое переключение в интернет-дискурсе Беларуси

Белова К.А.

Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет», Минск

Статья посвящена исследованию переключения кодов в коммуникативной среде национального сектора Интернет. В статье определяются наиболее репрезентативные этнические группы населения Беларуси и языки их сетевого и несетевого общения, выделяются наиболее частотные комбинации языковых переключений в интернет-дискурсе, описываются функциональные и языковые особенности кодовых переключений белорусских пользователей, приводится классификация типов переключений по ряду параметров. Материалом для исследования послужили тексты наиболее коммуникативно значимых для белорусских пользователей жанров личностно-ориентированного типа интернет-дискурса, которые были определены в ходе исследования: электронная почта, чат, системы мгновенного обмена сообщениями, форум, блог, гостевая книга, часто задаваемые вопросы. В статье приводятся многочисленные примеры в редакции их авторов, что позволяет наглядно продемонстрировать теоретические пояснения и результаты исследования.

Ключевые слова: переключение кодов (кодовое переключение), интернет-дискурс, функции кодовых переключений, языковая специфика кодовых переключений, типы кодовых переключений, классификация типов переключения кодов.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 185–196)

Code switching in Belarusian Internet discourse

Belova K.A.

Educational establishment "Minsk State Linguistic University", Minsk

The article is devoted to the research of code switching in the communicative medium of the national Internet sector. The article defines the most representative ethnic groups of Belarusian population and languages of their network and out-of-it communication, singles out the most frequent combinations of code switching in the Internet discourse, describes functional and language peculiarities of code switching among Belarusian users, outlines the classification of code switching types. The research is based on texts of most communicatively important for Belarusian users genres of the Internet discourse: email, chat, instant messaging systems, forum, blog, guest book, FAQ. The article presents numerous examples of specific language usage illustrating theoretic comments and findings of the research.

Key words: code switching, the Internet discourse, code switching functions, code switching language peculiarities, code switching types, classification of code switching types.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 185–196)

Современное общество в целом и социально-культурное сообщество Беларуси в частности функционируют сегодня в условиях развития и расширения межрегиональных и международных контактов, интенсивной миграции, взаимодействия культур и языков, разнообразных интеграционных процессов, которые интенсифицируются благодаря новейшим

технологиям, включая сеть Интернет. Человек, имеющий доступ в Интернет, может, не выходя из дома, обратиться в официальные органы, совершить экскурсию, пообщаться с представителем иной социальной и культурной группы. Возможности, предоставляемые коммуникативной средой Интернет, обуславливают рост языковых контактов и как следствие –

расширение сферы взаимодействия языковых кодов, выходящее за рамки общения в глобальной сети. В связи с этим актуальным представляется исследование функционирования языковых кодов в сети Интернет.

Под языковым кодом вслед за Л.П. Крысиным мы понимаем любое средство коммуникации. Коды и субкоды (разновидности кода), обслуживающие одно языковое сообщество, образуют социально-коммуникативную систему и находятся в отношениях функциональной дополнительности. Представители какого-либо социально-культурного сообщества, обслуживаемого данной социально-коммуникативной системой, обычно владеют общим набором языковых средств и используют их в зависимости от условий общения как в несетевом общении, так и в общении посредством сети Интернет. Или, как пишет Л.П. Крысин, в процессе речевой коммуникации происходит переключение с одного кода (субкода) на другие. Такое переключение получило название кодового [1, с. 61–62].

Активные исследования в данной области стали проводиться в 50-х годах XX в. и были связаны с деятельностью У. Вайнрайха и Э. Хаугена.

Ж. Багана и Ю.С. Блажевич пишут в своей обзорной статье [2, с. 152], что У. Вайнрайх заметил способность миллионов людей в течение всей жизни овладеть двумя или несколькими языковыми системами в той или иной степени и умение использовать каждую в отдельности – в зависимости от требований обстановки. Э. Хауген видел в данном явлении ситуацию сосуществования двух языковых систем, для которой характерно проникновение в языковую систему лингвистического, не ассимилированного элемента из чужого языка. С тех пор этот термин интерпретируется по-разному, отмечают авторы, в зависимости от того, на чем делает акцент исследователь. Так, например, Й. Бехерт понимает под ПК переход говорящего с одного языка на другой в рамках одного высказывания, а Д. Кристал – переключе-

ние с одного языка на другой в процессе коммуникации билингвов, которые нерегулярно пользуются вторым языком или хорошо его не знают.

Как справедливо замечает А.Ю. Русаков, «переключение кодов понимается всеми исследователями более или менее одинаково (переход с одного языка на другой и *vice versa* в рамках одного текста – диалогического или монологического)» [3, с. 167]. Например, «ну ладно, *thanks for help, созвонимся!*».

В работе И.Г. Морозовой и энциклопедии «Кругосвет» переключение кодов (также смешение кодов) обозначает «переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка (диалекта, стиля) на другой и обратно в зависимости от условий коммуникации» [4; 5].

Существуют и более детализированные определения. Например, Е.А. Проценко, анализируя работы зарубежных исследователей о явлении «переключение кодов», пишет, что «переключение языковых кодов определяется как попеременное использование элементов двух или более языков в рамках одного коммуникативного акта (L. Figueroa) более или менее двуязычным говорящим (М.-В. Hansen)» [6, с. 123].

Похожим является понимание данного явления Г.Н. Чиршевой, которая рассматривает «кодовое переключение (переключение кодов)» как «использование единиц разных уровней одного языка (морфем, слов, словосочетаний, предложений) в высказывании на другом языке» [7, с. 63].

В данной статье под кодовым переключением понимается использование единиц разных уровней одного языка (кода) в высказывании на другом языке (коде) в зависимости от условий коммуникации в сети Интернет.

Переключение кодов как специфический феномен активно изучается зарубежными исследователями. Все многочисленные и достаточно разнообразные исследования ведутся в рамках одного из нескольких основных направлений.

В рамках социолингвистической парадигмы рассматриваются вопро-

сы влияния политических, демографических факторов, этнической принадлежности, территориальной общности (опозиция «столица-провинция», «город-деревня»), социального статуса и «членства» (membership) и других факторов на особенности переключения кодов (K.R. Becker, A.C. Zentella, N.M. Kamwangamalu, J.J. Gumperz, K. Calteaux, M. Heller, A. Lo и др.).

Психолингвистические исследования переключения кодов остаются самыми немногочисленными и данная группа факторов до сих пор наименее изучена. Ученые пытаются выявить некоторые повторяющиеся образцы, модели, способные описать, как говорящий билингв получает, аккумулирует, преобразовывает и передает лингвистическую информацию из двух разных языковых систем (K.R. Becker, F. Grosjen, P.A. Kolers, J.M. Lipski, D.M. Lance, G. Valdes-Falles, A. Aguirre, K.K. Sridhar и др.).

Гораздо более детально изучены сознательные факторы переключения кодов, которые по существу составляют сферу

п р а г м а т и к и. Исследования в данной сфере ставят перед собой цель изучить структуру коммуникативного акта, в котором присутствует явление переключения кодов, и выяснить, какова роль переключения кодов в установлении порядка реплик коммуникантов, в тематическом построении коммуникативного акта, в завязывании и продолжении разговора на определенную тему, в переключении с одной темы на другую и т.д. (K.R. Becker, P. Auer, M. Sebba, A.J. Wootton, Li Wei, G. Alfonzetti, M.G. Moyer и др.).

В сфере исследования собственно лингвистических факторов переключения кодов чаще рассматриваются грамматические (S. Poplack, C. Myers-Scotton, P. Muysken), синтаксические (M.-B. Hansen, R.M. Bhatt, J.L. Klavans) или структурные (S.N. Sridhar, K.K. Sridhar) вопросы.

В отечественной лингвистике вопросы переключения кодов традиционно рассматриваются в рамках общей теории заимствования и двуязычия (Е.А. Земская, Ю.А. Жлуктенко, В.Ю. Розенцвейг, Л.В. Щерба, Л.П. Якубинский, Э.М. Ахунзянов, Ф.П. Филин, В.А. Авронин, Ю.Д. Дешириев, И.Ф. Протченко, М.М. Михайлов, Е.Ю. Протасова, В.А. Виноградов, Н.Б. Мечниковская, В.М. Аристова, И.Е. Дубинина, М.С. Полинская и др.). Отдельные работы посвящены обзору результатов различных исследований по кодовым переключениям (Е.А. Проценко, Ж. Багана, Ю.С. Блажевич), взаимодействию отдельных языков при переключениях и языка русского зарубежья (А.Ю. Русаков, Н. Бичурина, Д. Пинеда, Г.Н. Чиршева, Л.М. Грановская, М.Я. Гловинской, О.Н. Сычева, Е.В. Головкин и др.), изучению кодовых переключений в рамках проблемы «коммуникативных неудач» (Л.Г. Давыденко, А.А. Лосева), «социальной дифференциации языков» и «языковых контактов» (Л.П. Крысин) и др.

Несмотря на то, что переключение кодов широко обсуждается как зарубежными, так и отечественными исследователями, данный феномен изучен недостаточно. Такие вопросы, как особенности функционирования переключений в различных коммуникативных средах, структурные и языковые характеристики различных типов переключений, выделение типов переключений и их классификация, остаются малоизученными. В связи с этим исследование кодовых переключений остается сегодня достаточно актуальным.

Цель данной статьи – анализ основных функциональных и языковых особенностей кодовых переключений в интернет-общении белорусских пользователей, выделение типов переключений и их классификация.

Материал и методы. Объектом данного

исследования являются тексты жан-

ров интернет-дискурса, предметом же – функциональные и языковые особенности кодовых переключений в интернет-общении белорусских пользователей. В ходе исследования были использованы следующие методы: анкетирование, компонентный и контекстуальный анализ, сравнительный метод, количественные методы обработки материала и методы интерпретации материала.

Учитывая тот факт, что современная Беларусь является многонациональным государством, где, по данным переписи 2009 года, проживает более 140 национальностей при общей численности населения 9 503 807 человек [8], необходимым представлялось определить наиболее употребительные языковые коды среди населения Беларуси.

Сравнительно-сопоставительный анализ статистических данных переписей 1989, 1999 и 2009 годов показал, что, несмотря на общую тенденцию сокращения численности, как общего состава населения, так и состава отдельных этнических групп, белорусы в структуре населения страны составляют большинство, 83,7% к общей численности населения. Среди других национальностей

наиболее репрезентативными в количественном плане (более 5 000 человек) и активными в социально-культурной сфере (имеют зарегистрированные общественно-культурные объединения, выпускают газеты/журналы) являются: русские, поляки, украинцы, евреи, армяне, татары, цыгане, азербайджанцы, литовцы (табл. 1) [8].

Далее необходимым представлялось определить языки, на которых представители перечисленных выше десяти наиболее репрезентативных национальных групп вступают в межличностное общение при личных контактах и посредством Интернет.

По данным исследований последних лет, большая часть общения происходит на родном для человека языке. Результаты переписи 2009 года [9] показывают, что доминирующими языками, названными родными, для большинства респондентов являются русский или белорусский, в гораздо меньшей степени – украинский и польский, а также для части представителей отдельных этносов – национальный язык (табл. 2).

Таблица 1

Репрезентативные этносы в национальном составе населения Беларуси

Национальность	Всего человек по данным 2009	Всего человек по данным 1999	Всего человек по данным 1989
Все население	9 503 807	10 045 237	10 152 000
из него:			
Белорусы	7 957 252	8 159 074	7 904 623
Русские	785 084	1 141 731	1 342 099
Поляки	294 549	395 712	417 720
Украинцы	158 723	237 015	291 008
Евреи	12 926	27 798	111 833
Армяне	8 512	10 191	4 933
Татары	7 316	10 089	12 552
Цыгане	7 079	9 927	10 762
Азербайджанцы	5 567	6 362	5 009
Литовцы	5 087	6 387	7 606

Таблица 2

Родной язык репрезентативных этнических групп Беларуси

Национальность	Всего	Из общей численности лиц данной национальности в качестве родного языка указали язык					
Все население		Своей	Бело-	Русский	Польск.	Укра-	Дру-

ние из него:	9 503 807	нац-ти 5 688 429	русс. язык 217 015	язык 3 191 963	язык 1 057	инск. язык 4 636	гие языки 400 707
Белорусы	7 957 252	4 841 319	X	2 943 817	941	3 786	167 389
Русские	785 084	756 111	21 956	X	25	406	6 586
Поляки	294 549	15 854	171 287	99 819	X	183	7 406
Украинцы	158 723	46 403	12 497	97 139	22	X	2 668
Евреи	12 926	245	1 175	11 126	3	27	350
Армяне	8 512	4 191	213	3 790	–	1	437
Татары	7 316	1 060	1 411	4 669	5	3	168
Цыгане	7 079	4 557	550	1 243	–	11	718
Азербайджанцы	5 567	3 427	137	1798	–	–	205
Литовцы	5 087	1 597	1 311	1999	30	2	148

Анкетирование представителей каждой из рассматриваемых национальностей (11 000 белорусов, 1 400 русских, 590 поляков, 270 украинцев, 130 евреев, 76 армян, 68 татар, 59 цыган, 43 азербайджанца, 39 литовцев) позволило сделать ряд заключений в отношении использования ими различных языков, как в несетевом, так и в сетевом общении. Следует отметить, что каждый из респондентов уверенно заявлял, что его родственники и знакомые одной с ним национальности ответили бы так же, что позволяет увеличить количество ответов минимум в несколько раз. Статистика по ответам об используемых языках представителей белорусской национальности взята из архива статистических данных белорусской компании «Акавита», собранных в рамках проекта «Тутэйшыя» [10]. Представители других национальностей опрашивались лично, а также посредством электронной почты или форумного общения.

Анализ полученных данных показал, что несетевое общение с родственниками и друзьями происходит на родном языке, общение на работе и с незнакомыми людьми осуществляется на русском или белорусском, общение с иностранными деловыми партнерами или друзьями, не владеющими русским/белорусским, – на языке иностранного собеседника, если белорусский собеседник им владеет, или на английском языке.

При общении в сети Интернет пользователи также предпочитают общаться с близкими людьми на родном языке. Об-

щение между малознакомыми людьми происходит в основном на русском и реже – на белорусском. С друзьями (партнерами)-иностранцами общаются, в основном, на английском. Следует, однако, отметить, что белорусские пользователи, изучающие тот или иной иностранный язык, нередко упражняются в общении и на данном иностранном языке. Наиболее распространенными иностранными языками, помимо английского, встречающимися в интернет-общении белорусских пользователей, являются: немецкий, французский, испанский, итальянский, турецкий, арабский, китайский.

Несмотря на вышесказанное, по статистическим данным белорусской компании «Акавита» [11], языковое оформление 119 наиболее популярных среди белорусов за декабрь 2011 сайтов демонстрирует существование трех основных языков в Байнет и подчеркивает ведущую роль русского языка. Так, из 119 сайтов 100 представлено только на русском языке, 2 – только на белорусском, 2 – на русском и белорусском, 13 – на русском и английском, 2 – на русском, белорусском и английском языках.

Обзор литературы о результатах исследований отечественных и зарубежных лингвистов, а также наши собственные выводы в процессе отбора материала показали, что переключение кодов более свойственно неформальной обстановке и чаще встречается в повседневной речевой практике. При отборе материала было также замечено, что концен-

трация кодовых переключений не одинакова в различных жанрах интернет-дискурса. В связи с этим необходимым представлялось обратиться к вопросу жанровой композиции интернет-дискурса и определить жанры, тексты которых стали материалом для исследования.

Вопрос о количестве жанров и их классификации является спорным. Ученые выделяют различное количество жанров, говорят о гипержанрах и субжанрах. Не останавливаясь детально на обзоре существующих классификаций, отметим, что мы ограничились выделением коммуникативнозначимых и частотных в использовании для белорусского пользователя жанров интернет-дискурса. Список данных жанров был составлен по результатам анкетирования сотрудников ряда организаций и учебных заведений Беларуси.

Респондентам был задан ряд вопросов, объединенных темой «Интернет в моей жизни». Среди прочих были и вопросы: «Для чего Вы используете Интернет?», «Какими интернет-ресурсами вы пользуетесь чаще остальных?», «Что привлекает Ваше внимание во время интернет-сеанса?» и др. Результаты ответов на вопросы, имеющие значение для выделения жанров интернет-дискурса, показали следующее.

Все опрошенные (3 769) пользуются услугами электронной почты, читают новости и скачивают информацию различных форматов и объемов; многие (2 915 из 3 769) являются пользователями социальных сетей; участниками форумов являются 2 175 опрошенных; отношения купли-продажи осуществляют с помощью досок объявления достаточно большое количество респондентов (1 709 из 3 769); общаются посредством систем мгновенного обмена сообщений и/или заходят в чаты 1 549; ищут ответы на интересующие их вопросы в системах FAQ 1 024 из 3 769 пользователей; часто оставляют сообщения в гостевых книгах посещаемых сайтов 980 из 3 769; ведут личные дневники или просматривают информацию, представленную в блогах

967 из 3 769; подписчиками на ту или иную рассылку являются 617 респондентов; поиск по каталогам ресурсов сайтов осуществляют

598 пользователей; 183 пользователя не оставляют без внимания спам-рекламу или баннерную рекламу. Нерепрезентативное число пользователей имеют личные страницы (9 из 3 769) или играют в on-line игры (17 из 3 769).

Исходя из вышесказанного, обобщенным представлялось выделить электронную почту, чат, системы мгновенного обмена сообщениями, доски объявлений, форум, гостевую книгу, блог, баннер, каталог, спам, списки рассылки, FAQ (часто задаваемые вопросы) как жанры, наиболее частотные при обращении во время интернет-сеанса и коммуникативно-значимые для белорусского пользователя.

Учитывая то, что концентрация естественных кодовых переключений больше при межличностном дву(много)стороннем взаимодействии, мы сузили приведенный выше список жанров до следующих: электронная почта, чат, системы мгновенного обмена сообщениями, форум, блог, гостевая книга, часто задаваемые вопросы. Тексты перечисленных жанров личностно-ориентированного типа интернет-дискурса послужили *материалом* для исследования. В примерах сохранена авторская орфография, позволяющая наглядно продемонстрировать специфику сетевого языка в общем и языковые особенности кодовых переключений при интернет-общении в частности.

Результаты и их обсуждение. Анализ языкового материала, а также оценка самими пользователями своих языковых переходов при общении в Интернет позволяют сделать ряд заключений о том, комбинации каких языков участвуют в переключении кодов, для чего происходит переключение кодов в Интернет, какова их языковая специфика, а также выделить типы кодовых переключений и классифицировать их.

1. Типичные комбинации кодовых переключений в интернет-

дискурсе Беларуси.

При переключении в национальной зоне сети Интернет встречаются разные комбинации языковых кодов.

Общаясь на русском языке, белорусские пользователи переключаются на английский, белорусский, реже – украинский и польский. Например, «*Эта была the best party за всё время здесь!*», «*добры ж хлапец у табе ☺ где нашла таткова – признавайся ☺? Он случайно не военный?*», «*да, ничего не делаю – штаны просиживаю, на обед даже выйти не могу, есть ужасно хочется ... зараз би борцу маминого ...*», «*ребята, так здорово было, что вы заглянули, pohulamy na chlube – что не говори!*».

Используя белорусский, реже – украинский и польский, как основной язык общения, пользователи переключаются на русский и английский. Например, «*ніколі не разумеў гэтай вашай american dream?! Што тут добрага – растлумачце?!*», «*хэлп!!!! як навчити дитяти друкувати на комп'ютере???*», «*dziś na robocie powu gadget wydały!*», «*все одно потрібно їхати! візьми парасольку і куртку! Повір: відпочинемо відмінно! У природи нет плохой погоды! відповідь потрібна увечері ☺!*».

При общении на английском переключение происходит в большинстве случаев на русский. Например, «*planning to buy smth big, like . . do not remember in English now – sanki? know what I mean?*».

Следует отметить, что наибольшее количество случаев переключения в белорусском интернет-дискурсе обнаружено при следующих комбинациях языков: с русского на английский и белорусский, с белорусского на русский и английский.

2. Прагматические функции кодовых переключений в интернет-дискурсе Беларуси.

Рассмотрим далее, в каких ситуациях и зачем пользователи переключаются с одного языка на другой, т.е. определим основные прагматические функции кодовых переключений, типичные для интернет-дискурса. Эти функции определяются параметрами и целями коммуникации. Основными из них являются

следующие функции, в порядке частоты реализации: экономии речевых усилий и времени, юмористическая, предметно-тематическая, фатическая, эмоционально-оценочная, самоидентификации, смысло-выделительная, воздействующая, эзотерическая.

Экономия речевых усилий, языковых средств и времени при общении в Интернет часто активизирует кодовое переключение. В таких ситуациях используется первый из эквивалентов, который вспомнился, особенно если он лаконичнее. Например: «*Ну и какую же deadline установили?! Опять всё надо было ВЧЕРА?!*», «*we bought on sale -elka?- and lots of decorations at the mall yesterday!*», «*тудэй на мітынгу праекты на 2012 абмяркоўвалі...*».

Неформальность интернет-дискурса создает благоприятные условия для игрового и шутливого тона общения. С помощью включения в речь иноязычных единиц пользователи добиваются юмористического эффекта. Они играют единицами (морфемами, словами) двух языков, создают разнообразные каламбуры, развлекаясь и отдыхая таким образом от норм и правил сетевого взаимодействия. Например, «*всю ночь вчера геймил*», «*Респектом наградили всех участников проекта*», «*какая ты fastкая!*», «*фэйсам аб тэйбл*».

Проявления предметно-тематической функции кодовых переключений разнообразны: незнание необходимых лексических единиц, использование названий иноязычных реалий, беседа на те темы, которые связаны с деятельностью на одном из языков, с людьми определенной страны или культуры и т.п. Например, «*a со Space Needle действительно весь Сиэтл видно??*», «*вельмі прыгожае фота – такіа падсолнухі вялікія!*».

С помощью переключений пользователи устанавливают и поддерживают контакты в сети Интернет («*всё отхожу спать – найт-найт свит принсес*»), а также воздействуют на собеседников («*а слабо на мове роднай всё то же самое высказать?*»).

Выражение сильных эмоций с помо-

пью эмоциональных и оценочных средств на неродном языке звучит менее экспрессивно для не-носителя этого языка. Здесь кодовое переключение используется сознательно. Например, «да ты просто **лузер!**», «придётся просто смириться, что ты **must-do-it** и всё, с михалычем бесполезно спорить – поверь!», «увидимся вечером... **love you, baby!**». Иногда, наоборот, для того, чтобы выразить сильные эмоции, человек обращается к средствам родного языка (междометиям, выкрикам и т.п.), но делает это чаще всего неосознанно. Например, «*it's wonderful! Can't wait to see you here! Ura!*», «*if I knew I would never ask about him... Blin, that was stupid of me!*».

Переключаясь на другой язык, пользователь часто стремится подчеркнуть свою этническую принадлежность, способность общаться на другом языке или произвести особое впечатление на собеседника уровнем своей языковой компетенции, украсить свою речь цитатами или афоризмами из другого языка. Особенно часто это встречается при самоидентификации и конструировании своей идентичности в сети. Например, «**я і на мове роднай гутарыць магу** – да только разговор сейчас не об этом и язык сейчас здесь совсем не при чём!», «я просто некоторое время жил в ливерпуле, ну и учился там – **a year at the redbrick university** – поэтому в дамашке смысла не вижу☺», «ну ня будзе табе, будзе нехта іншы, **show must go on**».

Переключение кодов нередко используется для выделения или сокрытия того, о чем говорится. Например, «**кам он гёрли** – ну же детка! будет пати **ат зе клуб** – вечерина в клубе! мы вместе **маст гоу зэа** – вместе должны идти туда!», «мы с ним после кино к нему поехали – **систер кролит ниа и лукит в комп, лейтэ райт дитейлс ☺**».

3. Языковая специфика кодовых переключений в интернет-дискурсе Беларуси.

Анализируя кодовые переключения, была замечена определенная языковая специфика их представления.

Во-первых, при переключении кодов

их графическое отображение представлено двумя способами. В первом случае при смене кода происходит смена регистра/алфавита матричного языка на гостевой и обратно. Например, «завтра еду в деревню к родне – **annual family gathering** – слов нет как я это обожаю». Во втором случае при смене кода происходит сохранение регистра/алфавита матричного языка. Например, «я вчера на такой **фэшенбл пати была!**», «*tomorrow we have half a day off, the gift from the boss ☺ ded moroz, ха-ха!!!*».

Во-вторых, специфичным является лексико-грамматическое оформление переключений. Следует отметить, что при переключениях используются как полноценные слова гостевого языка («**классная hair-do**»), их сокращения («**закупицца по полной надо: мяса, овощей, хлеб, пиво, этс...**»), так и аббревиатуры целых предложений, включающие в свой состав невербальные элементы, что широко используется при русско-английских переключениях («ты поступил правильно, непарься, любой опыт есть хороший опыт – **YWSYLS** ('you win some, you lose some')», «поговори с ним **f2f** ('face to face') и все сразу поймешь!»).

Различные элементы гостевого языка оформляются по-разному с грамматической точки зрения при переключении на них: используются единицы гостевого языка без изменений («где ты **dress** такой прикупила?»), «мне гэты серыял вельмі падабаецца – **Бригада Рулит!**»), добавляются аффиксы и флексии матричного языка («это обязательно **передунить** ('redo') нужно»), дублируется морфология («с матушкой на рынок патынимся **пузы** ('shoe+s+ы') мне пакупать», «**дриנקсит** ('drinks+ит') он до парасячегот»).

В-третьих, специфичным является синтаксическое расположение переключений. Анализ языкового материала показал, что переключения происходят как между разными предложениями («Скучаю по дому ужасно!!! **Мой родны кут, як ты мне мілы – забыць табе не маю сілы!!!** Как вспомню, что и кто остался там – плакать хочется!!!»), так и внутри одного

предложения («он мне *ring* такой *прикольный* подарил ☺»). Следует отметить, что при переключениях внутри одного предложения переключения в большинстве случаев встречаются в следующих структурах или их частях: субъект + предикат («мазер *слипс* сейчас», «она *с кукинг* уже пол дня»), прилагательное + существительное («симпатная *girl*», «кул чойс он сделал»), предлог + (прилагательное) + существительное («пойдём со мной *to fire party* в клубе завтра»), глагол + наречие («no worries, she studies *kharasho* ☺», «вчера была в гипере – как обычно *бот элот* (*bought a lot*)»), глагол + существительное («весь урок *sang Beattles*, готовились к субботе», «он мне *пралесак* нарвал и подарил, мол – они такие же нежные как и я, бла-бла, приятно – не отрицаю»).

4. Классификация типов кодовых переключений интернет-дискурса Беларуси.

Анализ функционального и языкового своеобразия распространенного в интернет-дискурсе явления «кодового переключения» позволяет выделить типы и подтипы переключений, классифицируя их по ряду параметров.

По количеству и природе кодов можно выделить монокодовые и поликодовые переключения. К первым отнесем переключения между субкодами одного естественного языка (например, «прошу обратить внимание: собрание переносится на четверг – явка обязательна, т.к. обсуждать будем *завихрени прапарав*»). Ко вторым – переключения между разными естественными языками (ой как здорово – *ю а зе бест*) и переключения между естественным и искусственным кодами (как насчет ☺🍺☺🍺 сегодня?). Переключения между естественными языками включают переключения между официальными языками, официальным и родным языком, официальным и неродным, родным и неродным (неофициальным), неродными (неофициальными) языками. Переключения между естественным и искусственным кодами включают переключения с употреблением невербальных элементов, чаще всего разнообраз-

ных пазиграфических знаков, а именно: переключения со вставкой статических и анимированных эмотиконов, математических символов и символов языков программирования, цифр и знаков денежного обозначения, комбинаций из пазиграфических знаков и комбинаций из вербальных и невербальных единиц.

В зависимости от коммуникативных интенций пользователей и ситуации интернет-общения в интернет-дискурсе функционируют следующие типы переключения: переключения со сменой темы разговора («сабакевич наш сбежал недели три назад, дети в транс – а я сделать ничего не могу... кстати, *навину апошнюю хочашь пачуть? Ленка замуж опять высочила!*»), адресата («ну на том и порешим, *mike, are you still online?* кто-нибудь с майком чатиться сейчас»), роли («если вы не возражаете, я бы подъехал с внучкой повидаться!? ну, *бусики марюсик* от дедусика ☺»), эмоционального тона («ая яй плоха! *es tut mir so leid!*»), переключения как средство управления адресатом («сегодня после пар обсудим, *mike email me your adds to the profile, ира принеси паспорт!*»), выделение и сокрытие смыслов («*ю а лайк рэд роуз, ты как алая роза, бьютифул со бьютифул, красотка!*»), выражения объективной/субъективной оценки («*добрая хустка* у тебя на фотке – где купила?»), привлечения внимания («*все красивые отзовитесь!* шукаю прыгожую жанчыну каб добра правесці час!»), установки и поддержания контакта («*хаюшки все, спикать кто гатов? и па ангельски магу!* есть чем поделиться – заходите на страницу мою!»), экономии речевых усилий и времени («все убегаю – *кол ю бай!*»), самопрезентации («*looking for a decent wife – я добрый, не жадный, учу твой язык – reply if you like me!*»).

Своеобразная языковая специфика также позволяет выделять ряд типов кодовых переключений.

В плане графического отображения переключения делятся на графически однородные («сходить надо, *кам он, дай с нами!*») и неоднородные («просто *do it* не спрашивая»).

С точки зрения лексико-семантического наполнения, обнаружены переключения с полнозначными словами, словами-терминами, единицами компьютерного жаргона и молодежного сленга, сокращениями/усечениями/аббревиатурами слов и предложений, фразеологическими единицами, национально-культурными/геополитическими/географическими символами и смыслами, культурно непереводаемыми понятиями, невербальными элементами.

В плане грамматико-синтаксической композиции также можно выделить определенные типы переключений. Во-первых, с точки зрения адаптации гостевого языка к матричному через грамматические формы и порядок слов, переключения делятся на адаптированные («да, все вроде неплохо, спасибо. **штудирую** сейчас в минске, **митуем** на двоих с другом, **шварцую** по выходным на сто у дядьки») и неадаптированные («поверь – много, **es gibt viele – ja-ja**»). Адаптированные переключения в свою очередь делятся на неинфлектированные («**вочы оупн свае**»), пиджинизированные («**дык ён на фабрыцы тутэйшай воркіць**») и дуплеты («**flowers** нынче не дешовенькие – может чё другое прикупим?!»).

По месту расположения переключений, как видно из приведенных в статье примеров, обнаружены переключения в начале и конце фраз, межфразовые, внутрифразовые, переключения в вводных конструкциях, между предложениями, между составными частями сложного предложения, внутри простого предложения, внутри словосочетания.

С точки зрения длины и объема встречаются переключения от единичных морфем до нескольких предложений («**доать** это надо чем скорее, тем лучше!!!», «последовательность такая: **go to control panel, choose programs, select what you want to delete and press delete! as easy as it is, NO?!**»).

Следует отметить, что в зависимости от параметров выделения типов и их классификации один и тот же пример переключения кода можно отнести к не-

скольким типам одновременно. Например, «давай я сегодня подскачу 2ю, **сикрит спич** имеется 🤔😄🤔» является поликодовым переключением, переключением между родным и неродным (неофициальным) языками, переключением между естественным и искусственным кодами, переключением со вставкой эмоджикона и комбинации из вербального и невербального элементов, переключением с сокрытием смысла, переключением графически однородным и адаптированным, переключением с аббревиатурой и единицами молодежного сленга, переключением неинфлектированным, расположенным внутри словосочетания и т.д.

Безусловно предложенная классификация типов может быть дополнена в процессе дальнейшего изучения кодовых переключений с точки зрения их различных параметров.

Заключение. Суммируя вышесказанное, еще раз отметим, что наиболее используемыми языками при интернет-общении в национальном секторе сети являются русский, белорусский и английский. Наибольшее количество случаев переключения в белорусском интернет-дискурсе происходит при следующих комбинациях языков: с русского на английский и белорусский, с белорусского на русский и английский.

Основными функциями кодовых переключений, в порядке частоты реализации, являются: экономии речевых усилий и времени, юмористическая, предметно-тематическая, фатическая, эмоционально-оценочная, самоидентификации, смысло-выделительная, воздействующая, эзотерическая. Кодовое переключение обладает определенной языковой спецификой, заключающейся в своеобразном графическом отображении, лексико-грамматическом наполнении и синтаксическом расположении. Функциональное и языковое своеобразие кодовых переключений позволяет выделить типы и подтипы переключений, классифицируя их по ряду параметров. Проводимое исследование является первым в своем роде исследованием кодо-

вых переключений в интернет-дискурсе Беларуси. Впервые описано функциональное и языковое своеобразие переключений при интернет-общении, предложена их типологизация и классификация. Разработка данной темы вносит определенный вклад в теорию дискурса в общем и в теорию компьютерной лингвистики, теории коммуникации, стилистики и лингвопрагматики в частности.

Результаты исследования могут быть использованы в лекциях и на практических занятиях по компьютерной лингвистике, теории коммуникации, стилистике, лингвопрагматике и др., в разработках путей и способов оптимизации компьютерно-опосредованной и межкультурной коммуникации белорусов, а также могут быть полезны белорусским пользователям Интернет для ориентации в мире виртуального общения.

Литература

1. Крысин, Л.П. Кодовые переключения как компонент речевого поведения человека / Л.П. Крысин // Речевое общение: специализированный вестник. – Красноярск, 2000. – С. 61–64.
2. Багана, Ж. К вопросу о явлении переключения кодов в речи билингвов / Ж. Багана, Ю.С. Блажевич // Научная мысль Кавказа. – Ростов н/Д, 2010. – № 2. – С. 151–154.
3. Русаков, А.Ю. Севернорусский цыганский диалект русского языка: интерференция и переключение кодов / А.Ю. Русаков // Этнолингвистические исследования. Взаимодействие языков и диалектов. – СПб., 1998. – С. 162–191.
4. Морозова, И.Г. Современные «смешанные языки» как лингвистический и социокультурный феномен: доклад конференции / И.Г. Морозова // Язык и межкультурная коммуникация. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2011.
5. Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/SOTSIOLINGVISTIKA.html. – Дата доступа: 10.12.2011.
6. Проценко, Е.А. Проблема переключения кода в зарубежной лингвистике / Е.А. Проценко // Вестн. ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2004. – № 1. – С. 123–127.
7. Чиршева, Г.Н. Кодовые переключения в общении русских студентов / Г.Н. Чиршева // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: ВГУ, 2008. – Вып. 6. – С. 63–79.
8. «Национальный состав населения» Республики Беларусь «Общая численность населения, его состав по возрасту, полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку и источникам средств к существованию». Статистические бюллетени [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/itog1.php>. – Дата доступа: 15.12.2011.
9. «Население отдельных национальностей по полу, возрасту, состоянию в браке, образованию, источникам средств к существованию, лингвистическим признакам». Статистические бюллетени [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/itog1.php>. – Дата доступа: 15.12.2011.
10. Результаты исследований белорусской интернет-аудитории [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://researchby.org/results.html>. – Дата доступа: 10.12.2011.
11. Рэйтынг наведвальнасці беларускіх сайтаў [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.akavita.by/top/be/All/All/>. – Дата доступа: 30.12.2011.

Поступила в редакцию 03.04.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.

УДК 811.111'36(045)

Предложения с глаголами изменения качества в естественнонаучном тексте

Ляшенко Е.С.

Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет», Минск

Данная статья сфокусирована на определении и презентации характерных черт языкового представления ситуации изменения качества в научном тексте, фиксирующем научное знание об окружающей действительности посредством вербализации теорий, законов, гипотез, фактов, теорем и т.д. Специфику языковой репрезентации данной ситуации в научном тексте позволяет выявить совокупность информации, полученной в результате семантико-синтаксического анализа предложений с глаголами изменения качества, отобранных из англоязычных статей по естествознанию. Существенная особенность языкового представления изменения качества в научном тексте заключается в концентрации внимания на объекте изменения, что достигается путем помещения эксплицированного в поверхностной структуре предложения объекта изменения в первую позицию синтагматической цепи предложения. Раскрытию сложного поэтапного процесса изменения способствуют последовательная вербализация в поверхностной структуре предложений разнообразных составляющих ситуации изменения, а также использование многочисленных спрконстантов различных классов.

Ключевые слова: естественнонаучный текст, предложение, глаголы изменения качества, ситуация, языковая репрезентация, пропозиция.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 197–202)

Sentences with predicate verbs of quality change in the text on natural sciences

Lyashenko Y.S.

Educational establishment “Minsk State Linguistic University”, Minsk

The article is focused on defining and presenting the characteristic features of language presentation of the situation denoting qualitative change in the scientific text. This type of text reflects scientific knowledge about the world by means of verbalization of theories, laws, hypotheses, facts, theorems, etc. The specific character of language representation of the given situation is identified by semantic and syntactic analysis of the sentences with predicate verbs denoting quality change. English articles on natural sciences served as a source of material for analysis. The essential peculiarity of language realization of quality change in the scientific text lies in focusing attention on the object of change, which is achieved by putting the explicit object in the first position of the sentence formal structure. The successive verbalization of various participants of the situation of change in the formal structure of the sentence and the use of numerous adverbial modifiers of different classes contribute to revealing the complex phased process of change.

Key words: text on natural sciences, sentence, predicate verbs of quality change, situation, language representation, proposition.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 197–202)

В настоящее время в современной лингвистике особую значимость приобретает когнитивный аспект рассмотрения научного текста, ориентированный на изучение отражения в тексте мыслитель-

ных и оценочных компонентов познавательной деятельности, экспликации этапов формирования знания, процессов порождения и восприятия. В центре внимания когнитивного подхода к исследованию

Адрес для корреспонденции: e-mail: liolikl@list.ru – Е.С. Ляшенко

текста (А.Н. Баранов, В. Кинч, Е.С. Кубрякова, Ю.А. Сорокин, Ю.С. Степанов и др.) находится вопрос о том, какую информацию фиксирует текст, как она распределяется в его пространстве и с помощью каких средств вербализуется.

С когнитивной точки зрения научный текст репрезентирует «определенный результат научной категоризации и концептуализации мира как информацию о выбранном для анализа объекте» [1, с. 40], т.е. отражает научное сознание. Научное сознание претендует на объективность представления окружающей действительности и инкорпорирует целостную систему знаний о природе, человеке и обществе, которая не зависит от субъективного восприятия реальности, не опосредована нашими желаниями и чувствами, иными словами, наука стремится отобразить мир таким, какой он есть. Итоги научных исследований фиксируются в научных текстах посредством языковой репрезентации теорий, законов, гипотез, фактов, теорем и т.д.

Минимальной единицей текста, сохраняющей связи языка с отображаемой мыслью действительностью, является предложение [2, с. 139–140]. Оно демонстрирует материализацию в своем составе отдельных понятий, явлений в знаковом виде. Исследование предложения как знака приводит к вычленению в его семантике двух составляющих языкового знака – денотата (экстенционала, референта) и сигнификата (интенционала, смысла). В настоящей работе в качестве денотата предложения принимается ситуация (В.Г. Гак, С.Д. Кацнельсон, О.И. Москальская, Н.Д. Арутюнова, Г.Г. Сильницкий, И.П. Сусов, Д.Г. Богусевич и др.), понимаемая как представление о каком-то фрагменте (факте) внешнего мира, иными словами, на референтном (денотативном) уровне ситуации соответствует некоторый отрезок реальности, вычленяемый говорящим из совокупности объективных явлений [3, с. 373]. Объем информации, полученной в результате выявления характерных черт языковой репрезентации конкретной ситуации на материале сово-

купности предложений, позволит установить специфику вербализации данной ситуации в определенном типе текста в целом.

Цель статьи – изучение особенностей языкового представления ситуации изменения качества в научном тексте.

Материал и методы. Для достижения поставленной цели опираемся на результаты семантико-синтаксического анализа 543 предложений, отобранных методом сплошной выборки из статей электронной энциклопедии «Encarta» и отражающих ситуацию качественного изменения.

Результаты и их обсуждение. Научная трактовка изменения восходит к Аристотелю, который обратил внимание на существенную неоднородность процессов, входящих в общую систему изменения, что нашло проявление в разграничении изменения «или сути, или качества, или количества, или в отношении “где”» [4, с. 301]. В лингвистической научной парадигме изменение получило детальную дифференциацию в концепции Г.И. Кустовой, выделившей следующие основные типы изменений объектов: удаление, извлечение, прикрепление, нанесение, обработка, деформация, преобразование и т.п. [5, с. 60]. В рамках данной публикации глобальное и широкое понятие «изменение» конкретизируется как «качественное преобразование». Для качественных признаков характерна неделимость на составные части, неизмеряемость, неисчисляемость. Качественные изменения объектов происходят на разных уровнях. С одной стороны, они могут быть связаны с изменением какого-то свойства объекта с сохранением принадлежности объекта к данному классу. С другой стороны, качественное изменение может быть связано с превращением одного объекта в другой. Таким образом, под качественным изменением в настоящей работе понимается изменение одной из характеристик объекта, определяющей его специфику, или преобразование совокупности существенных свойств первоначального объек-

та, в результате которого он приобретает радикально новый статус.

В качестве источника информации при моделировании ситуации изменения и определении ее участников были использованы словарные дефиниции, поскольку данные толковых словарей (словарных статей) содержат указания на компонентный состав ситуации. В обобщенном виде ситуацию качественного изменения можно представить следующим образом: одушевленная сущность с помощью орудия, средства или органа намеренно оказывает воздействие на другую одушевленную/неодушевленную сущность в целом либо ее отдельный признак (свойство, характеристику), в результате чего происходит частичное/полное преобразование объекта. При этом источником изменения может служить не только одушевленная субстанция, но и другие явления реального мира. Отсюда можно выделить пять участников ситуации качественного изменения: субъект, объект, параметр, инструмент, результат. Субъект изменения, или каузатор, является активным производителем действия и выступает инициатором частичного или полного преобразования исходного объекта или его признака. Под объектом изменения понимается участник, испытывающий воздействие со стороны субъекта. Параметр представляет собой свойство или качество объекта, которое непосредственно подвергается модификации. В процессе изменения инструмент занимает промежуточное положение между субъектом и объектом и используется первым для достижения своих целей. Результат – то, к чему в конечном итоге привело изменение.

В окружающей действительности человеческое сознание выделяет прежде всего материальные объекты – субстанции, которые, взятые в отдельности, еще не образуют ситуацию. Ситуация образуется в результате координации материальных объектов и их состояний или отношений между ними. Подобная структура ситуации объясняет наличие в естественных языках двух главных разно-

видностей языковых элементов – имени и глагола [6, с. 252]. Поскольку изменение предполагает, в первую очередь, действие и процесс, то центральными языковыми единицами для именования категории изменения качества становятся глаголы, которые по своему частеречному значению призваны выполнить эту функцию в максимальной степени [7, с. 290; 8, с. 6].

В связи с этим собственно лингвистический анализ сфокусирован на предложениях с глаголами качественного изменения. Ожидаемо, что синтаксическое развертывание предложений с глаголами изменения качества в английском языке следует внеязыковой логике представления участников изменения «от источника/каузатора к объекту изменения», чему способствует и типичная модель повествовательного английского предложения, которое открывается подлежащим-субъектом. Однако проанализированный эмпирический материал выборки демонстрирует в основном иную синтагматическую последовательность, при которой акцентируется направленность действия на объект посредством помещения эксплицированного в поверхностной структуре предложения объекта изменения в первую позицию при глаголе в страдательном залоге. Например, *In this case, **chemical energy** in the Zn and Cu²⁺ ions is transformed into electrical energy whereas on direct mixing, the chemical energy is liberated as heat*, где *chemical energy* ‘химическая энергия’ является объектом изменения и выступает в качестве синтаксического подлежащего при пассивном предикате. Такая явно выраженная концентрация внимания на объекте свидетельствует о том, что в естественнонаучном тексте ключевым является элемент, претерпевающий изменение, а не каузатор. В результате отмечается отсутствие регулярной эксплицитной репрезентации субъекта изменения в предложении. Тем не менее, отобранный материал включает текстовые употребления, где субъект, формально представленный сочетанием существительного с предлогом *by*, полу-

чает актуализацию в поверхностной структуре предложения. Например, *Leaves and wood from streamside vegetation, once they have been softened by bacteria and fungi, are consumed by a feeding group of aquatic insects called shredders*. Информацию о каузаторе также позволяет установить анализ ближайшего или более широкого контекста. Внешняя сила, воздействующая на объект, становится известной из предыдущих или последующих предложений.

Кроме того, тенденция помещения эксплицированного в поверхностной структуре предложения объекта изменения в первую позицию наблюдается и в высказываниях, оформленных действительным залогом. В них источник каузации или причина изменения могут быть идентифицированы при анализе других компонентов предложения, ср.: *Hydrogen peroxide is used in restoring the original colours to paintings that have darkened through the conversion of the white lead used in the paintings to lead sulphide*, где причина изменения исходного цвета картин раскрывается в сирконстанте *the conversion of the white lead*. Место источника изменения в предложении занимает ситуативный объект.

В семантическом представлении ситуация отражается пропозицией, которая является формально-логической структурой и выступает потенциальным концептом предложения, т.е. таким смыслом, который выражается в языке предикатом и присоединяемыми им аргументами, связанными между собой определенными отношениями. При анализе предложений с предикатами качественного изменения было выявлено, что максимальная пропозиция с данным типом предикатов включает следующие номинативные элементы:

1) агентив как производитель или каузатор действия (например, *Some of this ammonia is taken up by plants; the rest is dissolved in water or held in the soil, where micro-organisms convert it into nitrates and nitrites in a process called nitrification*);

2) пациентив как объект действия (например, *Because of their unique mental and physical capabilities, human beings were able to escape the environmental constraints that limited other species and to change the environment to meet their needs*);

3) инструментатив как орудие или средство, при помощи которого производится действие (например, *It captures light energy in the violet and red portions of the spectrum and transforms it into chemical energy through a series of reactions*);

4) пред-фактитив как конкретизатор исходного состояния объекта (например, *Young hymenopterans metamorphose completely from eggs to larvae, to pupae, to adults*);

5) фактитив как результат действия предиката (например, *As layers of organic-rich sediment slowly accumulated, the increasing weight of overlying sediments transformed the organic material into kerogen and drove most of the moisture from the silt, compacting the material into oil shale*).

Однако ожидаемые составляющие ситуации не всегда полностью эксплицируются в пропозициональной структуре и совпадают с ее аргументами. Примером употреблений такого рода является предложение *Axolotls in captivity, however, will completely metamorphose when stimulated by thyroid extracts*. В нем ситуативный объект *axolotls* 'личинки амбистомы' выступает единственным номинативным элементом пропозиции и занимает агентивную позицию. С другой стороны, для языковой репрезентации ситуации изменения качества в естественнонаучном тексте характерно отражение в структуре пропозиции не только центральных участников ситуации, но и их дополнительных конкретизаторов. Например, *In keeping with the first two laws of thermodynamics, organisms can neither create nor destroy energy but can only transform it from one form to another*, где объектом изменения является *energy*, а его исходное состояние конкретизируется посредством предфактитива *one form*, вводимого предлогом *from*.

Кроме того, в данном типе текста употребляются предложения, в которых присутствует указание на то, посредством чего осуществляется преобразование, иными словами, позицию инструментатива, которая считается факультативной, занимает орудие или средство каузации. Например, *Eddy currents are induced in the charge and melt it **by resistance heating***. Для естественнонаучных текстов типично также использование предложений, в структуре которых получают актуализацию разнообразные сирконстанты, называющие дополнительные характеристики способа протекания процесса изменения. В предложении *The same liquids that **gradually** freeze deep within the Earth to form granite are sometimes ejected at the surface as volcanic lava and cool **quickly**, forming a glassy rock called obsidian* сирконстанты *gradually* и *quickly* конкретизируют скорость протекания процесса изменения, тем самым способствуя обстоятельной презентации данного процесса в научном тексте.

В отдельных случаях замечено расчлененное представление в предложении объекта изменения и параметра, по которому происходит изменение. Например, *The **oxidized iron** (ferric form) becomes reduced (ferrous form), and so changes **colour** from reddish brown to grey*, где *the oxidized iron* ‘окисленное железо’ является объектом воздействия и выносятся в агентивную позицию, а непосредственное преобразование претерпевает *colour* ‘цвет’, представляющий физический качественный параметр и занимающий позицию патиентива.

Раскрытие сложного поэтапного процесса изменения также способствует репрезентация в предложении не только конечного результата преобразования, но и промежуточного. Например, *In water-driven systems the kinetic energy of falling water is first converted into the mechanical energy of turbines and then into electrical energy*, где *mechanical energy* ‘механическая энергия’ выступает промежуточной стадией при трансформации *kinetic energy* ‘кинетической

энергии’ в *electrical energy* ‘электрическую’, или *The pyruvic acid is not converted directly into ethanol: there is an intermediate step where the pyruvic acid is converted to ethanal, brought about by the removal of carbon dioxide which is then given off*, где подчеркивается отсутствие непосредственного (прямого) преобразования *pyruvic acid* ‘пировиноградной кислоты’ в *ethanol* ‘этанол’ и эксплицируется промежуточное звено – *ethanal* ‘этанал’.

Четкая последовательная вербализация разнообразных составляющих ситуации изменения качества обусловлена спецификой научных текстов, фиксирующих научное знание о мире и содержащих детальную, подробную, с экспликацией возможных причинно-следственных связей, зависимостей, информацию.

Заключение. Таким образом, на основании совокупности сведений, полученных в результате семантико-синтаксического анализа предложений с глаголами качественного изменения, используемых в научных текстах по естествознанию, можно сделать вывод о том, что специфика репрезентации ситуации изменения качества научным сознанием заключается в стремлении акцентировать внимание на объекте изменения, помещая его в первую синтаксическую позицию при глаголах как в пассивном, так и активном залоге. Кроме того, объективное отражение окружающей действительности, к которому стремится научное сознание, требует вербализации различных связей, аспектов, стадий, этапов становления, развития или изменения изучаемого явления, что достигается посредством использования в научных текстах многочисленных сирконстантов разнообразных классов, а также языкового представления в поверхностной структуре предложений составляющих некоего фрагмента реальности (ситуации).

Литература

1. Кубрякова, Е.С. Текст в свете когнитивно-семиотического подхода / Е.С. Кубрякова, Т.В. Дроздова // Семиотика и имеджелогия деловых культур: материалы

международ. науч. конф., Тамбов, 16–17 сент. 2003 г. / Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина; отв. ред. В.М. Юрьев;

- редкол.: Е.М. Позднякова [и др.]. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С. 39–42.
2. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – 3-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 224 с.
 3. Сильницкий, Г.Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов / Г.Г. Сильницкий // Проблемы структурной лингвистики, 1972: сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. С.К. Шаумян. – М.: Наука, 1973. – С. 373–391.
 4. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Соч.: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – С. 63–448.
 5. Кустова, Г.И. О семантическом потенциале слов энергетической и экспериенциальной сферы / Г.И. Кустова // Вопросы языкознания. – 2005. – № 3. – С. 53–79.
 6. Гак, В.Г. От ситуации к высказыванию (отобразительная функция языка, иконизм) / В.Г. Гак // Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Языки русской культуры (А. Кошелев), 1998. – С. 199–364.
 7. Телия, В.Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости / В.Н. Телия // Аспекты семантических исследований: сб. ст. / отв. ред. Н.Д. Арутюнова и А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1980. – Гл. 4. – С. 250–319.
 8. Сильницкий, Г.Г. Семантические классы глаголов в английском языке: учеб. пособие к спецкурсу / Г.Г. Сильницкий; науч. ред. В.П. Небялков. – Смоленск: Смол. гос. пед. ин-т им. К. Маркса, 1986. – 112 с.

Поступила в редакцию 24.02.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.

УДК (811.111+811.161.3)'42(045)

Канструкцыі дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам у англа- і беларускамоўных публіцыстычных тэкстах

Басавец І.М.

Установа адукацыі “Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт”, Мінск

Артыкул прысвечаны пытанню выражэння нерэфэрэнтнага суб'екта ў канструкцыях дэаўтарызацыі розных тыпаў. У артыкуле вызначаюцца і супастаўляюцца структурныя і семантычныя характарыстыкі канструкцый дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам у публіцыстычных тэкстах на англійскай і беларускай мовах. Даследаванне праводзіцца на матэрыяле адабраных з публіцыстычных тэкстаў англійскіх і беларускіх выказванняў, якія змяшчаюць канструкцыі дэаўтарызацыі. У выніку аналізу выяўляюцца сінтаксічныя характарыстыкі канструкцый дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам у англійскай і беларускай мовах; вызначаюцца моўныя сродкі выражэння абагульнена-зборнага і няпэўнага суб'екта ў канструкцыях дэаўтарызацыі розных тыпаў; выяўляецца залежнасць ступені дэаўтарызацыі ад семантыкі моўных адзінак, якія выражаюць суб'ект канструкцый дэаўтарызацыі, і сінтаксічнай спалучальнасці з іншымі моўнымі адзінкамі; вызначаецца дамінантны тып семантычнага суб'екта ў канструкцыях розных тыпаў.

Ключавыя словы: канструкцыі дэаўтарызацыі, вербальна выражаны суб'ект, абагульнена-зборны суб'ект, няпэўны суб'ект, тып семантычнага суб'екта, ступень дэаўтарызацыі.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 203–215)

Deauthorization structures with expressed subject in English and Belarusian newspaper texts

Basavets I.M.

Educational establishment “Minsk State Linguistic University”, Minsk

The article is devoted to problems of non-referential subject expression in deauthorization structures of different types. The article defines and compares structural and semantic features of deauthorization structures with expressed subject in English and Belarusian newspaper texts. The research is conducted on the English and Belarusian newspaper sentences with deauthorization structures. In the result of the conducted analysis syntactic characteristics of deauthorization structures with expressed subject are determined in English and Belarusian newspaper texts; linguistic means of non-referential subject expression are defined in deauthorization structures of different types; deauthorization degree is stated depending on semantics of language units expressing deauthorization structure subject and depending on syntactic co-occurrence with other language units; semantic subject dominant type is determined in different type structures.

Key words: deauthorization structures, expressed subject, generalized subject, ambiguous subject, semantic subject type, deauthorization degree.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 203–215)

У вага сучаснага мовазнаўства да насць даследаванню сродкаў выражэння праблемы суб'екта выказвання, а суб'екта ў тэкстах рознай стылістычнай таксама да спосабаў падачы прыналежнасці, у тым ліку ў інфармацыі ў масавай камунікацыі надае публіцыстычных тэкстах. Важную ролю ў асобую актуаль-

гэтых адносінах адыгрываюць канструкцыі дэаўтарызацыі – сінтаксічныя канструкцыі, у якіх суб'ект гаворкі, думкі, ацэнкі, успрымання з'яў аб'ектыўнай рэчаіснасці падаецца як неідэнтыфікуемы.

Праблема вывучэння моўных сродкаў, здольных рэалізаваць у структуры выказвання значэнне нерэферэнтнага абагульненага, няпэўнага суб'екта, пакуль не атрымала дастатковага асвятлення ў навуковай літаратуры. На дадзены момант даследаваны толькі некаторыя яе аспекты ў працах, прысвечаных:

– феномену аўтарызацыі/дэаўтарызацыі (Г.А. Золатава, М.А. Карміліцына);

– спосабам выражэння ў выказванні генералізаванага і няпэўнага суб'екта (Н.Д. Імерэтынская, Г.Н. Іванова, Г.Г. Лілова, Г.М. Грын, Г. Радэн);

– рэферэнцыяльным характарыстыкам суб'екта (Н.Д. Аруцонава, А.В. Падучава, Б. Абат, К. Бах, Г. Паўэл).

Малавывучанымі пакуль застаюцца пытанні выбару моўных сродкаў, якія выкарыстоўваюцца для пабудовы канструкцый дэаўтарызацыі ў англійскай і беларускай мовах, а таксама вызначэння асаблівасцей ужывання канструкцый дэаўтарызацыі ў розных функцыянальных стылях.

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца вызначэнне і супастаўленне структурных і семантычных характарыстык канструкцый дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам¹ у публіцыстычных тэкстах на англійскай і беларускай мовах. Рэалізацыя азначанай мэты патрабуе вырашэння наступных задач: вызначэння сінтаксічных характарыстык канструкцый дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам у англійскай і беларускай мовах; вызначэння моўных

сродкаў выражэння нерэферэнтнага суб'екта ў канструкцыях дэаўтарызацыі розных тыпаў; выяўлення залежнасці ступені дэаўтарызацыі ад семантыкі моўных адзінак, якія выражаюць суб'ект канструкцыі дэаўтарызацыі, і іх сінтаксічнай спалучальнасці з іншымі моўнымі адзінкамі; устанаўлення дамінантнага тыпу семантычнага суб'екта ў канструкцыях дэаўтарызацыі розных тыпаў у англа- і беларускамоўнай публіцыстыцы.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для дадзенага артыкула паслужылі англійскія і беларускія выказванні, якія змяшчаюць канструкцыі дэаўтарызацыі, адабраныя з публіцыстычных тэкстаў. Даследаванне праводзіцца з выкарыстаннем наступных метадаў: метаду параўнальнага аналізу (пры супастаўленні канструкцый дэаўтарызацыі ў англійскай і беларускай мовах); метаду кантэкстуальнага аналізу (пры вызначэнні тыпу семантычнага суб'екта канструкцыі дэаўтарызацыі); прыёмаў колькаснага аналізу (пры выяўленні частотнасці розных семантычных тыпаў суб'екта канструкцый дэаўтарызацыі ў публіцыстычных тэкстах на беларускай і англійскай мовах).

Вынікі і іх абмеркаванне. Аналіз фактычнага матэрыялу (2000 выказванняў, якія змяшчаюць канструкцыі дэаўтарызацыі ў англамоўнай публіцыстыцы, і 2000 выказванняў з канструкцыямі дэаўтарызацыі ў беларускамоўнай публіцыстыцы) паказаў, што доля канструкцый дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам складае 1420 (71%) канструкцый у англамоўных і 1060 (53%) у беларускамоўных тэкстах. Такім чынам, канструкцыі дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам як сродак спасылкі на нерэферэнтны суб'ект выкарыстоўваюцца як у англа-, так і ў беларускамоўным публіцыстычным тэксце часцей ў параўнанні з канструкцыямі дэаўтарызацыі з нявыражаным суб'ектам.

¹ У канструкцыях дэаўтарызацыі семантычны суб'ект можа быць як фармальна выражаным (*Некаторыя лічаць, што спальванне травы проста неабходна*), так і ўстаранёным, які падразумяваецца, але адсутнічае ў структуры выказвання (*Лічыцца, што спальванне травы проста неабходна*).

1. Сінтаксічныя тыпы канструкцый дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам.

У англійскай і беларускай мовах вылучаюцца два тыпы канструкцый дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам: 1) двухсастаўныя дзеяслоўна-іменныя і 2) прыназоўнікава-склонавыя канструкцыі.

1.1. Двухсастаўныя дзеяслоўна-іменныя канструкцыі дэаўтарызацыі.

У большасці выпадкаў і ў англа-, і ў беларускамоўнай публіцыстыцы двухсастаўныя дзеяслоўна-іменныя канструкцыі дэаўтарызацыі з'яўляюцца неразвітым – рэдка развітым – галоўным сказам у саставе складаназалежнага сказа:

(1) *Officials say they need to enter and inspect properties homes where a council tax discount is claimed;*

(2) *Медыкі паміж сабой кажучь, што па характары атручэнняў у дзяцей можна меркаваць аб тым, ад якіх захворванняў пакутуюць іх бацькі.*

Толькі ў беларускамоўнай публіцыстыцы сустракаецца вербальна выражаны суб'ект у складзе безасабовай канструкцыі дэаўтарызацыі вядома, якая з'яўляецца галоўным сказам у саставе складаназалежнага сказа. У такім выпадку суб'ект выражаны субстантыватамі ўсе, многія ў давальным склоне:

(3) *Усім вядома, што паўнацэннае засваенне фізікі без ведання матэматыкі немагчыма;*

(4) *Многім добра вядома: нялёгкае становішча напаткала радыёэлектронную прамысловасць краіны.*

У простым сказе двухсастаўныя дзеяслоўна-іменныя канструкцыі дэаўтарызацыі з'яўляюцца актыўнымі (з дзеясловамі незалежнага стану):

(5) *Most are still forecasting at least a slight improvement in the following year;*

(6) *Некаторыя ў сувязі з гэтым прапанавалі знішчыць жывёл;*

і пасіўнымі (з дзеясловамі залежнага стану) канструкцыямі (тады суб'ект канструкцыі дэаўтарызацыі ўжываецца

ва ўскосным склоне (у англійскай мове з прыназоўнікам *by*)):

(7) *Athlete Jin Jing defended the Olympic torch from protesters in Paris last spring and was dubbed the “angel in the wheelchair” by China’s news media;*

(8) *Вынікі ўвогуле прагназуемыя і загадзя прадказваліся многімі палітолагамі і аналітыкамі.*

Акрамя таго, двухсастаўныя дзеяслоўна-іменныя канструкцыі дэаўтарызацыі, якія сустракаюцца ў англа- і беларускамоўнай публіцыстыцы, з'яўляюцца пабочным сказам у складзе простага:

(9) *Technically, the US may already be in recession, as some US economists say;*

(10) *Хоць, насамрэч, як адзначаюць многія аналітыкі – і расійскія, і замежныя, новым гэта назваць ніяк нельга.*

1.2. Прыназоўнікава-склонавыя канструкцыі дэаўтарызацыі.

У англа- і беларускамоўнай публіцыстыцы прыназоўнікава-склонавыя канструкцыі дэаўтарызацыі выкарыстоўваюцца з прыназоўнікамі *according to, in, for, by, under, to, below, against, from, contrary to/паводле, згодна (з), насуперак, па, для, з, на, у/ў* у спалучэнні з суб'ектам у такіх канструкцыях, як: *according to researchers; in the words of one senior figure; for some; to many; from the users' viewpoint/паводле слоў дыктолагаў; згодна з ацэнкамі экспертаў; для некага; з пункту гледжання асобнага чалавека; на думку спецыялістаў; у беларусаў.*

(11) *According to Somali sources and Christian groups monitoring Somalia from abroad, at least 13 members of underground churches have been killed in the past few months;*

(12) *Паводле паведамлення ў інтэрнэце, за пяць дзён там атрымалі 90 працэнтаў шматгадовай запазычанасці.*

2. Рэферэнцыяльныя тыпы суб'екта ў канструкцыях дэаўтарызацыі.

Як у двухсастаўных дзеяслоўна-іменных, так і ў прыназоўнікава-склонавых канструкцыях дэаўтарызацыі ўжываецца нерэферэнтны суб'ект дзвюх

разнавіднасцей: абагульнена-зборны і няпэўны. У англа- і беларускамоўных публіцыстычных тэкстах у канструкцыях дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам абагульнена-зборны суб'ект, безумоўна, пераважае, а ў беларускамоўнай публіцыстыцы ў двухсастаўных дзеяслоўна-іменных канструкцыях дэаўтарызацыі на яго долю прыходзяцца амаль усе выпадкі ўжывання нерэферэнтнага суб'екта (табл. 1).

2.1. Абагульнена-зборны суб'ект.

У англа- і беларускамоўнай публіцыстыцы выкарыстоўваецца даволі шырокі набор сродкаў выражэння абагульнена-зборнага суб'екта ў канструкцыях дэаўтарызацыі: назоўнікі ў абагульнена-зборным значэнні, назоўнікі ў спалучэнні з займеннікамі (займеннікавымі прыметнікамі) у абагульнена-зборным значэнні, субстантываваныя займеннікі (у тым ліку займеннікавыя прыметнікі) у абагульнена-зборным значэнні, займеннік *we/мы* ў абагульнена-зборным значэнні (самастойна або ў спалучэнні з іншымі займеннікамі), зборныя выразы, словы ў метанімічным значэнні.

2.1.1. Найбольш распаўсюджаным сродкам выражэння абагульнена-зборнага суб'екта ў канструкцыях дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам у англа- і беларускамоўнай публіцыстыцы з'яўляюцца **назоўнікі ў абагульнена-зборным значэнні**.

У такіх канструкцыях у англійскай і беларускай мовах выкарыстоўваюцца намінацыі нейкай супольнасці асоб, выражаныя назоўнікамі ў множным ці адзіночным ліку ў абагульнена-зборным значэнні.

Выкарыстанне ў пазіцыі суб'екта канструкцыі дэаўтарызацыі назоўнікаў у множным ліку з абагульнена-зборным значэннем стварае “мноства – прычым абстрактнае – патэнцыяльна магчымых рэферэнтаў” [1, с. 84] з выразна не ўсталяванымі межамі рэферэнтнай групы і колькасцю яе прадстаўнікоў, а генералізаванае сцвярджанне распаўсюджваецца на любога прадстаўніка класа [2, р. 115]. У англамоўных тэкстах пры нерэферэнтным ужыванні назоўнік у множным ліку, як правіла, выкарыстоўваецца без артыкля:

(13) *Experts believe that Britain's unpredictable weather encouraged the plant to bloom after the relatively modest 26 years;*

(14) *Навукоўцы сцвярджаюць, што хлусня – прыкмета мазгавой актыўнасці дзяцей.*

Калі суб'ект канструкцыі дэаўтарызацыі выражаны назоўнікам у адзіночным ліку з абагульнена-зборным значэннем, то ён “выяўляе максімум абагульненасці, выступаючы як імя агульнага, родавага” [3, с. 11], а такое ўжыванне з'яўляецца нерэферэнтным, паколькі не абавязвае гаворачага да прызнання існавання індывідуалізаванага суб'екта ў мове [1, с. 97]; у гэтым выпадку суб'ект канструкцыі дэаўтарызацыі суадносіцца з прадстаўніком класа, прычым не з любым, а з тыповым. У англійскай мове суправаджаць падобную намінацыю можа пэўны артыкль у “функцыі выражэння родавых паняццяў”, азначаючы “ўсе наогул, любы з іх” [4, с. 39].

Табліца 1

Частотнасць рэферэнцыяльных тыпаў суб'екта ў канструкцыях дэаўтарызацыі ў англа- і беларускамоўных публіцыстычных тэкстах

	Суб'ект у англамоўных тэкстах		Суб'ект у беларускамоўных тэкстах	
	абагульнена-зборны	няпэўны	абагульнена-зборны	няпэўны
двухсастаўныя іменныя дэаўтарызацыі	79,4%	20,6%	94,7%	5,3%

прыназоўнікава-склонавыя канструкцыі дэаўтарызацыі	69,1%	30,9%	80,5%	19,5%
--	-------	-------	-------	-------

У публіцыстыцы выражэнне суб'екта канструкцыі дэаўтарызацыі назоўнікам у форме адзіночнага ліку са значэннем тыповага прадстаўніка класа – з'ява вельмі рэдкая, якая ў нашым матэрыяле сустракаецца толькі ў беларускамоўных тэкстах:

(15) *І гэтыя цукеркі ўжо **ацаніў расійскі пакупнік**, прызнаўшы іх лепшымі на “Кантрольнай закупцы”, там жа быў адзначаны, як лепшы беларускі какава-парашок, які цяпер будзе выпускацца ў новай ўпакоўцы.*

Варта адзначыць, што пры аўтаномным ужыванні назоўнікаў у пазіцыі суб'екта аналізуемай канструкцыі ступень дэаўтарызацыі вышэйшая, чым у выпадку, калі абагульнена-зборны суб'ект характарызуе прыметнікі, назоўнікі ў родным склоне ці азначальныя даданыя сказы, якія хоць і не спрыяюць дакладнаму вызначэнню суб'екта канструкцыі дэаўтарызацыі, аднак у некаторай ступені абмяжоўваюць кола патэнцыяльных рэфэрэнтаў: *African bigwigs think; critics of Microsoft and Intel view; bankers close to the scheme think/замежныя даследчыкі сцвярджаюць; праціўнікі новага закона лічаць; вучоныя, якія даследавалі ўплыў алкаголю на жаночы метабалізм, прыйшлі да высновы.* У англамоўных канструкцыях дэаўтарызацыі для абмежавання патэнцыяльных рэфэрэнтаў ужываюцца таксама адзінкі ў складзе атрыбутыўных канструкцый тыпу *stone wall* і назоўнікі ў прыналежным склоне: *state game officials announced; Israel's military said.*

З іншага боку, эфект дэаўтарызацыі ў разглядаемым выпадку ўзмацняецца, калі ў спалучэнні з назоўнікамі ў абагульнена-зборным значэнні выкарыстоўваюцца такія словы з дыфузнай семантыкай, як *countless, different, various/шматлікія, асобныя*.

(16) ***Countless people are talking about it but doing nothing because they don't have to leave the comfort of their homes;***

(17) ***Шматлікія эксперты казалі пра тое, што пасля звышэмацыйных чвэрцьфіналаў каманды проста не паспеюць узнавіцца і наўрад ці пакажуць яскравую гульню.***

2.1.2. Акрамя назоўнікаў, для намінацыі суб'екта ў канструкцыях дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам у абедзвюх мовах ужываюцца **назоўнікі ў спалучэнні з займеннікамі** (займеннікавымі прыметнікамі) ў **абагульнена-зборным значэнні**. Набор займеннікаў у гэтай канструкцыі дэаўтарызацыі падобны ў англійскай і беларускай мовах і ўключае наступныя адзінкі: *all, everybody, anybody, everyone, anyone, every, any, each, more, many, most, few, plenty, others/усе, увесь, усякі, кожны, любы, многія, адны, другія, трэція, іншыя*. Такія займеннікі не суадносяцца з пэўным суб'ектам і маюць нерэфэрэнтны статус [5, с. 53], а назоўнікава-займеннікавыя спалучэнні, якія складаюцца з азначаных вышэй моўных адзінак, рэалізуюць катэгорыю зборнасці і ўсеагульнасці:

(18) ***Most Egyptians now see their society as starkly divided, with the regime mostly looking after the interests of the rich but pretending to represent the poor;***

(19) ***Усе настаўнікі ведаюць, што працаваць з вучнямі 5-га класа цяжка.***

У выніку ужывання назоўнікава-займеннікавых спалучэнняў у пазіцыі суб'екта аналізаваных канструкцый рэалізуецца меншая ступень дэаўтарызацыі ў адрозненне ад аўтаномнага ўжывання займеннікаў (займеннікавых прыметнікаў), разглядаемых ніжэй, якія субстантываваліся і ў выказваннях ужыты як назоўнікі. У такім выпадку намінацыя суб'екта “носіць настолькі беглы характар, што яна як бы паглынаецца ідэяй аб'яднання” [6, с. 394].

2.1.3. Абагульнена-зборны суб'ект у канструкцыях дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам, якія ўжываюцца ў публіцыстычных тэкстах на абедзвюх мовах, можа таксама быць

выражаны **субстантываванымі займеннікамі** (у тым ліку займеннікавымі прыметнікамі) у **абагульнена-зборным значэнні**: *all, everybody, anybody, everyone, anyone, many, most, few, plenty, others/ўсе, усякі, кожны, любы, многія, адны, другія, трэція, іншыя*. Варта адзначыць, што сумеснае з назоўнікам ужыванне, разгледжанае вышэй, сустракаецца часцей у параўнанні з аўтаномным ужываннем як у англа-, так і ў беларускамоўнай публіцыстыцы; акрамя таго, набор займеннікаў у першым выпадку большы і ўключае таксама наступныя займеннікі: *every, any, each, more/увесць*, якія могуць ужывацца толькі ў спалучэнні з назоўнікам.

Сама семантыка такіх адзінак у аналізуемых канструкцыях мае непасрэднае дачыненне да ступені дэаўтарызацыі. Так, суб'ект, які выражаны субстантыватамі *all, everybody, anybody, everyone, anyone* у англійскай мове і *ўсе, усякі, кожны, любы* ў беларускай мове, мае значэнне ўсеагульнасці, множнасці, “аб’яднаўчай татальнасці” [7, с. 25], у выніку чаго канструкцыі рэалізуюць больш высокую ступень дэаўтарызацыі, чым канструкцыі, якія змяшчаюць суб'ект са “значэннем зборнасці” [7, с. 27], выражаны ў англійскай мове субстантыватамі *many, more, most, few, plenty, others* і субстантыватамі *многія, другія, іншыя* ў беларускай мове:

(20) *All agree that trying to attain it is going to be very costly;*

(21) *Тое, што цяперашняя недасканалая, прызнаюць усе, і менавіта лібералы больш за ўсё прайграюць ад яе захавання;*

(22) *To many, the commission intervention looked terribly late;*

(23) *Іншыя не маюць добрага меркавання пра свядомасць пакупнікоў: маўляў, набылі – ды з’елі, акрамя як пра запаўненне страўніка шэрая народная маса не клапаціцца.*

Акрамя азначаных вышэй моўных адзінак, у пазіцыі суб'екта канструкцый дэаўтарызацыі з вербальна выражаным

суб'ектам у англа- і беларускамоўнай публіцыстыцы можа выкарыстоўвацца **займеннік** *we/мы* ў **абагульнена-зборным значэнні**:

(24) *As a society, we prattle on about equality, diversity and “access”;*

(25) *Сёння мы назіраем вяртанне да хрысціянскіх каштоўнасцей, да Бога;*

(26) *Таму дні Перамогі і Вызвалення Беларусі для нас – іх нашчадкаў – заўсёды будуць і радаснымі і самотнымі адначасова.*

Часта межы абагульнення для абагульнена-зборнага *we/мы* ў падобных кантэкстах выражаны вербальна ў самым выказванні (гл. прыклад (24): “як грамадства, мы абмяркоўваем”, г.зн. суб'ектам канструкцыі дэаўтарызацыі з’яўляюцца члены грамадства) ці зразумелыя з кантэксту (гл. прыклад (25), дзе суб'ектам канструкцыі дэаўтарызацыі з’яўляюцца людзі, якія жывуць у цяперашні час, на што ўскосна паказвае прыслоўе “сёння”).

Калі сумесна з абагульнена-зборным *we/мы* выкарыстоўваецца азначальны займеннік *all/ўсе*, ступень дэаўтарызацыі ўзмацняецца, пры гэтым невядома, хто маецца на ўвазе пад абагульнена-зборным суб'ектам “ўсе мы” і наколькі шырокімі з’яўляюцца межы абагульнення. Часам пад такім суб'ектам падразумяваюцца “ўсе людзі”, што эквівалентна займенніку “кожны” [8,

р. 213] (гл. прыклад (28)); часам межы абагульнення значна вузейшыя (гл. прыклад (29), дзе “ўсе мы” падразумявае “жыхары Беларусі”):

(27) *We all think of technology as expanding our horizons, and in many ways of course it does;*

(28) *Усе мы ведаем, наколькі непрыемна, калі нас не разумеюць;*

(29) *Усе мы ведаем імёны нашых лепшых педагогаў, якія працуюць з адоранымі навучэнцамі і прыносяць нашай краіне перамогі на міжнародных алімпіядах.*

У англа- і беларускамоўнай публіцыстыцы сустракаюцца таксама выпадкі выкарыстання сумесна з

абагульнена-зборным *we/мы* моўных адзінак *many, most/многія*. Ступень дэаўтарызацыі пры гэтым высокая, але ў параўнанні з папярэднім выпадкам ніжэйшая, што абумоўлена семантыкай дадзеных моўных адзінак:

(30) *For many of us, personal writing is the easiest writing we do, because we've trained for it every day in our talk and we believe that readers are interested;*

(31) *Для многіх з нас па-ранейшаму яшчэ нешта значыць менавіта друкаванае слова, якое да чытачоў дапамагаюць данесці сціплыя кіяскёры.*

2.1.4. Сярод шматлікіх спосабаў выражэння абагульнена-зборнага суб'екта ў канструкцыях дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам у публіцыстыцы вылучаецца падгрупа сродкаў, якая складаецца са **зборных выразаў** *a score of, half a dozen of, a number of, a band of, most of* + назоўнік у англійскай мове і *усё больш, большасць, больш за, шэраг, дзясяткі* + назоўнік у беларускай мове. Як і ў выпадку з канструкцыямі дэаўтарызацыі з назоўнікава-займеннікавым спалучэннем, канструкцыі са зборнымі выразамі рэалізуюць меншую ступень дэаўтарызацыі ў параўнанні з канструкцыямі, дзе для намінацыі суб'екта выкарыстоўваецца аўтаномная лексічная адзінка:

(32) *A number of economists believe China has reached a turning-point in its development, having exhausted its supply of surplus labour;*

(33) *Большасць немцаў лічаць, што ўрад Меркель не пратрымаецца да чарговых выбараў;*

(34) *The quality of medical education in Turkey is set to plummet in the future because universities lack sufficient permanent academic staff, resources and laboratories for the number of students, according to a number of medical experts;*

(35) *За пяць гадоў гэты орган не толькі арганічна ўпісаўся ў палітычную сістэму дзяржавы, але і, на думку шэрагу аналітыкаў, стаў своеасаблівым стабілізуючым звяном у працэсе*

пабудовы ў краіне грамадзянскага грамадства.

2.1.5. Яшчэ адным спосабам выражэння абагульнена-зборнага суб'екта ў канструкцыях дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам з'яўляюцца **словы ў метанімічным значэнні**, у выніку ўжывання якіх мае месца “групавая ці калектыўная агентнасць” [9, р. 25].

Указанне не пэўных асоб, а краін, гарадоў, сацыяльнай ўстановы, розных сацыяльных груп з'яўляецца распаўсюджанай з'явай пры пазначэнні суб'екта ў публіцыстычным тэксе. У такім ужыванні метанімічны семантычны суб'ект можа абазначаць:

– афіцыйных прадстаўнікоў досыць шырокага геаграфічнага рэгіёна:

(36) *The EU has told Moscow that it will suspend talks on a long-term partnership agreement unless it withdraws its forces;*

– афіцыйных прадстаўнікоў краіны/краін:

(37) *Для Вялікабрытаніі гэта надзвычай надзённае пытанне, паколькі краіна з'яўляецца еўрапейскім «лідарам» па колькасці падлеткавых цяжарнасцяў;*

– упаўнаважаных прадстаўнікоў сталіцы/урада краіны:

(38) *Washington has announced \$500m of civilian-aid projects for Pakistan, part of a \$7.5 billion, five-year package;*

– прадстаўнікоў розных сацыяльных інстытутаў, устаноў:

(39) *Між іншым, амерыканскія кліматычныя цэнтры абяцваюць Еўропе самае анамальна спякотнае лета за апошнія 150 гадоў.*

Ступень дэаўтарызацыі ў канструкцыях з метанімічным суб'ектам можа быць павышана з дапамогай вызначальнікаў з дыфузнай семантыкай *countless, different, various/шматлікія, асобныя* (аналагічных тым, што выкарыстоўваюцца ў канструкцыях дэаўтарызацыі з назоўнікам у абагульнена-зборным значэнні):

(40) *Various sources said that this [creatine] is the product which increases*

energy, muscle mass and the strength of the bodybuilder and also it reduces the recovery times of the body;

(41) *Асобныя дзяржструктуры настаялі на тым, каб ва ўказе замацоўвалася норма звяротнасці гэтых інвестыцый, хоць ва ўсім свеце такое і не практыкуецца.*

2.2. Няпэўны суб'ект.

Для выражэння няпэўнага суб'екта ў канструкцыях дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам у англа- і беларускамоўнай публіцыстыцы выкарыстоўваецца значна меншая колькасць сродкаў, чым для абагульнена-зборнага суб'екта. У гэтай ролі ўжываюцца толькі няпэўныя займеннікі і спалучэнні няпэўнага займенніка і назоўніка (назоўнік з няпэўным артыклем у англійскай мове).

2.2.1. У публіцыстычных тэкстах з усіх магчымых варыянтаў выражэння няпэўнага суб'екта праз **няпэўныя займеннікі** ўжываецца параўнальна абмежаваны іх набор: у разглядаемых канструкцыях дэаўтарызацыі выкарыстоўваюцца галоўным чынам няпэўныя займеннікі *some, one* (у значэнні *нейкі*) у англійскай мове і няпэўныя займеннікі *некаторыя, хтосьці, нехта* ў беларускай мове.

Няпэўныя займеннікі належаць да лексічных адзінак, якія нясуць у сабе першапачаткова самае агульнае, прыблізнае ўяўленне пра суб'екта. Лагічнай асновай значэння няпэўных займеннікаў з'яўляецца няпэўнасць, прыблізнасць [7, с. 29]. Азначаныя няпэўныя займеннікі, ужытыя самастойна ў пазіцыі суб'екта канструкцый дэаўтарызацыі, як і ў канструкцыях з абагульнена-зборным суб'ектам, рэалізуюць высокую ступень дэаўтарызацыі:

(42) *For one, it still gets the better of its European rival when it comes to luminosity, a measure which determines the collision rate and thus the chances of seeing something rare, like a Higgs boson;*

(43) *Але вясной 2008 года нехта ў нейкім кабінёце вырашыў, што замест дрэў тут павінна быць паркоўка.*

2.2.2. Апроч аўтаномнага ўжывання займеннікаў, для намінацыі няпэўнага суб'екта ў канструкцыях дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам у публіцыстычных тэкстах выкарыстоўваюцца **спалучэнні няпэўнага займенніка і назоўніка**. У адрозненне ад аўтаномнага ўжывання пры сумесным з назоўнікам ужыванні ў абедзвюх мовах выкарыстоўваецца больш шырокі набор няпэўных займеннікаў, які, акрамя азначаных вышэй, уключае таксама займеннік *several* у англійскай і *адзін* (у значэнні *нейкі*) у беларускай мове. Акрамя таго, у англамоўных тэкстах у якасці суб'екта разглядаемай канструкцыі дэаўтарызацыі выкарыстоўваецца назоўнік з няпэўным артыклем *a* (у значэнні *нейкі*):

(44) *A person close to Faberge says it has reached its nine-month target of hooking 50 new clients, each spending on average \$100,000,*

(45) *Several economists reckon the quarterly growth rate peaked last year;*

(46) *Памятаецца, музычны “кірмаш” у Віцебску адзін вельмі разумны чалавек назваў дачай, куды заўсёды “зоркам” з Масквы, Кіева, Мінска і гэтак далей прыемна прыязджаць і адпачываць ад мітусні і шуму мегаполісаў.*

Зразумела, ужыванне ў пазіцыі суб'екта канструкцыі дэаўтарызацыі назоўніка з няпэўным артыклем (у значэнні *нейкі*) дэаўтарызуе выказванне толькі ў тым выпадку, калі няпэўны артыкль ужываецца з мэтай “пазначэння нерэферэнтнага прадстаўніка класа прадметаў”, а не для “ўвядзення прадмета ў разгляд (прэзентацыі)” [10, с. 316].

У публіцыстычных тэкстах на абедзвюх мовах няпэўныя займеннікі *some, one/некаторыя, хтосьці, нехта*, якія могуць ужывацца ў пазіцыі суб'екта канструкцый дэаўтарызацыі аўтаномна, часцей сустракаюцца ў спалучэнні з назоўнікамі:

(47) *But some analysts have speculated that a hiccup in the production process for the iPhone 4 may be to blame;*

(48) *А зараз, згодна з заявами деяких аналітиків, з'явилася надія на з'ясування економіки: мабуть, усі бачили, що не так зростає, як раніше, і ситуація поступово буде погіршуватися;*

(49) *One hedge-fund executive quips that his instincts tell him to "go long on real estate in Connecticut";*

(50) *Хтосьці з людей цілком дивлячись газетним артикулам і верять у те, що в найближчий час, коли чалавек не паче ставити да навколонаго асироддзя па-гаспадарску, нашу планету чакае незайздросная будучыня.*

У дачиненні да ступені дэаўтарызацыі ў канструкцыях з няпэўным суб'єктам назіраецца тая ж тэндэнцыя, што і ў канструкцыях з абагульнена-зборным суб'єктам. Пры самастойным ужыванні ступень дэаўтарызацыі ніжэйшая ў параўнанні з аўтаномным ужываннем, паколькі семантика назоўніка, ужытага сумесна з разглядаемымі займеннікамі, пэўным чынам абмяжоўвае кола патэнцыяльных рэферэнтаў. Найбольшая ступень дэаўтарызацыі назіраецца ў выказваннях, якія змяшчаюць прыназоўнікава-склонавыя канструкцыі дэаўтарызацыі з нявыражаным, няпэўным суб'єктам, напрыклад: *by recent estimate, against the widespread assumption, under increasing criticism/па незалежных ацэнках, насуперак распаўсюджанаму меркаванню, паводле апошніх апытанняў.*

(51) *Under increasing criticism, the LPGA Tour on Friday backed off plans to suspend players who could not efficiently speak English at tournaments;*

(52) *Па незалежных ацэнках, агульная колькасць мірных жыхароў, якія загінулі з абодвух бакоў у Карэйскай вайне, ацэньваецца прыкладна ў 2 мільёны чалавек, а паўночнакарэйскіх вайскоўцаў – у 215000.*

3. Семантычныя тыпы суб'єкта ў канструкцыях дэаўтарызацыі.

Вылучаюцца чатыры семантычныя тыпы суб'єкта ў канструкцыях дэаўтарызацыі (суб'єкт гаворкі, думкі, ацэнкі, успрымання). Вылучэнне азначаных семантычных тыпаў суб'єкта канструкцый дэаўтарызацыі звязана з вучэннем І. Пальдаўфа аб трэцім сінтаксічным плане, які выражае адносіны зместу сказа да чалавека і яго спецыфічных здольнасцей успрымання, суджэння і ацэньвання [11]. Пазней ідэі І. Пальдаўфа былі развіты ў канцэпцыі Г.А. Золатавай, якая сцвярджае, што ў выказванні, разам з суб'єктам прэдыкатыўнай адзнакі, можа прысутнічаць суб'єкт назірання (успрымання), суб'єкт кваліфікуючы (ацэнкі, гаворкі і думкі), г.зн. існаванне такога суб'єкта вядзе да стварэння ў сказе з той ці іншай інфармацыяй пра аб'ектыўную рэчаіснасць другога структурна-семантычнага плана, які ўказвае на суб'єкт, аўтара ўспрымання, канстатацыі або ацэнкі з'яў рэчаіснасці, а часам і на характар успрымання [12].

Самым распаўсюджаным семантычным тыпам суб'єкта ў двухсастаўных дзеяслоўна-іменных канструкцыях дэаўтарызацыі з'яўляецца суб'єкт гаворкі, а ў прыназоўнікава-склонавых канструкцыях дамінуе суб'єкт ацэнкі (табл. 2).

3.1. У двухсастаўных дзеяслоўна-іменных канструкцыях дэаўтарызацыі пераважае **суб'єкт гаворкі**, які можа мець як абагульнена-зборнае, так і няпэўнае значэнне:

(53) *Sceptics say China is unlikely to mandate the use of new fuel technologies so early in the development of its car industry;*

(54) *Ніжнія вейкі некаторыя візажысты ўвогуле рэкамендуць не фарбаваць жанчынам за сорок.*

У прыназоўнікава-склонавых канструкцыях дэаўтарызацыі суб'єкт гаворкі з'яўляецца другім па частотнасці тыпам суб'єкта і выкарыстоўваецца пераважна з прыназоўнікамі *according to, in/згодна(з), паводле, па* ў такіх КД,

як *according to people familiar with the matter, in the words of a person familiar with the process/згодна з адным з удзельнікаў дэманстрацыі, паводле сцвярджэння дыеталагаў, па словах фермераў і т.п.*

(55) *Discussions that could lead to filmmaking brothers Bob and Harvey Weinstein buying back Miramax Films from Walt Disney Co. appeared to be on the rocks Friday afternoon, according to people familiar with the matter, and the deal's future was uncertain;*

(56) *Паводле словаў навукоўцаў, геамагнітныя хваляванні з рознай інтэнсіўнасцю будуць працягвацца аж да пачатку чэрвеня.*

3.2. У прыназоўнікава-склонавых канструкцыях дэаўтарызацыі самым распаўсюджаным тыпам семантычнага суб'екта як у англа-, так і ў беларускамоўнай публіцыстыцы з'яўляецца **суб'ект ацэнкі**, які пераважна выкарыстоўваецца з прыназоўнікамі *for, to, by, in / для, у, па* ў канструкцыях тыпу *to supporters of privatization, for China, by one estimate, in the eyes of Parliamentarians/для адоранага дзіцяці, у вачах абыякавага, па незалежных ацэнках*.

(57) *By recent estimates, a shift of just 200,000 unemployed workers to SSDI could entail an increase in government lifetime costs of up to \$24 billion;*

(58) *Па ацэнках асобных нямецкіх генералаў наступствы гэтага паражэння для Германіі сталі больш цяжкімі, чым пад Сталінградам.*

У адрозненне ад прыназоўнікава-склонавых канструкцый дэаўтарызацыі, у двухсастаўных дзеяслоўна-іменных канструкцыях суб'ект ацэнкі сустракаецца значна радзей, чым суб'ект гаворкі і суб'ект думкі, а ў беларускамоўнай публіцыстыцы нават радзей, чым суб'ект успрымання:

(59) *A rebound in auto sales after a July slump likely brought overall purchases up 0,3%, economists estimated;*

(60) *Некаторыя эксперты ацэньваюць, што пасля 2020 году багатыя краіны*

будуць вымушаныя выкладаць па 600 мільярдаў даляраў штогод, каб аплаціць рахунак пад назвай "спыненне змены клімату".

3.3. Досыць часта ў двухсастаўных дзеяслоўна-іменных канструкцыях дэаўтарызацыі ў публіцыстыцы на абедзвюх мовах (асабліва ў беларускамоўных тэкстах, дзе ён прыведзены ў значна большым аб'ёме) з'яўляецца **суб'ект думкі**, які па распаўсюджанасці саступае толькі суб'екту гаворкі:

(61) *Anarchists believe a free society requires abolishing the state, and they rebel against all authority and ruling power;*

(62) *Некаторыя бацькі лічаць, што заняткі мастацтвам не надта важныя, калі дзіця не збіраецца стаць музыкам або мастаком.*

Што да прыназоўнікава-склонавых канструкцый дэаўтарызацыі з суб'ектам думкі, то іх працэнтны паказчык значна разыходзіцца ў англа- і беларускамоўнай публіцыстыцы: у беларускамоўных тэкстах іх колькасць амаль у 2,7 раза пераважае колькасць адпаведных канструкцый у англамоўных тэкстах. Суб'ект думкі ў прыназоўнікава-склонавых канструкцыях дэаўтарызацыі, як правіла, уводзіцца прыназоўнікамі *from, against, contrary to/на, па, насуперак* і сустракаецца ў канструкцыях тыпу *from the users' viewpoint, against the widespread assumption, contrary to popular belief/на думку псіхолагаў, па меркаванні некаторых навукоўцаў, насуперак* распаўсюджанаму меркаванню:

(63) *From the users' viewpoint, Facebook can feel a bit like a liberal polity: a space in which people air opinions, rally support and right wrongs;*

(64) *На думку спецыялістаў, людзі, якія не саромеюцца адкрыта выражаць свае эмоцыі, менш пакутуюць ад стрэсаў і лягчэй іх пераносзяць.*

3.4. Найменш ужывальным семантычным тыпам суб'екта ў публіцыстыцы з'яўляецца **суб'ект успрымання**:

(65) *Another day, some economists noticed that sometimes people are stupid and do things that waste money;*

(66) *Многія аналітыкі бачаць у брытанскім хаосе ўплыў арабскіх рэвалюцый, улічваючы, што сярод*

пагрошчыкаў шмат чорнаскурых і арабаў;

(67) *Over the Arctic and Antarctica, however, according to recent observations, they appear more often than it was thought before;*

(68) *Па назіраннях спецыялістаў, ажыятажу сёння вакол такой з'явы, як ламбард не назіраецца.*

Табліца 2

Частотнасць семантычных тыпаў суб'екта ў канструкцыях дэаўтарызацыі ў англа- і беларускамоўнай публіцыстыцы

Англамоўныя публіцыстычныя тэксты			Беларускамоўныя публіцыстычныя тэксты	
Суб'ект	двухсастаўныя дзеяслоўна-іменныя канструкцыі дэаўтарызацыі	прыназоўнікава-склонавыя канструкцыі дэаўтарызацыі	двухсастаўныя дзеяслоўна-іменныя канструкцыі дэаўтарызацыі	прыназоўнікава-склонавыя канструкцыі дэаўтарызацыі
гаворкі	69,5%	23,6%	51,2%	26,4%
думкі	14,8%	9,1%	36,4%	24,5%
ацэнкі	8,9%	63,6%	4,8%	43,6%
успрымання	6,9%	3,7%	7,6%	5,5%

Варта адзначыць, што ў англа- і беларускамоўнай публіцыстыцы як у двухсастаўных дзеяслоўна-іменных, так і ў прыназоўнікава-склонавых канструкцыях дэаўтарызацыі ўсе семантычныя тыпы суб'екта часцей сустракаюцца ў абагульнена-зборным, чым няпэўным значэнні.

Заклучэнне. Такім чынам, як у англа-, так і ў беларускамоўнай публіцыстыцы канструкцыі дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам прадстаўлены дзвюма разнавіднасцямі: двухсастаўнымі дзеяслоўна-іменнымі і прыназоўнікава-склонавымі канструкцыямі. У англа- і беларускамоўнай публіцыстыцы для намінацыі абагульнена-зборнага суб'екта ў канструкцыях дэаўтарызацыі з вербальна выражаным суб'ектам выкарыстоўваецца шырокі набор моўных адзінак: назоўнікі і субстантываваныя займеннікі (займеннікавыя прыметнікі) у абагульнена-зборным значэнні, спалучэнні назоўнікаў і займеннікаў

(займеннікавых прыметнікаў) у абагульнена-зборным значэнні, зборныя выразы, а таксама словы ў метанімічным значэнні. Для выражэння няпэўнага суб'екта выкарыстоўваецца значна меншая колькасць сродкаў, чым для абагульнена-зборнага суб'екта: шэраг няпэўных займеннікаў (назоўнікаў з няпэўным артыклем у англійскай мове) у спалучэнні з назоўнікамі ці аўтаномна (акрамя выпадку з назоўнікам з няпэўным артыклем).

Ступень дэаўтарызацыі ў канструкцыях з вербальна выражаным суб'ектам вар'іруецца ў залежнасці ад семантыкі моўных адзінак, якія перадаюць суб'ект канструкцыі дэаўтарызацыі, і сінтаксічнай спалучальнасці з іншымі моўнымі адзінкамі (часцей за ўсё вызначальнікамі). У выпадку аўтаномнага, нераспаўсюджанага вызначальнікамі, ужывання моўных адзінак у пазіцыі суб'екта ўсіх

канструкцый з вербальна выражаным суб'ектам ступень дэаўтарызацыі найбольшая. Акрамя таго, у канструкцыях з назоўнікам у абагульнена-зборным значэнні і канструкцыях з метанімічным суб'ектам ступень дэаўтарызацыі высокая, калі суб'ект ужыты сумесна з вызначальнікамі з дыфузнай семантыкай. У канструкцыях з субстантываванымі займеннікамі у абагульнена-зборным значэнні ступень дэаўтарызацыі залежыць ад семантыкі саміх займеннікаў. У прыназоўнікава-склонавых канструкцыях ступень дэаўтарызацыі найбольшая, калі суб'ект з'яўляецца нявыражаным. У англа- і беларускамоўнай публіцыстыцы самым распаўсюджаным семантычным тыпам суб'екта ў двухсастаўных дзеяслоўна-іменных канструкцыях дэаўтарызацыі з'яўляецца суб'ект гаворкі, у прыназоўнікава-склонавых – суб'ект ацэнкі; найменш выкарыстоўваемым з'яўляецца суб'ект успрымання.

Літаратура

1. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е.В. Падучева. – 3-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 288 с.
2. Langacker, R.W. Investigations in cognitive grammar / R.W. Langacker. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2009. – 396 p.
3. Черняховская, Л.А. Информационный инвариант смысла текста и вариативность его языкового выражения: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19 / Л.А. Черняховская; Моск. ордена Дружбы народов гос. пед. ин-т ин. яз. им. М. Тореца. – М., 1983. – 34 с.
4. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – 2-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 220 с.
5. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
6. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2001. – 656 с.
7. Пеньковский, А.Б. Очерки по русской семантике / А.Б. Пеньковский. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 464 с.
8. Fowler, R. Language in the news: discourse and ideology in the press / R. Fowler. – London, New York: Routledge, 1991. – 254 p.
9. Yamamoto, M. Agency and impersonality: their linguistic and cultural manifestations / M. Yamamoto. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2006. – 151 p.
10. Алисова, Т.Б. Введение в романскую филологию: учебник / Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2007. – 453 с.
11. Польшауф, И. Третий синтаксический план / И. Польшауф // Языкознание в Чехословакии: сб. ст., 1956–1974; пер. с чеш., словац., англ. и фр.; под ред. А.Г. Широковой. – М.: Прогресс, 1978. – С. 302–320.
12. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 351 с.

Паступіў у рэдакцыю 28.11.2011 г.

Прыняты ў друк 25.06.2012 г.

УДК 811.161.1'373.211.1

Реализация персонажного кода культуры в ойконимии Белорусского Поозерья

Васильева Т.Ю.

*Учреждение образования «Витебский государственный
университет им. П.М. Машиерова», Витебск*

В центре нового направления гуманитарных исследований – лингвокультурологии находится круг проблем, касающихся взаимодействия языка и культуры. В рамках семиотического подхода культура интерпретируется как единство основополагающих кодов, одним из способов языкового воплощения которых являются названия населенных пунктов как фрагмент языковой картины мира.

В статье изучаются особенности реализации персонажного кода культуры в ойконимии Белорусского Поозерья. Анализ фактического материала исследования позволил установить, что персонажный код культуры объективируется в ойконимии исследуемого региона при помощи антропонимных ойконимов, которые можно разделить на три группы: 1) ойконимы, сформированные на базе древних славянских имен; 2) ойконимы, сформированные на базе канонических православных и католических имен; 3) названия-посвящения. Изучение выделенных групп ойконимных единиц показало, что наряду с персонажным кодом культуры в антропонимных ойконимах реализуются предметный, растительный, животный, антропоморфный, гастрономический, метеорологический, вещественный, числовой, операционный и духовный коды.

Ключевые слова: ойконим, ойконимия, культурный код, персонажный код культуры, апеллатив, антропоним.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 216–226)

Implementation of character's code of culture in oiconymy of Belarusian Poozerye

Vasileva T.Y.

*Educational establishment "Vitebsk State University
named after P.M. Masharov", Vitebsk*

In the center of a new direction of studies in the humanities – cultural linguistics is a range of problems concerning the interaction of language and culture. In the framework of the semiotic approach culture is interpreted as the unity of the fundamental codes, one of the ways of linguistic realization of which are the names of settlements as a language picture of the world.

In the article we study the implementation of character's code of culture in oiconymy of Belarusian Poozerye. The analysis of the factual material research has allowed to establish, that character's cultural code is objectified in the oiconymy of the investigated region with the help of anthroponym oiconyms, which can be divided into three groups: 1) oiconyms, formed on the basis of the ancient Slavic names; 2) oiconyms, formed on the basis of the canonical Orthodox and Catholic names; 3) names of initiation. The study of the selected groups of units has shown that alongside with character's code of culture in anthroponyms oiconyms a substantive, vegetative, animate, anthropomorphic, gastronomic, meteorological, material, number, operating and spiritual codes are implemented.

Key words: oiconym, oiconymy, cultural code, character's code of culture, appellative, anthroponym.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 216–226)

Адрес для корреспонденции: e-mail: l_mandrik_vitebsk@mail.ru – Т.Ю. Васильева

В 90-е годы XX века оформилось новое направление гуманитарных исследований, находящееся на стыке языкознания и культурологии – лингвокультурология. В центре этого научного направления находится круг проблем, касающихся взаимодействия языка и культуры. Одним из базовых понятий лингвокультурологии является понятие культуры, в понимании и определении которого в настоящее время выделяется довольно много подходов.

В рамках семиотического (знакового) подхода к пониманию культуры принимаются попытки интерпретировать культуру как некое единство основополагающих кодов. Одним из интересных вариантов таких попыток являются работы М. Фуко, который пытается обнаружить «основополагающие коды любой культуры» [1, с. 129].

В.В. Красных определяет код культуры как «сетку», которую «культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [2, с. 232]. Коды культуры как феномен универсальны по своей природе, однако их проявления в определенной культуре всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой. Автор выделяет следующие базовые культурные коды, которые соотносятся с архетипическими представлениями русской культуры: 1) соматический (телесный), связанный с символическими функциями частей тела человека; 2) пространственный, связанный с членением пространства; 3) временной, фиксирующий членение временной оси; 4) предметный, связанный с предметами, заполняющими пространство и принадлежащими окружающему миру; 5) биоморфный, связанный с живыми существами, населяющими окружающий мир; 6) духовный, включающий нравственные ценности и эталоны и связанные с ними базовые оппозиции культуры («добро–зло», «хорошо–плохо», «плюс–минус», «верх–низ»).

Как отмечает исследователь, между кодами культуры нет и не может быть жестких границ: соматический код во

многом предопределяет пространственный, последний в значительной степени обуславливает временной, так как пространство и время тесно связаны в сознании человека; предметный код обуславливает тесную связь с духовным кодом через социальные отношения [2].

Авторы «Белорусской мифологии» выделяют 15 кодов, свойственных традиционной культуре.

1. Персонажный код, включающий богов, святых, легендарные или мифологизированные исторические личности, персонажи песен и легенд, людей согласно их социальному (семейному, профессиональному и т.д.) статусу.

2. Космографический код, описывающий крупномасштабную структуру космоса.

3. Ландшафтно-топографический, включающий святые места, горы, реки, озера, болота, населенные пункты и т.д.

4. Календарно-хронологический код, связанный с семантизацией моментов или отрезков времени.

5. Астрономический код (Солнце, Луна, звезды, созвездия, кометы).

6. Метеорологический код (ветер, дождь, снег, вихрь и т.д.).

7. Антропоморфный код, связанный с семантизацией частей тела человека.

8. Животный код, включающий териологический, орнитологический, ихтиологический, энтомологический подкоды.

9. Растительный код.

10. Вещественно-элементный код (вода, земля, воздух, огонь).

11. Предметный код, включающий такие подкоды, как орудия труда, одежда, посуда, предметы быта.

12. Гастрономический код.

13. Числовой код.

14. Операционный код, связанный с семантизацией тех или иных трудовых или ритуальных действий.

15. Атрибутивный код, описывающий признаки, свойства и качества. Создатели данного энциклопедического словаря отмечают способность некоторых элементов входить в состав сразу нескольких кодов. Так, *земля*, как отмечают авторы,

является элементом космографического и вещественно-элементного кодов [3].

Анализируя внутригородские названия славянских стран, А.М. Мезенко выделяет 8 культурных кодов, реализующихся в урбанонимии: 1) топоморфный; 2) антропоморфный; 3) физико-географический; 4) флористический; 5) фаунистический; 6) эмоционально-характерологический; 7) цветовой; 8) темпоральный [4].

Рассматривая понятие культурного кода, С.М. Толстая выделяет субстанциональные (акциональный, персонажный, локативный, реальный (предметный), вербальный, музыкальный, изобразительный) коды, которые определяются на основании субстанциональной общности их элементов, и концептуальные (растительный, зоологический, свадебный и др.) коды культуры, «субстанцией» которых «следует считать некоторые ментальные сущности, единицы смысла (концепты, идеи, мотивы), которые соотносятся с разными материальными воплощениями этого смысла» [5]. Как отмечает исследователь, концептуальные коды имеют системный характер (система мотивирующих единиц целиком переносится на другую область действительности) и обладают свойством вторичности (элементы кода, имеющие свое определенное значение, вторично используются в коде для обозначения других объектов). Так, антропонимы, являющиеся элементами персонажного кода культуры, используются для наименования населенных пунктов и становятся выразителями соответствующего культурного кода в ойконимии.

Цель нашей работы – изучение особенностей и реализации персонажного кода культуры в ойконимии Белорусского Поозерья.

Материал и методы. Материалом исследования послужили названия населенных пунктов Белорусского Поозерья, представленные в нормативном справочнике «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць». При анализе и статистической обработке материала были использованы

описательный и сопоставительный методы, а также элементы статистического метода.

Результаты и их обсуждение. Персональный код объективируется в ойконимии Белорусского Поозерья при помощи отантропонимных ойконимов, составляющих около 44% от всех наименований населенных пунктов региона. Как показывает анализ языкового материала, данные названия можно разделить на три группы: 1) ойконимы, сформированные на базе древних славянских имен; 2) ойконимы, сформированные на базе православных и католических имен; 3) названия-посвящения.

В соответствии с мнением Н.В. Бирилло, до принятия христианства славяне использовали два типа имен, образованных на базе славянской лексики: двусоставные имена типа *Володимир, Всеволод, Ярослав, Станислав* и односоставные имена, образованные от апеллятивной лексики типа *Волк, Горностай, Жук* [6, с. 3].

В соответствии с указанным фактом группу ойконимов, сформированных на базе древних славянских имен, можно разделить на две подгруппы: а) наименования от двусоставных славянских имен; б) наименования от односоставных славянских имен.

Названия населенных пунктов, сформированные на базе полных или сокращенных форм древних славянских двусоставных имен, насчитывают 34 ойконима. В основе названий *Будислово, Добромысли* (2), *Домжеричи, Голомысло, Светогорова* зафиксированы полные формы древних славянских двусоставных имен *Будислав, Добромысл, Доможир, Голомысл, Святогор*. Большая часть ойконимов (29 единиц) сформировалась на базе сокращенных форм, так как в повседневном употреблении сложные имена, как правило, сокращались и давали большое количество форм. Так, древнее славянское двусоставное имя *Путислав* имело формы *Путилко, Путько, Путята*, которые закрепились в названиях населенных пунктов

Путилковичи, Пуцьково, Путятино, Путятишки. Антропонимы *Будила* и *Будько*, являющиеся сокращенными формами двусоставных славянских имен *Будислав*, *Будогост*, *Будовест*, зафиксированы в основах ойконимов *Будилово* (2), *Будиловка*, *Будилы*, *Будьки*, *Будьковщина*. Названия населенных пунктов *Богушевичи*, *Богушевск*, *Богушово* сформировались на базе имени *Богуш* – сокращенного варианта древнего славянского двусоставного имени *Богуслав*. Сокращенные формы славянских имен *Братислав*, *Велеслав*, *Гостимир*, *Гостомысл* выявлены в основах ойконимных единиц *Браслав*, *Велевщина*, *Госмирово*, *Гостыничи*. Шесть названий населенных пунктов региона (*Войневка*, *Войтехи* (2), *Войтково*, *Войтовичи*, *Войтово* (2), *Войты*) сформированы на базе имен *Война*, *Войтех*, *Войт*, являющихся вариантами древнего двусоставного имени *Воислав*. Имя *Рац* (сокращенная форма двусоставных имен *Ратибор*, *Ратислав*) и его производные выявлены в основах ойконимов *Ратьки*, *Ратьково*, *Рацево*, *Ратюнки*, *Ратюны*. К данной подгруппе названий населенных пунктов отнесены ойконимы *Ярканцы*, *Ярошки*, мотивированные сокращенными формами древнего славянского двусоставного имени *Ярослав*, которое внесено в православный месяцеслов по благословению Святейшего Патриарха Алексия II 8 декабря 2005 года. Ойконимные единицы, восходящие в основе к древним славянским именам *Богдан*, *Борис*, *Владимир*, *Глеб*, отнесены к группе ойконимов, сформированных на базе православных и католических имен, так как указанные имена были приняты православной и католической церквями и зафиксированы в святцах благодаря подвигам, совершенным славянами для христианства.

Ойконимы, мотивированные славянскими двусоставными именами, связаны с мифологическими представлениями древнего человека, воспринимавшего

свое имя как «второе я» и верившего в возможность передать человеку через имя те качества и свойства, которые выражены в его значении: *Богуслав* «тот, кто славит Бога», *Владимир* «тот, кто владеет миром», *Владислав* «тот, кто владеет славой» и др.

Рассматривая названия населенных пунктов, сформированные на базе древних славянских двусоставных имен, В.П. Лемтюгова отмечает, что основой ойконимов могли послужить как древние славянские имена и их формы, так и фамилии, образованные от этих имен [7].

Подгруппа ойконимов, мотивированных славянскими отапельлятивными именами, насчитывает 1463 единицы. Данные названия населенных пунктов сформировались на базе древних славянских отапельлятивных имен и прозвищ и производных от них фамилий.

Исследуя фамилии жителей Витебщины, мотивированные древними славянскими именами и прозвищами, образованными от апеллятивной лексики, Г.К. Семенькова выделяет две группы антропонимов: 1) фамилии, образованные от *nomina personalia* (имен и прозвищ, характеризующих человека по какому-либо признаку или виду деятельности);

2) фамилии, образованные от *nomina impersonalia* (имен, восходящих к апеллятивам, называющим предметы, явления, вещества, понятия). В составе этих групп исследователь фиксирует 6 и 10 лексико-семантических разрядов соответственно [8]. Выделенные лексико-семантические разряды антропонимов нашли отражение в названиях населенных пунктов, сформированных на базе древних славянских отапельлятивных имен и прозвищ. В соответствии с указанным фактом в данной подгруппе ойконимов можно выделить названия, сформированные на базе *nomina personalia*, и названия, сформированные на базе *nomina impersonalia*.

Названия населенных пунктов, сформированные на базе *nomina personalia*, соотносятся с апеллятивами, которые:

а) характеризуют человека в физиче-

ском (*Беляи* – *беляй* «человек с белыми или седыми волосами» [7]; *Горбачево*; *Грибачи* – *грибач* рег. «губатый, губач» [9]; *Кривелёво* – *кривель* рег. «кривой» [9]; *Косов*; *Левши*; *Малютино* – *малюта* рег. «ребенок», рус., укр. «малыш, маленький, низкорослый человек» [9]; *Пыжи* – *пыж* рег. «низкорослый человек, карапуз» [9]; *Рослы*; *Рыжевщина* и др.) и психическом (*Баево* – *бай* бел. «говорун, пустомеля», рус. «говорун, повествователь» [9]; *Бабичи* – *бабич* пренебр. «бабник», «гермафродит» [8]; *Воропаево* – бел. рег. *воропай* «бестолковый человек» [7]; *Ворохобки* – рус. *ворохоба* «легкомысленный человек» [9]; *Завидичи* – рус. *завида* «зависть», «завистливый человек» [9]; *Лындино* – *лында* рег. «тот, кто любит ходить без работы», рус. «лентяй» [9]; *Плаксы*; *Прокуды* – бел. *прокуда* «бедокур, баловень», рег. «проныра», рус. смол. «злодей» [9]; *Свистуны*; *Хондоги* – *хондога* др.-бел. и рег. «тот, кто любит чистоту, опрятный человек» [9] и др.) планах;

б) указывают на занятия (*Будники* – *будники* др.-бел. «феодално-зависимые крестьяне или рабочие по найму, которые работали в будах» [7]; *Бортники*; *Гуменники*; *Дегтяри*; *Мельники*; *Масленики* – др.-рус. *масленик* «маслодел» [9]; *Огородники* – *огородник* др.-бел. «крестьянин, который не имел пахотной земли, а пользовался тремя моргами огорода» [8]; *Пастушки*; *Рыбаки*; *Телятники* и др.), профессию (*Бондарево*; *Гончаровка*; *Кузнецово*; *Писарево*; *Пушкаришки*; *Столярово*; *Стрельцово*; *Ткачи* и др.), социальное положение (*Бояры*, *Князи*, *Холоповщина* и др.);

в) называют людей по этнической и национальной принадлежности (*Видзы*, *Волохи*, *Гили*, *Москалевщина*, *Немцево*, *Нурвяны*, *Латыши*, *Литвиново*, *Ляхи*, *Подольяне*, *Поляки*, *Русаки*, *Русины*, *Славени*, *Татары*, *Угрынки*, *Цыганы*, *Черкасы*, *Шведы* и др.);

г) отражают семейное положение (*Сиротино*) или являются терминами родства (*Братково*, *Дедино*, *Стриевщина* – *стрий* рег. «дядя по отцу» [9]; *Стрынишки* – польск. *strina* «тетка (сестра отца, жена брата отца)» [9] и др.), а также ука-

зывают на обстоятельства появления человека в семье (*Примачино*);

д) характеризуют обстоятельства появления ребенка в семье (*Позняки* – рус. *позняк* «родившийся позже других» [10]; *Позняково*, *Прибытки*, *Прибыtkовo*) и отношение к нему родителей (*Ждановка*, *Ждановo*, *Жданы*, *Хотеничи*);

е) описывают особенности появления человека в населенном пункте (*Бегуны* – др.-рус. *бегун* «беглец», бел. «беглец, тот, кто убегает откуда-нибудь или от дела» [9]; *Новики* – *новик* рег. «новый человек в селе», «новый член семьи» [9]; *Новички*).

В названиях, сформированных на базе *nomina personalia*, находят отражение разнообразные социально-экономические явления. Указанные ономастические единицы связаны с информацией о социальной жизни, о хозяйственной деятельности населения, об этнической истории, о взаимоотношениях людей в семье и в населенном пункте.

Анализ языкового материала позволил выявить способность ойконимных единиц, сформированных на базе *nomina impersonalia*, транслировать информацию сразу двух культурных кодов. Так, в ойконимах, мотивированных антропонимами, образованными от апеллятивов, называющих предметы, объективируются как персонажный, так и предметный культурный код, который включает под-коды:

– орудия труда: *Бардаши* – *бардаш* укр. «большой топор» [9]; *Колотушково* – рус. *колотушка* «деревянный молот» [10]; *Мётлы*; *Обухово*; *Секеровщина*; *Стырики* – рус. *стырь* «ось, на которой что-либо оборачивается вокруг, веревка, крюк; притыка, затычка, гвоздь в бочке или в чаше» [10]; *Топорино*; *Шилино* и др.;

– одежда, обувь: *Брыли* – бел. *брыль* «мужская шляпа с широкими полями» [7]; *Калошки*; *Курты* – рус. *курта* «куртка» [10]; *Лаптёвка*; *Шапчино*; *Шлыки* – рус. *шлык* «шапка, шапочка, чепец, колпак» [10]; *Шляпино*; *Шугаёво* – рус. *шугай* «кофта, телогрейка, сарафан» [10] и др.;

– предметы быта: *Колганово* – рус.

колган «грубой выделки посудина разного вида» [10]; *Коробы; Кочерги; Латково* – рус. *латка* «глиняная сковорода, плошка» [10]; *Мешки; Пугови; Сковородино; Сумки; Чашки* и др.;

– музыкальные инструменты: *Бубны; Варганы* – рус. *варган* «простонародное музыкальное орудие, зубанка» [10]; *Дудки; Скрипки* и др.;

– оружие и военные атрибуты: *Булавы; Пушки; Щитовка* и др.

В предметном коде культуры находят отражение народные представления белорусов о тесной связи человека и окружающих его предметов (одежды, посуды и т.д.), что объясняется верой в действие законов контактной магии, согласно которым контактировавшие между собой предметы, будучи разделенными, остаются в определенных отношениях. Так, по мнению наших предков, часть человеческой души как энергетическая субстанция могла конденсироваться в близких человеку предметах: в одежде, в посуде, в предметах быта и т.д. Различные манипуляции с данными предметами магическим образом влияли на состояние человека, в связи с чем предметы быта (*кочерга, лапти, сковорода, топор* и др.) выступали как своеобразные медиаторы между человеком и окружающим/подземным миром, своим и чужим, культурой и природой [3].

Персонажный и растительный коды объективируются при помощи ойконимов, соотносительных с названиями растений: *Бураки; Гичи* – рус. *гич* «огородная ботва» [10]; *Капустино; Колосово; Кочаново; Редьки; Репишки; Шипули* – бел. *шипупля* «иголка хвойных деревьев» [9]; *Шишки; Ягодки* и др.

В ойконимах, соотносительных с названиями животного мира, наряду с персонажным объективируется животный код со следующими подкодами:

– терриологическим: *Багриново* – укр. *багрій* «светлобурый вол» [7]; *Бараны; Барсуки; Боброво; Быки; Волки; Горностаи; Ежовка; Зайцево; Зубревичи; Кабаны; Козлы; Козулино; Коты; Кролики; Кротики; Лисовщина; Лоси; Медведи; Мышки; Овечки; Соболи; Турово; Хомяково; Хоревщина* и др.;

– орнитологическим: *Болундишки* – лит. *baluñdis* «голубь» [9]; *Бухалово* – рус. *бухало* «болотная птица выпь, бык, бугай» [10]; *Веробы; Вороны; Гавраны* – укр. *гавран* «ворон» [9]; *Гоголевка; Голубово; Граково; Гусаки; Дрозды; Дятлы; Журавнёво; Зуи; Коршуны; Круки* – бел. *крук* «ворон» [7]; *Кулики; Курино; Лебедево; Орлово; Петухи; Пугачи; Сачивки; Селезни; Синицы; Скворцово; Слижово; Снегири; Сойчино; Соколы; Соловы; Сороки; Стрижево; Стринадки* – рус. *стринадка* «пташка из рода синичек» [10]; *Сычики; Тетерки; Чижики; Шпаки* и др.;

– ихтиологическим: *Головни* – бел. рег. *головень* «рыба-бычок» [9]; *Жабинка; Окунь; Караси; Линковщина; Раково; Слижово* – бел. рег. *слиж* «рыба голец» [9]; *Сомино; Щуки* и др.;

– энтомологическим: *Бителёво* – лит. *bitèle* «пчелка» [9]; *Бутово* – рус. *бут* «слепень, овод» [10]; *Жуки; Клещино; Комарово; Муравьи; Мушино* и др.

В ономастических единицах, соотносительных с названиями животных и растений, находят отражение тотемистические воззрения древних славян, связанные с представлением о сверхъестественном родстве между определенными группами людей и так называемыми тотемами – видами животных и растений (реже – явлениями природы и неодушевленными предметами). Так, считалось, «чтобы сын жил долго здоровым и сильным, нужно назвать его Волком, так как эти звери самые сильные и выносливые» [11, с. 148]. Названия, связанные с животным и растительным миром, отражают веру наших предков в магическую силу слова и их убежденность в том, что животные и деревья, названия которых взяты в качестве имен, становятся опекунами и защитниками их носителей. Необходимо отметить, что имена по названиям животных могли даваться по сходству с ними: *Бык; Корова* – грузным неповоротливым людям, *Волк; Щука* – хищным и коварным по натуре и т.д.

Персонажный и антропоморфный коды объективируются при помощи ойконимов, мотивированных прозвищами, которые фиксируют анатомические на-

звания: *Бородино*; *Брюхово*; *Губино*; *Грудиново*; *Зубово*; *Кулаки*; *Мезеново*; *Плейки* – лит. *plėike* «лысина» [8]; *Пузово*; *Усово*; *Черепы*; *Чирино* – рус., бел. рег. *чир* «скула» [9] и др. Необходимо отметить, что в народных представлениях белорусов различные части тела могут выступать эквивалентами человека. Так, *борода* в народной культуре замещает мужчину, *коса* в свадебном обряде – невесту. В антропоморфной картине мира части человеческого тела имеют символические аналогии (*нос* обозначает гору, *голова* символизирует небо и т.д.), поскольку представления о внешнем мире, Вселенной и о пространстве в своих основах оказываются мотивированными представлениями человека о собственном теле.

В ойконимных единицах, соотносительных с названиями продуктов питания, объективируются персонажный и гастрономический коды: *Блины*; *Борщёвка*; *Бабахино* – рус. *бабахи* «пышки, оладьи», «гречневые блины, лепешки» [10]; *Боханы* – бел. *бохан* «булка хлеба» [9]; *Калачи*; *Кашино*; *Киселево*; *Крупени* – бел., рус. *крупеня* «крупяной суп» [9]; *Кулага* – рус. рег., укр. *кулага* «блюдо из муки» [9]; *Ломти*; *Маслино*; *Сметановщина*; *Соломахи* – бел. рег. *соломаха* «негустая каша или густой кисель», рус. рег. «тесто из ржаной муки» [9] и др. Наиболее сакрализированным видом еды, символом счастья и достатка в традиционной белорусской культуре является хлеб. В гастрономическом коде культуры хлебу иногда противопоставляется каша, что находит отражение, в частности, в запрете есть кашу с хлебом [3, с. 242]. Каша является одним из главных блюд в начальной (при рождении – «*бабья каша*») и завершающей (на похоронах и поминках – *кутья*) фазах жизненного цикла человека, хлебу же и хлебным изделиям принадлежит главная роль в средних фазах (*каравай* в свадебном обряде). Противопоставленность хлеба (*Блины*, *Бабахино*, *Калачи*, *Боханы* и др.) и каши (*Кашино*, *Крупени*, *Кулага*, *Соломаха* и др.) как главных обрядовых блюд славян находит отражение в топонимии регио-

на.

При помощи ойконимов, соотносительных с названиями явлений природы и временных понятий, эксплицируются как персонажный, так и метеорологический (*Бусово* – рус. *бус* «морось, самый мелкий дождь, мокрый туман, мелкий снежок, крупа» [10]; *Ветрино*; *Громовки*; *Морозово*; *Тепляки* – *теплек* рег. «ранний мороз», рус. «теплый ветер» [9] и др.) и временной (*Велички*, *Веснино*, *Вечеровщина*, *Пятницы* и др.) коды.

Персонажный и вещественный коды объективируются при помощи наименований, соотносительных с названиями веществ: *Глинишки*; *Железки*; *Коптевичи*; *Медюки*; *Смолевщина*; *Уголевщина*; *Цынки* – укр. *цына* «олово» [9] и др.

Персонажный и числовой коды репрезентируются с помощью ойконимов, соотносительных с названиями денежных единиц (*Шкиляки* – рус. устар. *шкиль* «иностранный монета, шиллинг» [10]) и единиц измерения (*Кукляны* – рег. *кукла* «мера льна» [9]; *Шкунтики* – *шкунт* рег. «кроха, толика, малое количество» [9]; *Шуховцы* – укр. *шух* «мера дров» [9]).

В ойкониме *Толочин*, мотивированным именем *Толока*, связанным с апеллятивом *толока* (обычай у славянских народов оказывать коллективную помощь в хозяйственных делах), объективируется информация как персонажного, так и операционного кода, связанного с семантизацией тех или иных трудовых или ритуальных действий.

Персонажный и духовный коды объективируются при помощи названий населенных пунктов, соотносительных с абстрактными понятиями (*Бедино*; *Буторы* – рус. *бутор* «бред», «шум, гам, крик» [10]; *Зыково*; *Надежино*; *Обидино*; *Плищино* – рус. *плищ* «шум, крик» [10]; *Розумово*; *Стомино*; *Шумино* и др.) и религиозными терминами (*Бески*; *Волкулаково*; *Волосово* (*Волос*, *Велес* – один из главных богов языческого пантеона восточных славян, бог животноводства и богатства [3]); *Лешево*; *Трояны* (др.-рус. *Троян* – мифическое существо, языческое божество [7] и др.). Следует отметить, что наименования мифологических существ

могли выступать в качестве собственных имен людей, которым человеческая фантазия приписывала определенные качества таких существ.

Ойконимы, сформированные на базе православных и католических имен, составляют 14% от общего количества названий населенных пунктов Белорусского Поозерья.

Канонические православные и католические имена вошли в язык восточных славян после принятия христианства. Сосуществование на исследуемой территории двух основных ветвей христианства (православия и католицизма) обусловило использование двух канонических систем имен – православной, или византийско-греческой, и католической, или римской. Указанный факт находит отражение в ойконимии региона: традиционные церковные имена, адаптированные на восточнославянской почве полные, разговорно-бытовые имена, их эмоционально-оценочные формы становились базой для формирования фамилий, затем имена или фамилии закреплялись в названиях населенных пунктов.

Анализ фактического материала позволил выявить три подгруппы ойконимов, сформированных на базе православных и католических имен:

- 1) ойконимы, сформированные на базе антропонимов, отмечаемых только в православных святцах, то есть опосредованно связанные только с православием;
- 2) ойконимы, сформированные на базе антропонимов, отмечаемых только в католических святцах, то есть опосредованно связанные только с католицизмом;
- 3) ойконимы, сформированные на базе антропонимов, используемых православной и католической церквями.

Двенадцать названий населенных пунктов сформировано на базе православных имен и их вариантов: *Верк* (*Верки*, *Верковщина*); *Мамант* (*Мамоново*); *Филарет* (*Пилаты*, *Пилатовщина*); *Родион* (*Радковщина*, *Радьки*, *Радюки*, *Роди*, *Родевщина*); *Римма* (*Рымки*); *Вукол* (*Укольск*). Антропонимы, зафиксированные в основе ойконимов, отмечают только в православных святцах, что

позволяет отнести указанные наименования населенных пунктов к названиям, опосредованно связанным с православием.

Основы ойконимов *Аделино*, *Альбе-новка*, *Альбиновщина*, *Альбрехтово*, *Анибалево*, *Бернатовщина*, *Бернаты*, *Каролино*, *Каролиново*, *Короли* (2), *Королёво* (2), *Королево*, *Королевичи*, *Каралюнцы*, *Казеки*, *Казюково*, *Казимирово* (5), *Казимерцы*, *Казечки*, *Казечино*, *Людвиново*, *Ольгердово*, *Розалиново*, *Ромальдово*, *Рысевичи*, *Станилевичи*, *Станиславово* (4), *Станулево*, *Станули*, *Станчики*, *Станьки*, *Станюки*, *Стасево*, *Стасенки*, *Стаськово* (2), *Стаховка*, *Стаховские*, *Сташелишки*, *Пронское*, *Флорьяново* соотносятся со следующими именами и их формами: *Аделия*, *Альбин*, *Альбрехт*, *Ганнибал*, *Бернард*, *Карл*, *Казимир*, *Людвин*, *Ольгерд*, *Розалина*, *Ромуальд*, *Ричард*, *Станислав*, *Франц*, *Флориан*, отмечаемыми только в католических святцах, что указывает на опосредованную связь названий с католицизмом.

Названия населенных пунктов, сформированные на базе антропонимов, принятых как православной, так и католической церквями, насчитывают 652 единицы.

В основе отантропонимных ойконимов Белорусского Поозерья зафиксированы варианты 158 личных имен православного и католического календарей.

Анализ ойконимных единиц данной подгруппы позволил выявить в основах 65 названий населенных пунктов антропонимы, восходящие к католическим именам: *Абрам* (*Абрамово*, *Абрамовщина*), *Бартоломей* (*Болтрамей*, *Бартелишки*, *Бортково*), *Базыль* (*Базылёвка*), *Винцент* (*Винцентово*), *Юзеф* (*Юзефово* (4), *Зюзино*) и др. Очевидно, носителями данных имен были представители католического вероисповедания, что позволяет отнести названия населенных пунктов, сформированные на базе указанных антропонимов, к наименованиям, опосредованно связанным с католицизмом.

587 ойконимов сформировано на базе антропонимов, восходящих к православ-

ным именам: *Авдей* (канон. *Авидий*) (*Авдеевичи, Авдеево, Авдеевки, Авдейково*), *Авлас, Влас* (канон. *Власий*) (*Авласенки, Авласово, Авласы* (2), *Власово*), *Аникей* (канон. *Иоанникий*) (*Аникеевщина*), *Юрий* (канон. *Георгий*) (*Юраны, Юрково* (2), *Юрковщина* (3), *Юровичи* (2), *Юрово, Юрцево, Юрчёнки, Юрши, Гогово*) и др.

Необходимо отметить, что в ряде случаев, несмотря на наличие отличительных черт, разграничить христианские имена по конфессиональному признаку достаточно сложно. Так, к древнееврейскому имени *Иоанн* восходят русское православное *Иван* и польское католическое *Jan*. Оба антропонима нашли отражение в ойконимии региона. От личного имени *Иван* и его вариантов образовано 10 названий населенных пунктов: *Иваново* (4), *Ивановка* (2), *Ивановщина* (2), *Иванск* и др.; именем *Ян* мотивированы 18 ойконимов: *Яново* (10), *Яновщина* (2), *Янино, Яновичи* и др. Если ойконимы с основой *Иван* можно отнести к названиям, опосредованно связанным с православной верой, то наличие единиц с основой *Ян*, по мнению В.М. Генкина, «заставляет думать и о других (не конфессиональных) факторах активности данного имени». К таким факторам исследователь относит способность имени *Ян* выступать в качестве уменьшительной формы ряда мужских и женских имен (*Аверкий, Ариан, Баян, Северьян, Гордиан, Стоян* и т.д.), а также широкую популярность данного антропонима в народном именнике белорусов» [12].

Православное имя Михаил и его варианты легли в основу 15 ойконимов: *Михайлово* (3), *Михайловщина, Мишутино, Мишутки, Мишуты* и др., что указывает на связь данных названий с православием. Региональные формы *Михал, Михаль* отмечены в основах 8 названий населенных пунктов: *Михали* (5), *Михалиново* (2), *Михалово* (3), *Михалина, Михалинка, Михалполье, Михалишки, Михальцы*. По мнению Н.В. Бирилло, отмеченные региональные формы восходят к польскому католическому имени *Michał* [6], что позволяет отнести назва-

ния с основами *Михал, Михаль* к названиям, связанным с католицизмом.

Разграничение христианских имен по конфессиональному признаку, и, соответственно, классификация производных от них ойконимов возможны лишь с привлечением исторических данных, позволяющих восстановить сведения о конфессиональной принадлежности реального человека, чье имя легло в основу ойконима. На данный факт указывает В.М. Генкин, предлагая привлекать данные о местоположении населенного пункта для классификации отантропонимных наименований. Исследователь указывает на факт концентрации католического населения в основном на северо-западе области, что объясняется этническими и географическими (близость к Прибалтике), а также историческими причинами (с 1660 по 1772 г. указанная территория входила в состав Польши). Однако, по мнению исследователя, «абсолютизировать факт местоположения населенного пункта как главный признак соотношения ойконима с католическим или православным именником категорически нельзя» [12].

Исследование фактического материала выявило опосредованную связь ойконимов, сформированных на базе православных и католических имен, с двумя христианскими конфессиями (православием и католицизмом), что позволяет сделать вывод о способности данных ойконимных единиц объективировать информацию как персонажного, так и духовного кодов.

Названия-посвящения возникли во второй половине XX века в результате переименований, целью которых было увековечить память об общественных и политических деятелях, ученых, героях Отечественной войны 1812 года, Гражданской и Великой Отечественной войн.

Память об одном из организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 года в России В.И. Ленине увековечена, предположительно, в названиях населенных пунктов *Владимировка* (до 1964 г. *Церковище*) и *Ильичёвка* (до 1964 г. *Старобобылье*) Витебского района Витебской об-

ласти.

В 1964 г. в честь общественных и политических деятелей А.В. Луначарского и Я.М. Свердлова населенным пунктам *Слобода-Дисна* Верхнедвинского района и *Попихово* Витебского района Витебской области присвоены названия *Луначарское* и *Свердлово* соответственно.

Фамилии известных русских ученых-естествоиспытателей К.А. Тимирязева и М.В. Ломоносова легли в основу ойконимов *Тимирязево* (Сенненский район Витебской области) и *Ломоносово* (Городокский район Витебской области).

В честь героя Отечественной войны 1812 года Я.П. Кульнева, героев Гражданской войны В.И. Чапаева и В.М. Азина населенные пункты *Церковище* Россонского района, *Красилровка* Верхнедвинского района и *Белое* Полоцкого района Витебской области переименованы в *Кульнево* (1964 г.), *Чапаевский* (1958 г.) и *Азино* (1975 г.).

Память о Герое Советского Союза Д.Д. Погодине, участнике испанской войны 1936–1939 годов и Великой Отечественной войны, увековечена в ойкониме *Погодино* Дубровенского района Витебской области (до 1945 г. *Коровино*).

Названия-посвящения в честь исторических личностей являются выразителями персонажного и духовного кодов, так как имена известных общественных деятелей, ученых присутствуют в сознании носителей языка как символы культуры и являются неотъемлемой ее составляющей.

Заключение. Таким образом, персональный код культуры объективируется в ойконимии Белорусского Поозерья при помощи трех групп названий населенных пунктов: 1) ойконимы, сформированные на базе древних славянских имен; 2) ойконимы, сформированные на базе канонических православных и католических имен; 3) названия-посвящения. Наряду с персональным, в отантропонимных ойконимах реализуются предметный, растительный, животный, антропоморфный, гастрономический, метеорологический, вещественный, числовой, операционный и духовный коды.

Литература

1. Культурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под науч. ред. Г.В. Драча. – 11-е изд. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 576 с.
2. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
3. Беларуская міфалогія: энцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 2004. – 592 с.
4. Мезенко, А.М. Урбанонимия как язык культуры / А.М. Мезенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 24(63). – № 2. – Ч. 1. – С. 388–392.
5. Толстая, С.М. К понятию культурных кодов / С.М. Толстая. – <http://ethnolinguistica-slavica.org>.
6. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія 1: Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1966. – 328 с.
7. Лемцюгова, В.П. Тапонімы распаўядаюць: навукова-папулярныя эцюды / В.П. Лемцюгова. – Мінск: Літаратура і мастацтва, 2008. – 415 с.
8. Мезенка, Г.М. Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць: манаграфія / Г.М. Мезенка, В.М. Ляшкевіч, Г.К. Семянькова. – Віцебск: Выдавецтва УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2006. – 238 с.
9. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія 2: Прозвішчы, утвораныя ад апелатыўнай лексікі / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.
10. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М., 1989–1991. – Т. 1–4.
11. Юрэвіч, У. Слова жывое, роднае, гаваркое... / У. Юрэвіч. – Мінск: Юнацтва, 1992. – 271 с.
12. Генкин, В.М. Ойконимы Витебщины, сформированные на базе православных и католических имен / В.М. Генкин // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica: VIII Міжнар. навук. канф. «Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства»: у 2 ч., Віцебск, 22–24 кастр. 2009 г. / Віц. дзярж. ун-т; рэдкал.: Г.М. Мезенка (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА «ВДУ імя П.М.

Машэрава”, 2009. – Ч. 2. – С. 21–25.

Поступила в редакцию 05.10.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.

ПАМЯТИ ДРУГА И УЧИТЕЛЯ

Европейская лингвистика понесла тяжелую утрату: 4 декабря 2011 года на 82-м году ушла из жизни Вероника Николаевна Телия, ученый с мировым именем, выдающийся фразеолог-классик, яркая творческая индивидуальность, автор фундаментальных исследований по русской семантике и фразеологии, лингвокультурологии и когнитивной лингвистике.

Мне посчастливилось познакомиться с ней в середине 70-х годов: она читала лекции в Твери (тогда Калинин) на ПФК преподавателей вузов, где я была слушателем. После многочасовых бесед мы подружились. Постепенно ее московский дом стал для меня родным. Она всегда была бескомпромиссным критиком моих работ, предельно доброжелательным и язвительным одновременно. Именно ее «суд» для меня всегда был самым важным, большего человеческого участия я в своей жизни не встречала. Настоящий друг, способный в любую минуту подставить плечо (таким был ее приезд на защиту моей докторской диссертации в 1991 году в Минск), она была образцом для подражания не только для меня, но и для многих коллег и друзей. И хотя моим учителем в прямом смысле она не была, но я всегда пыталась строить свою жизнь «по Телия».

Основная заслуга Вероники Николаевны, как мне кажется, в том, что ей удалось перевести фразеологию с таксономической системно-структурной парадигмы в новую – антропоцентрическую – и разработать одно из самых плодотворных в XXI веке направлений – лингвокультурологическое, в котором язык рассматривается как культурный код нации, а не просто орудие коммуникации и познания. С позиций антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем. Многочисленные языковые подтверждения тому, что мы видим мир сквозь призму человека, это метафоры типа: *солнце село, тень легла, метель разыгралась, дождь стучит по крыше, ручей бормочет, метель укутала людей, снежинки пляшут, звук уснул, сережки берез* и др. Особенно впечатляют яркие поэтические метафоры-образы: *мир, пробудившись, встрепелся; лениво дышит полдень; лазурь небесная смеется; свод небесный вяло глядит* (Ф. Тютчев). Фундаментальные основы такого подхода были заложены трудами В. Гумбольдта и А.А. Потебни и других ученых. Например, В. Гум-

больдт утверждал: «Границы языка моей нации означают границы моего мировоззрения».

В.Н. Телия внесла большой вклад в теорию номинации: в описание общих закономерностей образования языковых единиц, в разработку роли человеческого фактора в выборе признаков, лежащих в основе номинации, в исследовании языковой техники номинации, а также в разработку теории вторичной номинации, отличительным признаком которой является использование комбинаторной техники языка в процессе формирования новой номинативной единицы. Вероника Николаевна справедливо отметила, что в основе всех видов вторичной (косвенной) номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления, а в самих процессах номинации формируется и семантика языковых единиц, и их способность указывать на фрагменты мира в реальных актах.

В.Н. Телия пыталась найти ответы на многие вопросы: почему можно думать о чувстве как об огне или холоде и говорить о *пламени любви, жаре сердец, тепле дружбы, морозе, пробежавшем по коже от страха* и т.д. Осознание себя «мерой всех вещей» дает человеку право творить в своем сознании антропометрический порядок вещей, который она и исследовала. Этот порядок, существующий в голове, в сознании человека, определяет его духовную сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей.

Научная щедрость, потрясающая честность, сочетающиеся с высоким интеллектом и интеллигентностью, позволили заложить фундамент научной школы проф. В.Н. Телия – известной в России и за рубежом как Московская школа лингвокультурологического анализа фразеологизмов (MSLCFraz), или кратко – Московской фразеологической школы.

В.Н. Телия и ее учениками исследуются языковые сущности с позиции рефлексии носителя живого языка, т.е. это взгляд на владение культурной семантикой непосредственно через субъект языка и культуры. Лингвокультурология «ориентирована на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке» (Телия, 1966. – С. 222). Эта концепция близка позиции А. Вежбицкой (Lingua mentalis) – имитации речедетельностных ментальных состояний говорящего.

В.Н. Телия, обладающая мощным интеллектом, не только поставила важные вопросы в проблеме взаимодействия языка и

мышления, но и смогла ответить на них. Так, если принять постулат о том, что язык и культура взаимосвязаны (а это две разные семиотические системы), то нужно искать ту промежуточную сущность, с помощью которой осуществляется эта связь. Разные авторы обозначили эту сущность различными терминами – лингвокультурема, логоэпистема и др., однако, назвать явление еще не значит понять его онтологию и механизмы, это удалось сделать лишь Веронике Николаевне, предложившей понятие *культурной коннотации*. Это такой промежуточный элемент, который обеспечивает онтологическое единство языка и культуры, это идеальное, прикрепляющее культурную информацию к языковому знаку. Эта гипотеза была выдвинута применительно к фразеологизмам-идиомам и фразеологическим сочетаниям (Телия В.Н., 1996. – С. 215–237), что позволило современной фразеологии выйти на новые рубежи в изучении специфики фразеологизмов как знаков языка и культуры. В наиболее полном виде культурные представления закрепились в ФЕ, пословицах, поговорках, составляющих особый культурный фонд народа, потому что, как справедливо заметила В.Н. Телия, «система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» (Телия, 1996. – С. 215).

Именно Веронике Николаевне удалось понять механизм того, как объекты реального мира (*мост, гвоздь, лес* и под.), помимо выполняемых ими прямых функций, приобретают в культуре знаковую функцию, т.е. становятся носителями дополнительной информации (*мосты дружбы, гвоздь программы, лес рук*). Как утверждает В.Н. Телия, «содержание культурной коннотации, в отличие от собственно языкового спектра – рационально-оценочного, эмоционального, функционально-стилистического, вычерпывается из референции к предметной области культуры. В культурной коннотации языковые сущности играют роль символов, эталонов, мифологем и других видов знаков симболической (в смысле В.Н. Топорова) «языка» культуры. Поэтому их интерпретация должна осуществляться в пространстве концептосферы культуры» (Телия В.Н., Дорошенко А.В., 2010: 7).

Еще одно чрезвычайно продуктивное для современной лингвистики понятие, разрабо-

танное В.Н. Телия, – *культурный код*. Понятие кода пришло из семиотики. Кодом задается значимость знака, а интерпретатор (воспринимающий) эту информацию расшифровывает. Правила прочтения задаются культурой, поэтому код вырабатывается и функционирует в культуре. Под кодом культуры

В.Н. Телия понимает как источники «окультуренного мировидения (живыми существами, артефактами, ментефактами), которые явились предметами культурного их осмысления и оценивания в контексте культуры и которые служат своего рода «обозначаемыми» собственного культурных знаков, которые и лежат в основе троичного осмысления языковых сущностей, представляя собой «подоснову» культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа» (Телия В.Н., Дорошенко А.В., 2010: 8). Коды культуры формируют национальную картину мира, являясь одновременно и репертуаром сигналов и способом структурирования культурного знания.

Коды культуры связаны с древнейшими архетипическими и мифологическими представлениями о мире. Они универсальны как феномен, свойственный человеку разумному и культурному. Не только культура, но и язык выступает как совокупность различных кодов.

Выделяют целый ряд кодов культуры: космогонический (*быть на седьмом небе*), соматический (*голова колонны, третий глаз*), пространственный (*слева, верхний*), временной (*на октябрьские, перед Рождеством*), предметный (*угол преткновения*), зооморфный (*львы, орлы в геральдике*), природно-ландшафтный (*рукав реки, подошва горы*), архитектурный (*храм науки*), гастрономический (*мед, соль земли*), обонятельный (*запах крови, пахнуть войной, дохнуло страхом*), код одежды (*до положения риз, засучив рукава, родиться в рубашке*) и др. Именно эти коды являются базовыми и соотносятся с архетипическими представлениями русской культуры.

Будучи не только ученым-энциклопедистом, но ученым-практиком (не случайно она часто цитировала В.В. Виноградова об особом даре лингвиста – писать грамматику и составлять словари), она работала принципиально новый тип описания фразеологической системы русского языка.

Организаторский талант и талант лексикографа позволил ей вместе с группой учеников и единомышленников выпустить 2 словаря – «Словарь образных выражений русского язы-

ка» (М., 1995. – 466 с.) и «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» (М., 2006. – 788 с.). Оба названных словаря становятся образцом нового лексикографического жанра, который не имеет аналогов в русской фразеологической традиции.

В первом из названных словарей даны не только толкования фразеологизмов и грамматические сведения, но и разработаны необходимые режимы правильного употребления фразеологизмов в речи, т.е. ею предложена категория речевого стандарта, связанная с демократизацией языка на рубеже веков. Кроме традиционных дефиниций, словарь содержит смысловые и ситуативные подтолкования, разработана целая система эмоциональных, оценочных и стилистических помет, общая организация материала – тематическая. Иллюстративный материал впервые организован в рамках «Я-ты-он-грамматики» (Э. Бенвенист). К словарю прилагаются три указателя, позволяющие облегчить поиск нужного фразеологизма: «Тематический указатель идиом», «Алфавитный указатель идиом» и «Алфавитный указатель слов-компонентов». Все это делает данный словарь незаменимым при обучении русскому языку инофонов.

«Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий», вышедший на 10 лет позднее, являет собой доработанную и отшлифованную до блеска концепцию первого словаря. В нем представлены толкования значений 1500 наиболее употребительных фразеологизмов русского языка. Фразеологизмы описываются как знаки языка культуры, поэтому в толковании дается ситуация, в которой используется данный фразеологизм, и приводится ее свернутая формула, что позволяет правильно выбрать фразеологизм в обыденном общении. Примеры, взятые из всех жанров письменной

речи, в том числе – из Интернета, также указывают на особенности употребления фразеологизмов.

В словаре впервые представлена система символических значений, а также эталоны и стереотипы как знаки «языка культуры». Это принципиально новый тип фразеологического словаря. Тщательно разработанные статьи позволяют точнее реконструировать языковую картину мира, они расширяют знания о ментальном мире человека. Каждая словарная статья в нем – самостоятельный лингвистический жанр. Такой словарь должен стать основой для изучающих русский язык как неродной.

Таким образом, работы Вероники Николаевны, будучи абсолютно новаторскими в осмыслении того или иного языкового явления, становились классическими почти сразу же после выхода их в свет.

Бескорыстная самоотдача во всем – преданность науке, дисциплина мышления, дух подвижничества, влюбленность в язык и науку о нем – позволили Веронике Николаевне оставить богатое творческое наследие, в котором заложены целые пласты теоретически обоснованных, оригинальных, научно перспективных концепций, ориентированных на решение центральных проблем номинации, фразеологии, лингвокультурологии, лексикографии и др.

Влияние ее незаурядной личности на нравственную атмосферу коллектива, где она работала, трудно переоценить. В.Н. Телия были присущи высочайшая требовательность к себе, бескомпромиссность и одновременно доброта и понимание по отношению к другим. Ее высокие нравственные принципы, уважение к иным научным концепциям и направлениям, даже если они противоречили ее собственным установкам – все это составляло основу личности ученого-классика, только что ушедшего от нас.

В.А. Маслова,
доктор филологических наук, профессор

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:
 - индекс УДК;
 - название статьи;
 - фамилия и инициалы автора (авторов);
 - организация, которую он (они) представляет;
 - введение;
 - раздел «Материал и методы»;
 - раздел «Результаты и их обсуждение»;
 - заключение;
 - список использованной литературы.
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается короткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможности применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать

- не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
 11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
 12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).
 13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
 - реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;
 - название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;
 - домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;
 - рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;
 - экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.
 14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
 15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements:
 - UDK index;
 - title of the article;
 - name and initial of the author (authors);
 - institution he (she) represents;
 - introduction;
 - “Material and methods” section;
 - “Findings and their discussion” section;
 - conclusion;
 - list of applied literature.
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.

10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is nauka@vsu.by).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
 - summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;
 - title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;
 - author's home address, telephone number, e-mail address;
 - recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;
 - expert conclusion on the feasibility of the publication.
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn't mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 13

Компьютерный дизайн

Т.Е. Сафранкова

Корректор

Л.В. Моложавая

Подписано в печать 25.06.2012. Формат 60х84^{1/8}. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 27,20. Уч.-изд. л. 39,09. Тираж 100 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».
ЛИ № 02330 / 0494385 от 16.03.2009.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.